

Виктор Бронштейн

МАЯТНИК БИЗНЕСА

Между орденом и тюрьмой

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги — не только член Союза писателей России, но и ученый-социолог, а также предприниматель с большим опытом работы в промышленности и в бизнесе, страстный коллекционер современной сибирской живописи и скульптуры.

Захватывающие, как иной детектив, бизнес-истории с бандитскими опасностями 90-х и нынешних годов, с предательством и обманом близких помощников и партнёров, как российских, так и зарубежных, со взятками и налоговыми проверками переплавляются в душе автора не только в стрессы со скачками давления и бессонницей, но и в радости одержанных побед и весомых приобретений.

Кризис 2014 года, названный в книге украинским-мировым, впервые за 25 лет поставил вопрос о продаже или закрытии большей части бизнеса. Но как это совместить с судьбами любимых людей, со многими из которых отработано более десяти, а то и двадцати лет? Смягчают неприятности разве что весомые правительственные и местные награды, но не за достижения в бизнесе, где создано около полутора тысяч рабочих мест, а за культурно-просветительскую деятельность. А где радости и печали, там и стихи, причём не только самого автора книги, но и таких замечательных поэтов, как Юрий Кузнецов или Николай Зиновьев.

Свои размышления, представленные в этой книге, автор продолжает в не менее интересной второй книге — «Лабиринты судьбы. Между душой и бизнесом». В этом сочинении, кроме всего прочего, показана яркая встреча со скульптором мировой величины Даши Намдаковым, подтверждающая огромную роль мистического начала в нашей жизни.

- Виктор Бронштейн
  - Предисловие
  - Глава 1
    - Первые заработки и наследие предков
    - Родина «юного» капиталиста
    - Купил — продай
    - Батраз, Гайда и молдаване
    - Счёт на секции
    - На «Рояле» через Россию
    - Сахарный вход в областную администрацию
    - Первый арбитражный
    - Бабья, извиняюсь, хитрость, чуть не ставшая

роковой
- Опасно для жизни
- Свирские аккумуляторы и гибель директоров
- Подгоревший день рождения
- Сгоревшая «порядочность» офицера

○ Глава 2
- Оглушительная новость
- Все же не факт, что все сгорело
- А судьи кто?
- Ход, который должен переломить партию
- Опережая цунами
- Сказ про Кота Котофеича
- Чужая душа — потемки
- Тюрьма… за консультации
- Блеф или опасность?
- И опять всё непросто
- Подозрительная радость
- Банкротство

○ Глава 3
- Обидные для депутатов награды
- Через президентские выборы — к награде
- Дивиденды с высокого звания

○ Глава 4
- Первое знакомство
- Мебель от голландского доктора наук
- И опять мебель
- Горькие потери друзей на золотых «минах»
- Совместный бизнес и проданная дружба
- «Сваты»
- Опять не в цель
- Тренинг на грани миллиона убытков
- Кризис пенсионного возраста и фирмы
- Как украсть бизнес у самого себя?
- Как перегнать шлюпку на собственный пирс
- Где оно, духовное здоровье?

○ Глава 5
- Одушевлённые и неживые квартиры
- Овеянные дружбой квадратные метры
- Живительные стены «Вернисажа»
- Судебная война

○ Заключение

Виктор Бронштейн
Маятник бизнеса: между орденом и тюрьмой

Предисловие

Путь к достижениям в сфере предпринимательства у всех разный. На старте в конце 80-х — начале 90-х годов преимущество было у бывших цеховиков и спекулянтов, имевших унаследованные от социализма нелады с законом, но зато и начальный капитал, и множество неформальных связей с деловыми людьми. Несильно отставали от них и весьма проворные комсомольские вожаки, а позже и просто талантливые молодые люди, начинавшие с роли обычных «челноков». Моя дорога производственного мастера, а позже весьма молодого начальника цеха, заместителя директора по экономике, кандидата наук и автора книг по социологии не очень типична.

Заводу в пору моего карьерного взлёта было около сорока лет. Родился он до войны и, казалось, что, как и потребность в вооружении, будет вечно. Но увы! Сегодня на месте огромного завода — торговля импортным шмотьём, голливудские фильмы и развлечения. Но и этот импортный рай может в ближайшее время рухнуть. Стоимость валюты в конце 2014 года, по моим ощущениям, вплотную приблизилась к гибельной отметке. Мощная волна безработицы, зародившаяся ещё накануне украинских событий, но усиленная ветрами с Крыма и Донецка, раздутыми заокеанскими «друзьями», возможно, захлестнёт торгово-развлекательные центры и, выплеснувшись из них, может смести благополучие и спокойствие и богачей, и бюджетников.

Господи, как иррациональна эта ситуация с позиции недавней социалистической стабильности, когда главный дефицит выражался в нехватке рабочих, специалистов! Правда, оборотной стороной социалистической стабильности были талоны на все основные продукты питания и отсутствие промтоваров. Но для нас, не знавших благополучия других стран, такая жизнь была нормой. Мы были молоды, полны оптимизма и верили в мудрость коммунистической партии и советского правительства. Теперь же, увы, нет веры никому и ни во что.

Вечным, по моим ощущениям, был не только сам завод, но и его руководители, весьма колоритные, незаурядные и не похожие друг на друга личности. Особенно выделялись директор Николай Кириллович Довченко и главный инженер Рэм Михайлович Манн.

Директор был высокий мужчина с густыми мохнатыми бровями и пронзительным взглядом умных тёмно-коричневых глаз. Его манера степенного говора с характерным нажимом на букву «о» не оставляла сомнений в том, что он украинец и по национальности, и по духу. Действительно, родился он в городке

с милым, завораживающим названием Белая Церковь, окончил Одесский университет по специальности «радиофизика» и распределился в Сибирь.

Главный инженер — еврей по национальности — был во многом противоположностью директору. Родился в Иркутске, по образованию инженер-механик, громкоголосый, не брезгующий острым русским словцом, не особенно статный, но зато более стремительный и энергичный, взрывной, но отходчивый, тоже с карими, но не такими пронзительными и яркими глазами, с характерным римско-семитским носом. Он также был типичным представителем своей национальности. Помню, как в одну из штурмовых ночей, ближе к утру, столкнулись мы с ним в сборочном цехе, и Рэм Михайлович поведал мне свой трудовой путь. А рассказать ему было о чём. Начинал он на нашем заводе в 15 лет автослесарем, когда по России громыхали немецкие танки. В 16 его повысили до водителя машины, работающей на дровах, причём ему выпал завидный жребий возить легендарного первого директора завода, самого Александра Александровича Ежевского, будущего министра сельскохозяйственного машиностроения СССР. Вся жизнь главного инженера прошла на одном предприятии. Совпало или нет, но с его уходом любимый завод сразу же рухнул и бесследно растворился в водовороте рынка.

Колоритным украинцем, как и директор, был его заместитель по производству — Валерий Кучменко. Его высокая фигура, статная выправка мастера спорта по велогонкам, а главное, густой бас, похожий на медвежий рык, наводили буквально страх на многочисленную рать заместителей начальников цехов по производству и диспетчерский аппарат. Повиновение ему было абсолютным.

Основные инженерные службы возглавляли также довольно яркие личности, причём еврейской национальности. Главный конструктор Владимир Фридман, главный технолог Арон Коган, заместители Ефим Миркин и Марк Погребинский — все они были весьма уважаемыми людьми. Антисемитизма в заводской среде не было никогда. Грешили этим качеством разве что писатели. Не случайно их организация раскололась из-за публикации «протоколов сионских мудрецов» на два лагеря. Не поручился бы я в этом плане за духовенство, но особенно за партийных работников, определяющих кадровую политику. Одного из моих товарищей национальность всё-таки подвела. Заведующий машиностроительным отделом обкома КПСС, курирующий оборонную промышленность, не рекомендовал утверждать в должности заместителя главного инженера М. Погребинского. Он полагал, что главный инженер и так допустил явный перебор.

Дело дошло до того, что у Марка, действительно прекрасного специалиста, до глубины души задетого вселенской несправедливостью, начались серьёзные сбои в организме и с давлением, и с ритмом сердца. Промучив кандидата на должность более полугода, обком партии всё же сдался и позволил утвердить очередного еврея, строго предупредив главного инженера о необходимости более взвешенной кадровой политики.

Среди руководителей производства такого перебора не было, да и места там были весьма горячие, поэтому на мою фамилию никто не обращал внимания, хотя, впрочем, мать у меня, Ольга Андреевна Миронова, была русской. Назначение меня, вчерашнего студента, хотя и ленинского стипендиата, прошедшего всего лишь годовую школу старшего мастера и полугодовую — заместителя начальника цеха, руководителем одного из самых крупных (более 600 человек) и отстающих цехов, было очень смелым и рискованным шагом авторитетного директора. В ту пору, восприимчивый ко всему новому, я очень многое успел почерпнуть и у еврейско-украинской команды умнейших руководителей завода, и, что не менее важно, у опытнейших мастеров своего цеха. Буквально все мои мастера были так называемые практики, то есть без высшего образования, выходцы из рабочих, но с богатым опытом и знанием жизни. Через полтора-два года работы настоящей сенсацией на заводе стало вручение моему цеху переходящего Красного знамени за победу в социалистическом соревновании. Причём проходило это мероприятие весьма торжественно в Музыкальном театре, и шёл я со знаменем под шквал аплодисментов через весь зал по ковровой дорожке, как в будущем хаживали губернаторы во время инаугурации.

Двенадцатичасовой, а в последние дни каждого месяца и круглосуточной эффективной работой я оправдал ожидания директора и вывел отстающий сварочно-штамповочный цех, мёртвой хваткой держащий смежные сборочные цеха, из прорыва.

Сегодня, спустя десятилетия, имея высокие областные и даже правительственные награды, то Красное знамя, вручённое мне, молодому специалисту, оставшемуся навсегда в далёких семидесятых годах, считаю самой важной наградой, вырванной в тяжелейшей борьбе. Нередко во сне я возвращаюсь и в свой родной цех, и в свою мелькнувшую юность. Стоит закрыть глаза, и на нейронном экране памяти легко оживают события и люди тех, ставших уже далёкими, лет.

Вижу поразившие меня при первом свидании с заводом фонтаны и благоухающие клумбы цветов. Вижу ослепительные

всполохи сварки, слышу бесконечные удары сотен прессов, сливающиеся в резкую и громкую непрерывную музыку, где солирует четырёхсот-тонный, самый большой на заводе пресс. Вижу просторный кабинет, расположенный на антресолях внутри цеха без вида на улицу, но зато с вечерними лучами заходящего солнца, долетающими из цеховых фонарей вдоль всей крыши огромного корпуса. Вижу и почти старинный письменный стол с зелёным сукном, хранящий тепло рук немалого числа моих предшественников. Старожилы утверждали, что когда-то стол верой и правдой служил первому директору завода, будущему министру А. А. Ежевскому. Моему большому успеху, возможно, способствовал и этот мистический стол, и утренние полуторачасовые пешие переходы из центра города до заводской окраины, и зашкаливающие трескучие морозы, и восходы слепящего своей золотистой и вечной энергией солнца, разрывающего предутренний вселенский голубоватый мрак. Как фантастически далеко было тогда до гибели предприятия, до крушения СССР и до моей сегодняшней зрелости!

Я не забуду клумбы у фонтана,
Взирал цветами утренний завод,
Как шли мы в бой к вершинам трудным плана,
А поздней ночью звёздный небосвод
Встречал прохладой победивший взвод.
Вдруг тишиной пронзили перемены,
Завод железным кладбищем замёрз.
Сам госзаказ стал знаменем измены.
И с треском выстрелов, лишённый грёз,
Кровавый рынок жизнь цехов унес.

Кроме знамени, мне, как самому заслуженному молодому специалисту и начальнику цеха, директор лично выделил прекрасную для тех времён трёхкомнатную квартиру в микрорайоне Юбилейный, который, правда, считался отдалённым, но отдалён он был только от центра города, зато рядом был лес и заливы Иркутского водохранилища. Прекрасное место и прекрасный старт!

После четырёх лет работы в цехе главный инженер пригласил меня на освободившуюся должность своего заместителя, но не срослось. Возможно, подвела фамилия, но скорей всего, против моей кандидатуры был уже новый, достаточно молодой директор, видевший во мне со временем возможного конкурента. Поэтому вместо повышения партком и дирекция склонили меня возглавить следующий, теперь уже сборочно-аппаратурный цех. Мои

возражения, что я по образованию далёк от радиотехники, во внимание не принимались, пришлось уступить. Через несколько месяцев, как раз к Новому году, цех произвёл буквально фурор, существенно перевыполнив план и обеспечив большой задел передатчиков. Такого не было практически никогда. Но примерно через год стало очевидно, что заготовительные цеха не дают мне развернуться в полную силу. Деталей, в том числе и от моего бывшего цеха, хронически не хватало. Директор вместо повышения предложил мне вернуться назад, в свой первый цех. Я отказался, но стало совершенно ясно, что из замкнутого круга цехов при этом директоре мне, пожалуй, не вырваться.

И здесь как нельзя вовремя появился шанс предпринять обходной манёвр. На завод пришло место в заочную аспирантуру при Институте социологии Академии наук СССР. Руководитель службы кадров по секрету от директора предложил это место мне, а не своему, не очень любимому им, бородатому социологу, который, как выяснилось, и заказывал место в аспирантуру. Я согласился, загадав, что если заранее сдам кандидатский экзамен по самому трудному для меня предмету — немецкому языку, то легко и быстро защищу диссертацию. Так оно, с Божьей помощью, и получилось. Ко мне, как к молодому, но успешному производственнику, приёмная комиссия по языку была снисходительна. Начальников цехов в их практике просто никогда не встречалось.

На заводе мне удалось создать довольно престижную для отрасли и для Иркутской области социологическую службу. Правда, моя зарплата похудела почти в два раза, но вскоре удалось компенсировать потери совместительством в институте, ведением практики студентов и неплохо оплачиваемым руководством дипломными проектами. Оплата за одного дипломника была примерно равна стоимости авиабилета до Москвы, а их у меня было до 10–12 человек. Летай — не хочу!

К концу аспирантского срока столкнулся я и с первым, запрещённым в ту пору, предпринимательством, правда, довольно простым. Отца наградили талоном на приобретение дефицитнейшей, почти правительственной машины той поры «Волга» ГАЗ-24. Мне удалось назанимать огромную сумму денег, вплоть до ссуды на строительство дачи, и приобрести машину-мечту. В 30 лет я оказался, пожалуй, опять самым молодым в городе волговладельцем. Но долги за машину я отдавал, зарабатывая ночным извозом. Частной конкуренции в далёкие 80-е годы почти не было, такси в дефиците, иномарок ноль, дороги свободные, поэтому и заработки были весьма приличные. В неделю получалась почти месячная зарплата заводского

специалиста, а в ноябрьские праздники, когда заканчивались сезоны в геологических партиях, в артелях старателей и на сельхозработах, появлялось множество неприкаянных подвыпивших мужиков, и ночные, правда, небезопасные заработки доходили до месячного оклада. Заработанных денег хватало и на планомерную отдачу долгов, и на ежегодные поездки всей семьёй к тёще в цветущую Керчь на Чёрном и Азовском морях советского Крыма.

Но самой большой радостью уже тогда являлось творчество. Бесспорное признание моих научных заслуг выражалось в публикациях. Вначале — в тезисах местных конференций, а позже — во всесоюзных журналах «Социологические исследования», «Социалистический труд», «ЭКО» («Экономика и организация промышленного производства»). Нередко меня как молодого учёного приглашали на весьма представительные конференции и международные симпозиумы в Новосибирск, Москву, Кишинёв и т. д. Выступал я и на партийных конференциях. Один раз меня взял на заметку даже хозяин Иркутской области, сам первый секретарь обкома КПСС Н. В. Банников. Его помощники с ходу предложили мне весьма престижное выступление на учебе главных руководителей областного масштаба. Позже я узнал, что серьёзно обсуждался вопрос о переводе меня в аппарат обкома партии, но что-то там не срослось.

Следующая моя производственная ступень — должность заместителя директора по экономическим вопросам, но уже на другом оборонном предприятии — заводе «Востсибэлемент» в г. Свирске. На этой должности я обрёл бесценный опыт отстаивания интересов жизнедеятельности завода и работы с московским чиновничеством. Защищать в главке и министерстве нормативы образования всех экономических фондов, в том числе и фонда заработной платы, было весьма непросто. Кроме экономических выкладок активно использовал я и такой весомый аргумент, как цветы и конфеты — женщинам, а коньячок — мужчинам. О денежных взятках или каких-то «откатах» в пору младенческого капитализма не было и речи. Спустя ряд лет, когда в разгар социалистической перестройки предприятия активно переходили на две модели хозрасчёта и самофинансирования, не получился мой, почти уже решённый, перевод в Москву на должность заместителя начальника главка Министерства электротехнической промышленности по экономике. И тогда, вместо главка, я решил вернуться в Иркутск на ту же, что и в Свирске, должность, на завод при Объединении тяжёлого машиностроения.

Экономика с 1988 года как раз начинала интенсивное

падение в дикий рынок. Появились и первые кооперативы, и так называемые арендные предприятия, и даже биржи, и начали гулять незаработанные шальные деньги. Не было только чёткого законодательства, регламентирующего деятельность новой экономики. Появившиеся позже отдельные постановления гайдаровского правительства плохо сообразовывались со здравым смыслом. Подобно страшному пожару, вспыхнула гиперинфляция, и сбережения граждан вслед за фабриками и заводами с убийственной скоростью полетели в тартарары.

Примерно в этот период экономического хаоса и бандитского беспредела с опасной поездки на Камчатку в октябре 1991 года и родилась моя фирма с непонятным для многих грозным названием — научно-производственная фирма «СибАтом». Даже «сквозь магический кристалл» (выражение А. С. Пушкина) вряд ли я смог бы тогда хоть краешком глаза разглядеть опасности и победы, многочисленные предательства помощников и друзей-партнёров, а также жутковатые налоговые проверки, которые всегда могли завершиться разорительными штрафами, а то и уголовными делами. Не предполагал я, что, пройдя через суровые испытания становления фирмы, уже через несколько лет приобрету тысячи квадратных метров производственной недвижимости, построю немало квартир в родном городе. Обзаведусь недвижимостью в самой Москве, а лет через десять после старта активно займусь заброшенной ещё в детстве поэзией, а также культурно-просветительской, меценатской деятельностью и страстным коллекционированием картин и скульптур сибирских авторов. И уж совсем неожиданно для российских предпринимателей получил я правительственные награды и высокое звание почётного гражданина родного города.

Глава 1
Памятные вехи начала предпринимательства

Первые заработки и наследие предков

Первый мой «капиталистический» заработок пришёлся ещё на пору самого крепкого социализма 60-х годов, когда мне было лет тринадцать. Голодный социализм и коммунистическая партия с комсомолом, пионерией и богочеловеком в лице Ленина казались вечными, как и СССР.

Для себя и друзей-подростков я придумал немудрёную схему заработка на футбольных и хоккейных матчах на стадионе. Не в пример сегодняшним телевизионно-компьютерным временам, раньше центральный городской стадион «Труд», построенный на месте сгоревшего в 1951 году деревянного гимнастического городка «Авангард», буквально ломился от зрителей. Очереди в кассу были огромные, в том числе и перед самым началом матча, вот я и подумал, что можно ведь их уменьшить, да ещё и заработать на этом. Из этой благой мысли и родилась идея первой схемы добывания прибыли.

Мы заблаговременно покупали по 5–6 детских (копеек по 20) билетов на каждого, по ним заходили на стадион, но затем, взъерошив волосы и напустив на себя взрослую небрежность, в небольшой толпе выходили мимо загруженных и не очень глядящих на лица билетёрш, получая от них единую для детей и взрослых контрамарку, дающую право вернуться на стадион. С ней мы спешили к концу очереди в кассу и продавали контрамарку примерно за полцены, но уже, естественно, взрослого билета, то есть копеек за семьдесят. После этого вновь заходили на стадион по другому билету. И так несколько раз. Копеек пятьдесят с билето-захода и два-три рубля со всех — очень жирный заработок, особенно если учесть, что обычное мороженое стоило от 10 копеек, а дорогое «Ленинградское», в шоколаде, — 22 копейки. Бутылка барахляного вина — один рубль семь копеек, а «хорошего», типа «Адама» или «777», — полтора-два рубля. И уже отличное болгарское вино, типа «Варна», «Медвежья кровь», стоило примерно два рубля с полтиной. Видимо, наш заработок получил и широкую мировую известность. Во всяком случае, за рубежом вместо контрамарок теперь ставят штамп на руку и только по нему пропускают повторно.

Но не только с лёгкими заработками познакомило детство. В шестнадцать лет я с трудом отпросился у родителей в геологическую партию на север области и отвкалывал там четыре месяца маршрутным рабочим, да так, что многим, проживающим век на городских асфальтах, и не снилось. Чего стоили многокилометровые переходы без троп по глубоким мхам,

бесконечным болотам и марям, да ещё с падающими в воду от усталости, а иногда и по хитрости, навьюченными лошадями. Тогда их тяжеленные тюки килограмм по 40–50 мы закидывали друг другу на плечи; не раз в болотах падали так же и мы, насквозь промокшие шестнадцатилетние «работяги», ещё недавно гордящиеся своей спортивной выправкой и молодецкой закваской. Зато окончание этих переходов, да ещё с единственно доступным десертом — сгущёнкой из продырявленной баночки, да в сухой палатке, — дарило ни с чем не сравнимое райское блаженство.

Довелось мне и ещё раз повторить свой «партийный» опыт, но уже в двадцать лет в геодезической партии в камчатской глубинке, в Корякском автономном округе.

Так что из юности я вышел знакомым и с лёгкими, но больше с весьма тяжёлыми деньгами, и со сверхнапряжённой учёбой на инженера-механика, да ещё и с Ленинской стипендией.

Всё это сформировало умение вкалывать, а пассионарные качества (по Льву Гумилёву), позволяющие осваивать всё новые и новые континенты самой разнообразной деятельности — от шофёрской до научной и предпринимательской, — передали мне баргузинские предки, купцы, золотопромышленники Угловы, а позже и Бронштейны. Прадед Семён Бронштейн прекрасно играл на скрипке, а его жена Зинаида Углова отличалась большой практической жилкой, присущей её роду, и непокорным характером. Её дети — мои деды Бронштейны, — если бы не революция, то явно могли бы продолжить Дело. Отец и дядя, так же как я и мой двоюродный брат, добились немалых успехов в директорстве и предпринимательстве.

Гуляя по берегам Байкала, я часто чувствую присутствие своих предков где-то рядом. Не зря считается, что воды священного озера обновляются полностью только за триста лет, и байкальский ветер обычно отвечает мне, когда я прокричу приветствие своей давно ушедшей родне. После таких походов и обращения к предкам даже пишется совершенно иначе. Некоторые стихи приходили буквально на одном дыхании. Например, «Прозрение»:

На гребне прибайкальских гор,
Вступив с порывом ветра в спор,
Просил у предков я прозренья,
Чтоб, словно молния в простор,
Пронзая суету и вздор,
Врывался луч стихотворенья!

Или такое стихотворение, как «Прадеды»:

Породы блёклые сливая,
Вы мыли золото в ручьях.
Байкал, штормами промывая,
Лишь самых ярких оставляя,
Искал сиянье в мужиках.

В жестоких северных метелях
Заряд взрывался снеговой:
В сердцах вливая страха зелье,
Искал добычу подземелью
Под рвущий душу ветра вой.

Снега, взметаясь в буйных тучах,
Стирали звездный небосвод.
Кружился бесом снег колючий,
Обоз тонул в волнах кипучих,
Был снежный шторм, как буйство вод.

Молились люди и прощались –
Буран немало жизней смёл.
Но наши прадеды прорвались!
И храмы к небу поднимались,
И род купеческий расцвёл.

Дед по материнской линии Андрей Фёдорович Миронов — из рода московских интеллигентов; став одним из первых российских лётчиков, он стажировался во Франции и ушёл воевать против немцев за царя и Отечество в Первую мировую войну.

И хоть пересеклись мы с дедом всего на пять лет, но след в моей душе и в духовном развитии он оставил неизгладимый. Но об этом лучше скажут два посвящённых ему стихотворения:

Наследство
Сжёг лето яростный сентябрь
В кострах осенней позолоты.
А ключник времени — декабрь –
Глядит на новый календарь
Из убывающей колоды.

Тревожен жребий каждый раз,
С молитвой мы к судьбе взываем,

Чтоб сберегла родных и нас,
Чтоб нежный свет родимых глаз,
Как в детстве, был неисчерпаем.

С такими мыслями сроднясь,
Иду я к дате юбилейной,
Порой вздыхая и крестясь,
Порой старательно бодрясь,
Ищу, где сбился пульс вселенной.

В дыму цехов я в зрелость шёл,
Померк огонь, зажжённый детством;
Вихрь пятилеток путь замёл,
Но, заблудившись, я набрёл
На клад с негаданным наследством.

Богатство дед скопить сумел,
С эпохой сталинской сгорая.
Он надо мной лет пять корпел
И под гитару тихо пел,
В мелодиях любви купая.

Дед даже музу приручил!
Она пером меня коснулась,
Я вскрикнул, пробудясь в ночи,
Узрел поэзии лучи,
Страсть сочинять во мне проснулась.

Но дед, увы, был одинок,
С московско-царственной закваской.
Он завещал: «Держись, внучок,
За песню русскую и слог
И в мир ступай с мечтой и сказкой!»

Без деда я поплыл один
В тумане чуждых научений.
Всё комом шло, как первый блин…
Вдруг звоном колокола всплыл
Над жизнью хор стихов вечерний.

Утрата

«Ох, зябко домовому» — и с гимном в шесть утра
Ворчал дед: «Печку, братец,

чуть свет кормить пора.
Крещенский жмёт морозец. Бог даст,
так разожжём», –
А сам щипал лучины охотничьим ножом.

И вскоре треском радостным весь оживлялся дом,
Духовка нараспашку шла в комнату теплом,
Она, с хозяйкой, праздничный пирог
и хлеб пекла,
А на ночь груду валенок к скамеечке влекла.

Иной раз рядом грелись коньки, сродни саням,
Снегурки круткой к валенкам прилаживал дед нам.
А на окне подтаивал намёрзший городок,
Бутылки руслом тряпочным влекли к себе поток.

На гвоздиках бутылки менял я в нужный срок,
Сливать водицу талую — был первый мой урок.
А между рам снег ватный — дед так принарядил,
Чтоб без улыбки доброй никто не проходил.

Румяные молочницы кричали у ворот,
Манила счастьем улица нас в свой круговорот,
Поленницы шли в очередь под кров дровяников,
А круг точила рыжего грел щёки топоров.

И только трёхколёсник сквозь дрёму вспоминал,
Как тротуар дощатый нас скрипом принимал,
Как куры разбегались, потешно голося,
Как будто тоже деда о помощи прося.

В горячий летний полдень был тополь нам шатром,
Жар камешков гасила трава живым ковром,
В стихи и сказки деда душой влюблён был двор,
Но оборвала вечность негромкий разговор.

И в лётном синем кителе, в наградах, без погон,
Казалось, дед заслушался на дальний перезвон,
Впервые рядом с матерью я плакал не один…
Солёный привкус детства всё ближе у седин.

В крещенские морозы мне слышится с утра,
Как дед ворчит, мол, печку кормить — твоя пора…

Детство, хоть и тянулось бесконечно долго, увы, с позиции сегодняшнего дня, пролетело мгновенно, как и на первый взгляд бестолковая, но порой весьма напряжённая юность, а студенческо-заводская молодость упёрлась в зрелость 90-х годов.

Родина «юного» капиталиста

Начало 90-х годов прошлого столетия я встретил, имея немалый опыт работы на промышленном предприятии, обсуждённую докторскую диссертацию по экономической социологии и две книги, вышедшие в центральном издательстве с тиражом, который вряд ли был у кого-то из нынешних иркутских профессоров. Но в стране в это время был дан старт становлению дикого капитализма, отрежиссированного кем-то до полной потери здравого смысла и жалости если не к народу, то хотя бы к трудовым ресурсам. Несмотря на понимание беспредела, творимого в стране, я всё же принял решение выйти на весьма тернистую дорогу российского бизнеса, по которой сновали бессчётные бандитские группировки. О том времени ёмко и точно сказано в стихотворении Юрия Кузнецова «Тамбовский волк»:

России нет. Тот спился, тот убит,
Тот молится и дьяволу, и Богу.
Юродивый на паперти вопит:
— Тамбовский волк выходит на дорогу!

Нет! Я не спился, дух мой не убит,
И молится он истинному Богу.
А между тем свеча в руке вопит:
— Тамбовский волк выходит на дорогу!

Молитесь все, особенно враги,
Молитесь все, но истинному Богу!
Померкло солнце, не видать ни зги…
Тамбовский волк выходит на дорогу.

В городе было известно честное имя моего отца — бессменного в течение почти тридцати лет директора мясокомбината. Знали и меня как кандидата экономических наук и автора статей в местной прессе. Под этот багаж авторитета и гарантию моего приятеля — директора одного государственного предприятия — мне дали весьма внушительный кредит, оформленный в виде карманной книжки банка. Только после получения кредита, в реальности которого, будучи пессимистом-реалистом, я сомневался до последнего дня, пришлось всерьёз задуматься: «А что дальше?»

Один из новых знакомых Григорий предложил рвануть на

Камчатку — привезти самолёт красной рыбы. Мол, у него в Петропавловске нужные люди и полная гарантия того, что товар есть — плати и забирай. Сбыт рыбы тоже казался делом несложным, психология тотального дефицита была жива, основная задача — привезти товар.

Нашим компаньоном стал знакомый директора предприятия, где я продолжал работать, Юрий. Мы и с ним-то были знакомы шапочно, а с его другом Гришей и того меньше. Но выбора не было. В море новых, ранее теневых, отношений я был полный новичок. Григорий же ещё при социализме имел прочные связи с рынком, правда, вещевым, презрительно именуемым в ту пору барахолкой. При социализме его коллег по неформальному бизнесу обидно именовали спекулянтами и нередко душили уголовными делами. Но, несмотря на риск, его коммерческие связи ещё до перестройки упрочились и приобрели географический размах от Москвы до Камчатки.

В ту пору он не раз со сверхмодным и ходовым товаром, например с американскими джинсами, бороздил воздушный океан в качестве стюарда.

Но грянула перестройка, Гриша и его друзья-подельники и по джинсам, и по нелегальным видеосалонам в одночасье превратились из цеховиков-теневиков в готовых предпринимателей с завидным стажем и связями. Однако не для всех канувшая эпоха была безобидной — приятель Гриши по уголовному делу успел отсидеть год или два, обзавёлся широкими связями, проявил недюжинные способности, железную волю и вскоре получил почётное в их среде звание «вор в законе». Это звание, плюс ранний предпринимательский опыт, плюс победы в математических олимпиадах, свидетельствующие о незаурядности, позволили занять ему высокое в российских масштабах место в преступном мире, а позже и в бизнесе. По слухам, сегодня закрепилось за ним ещё более почётное в перевёрнутой с ног на голову России место недавно убитого «старосты» преступного мира — деда Хасана. Гриша иногда любит вспоминать совместные с возвысившимся другом деяния, как любят многие чиновники вспоминать о прежней дружбе с вышедшими из Иркутска знаменитыми руководителями правительственных корпораций и Генеральной прокуратуры.

Не надрывался на социалистических предприятиях и Юра. Ему после политехнического института удалось то ли купить, то ли по дружбе занять дефицитнейшее место директора штучных в ту пору автозаправочных станций. Работа с потоком наличных денег, вечными очередями и разведённым или расширяющимся при нагревании топливом приносила не только зарплату, но и

немалый доход. Во всяком случае, якобы выигранная в лотерею дефицитнейшая при социализме «Волга», а позже и, пожалуй, первый «Крузер» в Иркутске были у недавнего студента политехнического института.

Собственные деньги, с риском заработанные при социализме, давали вчерашним цеховикам немалые преимущества, когда бандитской стрельбой был дан старт капитализму и возможностям легального обогащения, в том числе через пародийные биржи, брокерские конторы и скороспелые банки.

Не без помощи заокеанских «специалистов» были срежиссированы какие-то жуткие правила экономической вакханалии. Инфляция — порой до 50 % в месяц, а допустимая наценка на продукцию для законопослушных и «зазевавшихся» на старте госпредприятий была не более 25 %. Правила продажи через брокеров на бирже не ограничивали наценку хоть до 1000 %. В результате предприятия не успели оглянуться, как остались без оборотных средств, а вчерашние школьники и спекулянты около пародийных бирж набили карманы.

Руководители социалистических предприятий, и собственно я сам, на какое-то время впали в ступор от иррациональности происходящего. Мы просто не могли участвовать в этом биржевом шоу. Казалось, что вот-вот горбачёвско-рыжковское правительство очухается и прекратит эту фантасмагорию, пересадив в тюрьмы всех разрушителей.

Но увы. Вместо этого вскоре напечатали миллионы или миллиарды ваучеров, своры «бойцов капиталистического фронта» бросились скупать их, где за бутылки, где за копейки, и поставлять дельцам уровнем выше, которые приобретали на них, как и было задумано, государственную собственность, созданную многими поколениями враз обманутых советских людей.

В горбачёвско-рыжковское и в ельцинско-гайдаровское время перестали оплачивать предприятиям, в том числе родным оборонным: Иркутскому радиозаводу им. 50-летия СССР и свирскому «Востсибэлементу», — даже выполненные государственные заказы оборонной техники. Предприятия оставались без последних оборотных средств, а рабочие — без средств существования, голодая, спиваясь и прячась в знак протеста в бессчётные могилы. Вот как образно высказался на эту тему Николай Зиновьев в стихотворении «Потерянное поколение»:

Вполне понятное явленье:
Портвейн мы пили, а не квас,
И вот теперь с недоуменьем

Глядит Христос:
Куда деть нас?
В аду мы вроде бы как были,
А в рай? Не место нам в раю.
И Он, нас отряхнув от пыли,
Засунул в пазуху Свою.
…А по земле пошло волненье:
Куда пропало поколенье?

В этот период всё в стране встало с ног на голову. Мальчик-брокер или кооператор сшибал денег много больше, чем зарабатывал генеральный директор крупного предприятия.

Сбережения стариков, и северян, и тех, кто копил всю жизнь на кооперативную квартиру или на автомобиль, в результате гайдаровской инфляции превратились в «ноль».

В этих социально-экономических условиях и готовилась наша экспедиция на Камчатку. Успешно отработав двадцать лет на оборонных предприятиях, я, естественно, не знал практически никого из дельцов то ли нарождающегося рынка, то ли разрушительного базара. Связующим звеном явился директор арендного предприятия товаров народного потребления при объединении «Иркутсктяжмаш». К нему на работу я переехал из Свирска примерно года за два до окончательного крушения экономики — в качестве специалиста по доживающим свой очень недолгий век моделям самофинансирования, а позже и по налогам. Знакомы мы были по политехническому институту, где я был студентом, а он преподавателем.

Впоследствии, когда к нам по обмену опытом, после моего выступления на уровне министра тяжёлого машиностроения, зачастили гонцы со многих предприятий отрасли, Сергеич, гордо восседая в кабинете у вечно кипящего самовара и потягивая почти чифир, представлял меня автором монографий, без пяти минут доктором наук, а о себе скромно добавлял, что учил меня ещё в институте. Это была истинная правда его гибкого ума, закалённого, с одной стороны, в лучших советских артелях золотодобытчиков, возглавляемых легендарным Вадимом Тумановым, а с другой стороны — Бутырками и зоной, карающей за преждевременный старт предпринимательства. За скобками правды о студенте и преподавателе стоял предмет обучения. Им были не математика, экономика или физика, хоть как-то стыкующиеся с моим нынешним статусом и достижениями, а, извиняюсь, бокс…

Пройдя через Бутырки и зону, где он занимал весьма

статусное и авторитетное положение, Сергеич тем не менее пригласил меня, чтобы вновь не попасть на этот проклятый и в его понимании круг. Огромные по тем временам зарплаты и по предприятию, и по кооперативу должны были выплачиваться максимально безопасно, желательно по закону. Основная прибыль зарабатывалась на пластмассовом литье, включая пуговицы и другую фурнитуру. Но на госпредприятиях на эту продукцию устанавливался налог с оборота и примерно 70–80 % выручки от продаж шло в бюджет государства. На арендные предприятия и кооперативы это правило архитекторы новой экономики распространить забыли, и все деньги шли в карман коллектива, в основном на зарплату главарей, но кое-что оставлялось и на развитие… Так что за три года моей работы вместе с «тренером» выросли мы очень неплохо. Впоследствии всё наработанное, и оборудование, и арендованный цех, «по понятиям» остались у главного, у директора. Никто и не претендовал. Хотя по закону о кооперации собственность принадлежала всему коллективу. Но «понятия» в России и в ту пору, да и сейчас намного выше любого закона.

Работа на маленьком предприятии в составе примерно трёх сотен человек, после многотысячных оборонных гигантов, была в каком-то смысле шагом назад, и отец ужасался, на что я трачу время, но, с другой стороны, «тренер» помог преодолеть жёсткие социалистические стереотипы и свёл меня с рыночными бойцами, которые должны были помочь в камчатском старте.

В общем, моя первая бизнес-бригада сформировалась, как в сказке: дедка за репку, бабка за дедку, внучка за бабку… вытянули «рыбку». Ещё один член нашей бизнес-группы, кажется, Сергей, тоже при социализме человек бывалый, а значит, опытный рыночник, дружил с аэропортом и мог в любой момент пригнать самолёт за рыбой.

Операция, при таком составе — из старых рыночных бойцов и меня как финансиста с немалым кредитом, была обречена на быстрый успех. Прибыль договорились разделить по справедливости, то есть поровну, не забыв про «тренера»-директора. По чековой книжке были приобретены билеты Иркутск — Хабаровск — Петропавловск-Камчатский, и мы с несокрушимым чувством оптимизма взмыли в небо.

Не прошло и суток, как нас приветливо встретила Камчатская земля. Лично я уже бывал здесь лет двадцать назад студентом, когда ездил в геологическую экспедицию. Правда, тогда опыт был не очень радостный — лётную погоду для маленького самолёта в Корякский автономный округ мы ждали недели две. Информации, как это у нас водилось, не было, и ночевали мы чаще прямо в

аэропорту. А когда сильно повезёт — в соседнем общежитии: спать на чистой кровати тогда было блаженством.

Но, как говорил Блок, «всё миновалось, молодость прошла», и в этот раз нас ждала достаточно комфортабельная гостиница с номерами на двоих. Когда я селился в комфортный номер, то почему-то всегда вспоминал наши родные больницы недавнего времени, где люди почти любого уровня и достатка лежали в жутких казарменных душных комнатах по двадцать и более человек, в том числе и тяжелобольные, стонущие, а иногда и принародно уходящие в мир иной. Не забуду, как один раз, лет в 37, и я попал в такую «гостиницу» с небольшой температурой, но вроде бы с воспалением лёгких. К вечеру мне стало понятно, что утром, без сна, я встану более чем больным. Из разговора с врачом выяснилось, что лечат в больнице, ставя системы, но есть и старый, дедовский способ: каждые четыре часа — пенициллин. Часов в десять вечера моё терпение лопнуло. Вспомнил, как раненый Тёркин, споря со смертью, доказывал, что он боец «ещё живой», но, глядя на соседей, тут же перефразировал слегка: я боец, пока живой! Двери больницы оказались заперты, врач непреклонен. Тогда через окно и через забор я выбрался из заточения. Радостно вдохнул свежий воздух свободы и предосенней Ангары. Квартира в тот вечер показалась раем. Личная жизнь у меня в ту пору, после потери сына, была основательно запутана, и ставить уколы я научился по телефону. Через неделю пенициллиновой терапии следов воспаления не было. А может быть, его и не было вовсе, ошибки бывают и погрубей. У моего друга, естественно, под наркозом, разрезали как-то не ту ногу.

Может, КПСС и советским правительством жуткие условия в больницах поддерживались для дополнительного стимулирования занятий физкультурой, поголовной сдачи норм ГТО и укрепления таким образом здоровья нации? Чтобы выйти из такой больницы здоровым, запас прочности, по-моему, должен быть богатырский…

В гостинице, как и ожидалось, мы поселились нормально. Однако назавтра весь наш благостный сценарий стал рушиться. Оказалось, что человек, который должен был посодействовать, в это время находился в другой части страны. Благо что удалось до него дозвониться, и он дал нам координаты самых надёжных бирж, что представлялось нелишним, поскольку бирж в ту пору в каждом городе расплодилось столько, сколько было, наверное, во всей Америке. Делали всё по-русски: если уж создавать что-то, так во всём стараясь обогнать Запад! Поэтому в каждом городе свои услуги предлагали если не десятки, то около десятка бирж,

правда, качество их работы сложно назвать совершенным. И Камчатка не была исключением.

Компьютерная техника в начале девяностых годов ещё не достигла должного уровня, и сведения о товаре надолго залёживались в базе данных, оказываясь «светом далёкой звезды», которая давным-давно мертва, но «свет» от неё в виде информации гуляет с компьютера на компьютер, от одного посредника до всех последующих. При попытке выйти на поставщика нередко выяснялось, что товар продан и лишь данные о нём ещё живы.

Пересмотрев все возможные варианты, пройдя целый ряд посредников, мы убедились, что приобрести рыбу не так просто. Снова звонок предпринимателю, которого не оказалось в городе, и он делится с нами номером телефона своего приятеля, который как рыба в воде разбирается в камчатских связях.

Парень этот, звали его, по-моему, Николай, оказался на месте и не отказал в поддержке. Назавтра мы уже вместе пошли по новому кругу поиска рыбы, но убедились лишь в том, что эпоха тотального дефицита слишком медленно уползает в прошлое.

Николай оказался неплохим человеком, у него был богатый опыт работы, правда, не в рыбной отрасли, а в ресторане — музыкантом. Через это заведение он и знал людей, которые имели отношение к рыболовству, к сейнерам и т. д. Но проработка нашего вопроса с ним в течение нескольких дней тоже успеха не дала — свободного товара не было. Рыба, как правило, оказывалась плановой, разнаряжалась и распределялась помимо рынка, помимо нас или уходила по каким-то другим каналам и связям.

Мои друзья, у каждого из которых, в отличие от меня, был уже и какой-то другой бизнес, и уютные квартиры, и семьи, а в них дети, загрустили и приняли решение возвращаться в Иркутск, увозя с собой весь багаж рыночного опыта, на который я так рассчитывал. Их отъезд напоминал чем-то бегство батьки Махно, попавшего в непредвиденную переделку. Мне, признаюсь, было стыдно пуститься в обратный путь с пустыми руками — и дома, и в банке, и на предприятии, и отец, что тоже немаловажно, знали, что я отправился на Камчатку за рыбой! Столько вёрст пролететь, оплатить всем билеты и вернуться ни с чем! Позор! Предыдущий жизненный опыт мне подсказывал, что не важно, чем и где заниматься, а важно, как заниматься и на какую глубину пахать. Прибыль и, как я убедился позже, даже поэзия есть буквально во всём, нужно искать. Результат может появиться буквально из ничего, как в стихотворении Георгия Иванова:

В награду за мои грехи,
Позор и торжество,
Вдруг появляются стихи –
Вот так… Из ничего.
Всё кое-как и как-нибудь,
Волшебно на авось:
Как розы падают на грудь.
— И ты мне розу брось!
Нет, лучше брось за облака –
Там рифма заблестит,
Коснётся тленного цветка
И в вечный превратит.

Я проводил своих друзей и остался в гордом одиночестве, думая о том, что в коммунисты, будучи студентом и благодаря генеральному секретарю Л. И. Брежневу, разрешившему приём в партию лучших студентов, я попал легко, а вот в капиталисты, видать, грехи не пускают. Было время их нажить за двадцать послеинститутских лет. На всю Камчатку знакомых — только музыкант. Невольно в голову вползала поговорка: «Умирать, так с музыкой».

Николай, несмотря на свою занятость (он и играл вечерами, и семья у него была, и подруга), выкраивал немного времени, чтобы хоть как-то помочь мне. И вот наконец-то через неделю мытарств нам, кажется, повезло. Мы вышли на одного предпринимателя, у которого был гараж, забитый недавно пойманной свежесолёной рыбой. Он готов был нам её продать, цена оказалась сходной, но рыбы было только тонны три-четыре, что составляло всего десять процентов от необходимого мне объёма, чтобы загрузить самолёт. Тем не менее рыбу мы закупили. Что означает простенькое «закупили» в данном случае — в субботу, да ещё вечерком? Означает, что дефицитные четыре тонны товара мы с музыкантом перетаскали через весы, погрузили, перевезли в срочно арендованный склад в аэропорту, там её благополучно разгрузили (хотя склад был лишь слегка холодильный и необходимую температуру не выдерживал). Откладывать операцию на понедельник, когда можно было бы нанять грузчиков, мы не могли — добычу обязательно перехватят. Уставший, но довольный в душе, я праздновал первую победу. Лиха беда начало!

Но следующие дни готовили очередные испытания. Во-первых, мы больше не нашли предпринимателей, готовых продать товар. Но главное даже не в этом! Через три дня с нами связался

недавний продавец «первой партии» рыбы и потребовал, чтобы мы вернули купленную и лично перегруженную несколько раз, а поэтому ещё более дорогую нам рыбу. У него, видите ли, прилетели друзья, и он никак не может их не выручить. Деньги, конечно, возвратит. Звонок был с немалым нажимом и с неприкрытой угрозой. К тому же он был корейской национальности, что на Камчатке уже говорило о многом. Да и у музыканта не клином белый свет сошёлся помогать мне, так что пришлось всё вернуть. Ни закона, ни понятий в чужом «монастыре», и название ему — беспредел. Улетели не только друзья-партнёры, но и уже «пойманная» рыбка. Слабым утешеньем было то, что грузили уже не мы.

Это был настоящий удар. Как в таких условиях что-то делать, если завтра могут заставить вернуть и самолёт рыбы, если она всё-таки приплывёт в мои сети?

Вот такая вторая неудача постигла на старте. Как хотелось всё бросить к чёртовой матери! Но пришлось сжать зубы, чтобы зря не материться. Тем более что не перед кем, даже музыканту надоели рыбные вариации, и я остался один перед дилеммой: зафиксировать убытки, пока ещё небольшие — деньги за рыбу на этот раз отдали полностью, — и отправляться восвояси ни с чем или продолжать практически безнадёжные и рискованные поиски.

Но вскоре фортуна, кажется, вспомнила про меня и решила наградить за упорство. Я вышел на одну странную структуру при центральном камчатском рынке, где, действительно, какие-то потоки рыбы сосредоточивались так же, как на нашем рынке сосредоточивались в ту лихую пору какие-то мутные потоки мяса. Около директора рынка крутились ловкие ребята, которые могли, как мне показалось, найти любой товар. Вскоре выяснилось, что у них есть связи на городских холодильниках и непонятными схемами, по более высокой цене, чем была озвучена ранее, они могут что-то взять. И вот наконец-то подошёл долгожданный день операции по получению товара и его оплаты.

На слове «оплата» память делает стоп-кадр. Самым неожиданно грозным и опасным во всей операции оказалось как раз это понятие. Пока оно маячило отдалённо, я впитывал новую реальность. Здесь, на Камчатке, пришло понимание, что девяностые годы — это не абстрактно бандитское время, а действительно весьма опасное, причём конкретно для меня. Если когда-то в геологической партии я слушал про встречи с медведями, то здесь, вращаясь уже в рыночной среде, я уловил стиль работы камчатских «приятелей». При выписке чека, придуманного для облегчения бизнеса, можно было получить вполне реальные угрозы и под дулом пистолета оформить чек на

всю имеющуюся сумму, а ещё есть шанс, что тебя продержат в каком-нибудь изоляторе несколько дней и ночей, пока деньги наконец придут из банка по чеку. Да ещё хорошо, если просто продержат и отпустят, потому что, отпущенный, ты можешь обратиться в милицию и помогать следствию… Так что расчёты чековой карманной книжкой на Камчатке без широкого круга поддержки, смотавшихся друзей-капиталистов, в общем-то, были чреваты серьёзными неприятностями. Со всей остротой встал вопрос, что делать. Разлетевшихся компаньонов не вернуть на место, как унесенные листья. Вызывать другое подкрепление из Иркутска через «тренера»? Близкий свет! Опять немалые затраты на билеты, и не факт, что сделка состоится и назавтра опять не заберут рыбу. Бросить всё? Пожалуй, самое разумное и безопасное. Алиби «по понятиям» в кругу друзей и знакомых у меня есть. На Камчатку нас притащил Гриша. Может быть, поставить вопрос о возврате им денег за билеты и за гостиницу? «По понятиям» и с поддержкой «тренера» вполне реально. Правда, дружбы с ним и совместных дел при таком раскладе уже не будет. А он, пожалуй, единственный из всего окружения настоящий рыночный игрок с богатыми связями.

А будь что будет, остаюсь!

Говорят, что Наполеон руководствовался принципом, что сначала надо ввязаться в бой, а там уже видно будет. Трудно поверить, что при таком подходе можно одержать много побед, но почему бы не попробовать?! И я не лыком шит, всё же варился много лет в серьёзном производственном котле, где изворотливость и поиск вариантов нужны были также каждый день. Зря, что ли, я не так давно был самым молодым и, по общему мнению, самым способным начальником цеха. А народец, подобный нынешним рыночникам, был у меня на побегушках. Уровень их, по заводским меркам, не выше многочисленных диспетчеров, гоняющих день и ночь дефицитные детали. Это была тупиковая карьерная ветвь, из таких не вырастали ни стоящие мастера, ни тем более начальники цехов. Но рынок — не завод. Эти ребята хотят разбогатеть быстро и любой ценой. Бизнес им не создать, а значит, удел многих «богачей» — обман, а то и грабёж.

И здесь меня осенило. При такой перспективе развития событий выход один — блефовать, а именно: ни в коем случае не раскрывать, что я владелец чековой книжки и директор предприятия. «Возвысил» же себя когда-то беглый донской казак Емельян Пугачёв до лжеимператора Петра III. Почему бы мне не сыграть наоборот, на понижение, — представиться скромным профсоюзным работником, который приехал в составе делегации, чтобы кормить предприятие. Благо название «СибАтом», которое

было написано на чековой книжке, работало в этом направлении — направлении крупного государственного предприятия, дружного с властью, а значит, с силовиками. Такие организации были не по зубам рыночным бандюгам. По этой версии, распределителем кредитов является генеральный директор крупного предприятия, который волей случая находится на Камчатке и готов между делом подписывать чеки, будучи где-либо на совещании или отдыхая в гостинице. Естественно, что рыночным вход к нему закрыт наглухо. Поэтому, когда на руках наконец-то появились реальные фактуры, я ехал с представителем рыночников якобы к генеральному директору, сопровождающий оставался ожидать меня в машине. Я заходил в свой весьма неплохой номер, подписывал чек, возвращался и передавал его якобы от генерального директора.

Далее без штата, без кладовщиков и без водителей мне приходилось одному нанимать на дорогах машины. Конечно, не первые попавшиеся, а только после предварительных бесед с двумя-тремя водителями. Здесь везло чуть больше, и мне попадались порядочные водители и порядочные грузчики, которые не ставили своей задачей обворовать, а работали за те деньги, за которые договорились. Они помогали получать товар, считать его и вообще как-то проникались трудностью моего невероятного в таком деле одиночества.

Естественно, что не с первого дня пришли все долгожданные сорок тонн, этот процесс тянулся ещё неделю, хотя и без того пролетело уже более десяти дней моего пребывания на Камчатке. Не раз я ездил подписывать чек либо в гостиницу, либо заходя в здание областной администрации. Таким образом, нанимая совершенно чужих людей, получал товар и вёз в арендованный склад. Желаемые сорок тонн рыбы я наконец-то набрал.

Ну а к рыбе, как оказалось, в обязательном порядке должен прилагаться документ, разрешающий её вывоз за пределы Камчатки. Рыночные продавцы дали его и мне, но, увы, он был отснят, то есть без подлинной печати и подписи. Выяснилось, что с таким документом аэропорт категорически не разрешит погрузку товара. Разрешение же даёт только глава Камчатского облисполкома, по-нынешнему — губернатор. Причём это правило действует уже не один месяц.

Рыночные дельцы, «раз уж такое дело, и правила игры поменялись», соглашаются выручить меня, а именно купить рыбу назад, но процентов на тридцать дешевле, так как цены якобы упали, да и качество хранения далеко от нормы.

Это был полный провал: почти три недели напряжённого труда, денно и нощно рискуя не только чековой книжкой, но и

головой, плюс расходы по найму людей и склада, билеты на самолёт — и возврат в Иркутск с огромными убытками и без товара! При таком «триумфальном» позоре перед банком и предприятием-гарантом — на бизнесе, пожалуй, можно поставить крест. Нет хорошего старта, не всласть будет и финиш. И действительно, дался мне этот чёртов бизнес в бандитской среде!

Потрачу два-три месяца на давно обсужденную докторскую диссертацию и буду консультировать, преподавать, профессорствовать. А может быть, пригласят заместителем по экономике на какое-либо уцелевшее солидное предприятие. Впервые малодушно подумалось: жаль, что нельзя, по семейным понятиям, к отцу — на вчера ещё государственный мясокомбинат — в безопасное кресло, на всё готовенькое и созданное в немалой мере за 25 лет отцовского директорства.

Что делать? Может быть, рано опускать руки и всё-таки попробовать добыть подпись губернатора или его первого заместителя? Но в областную администрацию я не был вхож в то время даже и у себя-то в родном Иркутске, а тут — тмутаракань. Задача, на первый взгляд, казалась совершенно фантастической — Космос! В Петропавловске знакомых — только отошедший от дела музыкант, но и ему до губернаторских «покоев» было так же далеко, как его импровизациям до концертов Чайковского. Всё же решил попробовать поговорить с ним, устроив настоящий допрос. Выяснил, что в чиновничьей среде у него есть всё-таки одна знакомая. Работает она заведующей отделом культуры в районной администрации. Но и от неё до «губернатора всея Камчатки» весьма далеко, хотя уже стало чуть «горячее».

Что же, не боги горшки обжигают. Прошу музыканта, чтобы звонил ей и договаривался о встрече с директором серьёзного оборонного предприятия «СибАтом». Вопрос, как говорится, на месте.

По дороге заезжаем в хороший универмаг, где я, как в кино, одеваюсь с ног до головы. «Ты как будто только что вышел из заключения», — пошутил Николай. Благо банковский кредит не имел целевого назначения, как ещё совсем недавно деньги на соцпредприятии, и на него можно было скупить небольшой магазин.

Когда одевание с деталями, типа платочка в кармане и прищепки для галстука, было закончено, Николай ахнул: «Не директор — министр». Вид у меня был более чем респектабельный. Картину дополняла респектабельная же седина, отвоевавшая себе, увы, немало места с потерей сына.

Наличие бланков предприятия, а если потребуется, и солидной чековой книжки документально подтверждало мою

представительность. В общем-то, совсем недавно, всего года четыре назад, я и одевался не в джинсы, и галстук был на месте, и решал вопросы финансовой жизни или смерти крупного оборонного предприятия в высоких министерских кабинетах, не забывая заглядывать в Ленинскую библиотеку в центре столицы и писать книги. В ту пору не мог я даже предположить, что грянет перестройка и придётся с нуля начинать собственное «буржуйское» дело, причём не где-нибудь рядом с банком в красивом офисе или на отцовском мясокомбинате, а прыгать в засаленных джинсах по воняющим рыбой грузовикам и складам, выполняя функции и кладовщика, и грузчика, и товароведа, на самом краю уходящего в небытие Советского Союза.

Но в этот день, вооружившись костюмом, запонками и всем остальным из прошлой жизни, на осторожную служащую исполкома я произвёл весьма благоприятное впечатление и попросил представить меня председателю Елизовского райисполкома. Предварительно мы напечатали письмо с просьбой походатайствовать перед высшим начальством области о вывозе рыбы с гарантией выполнения мной встречных обязательств по поставке отделочных материалов.

Тогда, в период разрушительной финансовой системы, вовсю процветал бартер, то есть обмен «ты мне — я тебе». Для Камчатки рыба была единственной валютой, как для Иркутска лес и нефтепродукты, на которых несколько новоявленных биржевиков сделали себе состояние. Впрочем, вытряхнутое у них «коллегами» уже в Америке. Используя некоторые знакомства, в том числе родственные в Иркутске и особенно в Ангарске, можно было действительно приобрести пиломатериалы, линолеум, ДВП, ДСП и выполнить данное слово. Райисполком как раз достраивал клуб, и им позарез нужна была помощь с обеспечением материалами.

Председатель исполкома оказался в недавнем прошлом и сам директором погибшего от перестройки предприятия. В результате быстро проникся доверием ко мне, не понаслышке знающему все производственные беды. Любезная секретарша вскоре занесла чай и по рюмочке хорошего дагестанского коньяка из прошлых времён. В результате он не только подписал письмо, но и позвонил своему приятелю — начальнику общего отдела областной администрации — с просьбой оказать нам содействие.

С гарантийным письмом, подписанным председателем райисполкома, мы с музыкантом в тот же день, не переодеваясь, пошли по кабинетам чиновников и обаятельных чиновниц Петропавловска-Камчатского, даря цветы, конфеты и даже шампанское. Работая заместителем директора по экономике, я хорошо изучил тактику общения, тональность и манеру разговора

и во властных кабинетах, и в приёмных. В общем, удалось нам эту задачу решить максимально быстро, пройдясь по многим кабинетам и собрав нужные подписи.

Начальник общего отдела уже назавтра, не мешкая, подписал документ у «самого». Так фантастически быстро мы получили разрешение на вывоз наших сорока тонн. Я радостно позвонил в Иркутск, имея на руках вожделенную бумагу с подписью и синей печатью. На следующий день прилетел компаньон на грузовом самолёте. Рыночные «друзья-разбойники» только ахнули, удивившись могуществу и связям «моего директора», который за два дня их фальшивку превратил в подлинный документ. Сильных уважают и они. Дивидендом явилась бесплатная погрузка в самолёт рыбы, несмотря на уплывающий от них тридцатипроцентный барыш от обратной сделки. Им важно было, чтобы у директора «СибАтома», вхожего в высокие кабинеты, осталось хорошее впечатление от их «законопослушной» рыночной конторы. Земля круглая и на Камчатке.

Наконец-то, после восемнадцати тяжёлых дней пребывания в Петропавловске-Камчатском, после всех рисков, после решения всех головоломных задач, в аэропорту родного Иркутска приземлился «свежеиспечённый» кандидат в капиталисты с грузом, то есть я.

Вскоре ночное поле грузовой части аэропорта прорезали фары более десятка встречающих диковинный груз машин. Закипела разгрузка.

Когда под утро разгружались в холодном складе на территории нашего предприятия, «тренер»-директор лично проверял водителей на предмет хищения. Несколько водителей сполна получили холодной рыбиной, найденной им под сиденьями. Жёстко, конечно. Но было приятно напоследок почувствовать ещё чей-то локоть в начинающемся на многие годы театре одного актёра — под скупым и не очень одобряемым у нас названием «Мой личный бизнес».

Купил — продай

В ту пору торговлю нередко презрительно называли «купи-продай». Два коротких слова, четыре слога: ку-пи-про-дай. Что такое «купи», на примере Петропавловска-Камчатского я уже примерно показал: насколько сложным бывает этот процесс, с какими рисками он связан, какой изобретательности требует. Но свои трудности есть и во втором акте пьесы, обозначенном словом «продай» (на различных этапах соотношение сложности этих процессов, конечно, меняется).

Начнём с того, что, как я уже говорил, условия хранения рыбы в Петропавловске-Камчатском были не идеальные. Если бы сразу всё в самолёт, мигом в Иркутск, если бы ждали холодильники… Но интервал поступления продукции в склад, где поддерживалась относительно подходящая температура, от начала до конца операции по добыче сорока тонн составил более недели. И, конечно, внешний вид товара немного пострадал. Примерно половина самолёта была загружена различной рыбой, а вторая — красной рыбой в рассоле, так называемыми пресервами, в пятикилограммовых банках. До той поры я не знал, что такое пресервы, ну а в Иркутске красную рыбу в таких больших банках мы никогда и не видели.

Условия хранения в грузовом самолёте тоже, в общем-то, были не соответствующие, поэтому говорить о том, что продукцию мы доставили сверхкачественную, не приходится. Хотя на вкус она испорченной не была, но по консистенции всё-таки уже заметно отличалась от той, что мы дегустировали на Камчатке. Нужно было спешить с реализацией и срочно найти соответствующие условия для хранения.

Самые подходящие холодильники были в организации, которая называлась «Иркутскрыба», но они, как нас заверили, и так полны, да и ценник зашкаливал. Думается, свою роль в том, что мы не смогли договориться с «Иркутскрыбой», сыграл и «классовый» фактор: они ещё оставались в рамках социалистического сознания, а мы уже вступили в капитализм, то есть работали на себя. Отказать «буржуям», да ещё таким чуждым, как я, с учёной степенью, да ещё вторгшимся в их торговое пространство, или задрать цену — это было очень даже по-советски.

Выручили нас естественные погодные условия: ноябрьский морозец помог рыбе не испортиться в обычном складе, хотя условия хранения и были не гостовские. Ну что делать? Продукция свой товарный вид всё же понемногу теряла, и в

магазины её начали брать неохотно.

Да и легко сказать «брать в магазины»! Связей в торговле нет, рыночные отношения ещё не сложились, торговля ещё под контролем властных структур, где на подобных нам предпринимателей смотрят косо…

Но на ловца, как говорится, и зверь бежит, если сильно стараться. Именно в этот сложный момент, на дне рождения одного из моих родственников, я совершенно неожиданно познакомился с Александром. Разговорились, и выяснилось, что этот человек до недавнего времени трудился как раз в «Иркутскрыбе», а сейчас по стечению обстоятельств находится без работы. Это была своевременная находка! Ведь он знал и рыбную организацию, и магазины, с которыми она работала. Вот так, без целенаправленного поиска специалиста, случайно, на дне рождения, я нашёл нужного человека, и назавтра он уже работал со мной. Работает он в фирме и сегодня, более двадцати лет спустя.

Александр быстро выяснил, что можно сделать с внешним видом рыбы. Оказалось, её можно коптить. Копчёная рыба принимает товарный вид, и совесть наша чиста, поскольку параметрам для первичной переработки продукция полностью соответствовала.

Договорились непосредственно с не очень загруженным работой коптильным цехом, минуя начальство «Иркутскрыбы». Каждый день они на пределе сил делали, сколько могли. Оплачивали мы наличными по секрету от дирекции. Александр развозил рыбу по знакомым ему магазинам. Так начался процесс реализации.

Выполнение заказов по секрету от начальства в ту пору процветало почти на всех доживающих свой век предприятиях. Так, например, «тренер»-директор заказывал очень непростые пресс-формы для пластмассового литья непосредственно через бригадиров в инструментальных цехах радиозавода и завода тяжёлого машиностроения. Тем не менее даже инструментальные цеха, оснащённые сверхдорогим прецизионным (особо точным) импортным оборудованием, продержались недолго. Рынок ширпотреба, а значит, и оснастки для его производства, победил Китай. Он, кстати, очень охотно, но дёшево скупал и эти дорогие станки, как правило, немецкого производства. Наши рабочие, даже высочайшей квалификации, которые были бы нарасхват в любой стране, остались совершенно не у дел. Не многим из них повезло с родственниками в Израиле или ещё где-либо подальше от нашего беспредела и жадных до добычи неприбранных кладбищ.

Но вернёмся к рыбе насущной, позволяющей как минимум выжить бывшему машиностроителю, кстати, со специальностью «металлорежущие станки и инструменты», а не пойти вслед за заводами в небытие по пути обнищания.

Первое рабочее место моего нового помощника Александра было на подоконнике кабинета того предприятия, где я ещё работал. Он забегал ко мне, рассказывал, как идут дела, сколько и куда он распределил продукции, оставлял какие-то документы, фактуры…

Вскоре стали поступать из магазинов немалые деньги. Кассы своей у нас, естественно, не было, счётных машин тоже. Деньги перекочёвывали домой, где их считали жена и её мама. Процесс счёта, складирования, хранения денег (хранились они в коробках — в шкафах и на шкафах) был сам по себе очень утомительным, требовал много трудозатрат и занимал массу времени. Никогда не знал, что переработка денег — это тоже работа, причём немалая.

Но праздновать победу было ещё рано. Крайне медленно, вяло шли пресервы. Эти пятикилограммовые банки (я уже говорил, что в Иркутске раньше таких не видели) были весьма недешёвые, и целиком их брали редко. Во многих случаях в магазинах приходилось вскрывать банки, вынимать рыбу из рассола и продавать на развес, что было весьма хлопотно. Уже началась зима, время шло к Новому году и к слишком крутым, опасным для банок, рождественским и крещенским морозам.

Я судорожно искал подходящие склады. Кроме «Иркутскрыбы» они были и на мясокомбинате. Заместитель директора по коммерческим вопросам подготовил даже договор хранения, но без одобрения директора подписать не решился. Отец, увы, категорически отказался использовать родственные отношения в частнокоммерческих целях. Аргументы о хорошей оплате за хранение, о взаимовыгодности сотрудничества разбились об исторический пример, а может быть, и миф. Когда сын Сталина попал в плен к немцам в годы войны и они предложили на него выменять пленного немецкого генерала, Сталин сказал, как отрубил — кратко и ёмко: «Солдат на генералов не меняю».

Так же и в отце, в его личной скромности и кристальной честности всегда чувствовалась сталинская закваска. Весьма нравилось отцу и стихотворение Ю. Кузнецова «Тегеранские сны», где Коба предстаёт более мудрым и могущественным, чем Черчилль и Рузвельт:

Вдали от северных развалин

Синь тегеранская горит.
— Какая встреча, маршал Сталин! –
Лукавый Черчилль говорит. –

Я верю в добрые приметы,
Сегодня сон приснился мне.
Руководителем планеты
Меня назначили во сне.

Конечно, это возвышенье
Прошу не принимать всерьёз…
— Какое, право, совпаденье! –
С улыбкой Рузвельт произнёс. –

В знак нашей встречи незабвенной
Сегодня сон приснился мне.
Руководителем вселенной
Меня назначили во сне.

Раздумьем Сталин не смутился,
Неспешно трубку раскурил:
— Мне тоже сон сегодня снился –
Я никого не утвердил!

Я, будучи в большей мере антисталинистом, хоть и был возмущён позицией отца, как всегда, в принципиальных вопросах не схожей с моей, но постарался понять и его, семидесятилетнего, но вполне ещё крепкого директора уходящей навсегда эпохи. Эпохи полуголодного талонного существования и грандиозных свершений, оплаченных, увы, надорванным генофондом нации. Унаследованный от царской России запас прочности населения позволил выдержать ад революции, двух войн и надрыв пятилеток. Больше с тех пор по бизнесу к отцу я никогда не обращался, хотя директорствовал он ещё три-четыре года.

Что ж делать, начал вести переговоры с другими предприятиями. И вдруг, о чудо, от Гриши поступает предложение: москвичи готовы закупить оптом все пресервы для того, чтобы отправить их куда-то в республику к Новому году. Я, конечно, с радостью согласился, оговорили очень неплохую цену. Они взяли почти всю партию, около пятнадцати тонн, проведя наспех дегустацию-обмывание сделки. Пресервы были, может быть, не такие, как первоначально, хотя вполне съедобные.

Здесь же мы мигом организовали погрузку и отправили

вагон-термос в Москву, не ведая дальнейшей судьбы «золотой рыбки». Москвичи своевременно рассчитались, и наконец-то процесс покупки и реализации был счастливо завершён. Правда, деньги мы собирали потом ещё несколько месяцев, коптили и сбывали остатки рыбы и пресервов, но полученная прибыль уже перекрывала все затраты. Наш немудрёный склад окончательно опустел лишь к моему дню рождения, к 1 февраля 1992 года.

И это был настоящий подарок.

* * *

Через несколько лет, когда за плечами было уже много проведённых коммерческих операций, в столичной гостинице «Москва» мы встретились с Гришиными партнёрами, пили чай, разговаривали, и один из собеседников, грузин по национальности, заядлый игрок в казино, живущий где-то в Сочи, сказал: «Мы тоже с вами работали». Я такого случая припомнить не смог, и тогда он уточнил: «Мы у Гриши взяли ваши пресервы и отправили их в Армению, но, правда, там их выбросили потом». Прозвучало это не как претензия, а между делом, скорее, как напоминание о начальном периоде бизнеса, когда цепочка хранения и контроля продукции была не отлажена. Выяснилось, что продукцию они отправили в обычном, а не в холодильном вагоне. Но Армения — не Сибирь. Последнего издевательства горе-бизнесменов рыбка не выдержала.

Таковы были издержки торговли на том этапе. Но выручала тогда лихих предпринимателей запредельная гайдаровская инфляция с десятками процентов в месяц и сотнями процентов в год. Не хватало даже самих наличных денег, которые в одночасье стали главным дефицитом. Инфляция, ограбившая народ, пособляла отдавать кредиты и покрывать все издержки.

Так, спустя несколько лет, не самым приятным образом напомнила о себе наша первая коммерческая операция. Но её значение для дальнейшего бизнеса от этого не убавилось.

Батраз, Гайда и молдаване

Следующая бизнес-глава началась с подачи моего старшего товарища Павла, директора иркутского ресторана. Приезжий предприниматель, которому в Иркутске были готовы отдать долги не очень ходовыми овощными консервами, предлагал их ресторану. Павел от предложения отказался и познакомил его со мной. Батраз — уже достаточно опытный в торговле осетин — колоритная, интересная личность, мастер спорта по борьбе, жил уже не в Осетии, а в Москве — снимал квартиру где-то около Домодедово. Консервы его мне тоже были не нужны, но, пообщавшись, мы стали симпатичны друг другу, и я решил помочь ему с реализацией товара. Вскоре мы подружились. Батраз предложил в перспективе вместе привезти фрукты и вино в Иркутск.

Подобно Грише, он и при социализме уже был предпринимателем. Например, к Новому году поставлял в Москву из республик, с немалой долей наличных денег при расчёте, яблоки, мандарины, шампанское. У него сохранились старые связи в Осетии и были налажены новые в Молдавии. Он показался мне достаточно надёжным партнёром и как бы из другого, неведомого мне мира. Через какое-то время, встретившись в Москве, мы вместе вылетели в Молдавию договариваться насчёт поставок вина.

Была эпоха дефицита, и никто нас сильно не ждал. Однако в Молдавии нужен был лес, а в Иркутске, хоть и с определёнными сложностями, его можно было приобрести. Вскоре это и стало моей задачей. Батраз познакомил меня с директором крупного совхоза, где было и вино, и фрукты, а также с руководством Молдавского научно-исследовательского института виноградарства и виноделия.

Посетили мы и Криковские подвалы — огромное винное хранилище восемнадцати километров в диаметре, по которому мы ехали на машине. Интересно, что улицы там назывались по маркам вина: улица Фетяски, улица Совиньон, улица Каберне, улица Кодры, улица Шампанского. Кругом указатели. Криковское винохранилище было основано на месте горных шахт (по-моему, во время войны немцы добывали здесь строительный камень). Это место уникально по своему микроклимату с естественной постоянной влажностью воздуха и температурой на уровне 16°, необходимой для выдержки и хранения вина. Всё там впечатляло: сами подвалы, редкие коллекции вин (в «Крикова» хранятся, например, трофейные вина из коллекции Геринга).

Спустя годы я узнал, что, оказывается, есть вина, которые, как и произведения искусства, продаются на крупнейших аукционах мира, причём цена одной бутылки может достигать сотен тысяч долларов. И покупаются они чаще не для питья, далеко не весь коллекционный алкоголь и живёт-то десятки и сотни лет, а как выгодные инвестиции. Таких масштабных и интересных подземных сооружений и старинных вин, как в «Крикова», ни до, ни после мне видеть не приходилось.

В общем, первая поездка в Молдавию была запоминающейся и положила начало дружбе и совместному бизнесу на пять-семь лет, пока там не стали безраздельно хозяйничать крупные московские фирмы. Мы ударили с виноделами по рукам, я вернулся в Иркутск и начал заниматься лесом. Но кроме леса обязательно нужны были и деньги. Официальную часть договорились отдать лесом, а неофициальную часть — деньгами.

Деньги от реализации рыбы были собраны и лежали в коробках, задача была превратить их в крупные купюры, что тоже не так просто. Но следующая и главная задача — как их доставить в Молдавию. Важно было, чтобы деньги не заметили в аэропорту, местечковыми правилами не разрешалось в большом количестве дефицитную наличность увозить из области, а кроме того, это было небезопасно с точки зрения «хвоста» — алчущие поживиться или осведомители бандитов могли найтись и среди служащих аэропорта.

Оставался главный вопрос: кому доверить перевозку немалой суммы? Опять лететь самому? Но на мне были вопросы с отправкой леса, завершение реализации рыбы и куча других неотложных дел. А дальше нужно было думать, как принять вино и скоропортящиеся фрукты, искать помещения для хранения продукции, формировать коллектив.

Поехать самому — упустить важные моменты организации сбыта. Ничем хорошим это не закончится. В лучшем случае придётся привозить и оптом с очень небольшой выгодой кому-то отдавать продукцию, а потом ещё долго выхаживать деньги. Надёжных партнёров было немного.

Думая о том, кому в такой ситуации доверить огромную по тем временам сумму на несколько вагонов вина, я перебрал в уме массу знакомых и приятелей, разыскивая того, с кем, как говорится, можно пойти в разведку. Но таких людей и раньше-то было не густо, а теперь, с началом перестройки, когда заводчане дружными рядами стали спиваться и уходить в мир иной, и подавно. Многие из тех, кто не смог или не хотел адаптироваться к новым реалиям, были обижены на весь белый свет и изменились не в лучшую сторону. Юрий Кузнецов развивал эту тему в

стихотворении «Голубая падь»:

Мать честная! Наша хата с краю,
Дальше пропасть — голубая падь.
Наша правда — ничего не знаю!
Выйдешь — а народа не видать.

Люди есть, но только эти люди
Потеряли Божий страх и стыд.
Где народ?.. Мать бьёт в пустые груди:
— Я не знаю!.. — Правду говорит.

— А народ рожала я на диво,
А родной, не знамши ничего,
Встал на диво да махнул с обрыва –
Только я и видела его…

После долгих поисков я остановился на моём родственнике-поэте, который не имел никакого отношения к коммерции, никогда не работал на промышленном предприятии и вообще с деньгами. Достоинство у него было только одно — глубокая порядочность, крепкое нравственное ядро и богатый внутренний мир. Именно к таким, как он, редчайшим в наше время людям великой совести и дворянской чести, даже в такой ситуации, когда никто и никогда не узнает о совершённой подлости или допущенном малодушии, относится замечательное стихотворение Анатолия Передреева «В тайге»:

…Скользил по снегу
Человек на лыжах,
И очень торопился человек.
Он знал — опасна ранней мглы завеса,
Он видел –
Затевается пурга.
Не выберешься вовремя
Из леса,
Начнёшь плутать –
Не выпустит тайга.
И он спешил.
И знал он, что успеет
Дойти к жилью,
К весёлому огню,
Успеет раньше,
Чем в лесу стемнеет…

И вдруг Увидел
Странную лыжню.
Петляя меж стволами,
Как слепая,
Она металась
На исходе дня…
И понял человек,
Что погибает
Лыжня чужая,
В дебри уходя.
А он спешил,
Он очень торопился,
Он шёл к жилью,
К весёлому огню…
Качались ели,
Ветер в елях бился.
И две лыжни
Слились в одну лыжню.

Поэт, работник Дома литераторов, тогда ещё не член Союза писателей, хотя уже им было написано немало стихов, проведены сотни литературных вечеров, и фамилия его была широко известна в Иркутске в интеллигентских кругах. Такой безусловной «находкой» стал мой родственник, а впоследствии и друг на вечные времена — Геннадий Гайда. Понятно было, что только этот человек ни за что не подведёт и не срежиссирует ситуацию потери средств по «объективным причинам», как это часто бывало в ту пору. Ему я мог доверить любую сумму.

Заручившись его согласием участвовать в столь необычном для литератора и сложном деле, стали думать, как перевезти деньги. Он попросил жену сшить ему жилет со множеством карманов, наподобие матерчатой настенной сумки для азбуки в нашем детстве. В банке поменяли сумму на большие купюры, всё это он растолкал в кармашки жилета, жилет надел под свитер, благо просвечивания ещё не было. Всю эту огромную сумму денег, на несколько вагонов вина и фруктов, он повёз в Москву, а потом вместе с моим новым партнёром — в Молдавию. Наволновался я изрядно. А вдруг ошибся в человеке, и Батраз, имеющий в Москве лишь арендованную квартиру, растворится на бескрайних просторах Северного Кавказа, ограбив Геннадия? Но интуиция не подвела и в этот раз. Батраз оказался настоящим партнёром и товарищем.

В Молдавии со всей России ходоков за вином и прочей

продукцией было немало, и Геннадию с Батразом пришлось серьёзно повоевать, чтобы пробиться к директору, даже несмотря на то, что мы перед этим туда приезжали, жали друг другу руки. Вино для нас, как и договаривались, нашли. Мы, в свою очередь, отправили лес.

Вместе с Батразом познакомились мы с одним из главных руководителей государственно-коммерческой организации «Молдконтракт». Эта организация давала разрешение на вывоз вина, как несколько лет назад Камчатский облисполком — на вывоз рыбы, с той разницей, что ситуация стала качественно иной, и Молдавия уже была заинтересована в сбыте продукции.

В следующие наши приезды сам руководитель этой организации Юрий старался, чтобы вино мы брали теперь с его участием и интересом, в ту пору в госорганизациях ещё стыдливым и скромным.

Он, как и я, в прошлом производственник, к тому же большой любитель поэзии, и даже организовывал Геннадию литературные выступления. Иногда, когда была возможность, задерживал Гену на месяц и более.

Интересно, что в Молдавии, а позже в Таджикистане, где мы проводили не очень успешную закупку арбузов, русскую поэзию слушали с большим интересом, чем у нас. Русского поэта Гайду считали за честь пригласить на день рождения или даже на весьма колоритную национальную свадьбу.

Несколько раз он так входил в роль посла российской культуры, что мы с трудом вырывали его для новых дел.

Неподдельный интерес к русскому языку и поэзии стимулировал Геннадия к собственному творчеству. Девяностые годы у него были урожайней других десятилетий, и в 1997 году вышел его долгожданный сборник. Приняли его и в Союз писателей России.

Не знаю, исследовал ли кто-нибудь связь востребованности творчества и его результативности, но в подлое время 90-х, когда государство бросило творческие союзы на произвол судьбы, а коллекционеры живописи ещё не народились, в Иркутске умерло, к сожалению, в прямом, а не в переносном смысле, начиная с Бориса Десяткина, немало талантливых художников, было им в районе пятидесяти лет. А уже в первое десятилетие двухтысячных мы потеряли Владимира Лапина и Николая Вершинина… Сегодня коллекционеры Иркутска и Китая буквально гоняются за их полотнами, а выставки организуются вплоть до культурной столицы — самого Питера.

Но лирика лирикой, а коммерческий поезд всё набирал и набирал обороты. Размахнулись мы с учётом леса так широко, что

вскоре около базы разом скопилось больше десятка вагонов. Где-то нерасторопно работали и сами железнодорожники, затягивая раскредитацию, где-то у нас не хватало каких-то документов, да и опыта тоже. А за неразгруженные вагоны — большущие штрафы. Но вино формально относилось к продуктам питания, и мы не сильно покривили душой, когда друзья из областной администрации походатайствовали перед железной дорогой: минимизировать или свести даже к нулю штрафы. Легендарный начальник ВСЖД Геннадий Павлович Комаров, в свою очередь, с учётом особого отношения к продуктам питания, а главное — к династии директоров Бронштейнов, кою я представлял, пошёл нам навстречу.

Таким образом протекала наша следующая операция — под кодовым названием «Молдавское направление». Вино при первых поставках было ещё дефицитом, и значительная его часть уходила, что называется, с колёс, в процессе разгрузки. Не обошлось и без «наездов», когда какие-то «братки» пытались силой захватить часть продукции. Защищали вино, как говорится, с оружием в руках. Был момент, когда дело даже дошло до перестрелки, прозвучало по нескольку выстрелов с обеих сторон, благо что над головами. Бандиты проверили нашу обороноспособность и отступили искать жертвы помельче и послабже.

Счёт на секции

Параллельно с молдавской темой были ещё, менее существенные, операции. Причём две из них случайно продолжали рыбную тему. Грише и Юре их партнёры с Сахалина отправили секцию сайры.

Вообще слово «секция» в ту пору я услышал впервые, но и оно на долгие-долгие годы весомо и зримо вошло в оборот нашей коммерческой речи. В дальнейшем в секциях мы получали и апельсины, и яблоки, и бананы, и снова рыбу. Выяснилось, что секция — это четыре вагона холодильника для транспортировки продукции, в середине — пятый вагон, где едут механики и расположены сами холодильные установки. Грише и Юре нужны были оптовые покупатели, чтобы не заморачиваться с разгрузкой, хранением, да и не тянуть с оплатой.

Друзья-коммерсанты были удивлены или даже шокированы моим камчатским успехом, не забыли о напрасно оплаченных для них билетах и первым делом вспомнили обо мне. К тому же у меня уже был небольшой коллектив, человек семь-восемь, и склады, взятые в аренду, а также средства на оплату.

Я согласился купить у них вагоны с сайрой, и мы произвели безопасные в родном городе расчёты чековой книжкой. Потом они, наверное, пожалели, что не занялись реализацией самостоятельно, поскольку из четырёх три вагона мы продали прямо с колёс, причём в основном за живые деньги. Благо что в вагонах было кому стоять, весь состав фирмы вышел на разгрузку и продажу во главе со мной. Мы с трудом успевали на трескучем тридцатиградусном сибирском морозе считать и отпускать коробки множеству магазинов, которые, узнав, что у нас есть сайра (кого-то мы обзвонили сами, а кто-то узнал по «сарафанному радио»), съезжались и расхватывали эту дефицитную продукцию.

Двадцать процентов оптовой наценки мы заработали практически за день на трёх сорокатонных вагонах. Один вагон, с учётом роста цен, оставили на хранение и потом не торопясь реализовывали его мелкими партиями, но уже по совсем другим ценам. Часть прибыли шла ещё одному нашему дольщику, которым являлся «тренер»-директор. Он помогал нам, где с транспортом, где с хранением, а где и подстраховывал от бандитского внешнего мира.

Хотя подстраховка в ту пору могла обернуться и другой стороной — либо рэкетом, либо даже захватом фирмы. Но моя фирма слишком быстро переросла рэкетируемый многочисленной

шпаной преступного мира уровень, обзавелась собственной вооружённой охраной, связями в нужных структурах — и большинству бандитов стала не по зубам.

На этом, пока не очень цивилизованном этапе существования фирмы случилась и ещё одна история, которую можно, наверное, назвать «рыбный триумф».

Был у меня в Москве товарищ, с которым вместе защищали диссертацию по социологии. Он узнал, что я занимаюсь бизнесом и есть кое-какие успехи, подумал, почему бы и ему не заняться… Я предложил ему искать продукцию, которую можно отправить в Иркутск.

И вот он какими-то путями находит человека, у которого оказался выход на «Мосрыбу» — не на какие-то прочие товары, а снова именно на рыбу. Прямо мистика какая-то. Может быть, помогают давно ушедшие в мир иной байкальские предки? У них кроме золотодобычи был и рыбный промысел, и торговля. Бывая на Байкале, я всегда о них помнил. Позже написалось не одно стихотворение, посвящённое им:

В молитве я предков своих вспоминал,
Желая им вечного рая,
И парус-мираж на меня наплывал,
И чаек тревожилась стая.
Как пастырь суровый, Байкал мне внимал,
Спокойный от края до края.
И лодку из прошлых времён посылал,
Связному времён доверяя.

И вот два посредника — мой товарищ Юрий и его знакомый, у каждого из которых был заложен посреднический интерес в данной операции, — повезли меня к рыбникам, но уже не камчатским, а московским.

В аспирантуре у нас с Юрием научным руководителем была профессор философии Ирина Ивановна Чангли, и обоим нам не повезло, что она уволилась из академического Института социологии, в котором мы должны были защищать диссертации. Попасть на защиту в то время было непросто, особенно без пробивного руководителя, но фортуна нам всё-таки улыбнулась: для какого-то босса была специально организована внеочередная защита, а чтобы всё выглядело не так нахально, для прикрытия взяли двух простых очередников, то есть нас. Мой коллега защищался после трёх лет обучения в очной и года в заочной аспирантуре. Я защитился за рекордные три заочных года. Мы подружились. Впоследствии он приезжал ко мне в гости в

Иркутск. Сблизила нас не только совместная защита и общая неприятность с руководителем, но и банкет в ресторане с поэтическим названием «Черёмушки», на который мы тайно пригласили и руководителей нашего институтского отдела, и членов учёного совета, и оппонентов. Бывали случаи, когда банкет рассматривался как взятка и результаты защиты аннулировались. Но где, как говорится, наша не пропадала. Гулянье каким-то странным образом перетекло после закрытия ресторана в общежитие, причём не наших аспирантов, а почему-то медиков, и закончилось под утро. То были задорные, иногда, увы, до безрассудности, молодецкие времена. Но и повод был знатный. В застойный период диссертация являлась залогом высокой зарплаты и жизненного успеха. Такое событие было грех не отметить с сибирским размахом.

Пока ехали по Москве, вспомнилось, как Юрий очень интересно рассказывал о своих питомцах — говорящих попугаях, коими давно увлекался, а также развивал мысль о подсознательном поиске женщин, похожих на мать, а где-то и на самого себя. В это легко верилось. Даже собаки подбираются часто похожие на хозяев. Во всяком случае, у похожих на медвежат чау-чау хозяева всегда толстяки, а у доберманов — наоборот. Слушать его было занятно, но в разговоре выяснилось, что приятель, выражаясь фигурально, тяжело болен бациллой Москвы и выздороветь не смог. Он влюбился, причём не в женщину, не в красавицу жену, преданно перенёсшую четыре его аспирантских года, а в образ жизни столичных академических учёных, у которых было всего два присутственных дня на работе в неделю, и то до обеда. Всё остальное время они (учёные академического Института социологии), жили свободно, как вечные студенты, имели право работать или не работать в библиотеках Москвы и дома. К тому же им была положена дополнительная жилплощадь. Просто фантастическим казался такой образ жизни для человека, которому приходилось вкалывать либо у кульмана, как он, либо в цехе на заводе, как я, от звонка до звонка, а часто и после звонка (работал начальником цеха по двенадцать и более часов), да ещё за колючей проволокой режимного предприятия. А тут в рабочее время можно было не только в библиотеку пойти, но и в спортзал, и в кино, и просто погулять; у кого склонность была к выпивке, то и попьянствовать. И он, заболевший Москвой, обменял свою трёхкомнатную квартиру с попугайчиками и доберманом в Волгограде на однокомнатную в Москве, поселившись в ней вместе с женой, сыном, которому в ту пору было уже лет пятнадцать, да ещё и матерью. Пришлось ему временно пойти на какую-то

неинтересную работу в отраслевой строительный институт, чтобы хоть как-то за пару лет расширить свою жилплощадь. Но пока он ждал очереди, у него, в тесноте, испортились отношения не только с женой, но и с сыном. С женой он развёлся, родной сын стал врагом. Такой ценой, и потеряв к тому же несколько лет в далёком от его интересов институте, он добился своей цели и стал московским научным сотрудником. Но грянула перестройка, и все привилегии, вместе с хорошей зарплатой кандидатов и докторов наук академических институтов, испарились, как и семья.

В такой кризисной ситуации мы с ним встретились снова. Он судорожно искал, чем заняться, помимо сидения в опустевших и нагоняющих смертную тоску библиотеках. Особенно тоскливо было тем, кто помнил ещё недавнее многолюдье и какую-то почти праздничную суету в Ленинке. Суету праздника знаний и приобщения к вечному миру человеческой мысли, устремлённой из прошлого в светлое будущее.

Ближе к цели воспоминания прервались, и подумалось: опять рыба. Наверное, московские рыбники хотят, чтобы я с какими-нибудь их договорами поехал на Камчатку или на Сахалин «выхватывать» разнаряженную им продукцию и, может быть, повторять первоначальные подвиги. Ох, не хотелось бы снова испытывать судьбу.

При социализме мне несколько раз приходилось помогать отделу снабжения радиозавода и ездить с договорами и разнарядками к смежникам — отгружать, например, дефицитные алюминиевые трубы, из которых в моём цехе изготавливались сверхмощные антенны для военных машин связи. Основной задачей при этом было опередить других «толкачей» и небольшими подарками, либо походом в ресторан, либо приглашением на Байкал и т. д. добиться первоочередной отгрузки, чтобы не сорвать план своего цеха и своего завода. Премия коллектива при выполнении плана достигала 35 %, и это, при отсутствии других доходов, было очень весомо.

Но тогда около предприятий не крутились бандиты. Теперь их задача — самим урвать выпущенную продукцию и продать её любым страждущим по завышенным ценам. Наверное, и на Камчатке я закупил рыбу по этой же схеме, как знать.

Предвидя именно такое развитие событий, вытекающее из моего опыта, я нехотя ехал по столице в сопровождении двух посредников, заранее решив, что вряд ли приму подобный сценарий. После Камчатки прошло уже больше года, есть и другие наработки. А кроме того к концу первого года исполнилась голубая мечта, пожалуй, любого советского

человека, а уж предпринимателя тем более — я приобрёл шикарную квартиру в пятьдесят шесть квадратных метров, почти в центре Москвы, недалеко от Чистых прудов, примерно за сорок пять тысяч долларов. С «Жигулей» пересел хоть пока ещё не на «Волгу», но на очень представительный «Москвич» 41-й модели. Наработались и оборотные средства, а главное, я поверил в свои способности на новой стезе. Во имя чего рисковать теперь?

Пока эти мысли крутились в голове, мы доехали до цели. Вошли в солидное московское здание, быстро нашли нужную комнату и увидели улыбчивых и весьма обаятельных дам. И… я слышу бизнес-предложение, которое удивило меня не меньше, чем… полёт первого космонавта.

Оказалось, что не надо лететь ни на какие Камчатки и Сахалины, не надо рисковать и выталкивать продукцию, а достаточно только солидно подписать договора, и они перенаправят мне четыре железнодорожные секции различных рыбных консервов, от которых отказалась московская торговля. Причём, с учётом рекомендаций одного из посредников, серьёзному предприятию, коим, конечно же, является «СибАтом», судя по названию и респектабельному директору, необязательна даже частичная предоплата. Интересно, изменили бы они своё мнение о респектабельности, если бы я, например, подпрыгнул в этот момент или захлопал в ладоши?

Не знаю, как посредник за пять процентов комиссионных расписал возможности моего предприятия, с какими комментариями он подарил мои книжки «Бригада в зеркале социологии» и «Коллективный подряд: проблемы и перспективы», но я думаю, что они приняли меня за известного экономиста, а может быть, за директора местного отраслевого торга системы атомной энергетики или отделившегося от неё сверхсолидного предприятия. Интернета тогда, слава Богу, не было, и справки навести было непросто, а расспрашивать меня они, к счастью, постеснялись.

Вместо выражения восторга я солидно попросил немного времени определиться с нашими возможностями по приёму шестнадцати вагонов, что составляет примерно шестьсот-семьсот тонн консервов.

Таких объёмов, да ещё и «бесплатно», я, конечно, не ожидал. Это было в 15–17 раз больше, чем партия с Камчатки, ни разгрузить, ни хранить, ни продать такое количество консервов моим небольшим коллективом было практически нереально.

«Следует, наверно, согласиться хотя бы на одну секцию?» — судорожно думал я, сидя в соседней комнате и изо всех сил изображая попытку непростого в ту пору дозвона в другой город.

И здесь мне вспомнилась история из раннего детства. В шесть лет в пионерском лагере я сказал приятелям, что люблю играть в шахматы. Хотя до сих пор я играл ими, но не в них, а лишь, как оловянными солдатиками, хаотично передвигая по столу или по полу. Но надо же, один из новых лагерных друзей предложил сыграть. Я готов был сгорать от стыда скорого разоблачения, но отступать уже было некуда. Слово сказано, и я согласился. С расстановкой шахмат, глядя на его позицию, я справился вполне успешно. Ходил вначале так же, как и противник. Несколько моих ошибок было отнесено на невнимательность. С тех пор я уже точно помнил, как ходят и расставляются все фигуры. До этого запомнить не мог, несмотря на папину незамысловатую педагогику.

Получилось ведь когда-то. Не умел, а сыграл. Что-нибудь придумаю и в этот раз. Пожалуй, соглашусь на максимум. Хотя цифра долга, которая повисает на мне, составляет, если перевести в доллары, около двух миллионов. Собственных оборотных средств у меня в ту пору было всего 15–20 процентов от этой суммы, то есть отвечать в случае чего — нечем. Квартира в центре Москвы — ещё тысяч пятьдесят. Вот и всё богатство.

Если не справлюсь с операцией, испорчу продукцию или разворуют, что тогда меня ожидает? Тюрьма — как минимум, но это, пожалуй, ещё в лучшем случае. Даже госпредприятия продавали в ту пору долги «юридическим», а на самом деле — бандитским фирмам, которые почему-то любили называться «факторинговыми компаниями». «Будь что будет. Кто не рискует, тот не пьёт…» — пронеслось в голове. Я сказал, что приду минут через 10–15. Нужно ещё раз спокойно рассчитать сроки реализации и возможность полной оплаты через два месяца.

А сам, уже всё решив, пошёл в соседний магазин за шампанским, конфетами и яствами, чтобы отпраздновать неожиданную, дай Бог не роковую, сделку и заложить фундамент взаимоотношений на будущее.

Операция оказалась совершенно непохожей на камчатскую и как бы с лихвой компенсировала мои нервные издержки. Я не только не бегал по рынкам и складам, не общался с бандитами, но даже не видел самой продукции. Выпили шампанское, подписали договор со сроками оплаты, и через несколько дней секции громыхали на стыках в иркутском направлении.

Не увидел я продукцию и в Иркутске. «Иркутскрыба», прельстившись отсутствием предоплаты, забрала всё оптом. Причём комиссионные посредникам я имел полное моральное право выплатить не полностью, а то и не выплачивать вовсе. Одну секцию рыбы, из указанных в договоре, они не поставили, то есть,

строго говоря, условия не выполнили. Тем не менее мелочиться не стал, отдав всё до копейки.

К сожалению, эта мегасделка получилась разовая, и больше мы не встречались ни с приятелем, ни с приветливыми рыбницами. И в Иркутске, и в Москве вскоре властвовал беспощадный грабитель «российский рынок», разрушавший до основания все прежние структуры управления.

Очень непросто было, правда, затем получить деньги в «Иркутскрыбе». Рассчитывались они месяца три-четыре, вместо одного по договору. Мы же согласовали с москвичами отсрочку ещё на пару месяцев. И, естественно, после получения пустили деньги поработать на это добавочное время. Индексация долга на инфляцию или фиксация цены в валюте в ту пору отсутствовала. Это безжалостно съедало оборотные средства богатых соцпредприятий, но помогало нам наращивать собственный капитал.

Кредит был легко возвращён в банк, и мы начали работать на свои средства.

На «Рояле» через Россию

Горбачёвско-ельцинский кавардак 90-х годов заразил не только напропалую торгующую своим имуществом армию, но и такое супердисциплинированное полувоенное ведомство, как железная дорога. Бандитский беспредел царил и на ней. Вовсю процветал грабёж грузов. Их сопровождение и охрана стали заботой коммерсантов. Ни умелых сопровождающих, ни охраны в недавно родившейся фирме тогда не было. Не было ещё и средств на лишний персонал. Если молдавские вина, отдаваемые нам без предоплаты, сопровождали сами молдаване, то доставка продукции из Москвы была нашей заботой. Основными московскими грузами в ту пору были импортные кондитерские изделия и спирт в литровых бутылках с королевским названием «Роял». В России его быстро перекрестили в «рояль» и, предлагая выпить, говорили: «Ударим по клавишам!»

Где производили этот спирт, до недавних пор оставалось для меня загадкой. Кто-то утверждал, что в Голландии, кто-то кивал на Польшу. И лишь совсем недавно на очень солидной продуктовой выставке в Москве я познакомился с крупным грузинским предпринимателем. Через несколько минут разговора мы прониклись симпатией и доверием друг к другу, так как оба оказались старожилами бизнес-сообщества, родом из самого начала лихих 90-х, и некоторое время работали на одном «конвейере». Он закупал в Германии спирт «Роял» и вёз через всю Европу, а потом и до Москвы. При этом мой новый знакомый Валико даже слегка гордился, что завозил спирт только гарантированного качества. Из Москвы спирт расходился по всей стране. В какой-то мере это было даже и благом, так как некачественных поддельных водочных суррогатов в пору 90-х годов было не счесть.

Но всё же, как поведал мой визави, спирт в Россию он завозил неофициально. Документы были оформлены на транзит по России из Литвы в Грузию. Цена дороги до Москвы составляла 700–1000 долларов США с каждой фуры, не считая официальных затрат, причём оплачивались они по 100 долларов на всех известных постах ГАИ. Изредка фуре удавалось проскочить пост очередного побора, но при этом можно было нарваться на «штраф» в 500–1000 долларов. А один конфликт с «доблестными стражами порядка» обошёлся Валико в весьма круглую сумму. Его ребята как-то раз отказались платить милиции на непривычном новом посту. За эту недопустимую провинность их, в назидание другим, арестовали за контрабанду. Небыстрое освобождение

обошлось хозяину в 300 000 долларов. Единственным, кто попытался поставить действенный заслон «Роялу» и другой незаконной вино-водке, был генерал пограничных войск Николай Иванов. Но увы. Спиртовой поток победил, легко смыв строптивого генерала указом президента Бориса Ельцина.

Впрочем, нас эти проблемы не коснулись. Мы закупали «Роял» через Гришу вполне официально у знакомой ему немецкой фирмы, дислоцированной в столице, и в течение нескольких лет продолжали его хлопотную транспортировку. Правда, слово «закупали» не совсем точное. Оплата была частичная — 30–50 %, остальное с отсрочкой, так как у зарубежных компаний кредиты были много дешевле. Гарантом своевременных расчётов был всё тот же Гриша, с которым мы начинали штурмовать Камчатку.

В ту пору жил он в самом центре Москвы, в недоступной для нас гостинице «Москва» с видом на Кремль. Большую часть дня он проводил в своих двухкомнатных апартаментах, не вылезая из халата, вёл, как метко заметил Геннадий Гайда, исключительно халатный образ жизни. Основная его задача заключалась в том, чтобы пить кофе, а иногда и вина с московско-иностранными продавцами и дальними покупателями, в основном от Владивостока до Иркутска.

Он участвовал в согласовании размера предоплаты в зависимости от возможностей и благонадёжности покупателя. С каждой сделки получая три-пять процентов за свои «халатные» чаепития. Кроме знания покупателей гаранту необходимы были связи и некоторый авторитет в криминальном мире подшефных городов. Стимулом держать слово было прежде всего желание сохранять лицо и продолжать работать на выгодных, с точки зрения отсутствия полной предоплаты, условиях. Но был, что здесь греха таить, и другой, мощный стимул. Нередко с хроническими должниками в ту пору разбирались многочисленные «бригады» бандитов. Масштаб криминала был, пожалуй, самой отличительной чертой крутых 90-х. Поэтому при заказе поставок я всегда рассчитывал, что у меня хватит средств рассчитаться за товар и в случае ЧП.

Сопровождать первую партию спирта «Роял» от Москвы до Иркутска я поехал вместе с Гайдой. Хотелось самому оценить степень дорожного риска. Слово «сопровождать» звучит слишком солидно для почти недельной жизни в тёмном вагоне вместе с грузом, ночёвок в спальных мешках на коробках с соблазнительным для грабителей содержимым.

«Военную» хитрость пришлось использовать и здесь. Основными наводчиками могли являться официальные сопровождающие поезда, работники станции отправления и

железнодорожная милиция промежуточных станций. Для отвода глаз у нас были вторые фактуры о перевозке в вагонах кондитерских изделий. Коробки с «кондитеркой» действительно лежали у дверей и частично в верхнем ряду. Единственные, кто знал доподлинно наш груз, были несколько человек, официально сопровождающие поезд. Они следили за самим процессом погрузки на станции, и от их внимания, конечно, не ускользнули коробки со «стратегическим» грузом.

Не оставалось ничего иного, как заплатить им за молчание при погрузке и пообещать расплатиться товаром по прибытии. Они честно отработали свой «заработок». Ночью, когда на станции несколько вооружённых милиционеров начали проявлять повышенный интерес к нашему вагону, желая нагло проверить соответствие содержимого фактурам, якобы при этом выясняя, не перевозим ли мы оружие или ещё что-либо запрещённое, наши сопровождающие появились как нельзя вовремя и уладили назревающий конфликт или грабёж.

Так повезло не всем. Назавтра мы узнали, что из одного вагона сопровождающих отвели в отделение милиции для выяснения личностей, а вагон их был в это время основательно разграблен.

Мелких поборов в дороге было не счесть, особенно у тех, кто не подружился со штатными сопровождающими и у кого фактуры или коробки выдавали винно-водочный груз.

Что касается вагонного быта, то на каждой станции мы выбегали на свет Божий подвигаться, добегали до бабушек с горячей картошечкой и с тем, что ещё Бог послал. Во время дневного движения мы старались закреплять двери в открытом положении, без устали любовались просторами Родины, нередко кричали песни и стихи. Благо запас стихов был практически неистощим.

В общем, и в этом вояже была и своя романтика, и особая радость при возвращении. Что ни говори, а необорудованный вагон всё же напоминает тюремное заточение. Хотя отсидели мы в вагоне не годы, а только семь суток, но всё же испытали счастье от встречи со своим, ставшим ещё более родным городом.

Похожую, но ещё большую радость от свидания с городом испытал я только один раз, когда в 16 лет возвратился из геологической партии, где пробыл целое лето да плюс ещё по паре недель от мая и сентября. Уехали мы раньше, чем завершился учебный год, приложив немалые усилия на убеждение и родителей, и учителей — с посещаемостью в ту пору было строго. Самое трудное из детских дел было убедить отца отпустить на всё лето в незнакомую ему настоящую тайгу, где

даже медведи водятся. Не меньше медведей его страшили сезонные работяги — у многих, действительно, оказалось непростое прошлое. Но, как ни странно, между ними действовало железное правило никого не уговаривать выпить чифиря или браги. Каждый решал сам. Они не отказывали, но и никогда не предлагали. Хлебнули же мы, как говорится, досыта мурцовки труднейших переходов! Если бы рядом были родители и дом, чтобы было перед кем покапризничать и куда сбежать, вряд ли бы выдержал эту романтику. Но вокруг на тысячи километров тайга, да Мама, но не родная, а верховье холоднющей реки. И так четыре месяца. Человек пятнадцать геологов да десяток лошадей брали с боем всё новые километры тайги и болот. Лица и имена геологов, морды и клички лошадей врезались в память на всю жизнь.

Навсегда запомнился и восторг встречи с родным городом. С его твёрдым и, как выяснилось, любимым асфальтом и с диковинными, какими-то инопланетными существами в капроновых чулках, туфельках и сверхмодных в ту пору и, естественно, жутко дефицитных болоньевых плащах.

Такие вот два радостных свидания с городом, отстоящие друг от друга чуть ли не на тридцать лет. Одинаково приятно ступать по незаметному в обыденной жизни, кажущемуся естественным покрытием городской земли, асфальту после мхов и болот, равно как и спустившись с беспрерывно трясущегося и не очень устойчивого на стыках и поворотах «рояля». Скажи кому-нибудь, так — и не поверят, что мы с Гайдой на «рояле», как Емеля в русских сказках на печи, проехали пол-России.

Сахарный вход в областную администрацию

Тесно работая с Молдавией по поставкам вина и фруктов, мы с Батразом и Гайдой познакомились, как я уже говорил, и даже сдружились с руководством Молдконтракта, дающего разрешение на вывоз продукции. Эта государственная организация имела двойственное подчинение — и республиканскому правительству, и доживающему свой век Госснабу СССР. Её как бы старшим братом была московская организация Росконтракт, с коей мы познакомились уже через своих молдавских друзей-приятелей. Представили они нас как надёжных партнёров, умеющих выполнять договорные обязательства, то есть вовремя оплачивать полученную продукцию. Основным дефицитом, тормозящим торговлю в пору гайдаровских реформ, были оборотные средства — финансы. Госпредприятия их быстро теряли, благодаря законодательному ограничению наценки на произведённую продукцию двадцатью пятью процентами и безудержной инфляции. Новые же структуры ещё не встали на ноги достаточно прочно. Поэтому все основные поставки шли без предоплаты, и репутация надёжного плательщика в ту безденежную пору была главным капиталом.

Ожидаемых Батразом вина и фруктов, на которых он специализировался, в свободном распределении Росконтракта, несмотря на долгие обещания, не оказалось. На местах уже начали проявлять предпринимательскую самостоятельность, и большая часть ходовой продукции пошла, минуя централизованное распределение, присущее уходящей эпохе.

Но зато Росконтракт вскоре предложил новый для нас товар — сахар, причём в огромном количестве — от 20 до 40 вагонов.

Батраз не проявил к сахару особого интереса, так как не знал ни конъюнктуры, ни цен. Огромные опасения, правда, совершенно другого рода, возникли и у меня. Вдруг к моменту прихода наших вагонов в городе будет избыток сахара? На сливочном масле немало предпринимателей по причине дефицита, неожиданно перешедшего в избыток, разорились. Так и сахар могут приобрести — по «тепличной» схеме — вёрткие ребята из «Иркутской биржи», имеющие прочные связи с областной администрацией. Дружба с администрацией обеспечивала этой так называемой бирже особую «валюту» — попрочней, чем американский доллар. Этой «валютой» были весьма дефицитные нефтепродукты, в том числе бензин, производимые на

мощнейшем в масштабах России нефтехимическом комбинате города Ангарска. Поскольку государственная цена на нефтепродукты была в разы ниже рыночной, то продавать продукты для области хозяева биржи могли и по заниженным ценам, не забывая, конечно, и про свой, как выяснилось позже, немалый «припёк». Вино не являлось товаром первой необходимости, и его по этой схеме не завозили. Не заморачивались они особо и на рыбе, не хотели, по-видимому, связываться со скоропортящейся продукцией. Сахар же совершенно другое дело. По идее он, будучи социально значимым в преддверии сезона заготовки ягод, должен быть их товаром. Но, с другой стороны, если они и привезут сахар, то ниже устоявшихся рыночных цен продавать его вряд ли будут. Бескорыстие, активно проповедуемое в социалистическую эпоху, с наступлением либеральной свободы моментально испарилось.

После этих быстро промелькнувших мыслей я решил играть почти по максимуму и согласился заключить, как всегда рискованный, договор аж на 35 вагонов; в денежном выражении это была огромная по тем временам сумма, но сейчас она может показаться весьма и весьма скромной — настолько подешевел рубль: если для простоты восприятия её выразить по курсу 2013 года, получится более двух миллионов долларов, а по курсу начала 2014 года — уже менее полутора миллионов. И ведь рубль продолжает катиться вниз, как с ледяной горы, с ускорением, полученным от украинских событий.

Как тут снова не вспомнить «юбилейную» столетнюю давность — переломный рубеж в истории России, с которым целый век сравнивали уровень развития экономики (особенно в советское время), — стабильный 1913 год и трагический 1914-й, когда при вступлении в Первую мировую империю подстерегла военная и экономическая катастрофа. Неужели экономическая пропасть подстерегает нас и ровно сто лет спустя?

В сахарную пору 90-х годов, полную надежд на хорошее будущее и для себя, и для окунувшегося в рынок всего Советского Союза, подписывая рискованный договор, я рассуждал арифметически просто. Всё же сахар не рыба и не масло, хранится намного проще — лечу в Иркутск организовывать предстоящую приёмку и хранение более двух тысяч тонн ранее незнакомого продукта.

В накуренном салоне самолёта, больше похожем на дешёвый кабак, дорвавшаяся до свобод публика галдела так, что казалось, ещё немного, и она пойдёт в последний пляс с битьём иллюминаторов для остроты ощущений. Я был готов к такому шестичасовому «комфорту». Поэтому надел тихие наушники, из

сырой марли сделал подобие воздушного фильтра для дыхания и погрузился в недалёкие воспоминания.

Вспомнилось, что ведь и я легко мог быть в активе биржи, а может быть, даже и её председателем, и в хорошей компании проворачивать самые хитрые бартерные сделки. Покупал бы товары, подчас не выходя из кабинета, за нефтепродукты, выделяемые по так называемым областным квотам, а не мотался бы по всему Советскому Союзу от Камчатки до Таджикистана в поиске товара и не натыкался бы на рогатки, вольно или невольно подстроенные новоявленной биржей. Особенно неприятная ситуация в ту пору создалась с поставкой микроволновых печей.

В Иркутске в начале девяностых они были на вес золота. Я находился в Москве по делам и знал, где находится завод микроволновых печей, но напрямую, через отдел сбыта, пробиться туда было практически невозможно: там у них уже куча своих клиентов, своих знакомых, с которыми сложились хозяйственные связи и личные отношения. Тогда я подумал о том, кто на заводе мог оставаться в стороне от «хлебного каравая» реализации продукции, но хотел бы тоже принять участие в его дележе, и позвонил главному экономисту. Рассказал при встрече, что я в недавнем прошлом его коллега, работник фактически родственного предприятия. Предложил ему представить меня в отделе сбыта своим родственником и походатайствовать, чтобы нам отпустили микроволновки, естественно, с учётом его интереса. И главный экономист завода с удовольствием выполнил несвойственную для него функцию, свёл меня с руководством отдела сбыта, и мне, как его «родственнику», отпустили немалое количество, чуть больше вагонной партии, микроволновок. Часть из них мы погрузили в вагон, где сопровождающим ехал опять же Гайда, но уже не один, а с другим моим родственником, Николаем; часть отправили на новеньком КамАЗе, который как раз в это время приобрели в Москве.

Однако в коммерческих делах время играет немалую роль: пока мы добывали и везли микроволновки, в Иркутске появились конкурентные печи, и реализация застопорилась.

«Вражеские» печи были приобретены по самой хитрой схеме, а именно выменяны на нефтепродукты из областной квоты (такие операции назывались бартерным обменом или попросту бартером). А потому цена их была существенно ниже, а прибыль много выше нашей, так как наценка на нефтепродукты была огромной.

В иной ситуации, встретившись с таким хитрым игроком, можно было бы и разориться. Но в микроволновки была вложена

только часть уже немалых собственных средств, а кроме того, на всех парусах на выручку по штормовому океану рынка спешила подстраховывающая бизнес, запущенная заокеанскими архитекторами перестройки безудержная инфляция.

Вряд ли кто-то из сегодняшних «биржевиков» знает, что у самых истоков создания их организации были мы с другим изобретательным производственником Вениамином Киршенбаумом.

У него дома на самой заре перестройки обсуждали мы почти фантастическую для той поры идею создания первой в Иркутске биржи. В Москве кое-какие шевеления в данном направлении уже начались. Был в нашей компании ещё и Борис Драгилев, традиционно отдыхающий летом в Иркутске на старенькой родительской дачке. В ту пору у него ещё не было авторских спектаклей одного актёра, хотя бардовские песни в собственном исполнении не раз звучали даже по центральным каналам радио и телевидения. Был он и весьма эрудированным кандидатом технических наук, правда, столицу покорял не формулами, а гитарой. Интересно, что, имея хорошую квартиру в центре Москвы и престижную иномарку, в Иркутске он ностальгически хотел оставаться в атмосфере детства. Жил в тесной насыпной дачке с родителями, а позже только с мамой и братом и при этом ездил на стареньких допотопных папиных «Жигулях» с почти старинными чёрными номерами. Не раз приходилось спасать его заглохшее авто, посылая механиков, а иногда и запасной современный автомобиль, на какой-нибудь оживлённый перекрёсток. Во всём остальном, кроме этой причуды, Борис был очень даже продвинутым москвичом.

После нашей «тайной вечери» по созданию биржи мы решили провести расширенное организационное собрание уже не на кухне у Киршенбаума, а в центре города, в старинном особнячке (угол улиц Киевской и Дзержинского), который в скором времени был отвоёван в собственность биржевого начальства. Борис в ту пору укатил уже домой, в Белокаменную, зато на оргкомитет пришло много других новаторов, рвущихся в капитализм. Среди новичков был в том числе и безработный Эдуард Розин. За неделю до нашего сбора он приехал в Иркутск, отработав несколько лет в Монголии. Его, как самого свободного, мы и решили выбрать председателем оргкомитета по рождению биржи. По нашей российской традиции первым делом он напрочь рассорился со своим «библейским земляком» и председателем инициативной группы Киршенбаумом и вскоре стал полновластным хозяином биржи.

Я в ту пору работал заместителем директора по экономике

арендного предприятия при Иркутском заводе тяжёлого машиностроения. На собрании мне предложили стать неосвобождённым пока заместителем председателя оргкомитета биржи. Я попросил несколько дней на раздумья и категорически отказался. По здравому рассуждению я пришёл к выводу, что вреда от этой, зародившейся в Москве, новации для экономики Иркутска, да и России в целом, может быть много больше, чем пользы. И когда руководство области поймёт суть этой хитрой структуры, то позора и, не дай Бог, уголовной ответственности не избежать. Рисковать престижем фамилии моего отца и дяди — орденоносных, широко известных руководителей крупных предприятий, — я просто не имел права. О том, что путь разрушения экономики вскоре станет официальной столбовой дорогой движения России, я и предположить не мог.

Выбранный нами председатель биржи неожиданно развил бурную деятельность, пригласил заместителем своего брата — молодого в ту пору, но уже крупного руководителя строительной отрасли. За ним потянулись и другие весьма способные молодые руководители, жаждущие новых возможностей самореализации. Некоторые из новоиспечённых биржевиков до этого прошли школу комсомольских вожаков, а потому научились более чутко, чем я, улавливать волю правителей, в одночасье заменивших КПСС. Не отягощены они были и кандидатскими диссертациями по экономике, и избыточными знаниями, сигнализирующими, что большинство новаций — дорога в никуда.

Через несколько лет напряжённой работы председатель биржи, он же главный контролёр финансовых потоков, успешно перековался из коммуниста в заправского капиталиста. Вскоре он, очевидно, почувствовал, что его способностям, а особенно деньгам, тесно в Иркутске, и укатил на ПМЖ к тёплым берегам защищённой со всех сторон Америки. Правда, большая удаленность от Иркутска и моря-океаны не спасли нашего путешественника. Не все сочли его финансовый взлёт справедливым, и вскоре на «новой родине» ему очень настоятельно предложил поделиться капиталом от непыльного бизнеса один из иркутских товарищей по работе, правда, с хорошими криминальными связями. Предложение было сделано в весьма представительной компании с участием главы преступного мира — Япончика. Последний, как известно, мелочами не занимался и вполне успешно ряд лет встречал в Америке беглых российских богачей-Кореек. Сам он выполнял, по-видимому, роль незабвенного Бендера, предлагая беглецам щедро поделиться награбленным в России богатством. В результате «дележа» экс-председатель биржи остался, говорят, еле

живой и изрядно похудевший финансово.

На этом злоключения биржи, олицетворяющей первые капиталистические успехи иркутского бомонда, не закончились. Между оставшимися биржевиками, каждый из которых по натуре был лидером, началась нешуточная борьба за соблазнительный финансовый поток и другие наработанные богатства, включая и особняк. Эта нешуточная борьба за раздел «пирога» едва не закончилась братоубийственной стрельбой недавних товарищей…

Такие воспоминания навеяла в самолёте моя рискованная сахарная сделка. По-хорошему, перед заключением контракта следовало, конечно, позвонить и поинтересоваться планами владельцев «нефтехимической валюты». Но вся их деятельность была окружена, во-первых, завесой тайны, а во-вторых, и они в нашей переходной неразберихе были склонны к экспромтам. Подвернётся сахар — привезут и его.

По прибытии в Иркутск я убедился, что сахар пока в остром дефиците. И уж, что вовсе неожиданно, меня, очевидно с подачи приятелей, работающих в администрации, среди других солидных руководителей пригласили к заместителю главы областной администрации по сельскому хозяйству и торговле Колодчуку Александру Васильевичу. Он проводил совещание по предзимнему завозу продуктов. Магазины в новых капиталистических условиях никак не приближались тогда по изобилию к западноевропейским стандартам, а скорей, откатывались назад — к Северной Корее. Старое порушили, как всегда, по-кавалерийски быстро, а новое ещё только рождалось.

Первой позицией продуктового дефицита на совещании был назван… сахар! Основным ответчиком по этому вопросу выступил заместитель директора мощнейшей, недавно акционировавшейся организации Росбакалея.

Хорошо поставленным голосом социалистического хозяйственника он заявил, что у их базы никаких проблем с сахаром не предвидится: они, как и в прошлые годы, готовы к сезону заготовок и к зиме, а значит, примут и отгрузят по назначению, в том числе и на север Иркутской области и в Якутию, до 150 тысяч тонн сахара. После этого почти торжественного заявления меня кинуло в холодный пот от названных страшных цифр, готовых, как я понял, обрушиться на Иркутск. Победно оглядев собравшихся, докладчик, иркутский представитель Росбакалеи, хотел было сесть, но хозяин кабинета задал простой и очевидный вопрос: «Каковы сроки прихода столь необходимого жителям области продукта?»

Нисколько не смутившись, руководитель-капиталист, недавно ушедший вместе с базой в свободное от министерства торговли и

местной партийной опеки акционерное плавание и быстро «мастеривший» на «своих» бескрайних складах рынок, ответил, что сахар будет в магазинах немедленно… после того, как он его получит. Но когда получит — ему неизвестно, так как в министерстве торговли идёт полнейшая то ли реорганизация, то ли ликвидация, а никто другой сахар ему пока не отправляет. В Москву по этому вопросу он никогда ранее и, естественно, теперь не выезжал — и где добывать сахар, понятия не имеет. «Привезут — переработаю!» — снова бодро заверил выступающий, уверенный в своей социалистической правоте, изрядно повеселив присутствующих.

Все остальные участники заседания, в том числе и «биржевики», пообещали, что приложат все силы к поиску сахара. Когда дошла наконец очередь и до меня, то я, ко всеобщему удивлению, скромно сказал, что ожидаю несколько тысяч тонн сахара дней через десять. На какое-то мгновение воцарилась полная тишина.

Сразу же после совещания я выяснил, что сахар уже отгружен с Украины и вагоны «громыхают» на стыках где-то недалеко от Уральских гор. Через четыре дня после совещания сахар был в городе и расхватывался магазинами за немедленную оплату прямо с колёс, да ещё и с хорошей наценкой.

Московские кабинеты умирающего Госснаба ещё несколько раз вознаграждали сахаром наши неустанные мытарства по, увы, также доживающей свой век некогда могучей и обширной империи.

После совещания по завозу продуктов и столь удачных поставок я был, чуть ли не единственный от торговли, включён вместе с крупнейшими местными производителями в узкий круг стратегических партнёров областной администрации. Возглавлял в то время администрацию будущий первый губернатор Иркутской области, опытнейший хозяйственник и просто очень обаятельный человек Юрий Абрамович Ножиков. Вечная ему память!

Моя близость к власти давала и некоторые весьма весомые преференции. Например, немалые льготные кредиты — осенью на северный завоз, а в начале лета на так называемый кассовый разрыв, причём 50 % банковской ставки покрывал бюджет. И хотя использование денег особо не контролировалось, тем не менее у меня появилась возможность закупать муку и крупы, как говорится, цивилизованно, на корню. Я установил прямые связи с несколькими алтайскими сельхозпредприятиями и проплачивал им горючее и другие затраты в период острого безденежья за несколько месяцев до сбора урожая, а одно время имел там даже

собственную мельницу.

Но не только сладкий привкус остался в ту пору от отношений с властными структурами. Шеф продовольственного рынка в ранге заместителя главы областной администрации как-то уговорил меня без предоплаты отгрузить немалое количество продовольствия в один из отдалённых районов. Порукой было его высокое административное слово.

Я, каким-то шестым чувством предугадав неприятности, попросил в дополнение к слову ещё и гарантийное письмо. После недолгих колебаний хозяина слова я получил этот документ за его подписью на фирменном бланке.

Когда пролетел трёхмесячный срок отсрочки платежа, как я и опасался, расчёта не последовало. Местная фирма, через которую осуществлялась поставка, к тому времени перешла в ранг неплатёжеспособных. Закона о банкротстве ещё не было, да он, в общем-то, обычных кредиторов и не спасает.

Похвалив себя за предусмотрительность, я напомнил заместителю главы областной администрации о гарантийном письме. Он, как водится, пообещал решить вопрос в самое ближайшее время. Прождав ещё месяца три и увидев, что вопрос так и не решается, мы, с полной уверенностью в благоприятном исходе дела, подали заявление в арбитражный суд. Тогда я ещё не был научен опытом, что здравый смысл и судебные решения стыкуются далеко не всегда. И действительно, юристы администрации представили документы и показали, что, согласно уставу администрации, распоряжаться финансами имеет право только глава области и его первый заместитель. Так что очевидное на первый взгляд дело оказалось проигранным. Вместе с тем выяснилось, что мы можем предъявить иск не к администрации, а непосредственно к должностному физическому лицу, подписавшему письмо, то есть к заместителю главы. Этот ход был тем более оправдан, что, по моим подозрениям, областной начальник был лично заинтересован в «работе» через указанную им фирму, да и «кинула» она многих из числа связавшихся с ней по просьбе высокого чиновника. Гарантийное письмо, к слову сказать, было только у нас.

Рассудив, что судебное разбирательство со столь важным лицом — явное нарушение неписаных правил и к тому же слишком жестоко перечеркнёт исполнительным листом карьеру неплохого, в общем-то, человека, с которым и работали, и не раз обедали вместе, от дальнейших судебных действий, поразмыслив, мы отказались. В этой ситуации пришли в противоречие две замечательные русские пословицы: с одной стороны, «договор дороже денег», но с другой — «не имей сто рублей, а имей сто

друзей». Выбрав второе, мы зафиксировали, увы, немалые убытки.

Что касается сахара, то через год ни Росконтракта, ни Молдконтракта уже не было, и поставка сахара в Россию, в том числе и с Кубы, и с Украины, и из других стран перешла в руки вёртких иностранных фирм или совместных с иностранцами предприятий. С некоторыми из них мне удалось установить прямые связи. В результате лет семь — десять моя фирма «СибАтом» была крупнейшим поставщиком сахара, муки и круп в родной город.

В эти же годы мы первыми из иркутских предпринимателей начали развивать и свою торговую сеть, купив и взяв в аренду несколько десятков магазинов. Наряду с торговлей продуктами запустили мы и своё хлебное производство, и крупный цех полуфабрикатов, и цех пивоварения, открыли также несколько ресторанов, несколько мебельных магазинов и в Иркутске, и в Ангарске. В конце 90-х — начале 2000-х годов «СибАтом» был, пожалуй, самой значительной и известной коммерческой фирмой г. Иркутска на продуктовом фронте.

После более чем десятилетия напряжённого труда на коммерческой ниве мои основные интересы начали плавно перемещаться в сферу литературного творчества, просветительства и собирательства картин.

Вперёд стали вырываться другие коммерческие фирмы: «О'кей», «Слата», «Море пива», «Балтбир», возглавляемые талантливой молодёжью, свободной от творческих устремлений в других сферах жизни. Место «торговых кустарей» типа Батраза очень быстро занимали молодые ребята в галстуках, буквально дрессируемые на бесконечных тренингах цепкими инофирмами.

В начале двухтысячных годов крайне важно было задружить с представительствами основных инофирм, поставляющих бессчётные сорта пива, кофе, сигарет, марсов-сникерсов, пепси-колы и т. д. Под их патронажем коммерсанты новой волны развивали свою логистическую транспортную сеть и склады по всей территории области. В составе этих немногих фирм начали создаваться так называемые выделенные команды двойного подчинения — мощной федеральной корпорации, которая платила командам зарплату, и руководству местной фирмы, осуществляющей развозку продукции и сбор денег. Низкие наценки — 5–7 % — компенсировались огромными объёмами. Некоторые из местных фирм, имеющие крепкие транспортно-сбытовые подразделения, вскоре стали сильными конкурентами по любой оптовой работе в Иркутской области, включая и самое сложное и многономенклатурное винно-водочное направление. Выдержим ли мы конкуренцию, жутко осложнённую кризисом,

или несколько логистических компаний монополизируют весь областной оптово-розничный рынок — большой вопрос. Будет ли детьми дан новый старт ещё не так давно лидирующей компании с таинственным для многих названием «Научно-производственное объединение «СибАтом» — покажет быстротекущее время.

Первый арбитражный

Времена Достоевского, получившего инженерное образование и вынесшего из института широчайшую общекультурную подготовку, вплоть до обязательных навыков в танцах, рисовании, литературе и обществоведении, напрочь оборвались выстрелом печально знаменитой «Авроры». Впервые о существовании арбитражного суда услышал я совершенно случайно дома, хотя был преуспевающим студентом-машиностроителем. Я на «отлично» сдавал марксистско-ленинские общественные науки, разоблачающие варварство бездушного капитализма, вариант которого в самом чистом виде мы, кажется, самым мистическим образом и накликали на свою многострадальную Родину. Во многих других капиталистических странах в общественном устройстве — изрядная примесь социализма и как результат — значительно большая, чем у нас, социальная справедливость. С устройством же родного государства, на просторах которого предстояло жить и работать, в студенческие годы я был, как оказалось, совершенно не знаком.

Судился, причём весьма напряжённо и нервно в социалистическую пору, мой отец — директор мясокомбината и к тому же юрист по образованию. Я видел, как он лично вникал во все детали и редактировал дома тексты подаваемых в суд документов. При наличии на комбинате юридического отдела его непосредственное участие в деле казалось мне странным, как надуманным и очевидным казался и сам предмет спора, в котором отец был, конечно, прав на все сто. Судите сами.

Московский мясокомбинат направил отцу в «порядке взаимовыручки» несколько секций мяса. Но анализ ветеринарной лаборатории показал его, мягко говоря, не первую свежесть, а значит, полное несоответствие техническим условиям и ГОСТам. Хотя что-то не очень качественное из него можно было исхитриться и произвести «по-нашенски, на авось». Но это, как говорится, похмелье на чужом пиру. «Кто испортил, тот пусть и рискует», — рассудил отец и отправил вагоны назад в Москву. За время путешествия мясо, по-видимому, испортилось окончательно. Кто из двух директоров виноват в немалых потерях общенародного добра, и явилось, как я понимал, предметом спора. Московский директор оказалась с прекрасными связями в подкармливаемой ею столице, где и рассматривалось дело. Несмотря на всё красноречие и напористость отца, правдами, а больше неправдами дело выиграли оппоненты. Отец оказался «стрелочником». С учётом большой суммы убытков его тут же

приказом министра отстранили от директорства, к тому же он второй раз оказался на волоске от уголовного дела. Таким подавленным из-за потери любимой работы, а значит, из-за разрушения всего образа жизни, и жуткой несправедливости — я его ещё никогда не видел.

Но горе продолжалось буквально сутки. Первый секретарь обкома партии Н. В. Банников, вникнув в суть дела, приказал отцу продолжать работать, заверив, что отстоит его перед московскими очковтирателями. Суть его разговора с министром, как мы узнали позже, была проста: «Вы сняли — вы срочно и присылайте не менее сильного и заслуженного директора». Но таких в «кубышке» министерства, естественно, не оказалось. Хорошие директора, как известно, «продукт» штучный. И буквально через три дня приказ министра был отменён, причём выговор для порядка влепили обоим неполадившим директорам. Из этого случая я сделал вывод об «объективности и неподкупности» московских судей, а также, что «судись-рядись», а всё на местах решают «партийные князья», если руководитель в их поле зрения, т. е. номенклатура.

В наше время нет ни всевластных обкомов КПСС, ни отраслевых министров, хотя чиновного люда стало больше. Поэтому решение арбитражного суда теперь окончательно, с той оговоркой, что дело рассматривает три, а иногда и четыре инстанции, правда, не всегда более объективных, чем при социализме. Последней инстанцией иногда является Высший арбитражный суд Российской Федерации.

Суть нашего дела была слегка схожа с отцовским случаем. Мы получили целую секцию испорченных бананов, тонн так 120–140. Убыток — около ста тысяч долларов, что весомо всегда, а в начале коммерческого пути особенно.

Естественно, что у меня по аналогии сразу же мелькнула мысль предъявить иск фирме — отправителю фруктов. Но это не мясокомбинат, есть ли у неё чем ответить? Внимательно изучаю договор, а юрист, работающая в ту пору на полставки, пытается выяснить информацию по предполагаемому ответчику. Фирма оказалась вполне состоятельной, недвижимость и материальные запасы были. Позже большинство торгующих предприятий начали перекидывать все материальные ресурсы на «боковые» фирмы, чтобы в случае налоговых и других «наездов» можно было вмиг опустевшую фирму бросить или безбоязненно обанкротить. Наиболее нахальные фирмы, не заботящиеся о своей репутации, их, к счастью, меньшинство, подобным образом «кидают» всех кредиторов, не расплачиваясь, в том числе и за поставки продукции.

Но радоваться было нечему. В договоре указывалось, что наша ответственность наступает с момента получения продукции непосредственно у продавца и погрузки её в секции. Маленький юридический «зазор» в этой формулировке, показалось, что есть. Получение продукции — это одно действие, и происходило оно в их складе. Погрузка — другое, и отстают эти события друг от друга на полтора суток. Складское хранение и погрузка — всё же их задача.

Консультации со специалистами сделали шанс уцепиться за этот повод и выиграть дело почти призрачным. Наши малоквалифицированные приёмщики подписали все документы и рассчитались, окончательно приняв бананы в складе ещё до погрузки в вагоны.

В разговоре с нашими приёмщиками — очень далёкими от товароведения — выяснилось, что бананы в момент погрузки выглядели, мягко говоря, неидеально. Вкус их был, как говорится, на любителя. Что с ними будет через неделю-две — они не задумались и не проконсультировались ни на месте, ни с нами. Да и мы сами усвоили много позже, что бананы нужно грузить недозревшими, а доходить до зрелости они должны при газировании CO_2 в специальных камерах, причём закладывать фрукты необходимо партиями по мере подготовки к продаже. По такой технологии мы стали работать много позже, когда фрукты перестали продаваться с колёс, а между поставщиками началась битва за вход в магазины и особенно в торговые сети. Если на заре рыночных отношений продукты с трудом доставали, а магазины расхватывали их наперегонки, то теперь всё наоборот. Поставщики официально платят миллионы рублей за вход в сетевые супермаркеты, а по вину ещё и в рестораны, затем выплачивают ежеквартальные или годовые бонусы, а нередко, по секрету, и взятки коммерческим директорам и менеджерам. Правда, для закона подношения негосударственному служащему не являются взяткой. И никакой юридической ответственности мздоимец не несёт. Хозяева бизнеса и здесь без поддержки государства, добивающего предпринимательство непомерной налоговой чехардой.

Получили мои представители мзду за приёмку не доехавших «живьём» бананов или нет — вечная тайна. Да и в любом случае возместить они смогли бы только несколько потемневших в пути коробок. Неужели круг полностью замкнулся и компенсировать огромные убытки никак не удастся?

Оказалось, что не совсем так. Шанс, как всегда, есть. Выяснилось, что ещё одна сторона отвечает за качество доставленного, а главное, и отправляемого груза. Это мощнейшая

и, конечно, платёжеспособная организация — железная дорога. Ура!

Если бы груз везли на холодильных фурах, как делали не раз, такого бы шанса не было. У железнодорожников правила другие, не изменившиеся с недавних социалистических времён.

К счастью, этот путь спасения удалось выяснить буквально за несколько часов после начала разгрузки. Время в данном случае — действительно деньги. На улице жара. Срочно нужно пригласить нейтральный контролирующий орган для разрешения подобных споров — Торгово-промышленную палату. Благо там работал мой хороший знакомый. Вместе с ним уже поздним вечером объезжаем несколько его сотрудниц и уговариваем, чтобы они с приборами вышли в вечернюю смену. Подобная суета с заездами домой, когда на тебя с подозрением смотрят родители, а ещё хуже, мужья молодых особ, была, как наказание, ещё на родном радиозаводе, когда я работал и мастером, и начальником цеха. Не привыкать организовывать неурочные смены. Почти к утру солидный акт о некондиционности груза был готов.

Назавтра, не мешкая, срочно отвозим акт в отделение железной дороги. Но вопреки ожиданиям, никто от дороги не прибежал к нам и даже не позвонил в течение нескольких дней. Удивительно спокойная реакция их юридической службы. Неужели для всесоюзного монстра сто тысяч долларов не деньги? А может быть, наши действия с Торгово-промышленной палатой настолько грамотные, а главное, оперативные, что всё равно не оставили им шансов улизнуть от ответственности? На радостях я выплатил юристу немалую премию и столько же пообещал после возмещения нам убытков. Вскоре подготовили все документы и впервые с момента рождения фирмы отдали их в арбитражный суд. Месяца через полтора-два с предвкушением лёгкой победы идём с юристом на заседание суда. Правда, немало волнуясь, всё же суд, а в коридорах строгие женщины в чёрных мантиях. И мне, сорокалетнему бойцу коммерческого фронта, вспомнилась почему-то трогательная Наташа Ростова перед первым балом.

Каково же было моё удивление, когда, вместо быстрого рассмотрения по существу акта Торгово-промышленной палаты и вынесения совершенно очевидного для меня решения, началось инициированное противником нудное рассмотрение наших договоров: на перевозку — с железной дорогой, на закуп — с продавцами бананов, а также наших доверенностей на представление интересов в суде. Оказалось, что названия и координаты фирм из-за нашей небрежности не полностью соответствуют друг другу. По мнению противоположной стороны,

покупатель, перевозчик и участники дела — разные организации с похожими названиями, а значит, нет стороны для хозяйственного спора, и нашу жалобу следует отклонить по этому формальному признаку.

Но судья, слава Богу, а может быть, благодаря небольшому знакомству с юристом, не приняла безоговорочно это жуткое для нас предложение опытных противников и милостиво дала нам месяц, чтобы подготовить доказательства идентичности фирм.

Время пролетело быстро, идентичность фирм мы доказали. Но после этого на заседании разорвалась следующая «бомба», совершенно неожиданная для меня и, возможно, для юриста тоже.

Оказывается, что для их единственного отвечающего за качество доставляемого груза ведомства (по давнему постановлению Совета Министров СССР, подписанному его председателем А. Н. Косыгиным ещё в брежневскую эпоху), акты Торгово-промышленной палаты недействительны, если не соблюдено ещё одно условие: мы должны были в течение суток уведомить телеграммой их ведомство и пригласить на разгрузку или хотя бы на освидетельствование испорченного груза. Их исполнители, конечно, узнали сразу же, что груз испорчен. Но «слово к делу не пришьёшь». Акт мы вручили им под роспись на вторые сутки, опоздав, как выяснилось, часов на шесть. По бледности, вдруг разлившейся на лице юриста, я понял, что мы со своей правдой о действительно некондиционных бананах тонем в водоворотах их ведомственных правил. Но по привычке не сдаваться без боя я, не дав опомниться юристу, заявил с места, нарушив, таким образом, регламент, что телеграмму мы отправили немедленно после того, как открыли секцию, а дошла она или нет — вопрос другой. Не особенно поверив моей реплике, так как квитанции в деле не было, и сделав мне замечание, судья тем не менее объявила очередной перерыв для выяснения обстоятельств.

Была или нет формальная телеграмма ценой в сто тысяч долларов для фирмы и премиальной месячной зарплаты для юриста, ранее работавшей в городской администрации и неплохо знающей многих руководителей, я так до конца и не узнал.

Судя по словам — была, а по неожиданной бледности — её явно не было. Но, как бы то ни было, через месяц к следующему заседанию суда квитанция о приёме телеграммы, выданная центральным телеграфом, появилась. Причём впоследствии этот потёртый листик выдержал даже долгую, как всегда, прокурорскую проверку, инициированную железной дорогой. Только после завершения проверки, месяца через четыре, а может,

и через пять месяцев, суд приступил к рассмотрению дела по существу.

Перед нами судом всё же была поставлена задача доказать, что бананы могли быть испорчены во время следования по вине железной дороги, рассудив, что за первоначальное качество должны отвечать всё же мы сами. Юрист в этом нестандартном, почти техническом вопросе оказалась совершенно беспомощной. Я сам искал доказательства того, что в нашей секции, как, собственно, и в большинстве других, не работали предусмотренные правилами автоматические регистраторы температуры, не вёлся положенный в таких случаях бортовой ежедневный журнал записей температуры и влажности. Доказал, что не было также записей в журналах и станционных контролёров температуры по маршруту следования груза. Только после обстоятельного знакомства с этими сугубо организационно-техническими деталями, гарантирующими сохранность груза, и убедившись, что не всё, оказывается, ладно в суперведомстве, судья, месяцев через семь после начала процесса, вынесла решение в нашу пользу. Ещё четыре-пять месяцев ушло на кассационный и апелляционный суды, оставившие решение в силе.

Но оказалось, что решение — это ещё далеко не деньги. Время неумолимо шло, а судебные приставы были совершенно не в состоянии взыскать выигранные нами средства у всемогущего ведомства. Если арестовывался один счёт, их финансисты легко пользовались другими. В кассе к моменту прихода приставов, долго минующих ведомственную охрану, денег тоже, как всегда, не оказывалось.

Особенно изворотлив в вопросе неотдачи выигранных нами средств был первый заместитель начальника дороги. Хотя на этапе обращения в Высший арбитражный суд, когда приставам удалось один раз добраться до их кассы и арестовать небольшую часть долга, мы полюбовно договорились, что по мелочи их не дёргаем, но если окончательно выиграем процесс, то они обязательно рассчитаются. Крепко пожали друг другу руки, честно и открыто глядя друг другу в глаза.

Но, увы, даже и в этом случае выражение «Честь имею!» оказалось чужеродной формулой для высокого и весьма перспективного руководителя. К слову сказать, вскоре он получил немалое повышение в должности.

Только честная позиция начальника ВСЖД, почётного гражданина г. Иркутска Геннадия Павловича Комарова, глубоко уважающего моего отца и других руководителей из семейной династии, позволила получить нам практически через полтора

года большую часть выигранных во всех четырёх инстанциях средств. От начисленных судом кредитных процентов мы, по его просьбе, добровольно отказались.

Исковые средства были, естественно, зафиксированы в рублях, и получили их мы как нельзя кстати. Немедленно погасили ими часть долга за валютный в ту пору товар — импортный, кажется, французский сахар. Буквально через неделю разразился самый крупный кризис, при котором в 1998 году деньги в валютном выражении подешевели в четыре с лишним раза и, соответственно, взметнулись в опасную для многих высь долги в рублёвом эквиваленте.

Кстати, выиграть дело в Высшем арбитражном суде на Московской земле нам помогло только то обстоятельство, что в кассационной инстанции дело рассматривал лично председатель суда Сергей Михайлович Амосов. Его объективность и высочайший профессионализм были известны всем, в том числе и председателю Высшего суда. Думается, что только по этой счастливой для нас причине «дело» выдержало натиск суперведомства и устояло. Впоследствии Сергей Михайлович заслуженно стал заместителем председателя Высшего арбитражного суда Российской Федерации и из талантливого рассказчика превратился в замечательного писателя, стал моим товарищем и по литературному цеху, и по жизни. Жаль, что таких чиновников, чудом сохранивших в себе дореволюционную интеллигентность и Честь, практически не осталось. Не стало в 2014-м и самого арбитражного суда как самостоятельной структуры. На мой взгляд, это был последний экзотический островок, где ещё сохранялась в немалой доле непредвзятость и справедливость тонущей экономики России. В новой системе оказался лишним и Сергей Михайлович, ушедший профессорствовать на вольные хлеба в институт и писать книги.

Бабья, извиняюсь, хитрость, чуть не ставшая роковой

Наряду со счастливыми знакомствами были и опасные. Как-то одна из давних моих приятельниц — Надежда — пришла со своим другом в офис. Представила спутника предпринимателем, отец которого — крупный бизнесмен в Турции. «Почти турецкоподданный, прямо как Остап Ибрагимович», — пошутил я. Выглядел он достаточно респектабельно, одет с иголочки, приобрёл для папы дорогую китайскую собачку в Иркутске, что характеризовало его как достаточно домовитого человека и заботливого сына. Одежда, наличие купленной дорогой собачки, близкое знакомство с приличной иркутянкой — всё располагало. Но что-то и настораживало. Я был занят делами и поручил эту бизнес-тему и взаимоотношения с ним одному из своих помощников — Владимиру, можно сказать, заместителю, который имел большой опыт работы на радиозаводе в должности заместителя директора по коммерческим вопросам, начальника производства, начальника финансового отдела. К тому же у нас работала и его жена Татьяна, также прошедшая немало должностей на госпредприятии. Они опекали гостя в течение недели. Возили на Байкал. Ужинали. Водили в театр. Их резюме гласило, что человек он — вполне достойный доверия, с ним можно работать, тем более что сделка была очень заманчивая. Он предлагал поставку всевозможной продукции из Турции: фрукты, вино, макароны, в общем, широчайший ассортимент продуктов питания, причём, что особенно подкупило, без предоплаты. Предварительно оплатить нужно было только железнодорожные расходы. Ну а аппетит без предоплаты всегда немалый. Вот мы и подготовили заявки аж на десять вагонов. Подписали договор. У него была доверенность от папиной турецкой фирмы, печать. Сумма железнодорожного тарифа набралась, конечно, немалая, но гипнотизировало то, что сама продукция — с большой отсрочкой, примерно на полгода. При таких заманчивых условиях наличные деньги на тариф нашли быстро. В переводе на сегодняшние деньги — это 2,5–3 миллиона рублей. Ударили по рукам. Татьяна с этими немалыми деньгами вылетела в Краснодар, чтобы вместе с новым другом оплатить тариф. Владимир уже потирал руки, что с его участием, а значит, и с премиальными, состоится такая крупная сделка.

Вдруг у меня среди ночи звонит телефон. Тогда ещё не было сотовых телефонов и привычки отключать обычный. Круглые

сутки как на передовой. Я беру трубку и слышу плач. Оказалось, звонит Надежда, которая нас познакомила с «полутурком». Она знала, что Татьяна с деньгами уже вылетела и скоро должна приземлиться в Краснодаре. Дама в панике и ужасе сообщила, что «жених» пропал среди ночи перед встречей самолёта со всеми вещами и с собакой. Жили они в роскошном трёхкомнатном номере, она спала и ничего не слышала. Проснулась случайно, а его нет. Оставалось меньше часа до посадки самолёта, а значит, до грабежа или чего почище, в общем, ситуация экстремальная. Стало совершенно ясно, что турецкоподданный и впрямь оказался Остапом Бендером, только вот кровавым или нет — неизвестно. Что делать?

Отсчёт времени шёл на минуты. Недолго думая, я мгновенно соскакиваю, одеваюсь — и минут через двадцать пять уже в областном управлении внутренних дел. С дежурным по области полковником мы не были знакомы. Подключить кого-то из знакомых ночью не удалось. Но дежурный принял меня безотлагательно и проникся серьёзностью вопроса. При мне он начал срочно звонить по специальной связи в Краснодар, где должен приземлиться самолёт. Краснодарский дежурный по УВД тоже оценил опасность ситуации. Я был уверен, что они обязательно спланируют операцию по аресту, судя по всему, проходимца, а может быть, и опасного преступника. Но это, по-видимому, требовало больше времени для подготовки и дополнительных ночных усилий. Выпускать Татьяну в качестве приманки сочли опасным. Да и для меня главное было — отвести угрозу от Татьяны и спасти немалые средства. Остаются считаные минуты, а дежурного милиционера по аэропорту, как водится, найти не могут. Хотя вроде бы он и находится где-то на территории. Наконец-то, минут за пять до посадки, он объявляется, выходит на связь и записывает фамилию, имя, отчество нашего курьера. В минуты опасности я мгновенно вспомнил все данные о рейсе, вплоть до номера и места. Он записал и вскоре доложил, что принял срочные меры задержания, но не преступника, а нашей Татьяны — в зоне досмотра с тем, чтобы не выпустить её на неохраняемую территорию. Минута в минуту её успевают перехватить, и она остаётся ожидать обратного рейса в зоне, закрытой для посторонних. Через несколько часов она благополучно вылетает в Иркутск. «Прокатавшись» почти сутки, спасённая, уставшая, но счастливая Татьяна попадает в объятья встречающих.

Позже выяснилось, что наша приятельница, по причине поддержания «реноме», соврала, что знакома с авантюристом четыре года. На самом деле срок был — одна неделя. Очень

дорого для фирмы и, не дай Бог, для здоровья и жизни нашей Тани могли обойтись женские хитрости и недостаточная проницательность двоих вроде бы опытных руководителей, правда, никогда не работавших ни мастерами, ни начальниками цехов, где требуется особая интуиция. У писателя Геннадия Гайды ни одного подобного прокола не было, хотя он десятки раз выезжал «тестировать» партнёров. Выводы из данной ситуации мы сделали самые серьёзные.

С тех пор никогда деньги не возил тот, кого встречали или кто занимался делами и расчётами. Более того, Геннадий или я летели на одном рейсе, а «кассир», в лице доверенного охранника, — на другом и даже селился нередко в соседней гостинице. Нужные суммы денег за продукцию, в том числе и такую дорогую, как «Волги» ГАЗ-24 или грузовики, которые на определённом этапе мы также поставляли в Иркутск, появлялись, как по волшебству, непосредственно в момент расчётов.

Опасно для жизни

Предосторожность с «кассирами» страховала нас от грабежей, а возможно, и от более серьёзных неприятностей. Убийств в крутые 90-е было не счесть. Даже в родном городе в своё заведение на обед мы нередко ездили с двумя вооружёнными охранниками, с ними же и совершали прогулки. Официальный пистолет был и у меня. Для этого по трудовой книжке я был заместителем начальника службы безопасности в своей фирме.

Уберегало меня прежде всего то, что никогда прибыль я не ценил выше добрых человеческих отношений, не имел несогласованных с кредиторами долгов и сам не давал никому заоблачные займы. В любых спорных вопросах, начиная с заводских должностей и до сегодняшнего дня, находил такую аргументацию, которая давала бы мне неоспоримый перевес хоть по бандитским понятиям, хоть по понятиям совести.

Вот несколько примеров.

Почти двадцать лет длилось весьма серьёзное противостояние по нескольким моим немалым объектам и земле на пограничье с крутыми соседями в Ангарске. Их главный аргумент состоял в том, что я нахожусь в зоне их оптового рынка и нахально пользуюсь огромными потоками привлекаемых ими клиентов. Определённый резон в этой аргументации, безусловно, есть. Но и у меня была своя правда. Мои объекты крайние и выходят на весьма проездные улицы города, их хорошо видно с дороги, а следовательно, покупатели подъезжали бы к ним ещё с большим удовольствием, нежели в рыночной толчее машин. Далее, не я «оседлал» действующий рынок, а наоборот. Все объекты я приобрёл задолго до открытия рынка. И третий аргумент — поток машин на их рынок беспрепятственно въезжает через мою землю и по моему асфальту, при этом я никогда не мелочился и не просил у них долю денег ни за асфальт, ни за налог на землю, а главное, не пытался взимать немалую плату по договору сервитута. (Благо, когда-то мне удалось правдами и неправдами этот проезд перевести из аренды в собственность.)

Несколько раз у нас с ними был даже как бы третейский суд, который протекал, правда, в форме дружелюбно-напряжённого чаепития. Один раз «судьёй» был заместитель мэра, а в другой раз — наш общий товарищ, бард Борис Драгилев, проживающий много лет в Москве и не понаслышке знакомый с понятиями «волчьего» мира, а главное — дружный с совестью и честью нашего.

Интересно, что с ним мы знакомились в этой жизни два раза.

Причём о первом знакомстве вспомнилось буквально на подсознательном уровне. Как-то, основательно посидев в московском ресторане, мы начали вспоминать детство. Неожиданно у меня в глубинах памяти всплыла картина женщины, держащей за руку мальчика девяти-десяти лет с коротенькой стрижкой и прямым чубчиком. Дословно вспомнились и её слова, обращённые к тренеру по спортивной гимнастике, с просьбой принять его в секцию и сделать из него настоящего мужчину.

В секции мальчик Боря долго не задержался, но просьбу матери услышал, видимо, сам Господь, и настоящим мужчиной он стал, причём с гитарой, с поэтическим и актёрским дарованием, с многочисленными знакомствами и даже дружбой, в том числе с легендарным золотодобытчиком Вадимом Тумановым, с друзьями Владимира Высоцкого, да и что уж греха таить, также и со столпами преступного мира — незаурядным Япончиком и другими. Вот только свою личную жизнь он смог основательно устроить лишь в районе 55 лет и наконец-то насладиться ни с чем не сравнимым чувством уже зрелого отцовства. Может быть, в этом невольная оплошность его мамы, когда слышал её Господь — не попросила сынку ещё и личного счастья. Вот оно и запоздало слегка, но зато увековечилось в стихотворении «Счастье»:

Я мог утонуть, быть зарезан давно,
А мог бы и попросту спиться,
Разбиться я запросто мог на авто,
А мог бы совсем не родиться.
Я мог бы уехать в чужую страну
И стать там разносчиком питы,
А мог бы призваться на чью-то войну
И быть там банально убитым.
Я банк мог ограбить и сгинуть в тюрьме,
И мог бы в болезнях пропасть я.
Но нет, обошлось всё, и выпало мне
Ни с чем не сравнимое счастье.

Я, правду сказать, и магнатом мог стать,
Картёжником с фартом железным,
А мог бы, к примеру, роман написать
И слыть человеком полезным.
Я мог в королевской родиться семье,
Быть просто обласканным властью.
Но нет, обошлось всё, и выпало мне

Ни с чем не сравнимое счастье.
Меня для него, видно, случай берёг,
Я это теперь только понял,
А может, взглянул в мою сторону Бог:
Бежит ко мне счастье, бежит со всех ног,
Смеётся — ей годик, звать — Соня.

Очень добрые отношения связывали Драгилева и с другой стороной земельного конфликта. Так что он, как никто другой, подходил на официальную роль третейского судьи. Внимательно выслушав обе стороны, Борис не поддержал просьбу-требование нежелательной для меня и несвоевременной продажи объектов или ограничения их эксплуатации.

Но если бы всё ограничивалось мирными чаепитиями, то это была бы не Россия. На нашу беду с рынком у нас общие инженерные коммуникации, на которых почему-то чаще, чем где-либо, случаются аварии, а иногда и возгорания. Хорошо, хоть возгорания были как бы щадящие, точечные, без попыток сжечь содержимое складов и магазинов. Соседская порядочность! Хотя поджог машины одного из помощников чуть-чуть не вышел за пределы небольших убытков. Машина стояла рядом с другими, возле офиса, и если бы огонь перекинулся из салона на бензобак, то от взрыва загорелись бы и соседние машины, а за ними, возможно, и здание. Это был бы уже явный перебор и огромный урон. Но не пойман — не вор!

Защищать своё дело приходилось иногда почти военными методами. Правда, «вооружение» использовалось не огнестрельное, а холодное, и не металлическое, а деревянное. Для того чтобы подключиться к городским коммуникациям, проходящим по нашей, но сопредельной с соседями проездной неогороженной территории, пришлось сколотить более полусотни щитов и в четыре часа утра, вооружив ими пятьдесят человек, охранять экскаватор, чтобы прокопать траншею на своей земле. Причём все необходимые разрешения от властей были у нас на руках.

Но не тут-то было, и в четыре утра, как по военной тревоге, минут за пятнадцать — двадцать со стороны «противника» подоспели также десятки людей. Они прорвали оборонительные щиты и заняли позиции под экскаватором. Один из их «бойцов» на машине помчался на толпу, кто-то не сумел увернуться и получил перелом ноги, раздались истошные крики. Мерседес, сопровождаемый ударами десятков рук и ног, выехал из толпы и умчался. Прилетели скорая помощь, вневедомственная охрана,

экипажи милиции. Причём если скорая сработала, то охрана и милиция взяли на себя роль наблюдателей. Один из милиционеров признался, что нет у них команды остановить беспредел, а есть указание не вмешиваться.

Через несколько часов противостояния милиция, казалось бы, наконец-то сработала и вытащила одного из начальников противоборствующей стороны из-под ковша экскаватора. Мы обрадовались. Но преждевременно. Ангажированные носители погон запретили работать и экскаваторщику якобы до выяснения обстоятельств: уточнения границ участка и т. д. В случае начала работ экскаваторщик, как было сказано, будет задержан для выяснения личности.

Милиция фактически помогала блокировать любые работы, чего в конечном счёте и добивались наши противники. Продержаться им нужно было несколько дней, а может быть, и недель, пока город закопает основную траншею под водопровод и возобновит автомобильное движение.

После этого снова раскапывать и останавливать движение по дороге к огромному числу арендаторов, возмущение которых легко организуют, нам вряд ли дадут. Поведение милиции объяснялось активнейшим покровительством той стороне главным милиционером области при полном невмешательстве действующего в ту, уже далёкую пору, губернатора Иркутской области. О том, что крепчайшая дружба была основана не на огромном духовном родстве, говорить излишне.

Официальная позиция милиции была сформулирована как невмешательство в спор хозяйствующих субъектов до решения суда. Благо один из наших друзей имел «бизнес» с милицейским начальством и разъяснил ему, что это не спор хозяйствующих субъектов, а прямое хулиганство: срыв согласованных с городом работ на нашей земле. Сработало и грамотно составленное мной письмо на имя губернатора и главного милиционера о противозаконности чинимых препятствий. Удалось через приятелей попасть на приём и к заместителю губернатора по работе с силовиками и организовать звонок главному милиционеру. Друзья с телевидения пытались помочь, сняв ночной бой, но показать его не удалось. Слишком большие гонорары были заранее выплачены СМИ с той стороны. Уже давно пресса зарабатывает не только на новостях, но и на отсутствии новостей с компроматом в адрес своих богатых спонсоров. Только общими усилиями, накалив обстановку докрасна, нам всё же удалось добиться прекращения хулиганства и подключить воду, а через год-полтора и дополнительную электроэнергию, купив проложенный другой организацией резервный кабель. Через суд

удалось получить и некую компенсацию за отключение «добрыми соседями» нас от электроэнергии.

Упорная защита нами своих объектов на протяжении десятка лет оставила той стороне только одну возможность — возможность мирного выкупа их за справедливую цену, чем я и воспользовался в самом начале двух последних кризисов. Диверсифицировав бизнес с помощью выручённых от продажи этих объектов средств, я получил страховку от российских непредсказуемых катаклизмов.

Близкая к криминальной ситуация сложилась на заре бизнеса и с таким безобидным продуктом, как сливочное масло. «Вороне где-то Бог послал кусочек сыра», а нам — масло, да не кусочек, а целую железнодорожную секцию — 240 тонн, ещё и без предоплаты. По сегодняшним ценам это ни много ни мало — около одного миллиона долларов.

По нашим расчётам, масло должно было уйти в течение месяца, и мы безбоязненно подписали договор о такой же отсрочке платежа.

В случае задержки оплаты в договоре были заложены немалые штрафные санкции. Вопреки ожиданиям, реализация масла пошла крайне вяло. Дело в том, что оно оказалось не обычным, а солёным. Товароведы мы были никакие и в договоре, естественно, не сделали оговорку о том, что масло должно быть несолёное.

Но московская фирма, его поставившая, по слухам, имеющая отношение к шоу-бизнесу, ни разу месяцев за пять не выходила на связь и не требовала оплаты. Я подумал, что они по-человечески учли, что масло не самое типичное, потому и не торопят.

Каково же было моё удивление, когда вдруг мы получаем от них грозную бумагу с требованием немедленной оплаты ещё не проданного масла, а главное, со штрафами в размере двухсот процентов от первоначальной цены. Одновременно начинались весьма грозные звонки и нешуточное давление с называнием имён московских и иркутских криминальных авторитетов.

Неужели оплошность в договоре поставит фирму на грань разорения или создаст серьёзную опасность для жизни? Судя по тону и напору, московская фирма шутить не намерена.

Ситуация тяжеленная. Но какой, казалось бы, аргумент можно найти в защиту? Всё прописанное в договоре не в нашу пользу: и сроки, и высокие штрафы, и отсутствие указания на несолёность масла.

И всё же поднимаю технические условия и стандарты на масло. Знакомство с первым документом ничего не меняет, там

различалось два вида масла: солёное и несолёное. Почти машинально листаю стандарты. Ура! Там по-другому. Читаю и радуюсь. ГОСТ также различает два вида сливочного масла, но одно из них называется «солёное сливочное масло», а второе — просто «сливочное масло». Слово «несолёное» отсутствует. Из заводской технической практики я твёрдо знал, что ГОСТ как документ имеет главенство по сравнению с техническими условиями, а следовательно, московские «артисты» поставили мне совсем не тот продукт, что требовался по договору. Это значит, и мои обязательства по срокам оплаты и по штрафу ничтожны. Нет нужного продукта — нет и ответственности. Сажусь и срочно пишу им письмо со своими изысканиями и с уведомлением о том, что по поводу угроз с их стороны поставлены в известность соответствующие органы.

Буквально в это же время от них прибыла группа устрашения из нескольких коротко стриженных «качков», которые, как я понял, совершали вояж по своим обманутым в далёкой и «тёмной» Сибири потребителям. Нас они, как было запланировано, не миновали. Поглядели, что представляет собой фирма. Мы, ожидая их, отменили инкассацию и продемонстрировали серьёзно вооружённую охрану на входе в фирму, а главное, в приёмной, а также строгий паспортный контроль для всех посетителей. Желание встречаться для разговора со мной, неожиданно оказавшимся правым по закону и «по понятиям», у них пропало.

Спустя годы я узнал, что порекомендовали меня к заключению договора и разорению с помощью хитрой уловки иркутские бандиты-наводчики. В других городах несколько фирм попали с этим лжемаслом и «артистами» в большие финансовые неприятности.

Аргументы в защиту своей позиции следует искать «до последнего патрона». Они всегда есть!

Большим нашим плюсом было и то, что никто из охранников фирмы никогда не работал в милиции или в других органах. Не имели они особой физической и стрелковой подготовки, зато никогда сами не замышляли грабёж и не «сливали» информацию куда не надо. При этом им довелось, как и Гайде, перевозить немалые суммы и по городу, и по всему бывшему Советскому Союзу, включая и Молдавию, и Украину, и Таджикистан… Никто из охранников не поддерживал отношения ни с бандитами, ни силовиками. Ошибки с отбором ребят почти за 25 лет не было ни одной. Многие охранники работают чуть ли не с основания фирмы, превратившись из двадцатилетних юнцов в зрелых мужей.

Особые меры предосторожности предпринимал я при

получении тревожной информации от приятеля детства — Бориса Бато, работающего в РУБОПе. Он, в свою очередь, черпал информацию, извиняюсь, от некоторых проституток, добросовестно передающих, о ком говорят и что планируют подвыпившие бандиты. Мне повезло в ту пору (да и сейчас это огромная редкость) — иметь в органах приятеля, который не думал, как на тебе заработать, подороже продать информацию, а ещё лучше — спровоцировать серьёзный наезд, чтобы разрулить его и получить хорошую сумму или попроситься, якобы для подстраховки, в учредители, а при возможности захватить и контрольный пакет.

Таких историй — вплоть до убийств основателей фирмы — в 90-е годы было немало. Раскрывались они крайне редко, хотя все вокруг, да и сама милиция в первую очередь, доподлинно знали заказчиков похоронной музыки.

Один знакомый «предприниматель» как-то, подвыпив, жаловался моему другу, что убитый (наверняка по его заказу) нефтяной партнёр почти каждую ночь с упрёками и обещаниями ада являлся во сне. Сон стал мукой. Не помогали и наркотики, к коим он успел пристраститься.

В 90-х годах было в городе немало случаев «бандитского вхождения» в чужой бизнес. Некоторые бандиты и крупные по нашим меркам предприниматели ездили в бронированных джипах с несколькими машинами сопровождения и с целыми взводами охраны. Немало среди их охранников, и особенно среди начальников служб безопасности, было бывших силовиков. У некоторых нечастые выезды из офиса в обязательном порядке сопровождались серьёзным обследованием объектов прибытия, как это делается у высших должностных лиц государства. В больнице, куда этот контингент попадал с ранениями, моментально выставлялась вооружённая охрана, а на окна операционной и отдельной палаты вешались даже железные жалюзи.

Многие кровавые истории в городе знали все. Но увы. Главная черта «героев нашего времени» — полнейшая беспринципность и руководство лозунгом «моя хата с краю». Выражение офицеров «честь имею» жило совсем в другой России.

Почти все при возможности старались поддерживать добрые отношения с бандитскими авторитетами, считая за честь дружеское посещение «высоких» гостей. Среди них были и такие, кто имел учёные степени или высоченные казачьи звания. «Дружеский» визит одного хлебосольно принимаемого авторитета в семью моего знакомого предпринимателя, естественно, с охраной, имел целью заполучить схему расположения помещений

и охраны коттеджа. Позже выяснилось, что приятель оказался в первой пятёрке его списка приговорённых иркутских бизнесменов. Благо замысел не успел осуществиться. Попалась бригада киллеров, занимающаяся «отхожим промыслом» на посторонних заказах. Подвели преступного богача наёмные убийцы — видимо, они так уверовали в безнаказанность свою и хозяина, что даже перестали выбрасывать использованное оружие. По нему вмиг определили, что эти бандюги расстреляли нескольких сверхвлиятельных бизнесменов, причём один из погибших имел друзей детства на самых вершинах российского бизнеса и власти. Почти невероятно, но высокие друзья даже приехали на похороны и публично пообещали обязательно найти убийцу и посадить за решётку.

Наверное, и нашли бы, но свои люди в органах, по сути, не разоблачённые по сей день предатели, вмиг предупредили «авторитета», и он в ночь задержания киллеров, очевидно по поддельному паспорту, вылетел в неизвестном направлении и как будто бы испарился.

Бизнес его процветает, кормит семью (а вероятно, и его самого), никто на него не покушается, вдруг на бронированных автомобилях под носом у милиции и властей вновь появится сам хозяин то ли бизнеса, то ли города и докажет, что его подставили. Киллеры, как мы знаем, работали по разным заявкам. Может быть, выяснится, что они вовсе и не его. Всякое бывает в королевстве, где около бизнесменов и силовиков крутятся огромные деньги.

Но были в преступной среде и совестливые люди.

Как-то один бывший торговый работник, отсидевший немалый срок и вхожий в «крысиное царство», по старой «дружбе» и по огромному секрету предупредил, что готовится масштабное ограбление и нашей базы. Наводчиком выступал обиженный нами вор-экспедитор, намеревающийся вместе с бандитами подделать фактуры и вывезти далеко не один грузовик элитного спиртного. Узнав это, мы срочно ввели факсовое дублирование всех выписанных в офисе фактур, потратив немалые деньги на радиосвязь. Девяностые годы были ещё без Интернета, но и во многом без телефонов. Далеко не по всем домам и организациям были проложены телефонные кабели. Наша база была в их числе.

Никогда не забуду, как изумился, впервые увидев чудо-телефон, по которому звонил в фильме «Укрощение огня» прямо из машины главный конструктор космических кораблей — академик Королёв. О том, что когда-нибудь это станет обыденным явлением даже для мальчишек, я не мог и мечтать. Человек раньше сел на Луну, чем я с телефоном в машину.

Покорить космос оказалось легче, чем телефонизировать Россию.

Но ещё сложней разбудить у российских мужчин, в том числе и в погонах, совесть и честь.

Свирские аккумуляторы и гибель директоров

Спустя двадцать с лишним лет после начала самостоятельного плавания, взявшись за перо, смотрю на свои первые шаги с позиции умудрённого немалым опытом и обрамлённого сединой весьма зрелого то ли предпринимателя, то ли поэта, то ли социолога, а может быть, с позиции этого странного и нечастого триединства.

В голове крутится немало вопросов, которые хочется задать своему ушедшему навсегда сорокалетнему двойнику. И один из главных вопросов: почему прошлый я начал бизнес с чистого камчатского листа и не попытался использовать свои прочные знания и связи, наработанные за двадцать лет на трёх крупнейших предприятиях области: радиозаводе, «Востсибэлементе» и в объединении «Иркутсктяжмаш»? Не оказался в поле моих бизнес-интересов и иркутский мясокомбинат, где отец продолжал директорствовать ещё четыре года от момента рождения «СибАтома».

Этому, по-видимому, есть несколько объяснений. Основное — это всё же впитанная от предков истинно социалистическая мысль о том, что личный заработок на ресурсах, созданных не тобой, а государством, больше похож на мошенничество и грабёж, нежели на предпринимательство.

Второе обстоятельство в том, что крупные предприятия акционировались несколько позже, чем родилась моя фирма, и левые заработки коммерческих служб если и были, то, как правило, по секрету. Участвовать в таких схемах я не хотел.

Наверное, поэтому я и начал свой бизнес в совершенно незнакомом мне безбрежном море продовольственного рынка страны.

После того как начальный капитал уже появился и предприятие могло быть надёжным плательщиком, а если надо, то и поставщиком любой продукции, мои пути-дороги пересеклись и со свирским «Востсибэлементом», и с объединением «Иркутсктяжмаш».

На начальном этапе постсоветской перестройки, где-то до 1993–1995 годов, сохранялась, хотя и довольно быстро слабеющая, эпоха дефицита. Искусство торговли требовало прежде всего умения добыть нужный товар. Не были исключением и аккумуляторы, которые производило ещё недавно родное мне свирское предприятие.

Деньги для оплаты контейнеров этой недешёвой продукции появились у меня уже через год деятельности. Приятельство с директором предприятия Петром Ивановичем Кацурбой и уважительное отношение обаятельной руководительницы отдела сбыта открывали мне дорогу к поставкам аккумуляторов. Дело оставалось за малым — наладить сбыт. Аккумуляторы — не рыба, по магазинам много не развезешь. Тем более что розницу в принципе не интересовали аккумуляторы для грузовых машин. Заниматься рекламой и нарабатывать новые связи потребовало бы немало времени, а его-то как раз и не было. Кто знает, какая система управления в стране будет завтра. О какой-либо стабильности правил игры оставалось только мечтать. Делать дело нужно было здесь и сейчас. Не зря народная мудрость гласит: «Куй железо, пока горячо».

Через одну из своих сотрудниц какое-то количество аккумуляторов удалось сбыть областному коммунальному предприятию и, более того, познакомиться с его директором, в прошлом всевластным секретарём горкома партии одного из небольших городов области. В нём удивили меня угрызения совести за то, что, имея, как и все первые секретари партии, неограниченную власть над номенклатурными «подданными», загубил, будучи молодым и горячим, не одну карьеру. Насколько мизерными и невинными с позиции сегодняшнего дня кажутся «грехи» уволенных им руководителей! Не зря у него были очень выразительные голубые и чистые глаза.

Раскаянье и жалость к обиженным — неотъемлемая черта истинно русского человека.

Во время нашего с ним знакомства как раз была представительница из Москвы, работающая в какой-то государственной структуре, занятой материально-техническим снабжением коммунального хозяйства. При рушащихся хозяйственных связях её также заинтересовали поставки аккумуляторов. Правда, денег на предоплату или хотя бы на оплату по факту поставки у её некогда богатой организации уже не было. Но зато имелась обширная клиентская база коммунальных предприятий России и, что самое главное, многолетние знакомства с достаточно порядочными директорами прежней закалки, которые ещё не разучились держать слово и имели гарантированное местными бюджетами финансирование. Это знакомство переросло в прочное деловое партнёрство на несколько лет.

Мы на выгодных для всей цепочки условиях, по тройным договорам, включающим московскую организацию, нас и непосредственных получателей, отгружали немало контейнеров,

причём с хорошей наценкой, и примерно через месяц-полтора достаточно аккуратно получали оплату.

При порушенных хозяйственных связях наше посредническое звено было необходимо прежде всего потому, что мы оплачивали свирскому заводу продукцию не долгими зачётными схемами, а живыми деньгами, заработанными большей частью на рыбе, спирте, сахаре и других продуктах в тесном сотрудничестве где-то с государственными организациями (сахар), а где-то и с бывшими советскими спекулянтами, ставшими первыми рыночниками. Работа с аккумуляторами была за долгое время, пожалуй, единственной, когда мы выступали системными поставщиками технически сложной продукции. По-моему, даже железнодорожные подъездные пути нашей базы, привыкшие за долгие годы работы у прежних хозяев на базе «Культторга», а теперь и у нас, к разгрузке вагонов, вдруг ощутили, что вагоны стали тяжелеть и уходить вдаль, надрывно дыша своими свинцовыми внутренностями.

Просуществовал этот бизнес года полтора-два. Обстоятельства, как я и предвидел, начали меняться слишком быстро. В районе пятидесяти лет неожиданно в мир иной ушёл замечательный человек, бывший профсоюзный работник и даже делегат съезда профсоюзов, директор свирского завода «Востсибэлемент», а вскоре на долгое время замер и сам завод. Он стал частным акционерным обществом и загулял по разным рукам, теряя недешёвое оборудование и квалифицированные кадры. Многие в монопромышленном городе потеряли единственную возможность достойной работы, стали бунтовать, но… только перед жёнами, потихоньку спиваясь и покидая этот мир вслед за своим директором, умершим не от инфаркта, а от перестройки. Как написал Николай Зиновьев:

Нас юность в Храмы не водила,
А чаще всё по кабакам.
Так, видно, выгоднее было
Партийным нашим вожакам…

Плесните больше, не скупитесь,
Вожди вы наши — подлецы,
Теперь глядите и дивитесь,
Как лихо пляшут мертвецы.

Где-то за месяц до его кончины мы с ним встречались, и он с удивлением и расстройством жаловался, что многие работники продали свои акции, полученные бесплатно за ваучеры от

«доброго» Чубайса. Причём продали незнакомому мне в ту пору, по слухам то ли криминальному авторитету, то ли цыганскому барону, который становился хозяином градообразующего предприятия вместо упразднённого главка и Министерства электротехнической промышленности. Со всей парадоксальной ясностью директор вдруг понял, что у нового хозяина будут иные взгляды, нежели у министра и секретаря обкома КПСС, на его, ещё вчера номенклатурную, должность и на принципы управления предприятием.

Много позже, когда «авторитет» стал уже бывшим хозяином завода, я познакомился с ним и понял, что слухи были очень сильно преувеличены: завладел тогда предприятием не «цыганский барон», а просто способный и быстро сориентировавшийся в новых правилах игры бизнесмен, не отягощённый инерцией социалистической экономики, умеющий грамотно строить и защищать свой разнообразный бизнес.

До момента скупки акций, пока, как говорится, не запахло жареным, советский директор, да, признаться, и я, смотрели на акции весьма легкомысленно, полагая, что, как и на Западе, они в основном являются инструментом получения дивидендов. Но выплата дивидендов — прерогатива дирекции, заинтересованной, прежде всего, в росте зарплат и фонда материального поощрения. Поэтому, по нашим представлениям, заметных дивидендов акционерам не дождаться, а значит, и от акций большого толка в России не будет. Нам даже в голову не приходило, что кто-то на ранее наворованные или сомнительные «заработанные» наличные деньги может организовать скупку акций многотысячных коллективов и добиться контрольного пакета, позволяющего ставить своих директоров и главных бухгалтеров.

С некоторыми, даже крупнейшими, предприятиями новые хозяева делали всё, что заблагорассудится. Например, продавали оборудование или сдавали его в металлолом, чтобы моментально покрыть траты, нередко преступных денег, на скупку акций, или увольняли целые коллективы цехов и производств.

Никакого противовеса в виде авторитетной профсоюзной организации и коллективного договора с администрацией, как это имеет место на Западе, или в виде вчера ещё всесильных органов местного управления, к моменту приватизации не было. Коллективы, так легко расстающиеся с акциями, оказались, как и директор, совершенно беззащитными перед лицом чаще всего криминальных скупщиков.

Излишняя драматизация ситуации посеяла у свирского директора депрессивное настроение, что, в свою очередь, резко ослабило его иммунитет, и хроническая болезнь, с коей он мирно

сосуществовал много лет, вдруг неожиданно для врачей победила.

Подобные ситуации с летальным исходом для директоров, чьи предприятия уплывали в мгновение ока, были во всех российских городах.

Одно из лучших в области пищевых предприятий, естественно, государственных (по понятным причинам не привожу название), было создано директором фактически с нуля. Проработал он на нём не одно десятилетие, защитил, кажется, и докторскую диссертацию по управлению. Когда в начале перестройки приоткрылись границы и валюта из сверхкриминального «товара» превратилась в легальные деньги, директор этого предприятия организовал себе двухмесячную стажировку в Америке на родственных предприятиях. Уж очень хотелось ему вывести своё детище на высочайший в России, а может быть, и в мире уровень. Стажировка прошла весьма успешно, полон планов, директор вернулся в родной город… и чуть с ходу не получил инфаркт. Оказалось, за время его отсутствия неглупые и вёрткие ребята, прошедшие хорошую школу социалистических спекулянтов и вступившие в перестройку с немалыми деньгами, провели весьма агрессивную кампанию по скупке акций, и предприятие перешло под их полный контроль.

В этом случае коллектив тоже легко продал не только акции, но и своего «отца».

Потеряв детище, да ещё так по-глупому, этот директор через год-два ушёл из жизни, не преодолев депрессию, вызванную, пожалуй, не только личной катастрофой, но и общественной — ставшим совершенно очевидным крахом империи. Так в 20-х годах и Александр Блок умер оттого, что его обокрали большевики — украли у него даже не предприятие, а нечто несоизмеримо большее — Родину.

Через несколько лет после захвата предприятия был убит и слишком своенравный главарь захватчиков. Подельникам удалось вписаться в легальный бизнес. Следующий «старшой» их дружной команды даже отработал ряд лет на весьма значимых выборных должностях, а затем удалился отдыхать — на ПМЖ за границу. Правда, по старой привычке «забыв» рассчитаться со многими поставщиками продукции его дочерней фирмы.

Немало было потерь директоров и по другим сценариям. Так, крепкий сибирский мужчина, бывший мэр г. Усть-Кута Николай Паленый, впоследствии работавший в областной администрации, а оттуда перешедший на роковую для него должность директора Верхнеленского речного пароходства, в конце 2002 года был

найден висящим у себя в гараже. В то время шла жестокая борьба за передел вверенной ему государственной собственности. По главной версии следствия, которую не разделяет никто из знавших православного жизнелюба и бойца, сдали у мужика нервы.

В 90-е годы покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна, и ещё один боевой и спортивный производственник — заместитель директора мощнейшего в Сибирском регионе пивного комбината. Произошло это, когда главный акционер и многолетний директор ушёл из жизни от онкологического заболевания и также начался крутой передел.

Ещё два крупных руководителя и богатейших в области пятидесятилетних собственника: один — в межрегиональной строительной отрасли, а второй — высокое должностное лицо, владелец целого ряда предприятий областного уровня — ушли в мир иной в эти же годы и с таким же безысходным для них онкологическим диагнозом. Может быть, виной всему нервы и трудные времена жёсткого передела собственности, а может быть, и онкология сделалась, когда нужно, заразной (через уколы с раковыми клетками) и является теперь оружием перераспределения богатств?

Никто не изучал мрачную статистику свергнутых и умерших собственников, как и вряд ли кто вывел цифру потерь рабочего класса во время варварской перестройки. Истории ещё предстоит ответить на вопросы: кто тогда был главный убийца и каковы очередные людские потери многострадальной России?

Подгоревший день рождения

Уютно и нежно, в обществе любимой женщины и ласкового и вместе с тем гордого нового жильца нашего дома (пушистого бело-рыжего котика, похожего на дальневосточную рысь) тянулось, впитывая запах оладий, воскрешающий воспоминания детства, утро выходного дня. Настроение было приподнято от того, что стремительно приближался очередной, жаль, правда, что не тридцатый, день рождения со ставшим уже традиционным сюрпризом себе и окружающим…

Представляю недоумение читающего эти строки. Какая может быть радость в пятидесятых и, более того, в шестидесятых датах жизни? Но всё дело в том, что последние лет пятнадцать я обманываю собственный день рождения и сбегаю от тривиальности однообразных тостов по планете — куда глядят глаза и тянется душа. Так, в недавний свой юбилей я собрал человек двадцать пять друзей-приятелей и пригласил их посетить обетованную Израильскую землю, простирающуюся от Галилейского моря до главной православной святыни — Гроба Господня в Иерусалиме — и далее до Мёртвого моря и Эйлата. Собственно юбилей мы справили в ресторане на берегу священного Галилейского моря, а в ранний утренний поход, именно 1 февраля 2011 года, Господь сподобил меня написать очень памятное стихотворение, посвящённое пребыванию в священном месте:

С прибоем галилейских вод
Шептался я в свой день рожденья.
Они смывали груз забот,
Я слышал ангельское пенье.
Всплывали лики рыбаков
И предков, встречей поражённых.
Я к ним явился без оков,
Цивилизацией рождённых.

Она в нас пестует рабов,
Забывших древние скрижали.
Такое множество горбов
Святые очи не видали!

А есть ли на земле места,
Где чтят пророков и Мессию?
Волной шептали мне уста:

«Израиль храните и Россию!»

Следующее стихотворение написалось уже на Мёртвом море:

С удивленьем Вертинского слышу напев –
Он грустней отчего-то у Мёртвого моря.
Я, у пальмы пожухлой устало присев,
Ощущаю еврейское вечное горе.

Небо в масленой влаге мерцало, дрожа,
Нежный голос певца,
Как струна, оборвался.
Так и жизнь держит здесь не тугая вожжа,
А слабеющий дождь, что, как я,
затерялся…

А в Тель-Авиве, после посещения Иерусалима, написалось и стихотворение, почти поэма, доказывающая, что, несмотря на православную и иудейскую кровь, ведёт меня по жизни всё же Христос.

В незнакомом городе, да ещё с такими запутанными улочками, как в Иерусалиме, гуляя, ни о чём не думая и глядя только на звёзды, вдруг совершенно неожиданно выйти в шесть утра прямо к храму Гроба Господня, да ещё ровно в момент прихода туда священников из нашей группы, живших совершенно в другой гостинице и приехавших на машине, это ли не настоящее чудо?

Иерусалимское чудо
Я к Духу, Сыну и Отцу
В их Триединстве прикасаюсь
С тех пор, как в детстве ел мацу,
К еврейской бабушке ласкаясь.
Другая бабушка тайком
Христа икону целовала.

Отец шутил с ней про партком –
Она там раньше состояла.
Загадкой был пасхальный день
Без громких песен и парадов.
На всём лежала счастья тень,
А стол был красочен и сладок.

И колокольный лился звон,
Старухи в церковь торопились.
Для нас же прочный был заслон –
Мы дружно Ленину молились.
Нам октябрятскую звезду,
Как символ веры, прикрепляли.

Мы вдаль тянули борозду –
Стать комсомольцами мечтали.
И красногалстучный свой строй
С кострами, с песнями любили,
Был боевой у нас настрой –
Мы все державой дорожили.

Те в лету канули года,
Родные бабки в них остались,
Но я запомнил навсегда:
Еврейка с русской обнимались.
Я часто слышал: Бог один,
Грех людям попусту ругаться.

И вот дожил я до седин –
Пора, пора определяться.
Свой подоспевший юбилей
Решил я, сердцу повинуясь,
Справлять не там, где веселей,
А на Святой Земле, волнуясь.

И в шестьдесят немало сил,
Не льщусь на моды и на яхты,
Своих друзей я пригласил
В края, где заповеди внятны.
Стеною Плача дорожа,
В слезах евреи там молились.

Записки, памяти служа,
В щелях до кладбища ютились.
В них чувств живых негромкий вскрик
В пещеру прячется на годы.
Уйдёт ребёнок и старик,
Но письма их не смоют воды.

В пяти минутах отстоит
Святыня чуда Воскресенья.

Пусть иноверец нас простит –
Нет в мире благостней явленья!
Смерть смертью собственной поправ,
Христос воскрес в Нетленном Теле
И, путь к бессмертью указав,
Людей от страха спас на деле.

Не каждый в Божью благодать
Навек уверовать умеет.
Моей душой — рискну сказать –
Порою Торы свет владеет.
Но чудом встречи навсегда
Господь пресёк мои сомненья –
Во мгле предутренней звезда
Вела меня, как Провиденье.
Не ведал каменных я троп,
Но на Голгофе очутился.
Увидел я Господень Гроб –
И ангел радостью светился.

А возле Гроба в споре с тьмой
Друзья и батюшки молились.
Свет дивный вспыхнул предо мной,
Мы чудом встречи восхитились,
И в этот миг, для нас святой,
Мои сомненья разрешились.

В эту пору я как раз был на пике своих религиозно-церковных чувств. А потому пригласил в поездку троих священников.

Среди них — мой племянник, сын ушедшего в мир иной брата Геннадия Гайды, отец Иннокентий, подвизающийся в Тихвинском монастыре Санкт-Петербургской епархии. Дорог он мне ещё и потому, что с первым моим сыном Андреем они были душевно близки. Поэтому стихотворение о перекличке двух судеб я посвятил им обоим:

Сын вскрикнул: «Папа, вон подснежник!»
Припав к нему, поцеловал.
А брат-поэт, чудак, насмешник,
Слезу скрывая, вдруг сказал:

«С такою ласковой душою
Средь хамства нашего не жить.
Ему б пойти тропой иною,

Да хоть бы батюшкой служить».

Не ведал брат, что кличет горе.
Судьба услышала: «…не жить»!
И взрыв потряс всех близких вскоре,
Он взят был в ангелы служить.

А повзрослевший сын поэта
Монаха постриг воспринял,
Став мужем Нового Завета,
Другую часть судьбы стяжал.

Был с нами очень боевой и по-настоящему просвещённый батюшка, заразивший меня идеей восстановления Харлампиевского храма, — отец Евгений, а с ним матушка и ещё один священник — отец Василий.

В те дни подъёма религиозных чувств я ни за что не поверил бы, что через пару лет уйдёт из монастыря в мир мой племянник — отец Иннокентий, разочаровавшись за десять лет в начальниках-стяжателях, чья жизнь, протекающая в роскоши, ох как далека от Божьих заповедей.

Во многих церковных людях, увы, разочаровался и я. Но и он, и я ничуть не меньше чтим Христа, Божью Матерь и всех святых. Во всяком случае, и дома, и на работе у меня около десятка старинных, намоленных икон, перед которыми я читаю «Отче наш» и другие недлинные молитвы и прикладываюсь к ним много раз в день. Я так же нередко испытываю потребность зайти в безлюдную церковь, поставить свечи за здравие и за упокой к образам почитаемых святых, намоленным за века многими поколениями верующих. Правда, бывает как-то обидно за ушедших в мир иной, ведь их несоизмеримо больше, чем временно живущих, а их памяти в церквях выкроены только небольшие столики с распятьем, всё остальное пространство отдано малочисленным, по сравнению с почившими, живым. Грусть, охватившая меня при этих, в чём-то странных, мыслях, также вылилась в стихотворение:

Храм теплит море огоньков
В честь малочисленных живущих,
А тем, кто принял сень венков, –
С распятьем стол для слёз горючих.

Полки ушедших велики,
Там сам Христос и все святые,

А рядом дети, старики…
Не тесно ль в храме вам, родные?

Думаю, что молитва соединяет нас со всей православной историей, с величайшими святыми, среди которых Сергий Радонежский, Серафим Саровский, Александр Невский, Фёдор Ушаков и другие. Молитва, по-моему, не может не придавать сил и не укреплять душу. А это подчас необходимо, особенно в часы испытаний. Вот и сегодня, буквально за день до очередного побега от томительных поздравлений с днём рождения, вдруг раздаётся телефонный звонок, извещающий меня о пожаре, который начался в самом передовом из магазинов «Виноград», и благостного настроения выходного дня с любимой женщиной, котиком, похожим на рысь, и запахом детства как не бывало.

Как гром среди ясного неба разорвалась информация о том, что огонь, хорошо подпитанный водкой и вином, распространяется по зданию, правда, пожарные, хоть и не очень быстро, но прибыли и активно тушат.

В голове сразу самые тяжёлые мысли. Если не справятся с огнём, пламя может охватить всё здание почти в шесть тысяч квадратных метров, половина из которых принадлежит совершенно другой, очень непростой, мягко говоря, фирме. Не знаю, продолжается ли у них ремонт или их площади заполнены товаром на добрую сотню миллионов? Наша часть помещения загружена под завязку. Там и целиком магазин «Виноград», примерно с восьмью миллионами остатков, и паб «Абердор», интерьеры которого стоят не менее пяти миллионов, мебельный салон с товаром на двадцать миллионов. Но хуже всего, что около тысячи квадратов мы сдаём арендаторам — оптовой фирме, также забитой под завязку их дорогущими товарами: от витаминов и таблеток до суперсовременных недешёвых моющих средств, — в том числе взрывоопасными аэрозолями. Думаю, что там продукции на многие десятки, если не сотни миллионов рублей.

Итого возможные убытки от сгоревших товаров, интерьерных и прочих ремонтно-восстановительных работ могут оказаться от 300 до 500 миллионов рублей. Не знаю, как у арендаторов и других собственников, но у нас ни одной страховки на товар и на помещение нет. Навскидку совершенно не ясно, какие финансовые отношения возникнут с арендатором и совладельцами здания, обязаны ли по закону, и особенно «по понятиям», мы полностью компенсировать им огромный ущерб?

Все эти мысли вместе с молитвами к Господу и Пресвятой Богородице проносились в голове, пока я автоматически гнал

машину к месту возможной финансовой катастрофы. Хорошо хоть из людей никто не пострадал, все живы и здоровы.

Думаю, что крайне важно выяснить, возгорание ли лежит в основе пожара или умышленный поджог. Почему-то кажется, что в случае поджога ответственность перед партнёрами ниже или отсутствует вовсе, хотя, может быть, я не прав.

Версия поджога, на первый взгляд, весьма вероятна. Ведь несколько лет назад конкуренты дважды поджигали неоновые вывески магазина, что, конечно же, выбивало из колеи его работу, но ненадолго. А несколько месяцев назад соседи, с которыми мы граничим и по земле, и по данному объекту, отдали помещение буквально в десяти метрах от нас в аренду под магазин, аналогичный нашему. Причём стоянка машин и крыльцо магазина расположены на нашей земле. Владельцы рынка обещали, что это временное решение, подготовят другие площади и через полгода магазин перевезут. Время прошло, но, как теперь часто бывает, обещание не выполнено и, похоже, забыто. Снова судиться и трепать нервы, пока не возник другой, более значимый повод, не хотелось бы. Тем более что хозяйкой центра является умная, обаятельная, но уж очень волевая женщина, да и реализация нашего магазина, несмотря на появление рядом конкурентов, упала незначительно. Жаль, что кто-то настроен не так миролюбиво, как мы, горели всё же и вывески, и автомобили. Запись, зафиксировавшая момент ночного поджога вывесок, транслировалась даже по центральному телевидению. Поскольку всем было очевидно, откуда дует ветер на пламя, поджоги после вмешательства ТВ моментально прекратились. Примерно в то же время у помощника был подожжён автомобиль. Причём накануне он пытался уладить вопрос с проездом к нашему складу, на который конкурентами была высыпана куча сваренных ежами остроконечных скоб.

Был также случай, когда подъезд к горящему сегодня магазину пытались перекрыть возведённой за несколько вечерних часов бетонной стеной. При этом, когда я подъехал к «новостройке» разбираться, столкнулся с мощной психологической атакой. Рядом с новым «строением» стояло десятка полтора крутых машин с суровыми хозяевами. Я вызвал старшего на разговор. С ним мы обменялись аргументами на повышенных тонах, причём было очевидно, что не только по закону, но и «по понятиям» правы мы. После рискованного разговора «крутые» разъехались, а мы наняли бригаду и всю ночь разгребали не застывший ещё бетон, изрядно сдобренный металлической арматурой. По-хорошему, выбросить бы этот бетон на проезд соседей, но, рассудив, что ни к чему эскалация

конфликта — так недолго и до стрельбы, — вывезли бетон на свалку, немало заплатив бригаде за срочную ночную работу, а также за свалку бетона.

И вот, наконец, с этими ставшими историей грустными воспоминаниями, я домчался до пепелища. Наряду с пеплом застал обгоревшие осколки уничтоженных пожаром бутылок. К счастью, всё-таки удалось локализовать возгорание в одной, но весьма немалой части склада, которая одновременно являлась как бы тамбуром для редкого выезда разгружаемых машин. Итого площадь дотла выгоревшего помещения оказалась не шесть тысяч, а сто с небольшим квадратных метров. Примерный ущерб от порчи нашей продукции огнём и задымлением вместе с затратами на ремонт помещений составил примерно 4–5 миллионов рублей, а с простоем — 6–7 миллионов.

Мебель в салоне из-за сильного задымления вся пропахла гарью, особенно диваны. Удастся ли их спасти с помощью химической чистки? Аналогично пропахла и продукция арендаторов. Оценка нанесённого им ущерба ещё впереди.

Теперь главная задача — установить причину пожара. Возможно, короткое замыкание, курение или умышленный поджог.

Видеокамеры в этой части склада, как назло, не оказалось. В соседнем нашем же складском помещении видеонаблюдение зафиксировало как бы мгновенно возникшее ровное пламя. Яркость его быстро возрастала. Искрения, свойственного возгоранию проводки, вроде бы не было.

Вскоре выяснилось, что за несколько минут до пожара в тамбур два раза заходила уборщица. Первый раз на три минуты, второй раз всего секунд на двадцать. В это же примерно время в смежном складском помещении был и молодой человек — продавец-консультант; но в тамбур он не заходил. Уборщица первоначально дала объяснения, что ходила в тамбур выбрасывать мусор, а второй раз — посмотреть, следует ли и там помыть пол. Но видеокамера показала, что она лжёт, мусора в её руках не было. Тогда она призналась, что ходила курить. Оказывается, там стояла лавочка для курения, а на ней, как хлеб и соль в зимовье, лежали ничьи сигареты и зажигалка. Второй раз она вернулась, чтобы положить случайно прихваченную зажигалку. Никакого запаха тления при этом, она уверяет, не было, а мгновенно, как известно, коробки не разгораются. Выяснилось, что работает она в фирме всего два месяца. Может, её или ещё кого-то к нам заслали «доброжелатели» специально, чтобы произвести диверсию. Разговор с уборщицей выявил её пограничное с шизофренией состояние психики. Вряд ли такую

зашлют. Да и привела её к нам как замену себе увольняющаяся с работы соседка.

Пока обсуждали эту самую простую версию, заметили в середине склада люк на потолке. Причём прямо под ним металлическую балку максимально повело. Возможно, что поджигатель с бензином или со спиртом от соседей, где, к слову сказать, пока ещё идут ремонтно-строительные работы, пробрался к нам по чердаку, спокойно вылил легковоспламеняющуюся жидкость, поджёг, закрыл люк и выбрался через стройку. Наши представители туда уже ходили, но, как всегда, суровая охрана соседей их не допустила. Эту наиболее вероятную точку зрения мы изложили пожарному дознавателю. С нашей стороны люк после пожара заклинило, и трое работников МЧС пошли обследовать соседнее помещение. С ними пропустили и нас. Очевидного лаза или выхода на чердак не обнаружили, но были запертые бытовки. Ключей у охранников не оказалось, и это усилило подозрения.

Впрочем, проход к люку мог быть и не через стройку. Мы вызвали слесаря с инструментом, и минут через тридцать возни ему удалось открыть вход. И слава Богу! Кроме задымления обнаружилось, что минеральные плиты утеплителя на перекрытии кое-где продолжали тлеть и могли вызвать новое возгорание. Пришлось немедленно возвращать одну из пожарных машин и заливать утеплитель, а заодно и потолки, и продукцию арендаторов. Убытки множились. Только через пару часов удалось внимательно обследовать чердак и выяснить, что он идёт до наших смежников, но на границе с ними возведена сплошная разделительная стена, упирающаяся непосредственно в крышу. На нашей части есть кое-где стеклянные окна, но все они целы. Времени между началом возгорания и обследованием чердака прошло часа три, и если подойти к диверсии профессионально, то окно за это время можно было спокойно поставить на место. Правда, по периметру здания установлены видеокамеры, но, как водится, одна из камер на днях сломалась (или её сломали), а потому четверть периметра была вне наблюдения. Неработающую камеру сняли, чтобы отдать специалистам и попытаться установить причину её поломки. Случайна ли она?

Только поздно вечером в спокойной обстановке просмотрели все внутренние камеры за сутки. При этом выяснилось, что стихийную курилку посещало немало народу. Но есть ли среди посетителей некурящие, то есть те работники, которые, как правило, в курилку не ходили? Оказалось, что есть и такие, кто посещал курилку крайне редко. Среди них и продавец-консультант, оказавшийся в смежной комнате, когда уборщица

заходила в тамбур перед самым возгоранием. Не он ли выбрал подходящий момент, чтобы привести в действие заранее заложенное устройство для поджога, бросив тень подозрения на уборщицу? Есть теперь, к сожалению, и такая техника — с отсрочкой возгорания.

Срочно выясняем его стаж в фирме. Оказалось, тоже всего два месяца — стаж, подходящий для «засланного казачка». Смотрим по камерам действия этого продавца-консультанта в момент возгорания, интересно увидеть, не нажимал ли он какую-нибудь кнопку, например, на мобильнике. Но! В зоне видимости внутренних камер его не оказалось. Выяснилось, что в интересующий нас момент он как раз находился вместе с охранником в «мёртвой» для камер зоне. Причём охранник работает в магазине также всего два месяца.

Случайны ли все эти совпадения? Если они причастны к поджогу, то, наверно, должны были после возгорания позвонить и доложить заказчикам. Но по камерам не посмотреть. Магазин сразу же после начала пожара обесточился, и камеры, естественно, отключились.

Опрос свидетелей показал, что охранник в первые же минуты пожара сделал два звонка, а продавец — один. Итак, вроде бы всё сходится. Стаж у обоих минимальный. Перед возгоранием консультант наблюдает, как уборщица заходит в склад. В момент возгорания оба в «мёртвой» зоне камер. А после, очевидно, звонят с докладом заказчику.

Но вся логическая цепочка зашаталась, когда начальник службы безопасности попросил у подозреваемых телефоны и выяснил, что звонки у охранника были в пожарную службу и в офис, а продавец позвонил маме. Впрочем, компрометирующие звонки легко удалить. Распечатку звонков можно запросить только через милицию, либо по дружбе, либо после открытия уголовного дела, а это минимум десять дней, пока отработает свой хлеб пожарный дознаватель.

Предлагаем самый простой вариант: поехать вместе с подозреваемыми в телефонную компанию и взять распечатки переговоров. Если откажутся — то наши подозрения явно небезосновательны. Но пока просмотрели записи, поговорили со свидетелями, обследовали чердак, а главное, дотушили пожар, наступила уже глубокая ночь. Благостно начавшееся воскресенье закончилось.

Утро следующего дня началось с проработки версии курения как причины возгорания. И здесь картина оказалась также неутешительной. Несмотря на имеющийся приказ, обязывающий директоров согласовывать с главным инженером места курения,

по данному магазину ничего не было сделано. Место не определёно и не согласовано. Возникло оно стихийно, потому что отдалённое и не проходное, к тому же не оборудовано камерами наблюдения. Откуда-то взялась даже лавочка. Вот только ведро или банка с водой для окурков бывали крайне редко. Но зато рядом стоял большой деревянный стеллаж с бумажными сертификатами, рядом же был и легковоспламеняющийся мусор, где также немало бумаги. В общем, место для курения самое неподходящее. Пожалуй, не только поджог, но и стеллаж с бумагой мог дать такое резкое возгорание, как отображено на камерах, захватывающих проём несчастливого помещения. Но эти детали не для пожарников. Всё же поджог, не знаю как юридически, но «по понятиям», если это проделка конкурентов, превращает нас из виновных в пострадавших, да и нашим недоброжелателям будет неуютно, упадёт на них тень диверсии в городской молве, даже если и не удастся доказать этот факт. Мы действительно считаем, что поджог более вероятен, хотя и не на сто процентов.

Пока тянется разбирательство, начальник розничной торговли, вполне достойный специалист и хороший человек, слегла с гипертоническим кризом. Расстроил её и сам факт возгорания, добавил переживаний беспокойный выходной, превратившийся в авральный для неё и её подчинённых, проводивших срочную ревизию, чтобы оценить ущерб и предотвратить растаскивание продукции под видом сгоревшей. Но главное, расстроила её кажущаяся несправедливость, болезненно воспринимаемая нашими людьми. За пожарную безопасность, по её мнению, должен целиком отвечать главный инженер. Пришлось ей, уже лежащей в больнице, объяснять, что невыполнение приказа её подчинёнными, директорами магазинов, по организации мест курения — огромная недоработка, в том числе и её как их начальника. Кроме того, за целый ряд лет нет ни одного случая наказания работников за курение в неположенных местах. Нет наказаний, нет и ответственности в этом вопросе, что резко поднимает вероятность возгорания. Объяснение справедливости нареканий и в её адрес привело к тому, что она успокоилась, и давление нормализовалась. Такова уж, видимо, душа русского человека. Несправедливость больнее ранит, чем пожары и наказания.

Пусть дело не в сигаретах, но так уж я был приучен, работая начальником цеха на оборонном предприятии, на каждую травму, а тем более пожар, смотреть системно. А поэтому встряска по борьбе с курением, независимо от причины возгорания, остро необходима. Должен, кроме того, родиться комплексный приказ,

предусматривающий в том числе учения по срочной эвакуации из помещений людей и по обращению с огнетушителем. Не дай Бог доиграться до человеческих жертв. Надеющимся на русский авось всегда сподручней думать, что беда хоть и может случиться, но только с кем-то другим.

А ведь несколько раз в жизни я был свидетелем страшных огненных бед. Помнится, в цехе на радиозаводе пожилой опытный мастер потерял бдительность и, разговаривая с контролёром ОТК, опёрся плечом на щит электросборки. В это же время я в пяти метрах от него выслушивал жалобу рабочего на несправедливое распределение работ на его участке и жестом подозвал мастера. Едва он успел отойти от сборки, как со страшной вспышкой и грохотом, похожими на молнию и гром, в ней произошло короткое замыкание, и она буквально взорвалась. Не позови я его, сгорел бы заживо на глазах испуганных рабочих. А так — второе рождение принесло ему долгую жизнь. Он единственный из знакомых заводчан перешагнул в добром здравии девяностолетний рубеж. В основной же массе заводчане оказались не долгожителями, особенно во время гайдаровской перестройки, когда государство не оплачивало даже госзаказ.

Но не всегда и шутки с огнём заканчивались без жертв. В бытность мою начальником цеха периодически проводилась старательная предпраздничная уборка, по завершении её цеха принимал главный инженер либо кто-то из его заместителей и главных специалистов. При этом ставилась оценка за чистоту, но главное, проверялись все уголки и кладовки на предмет хранения масел, красок и горючего мусора. Если находилось что-то пожароопасное, то двойка была неминуема, и об этом обязательно вспоминалось на общезаводском ежемесячном итоговом совещании. Но как-то в разгар такой уборки я вдруг услышал под кабинетом странный и резкий хлопок и немедленно сбежал вниз (благо лет мне было в ту пору 25 и бегал я очень быстро) посмотреть, в чём дело. Вопросы были излишни. Из комнаты электриков, относящейся не ко мне, а к главному энергетику, неслись нечеловеческие крики, стоны, мат и ослабевающие с каждой секундой удары по прочным металлическим дверям. Кто-то уже успел позвать слесарей из группы ремонта-оснастки, и они подбежали, чтобы вскрыть дверь. Но это было непросто, провозились несколько бесконечно долгих минут и стали свидетелями ужасающей картины. В мастерской обгорели и буквально на глазах умирали четверо крепких молодых мужчин, ещё минут двадцать назад в предпраздничном настроении балагуривших со штамповщицами, у одной из которых на прессе не срабатывал пускатель.

Пламя мгновенно разгорелось, перекинулось на мой кабинет и уже охватывало все внутрицеховые административные постройки — на железных фермах, но с фанерными и дээспэшными стенками и, конечно же, с кипами ненужных и давно устаревших бумаг. По широченному межцеховому пролёту летели пожарки, не нашедшие в ближайшем гидранте воды. Бедолаг, и стонущих, и не подающих признаков жизни, погрузили на электрокар и повезли в заводской медпункт. Выжил из них только один.

Причины трагедии: праздничная покраска помещения, курение и замок с секретным кодом на прочных дверях.

Электрики не только провели генеральную уборку своей мастерской, но и решили освежить нитрокраской стены. Потом, как водится перед праздником, несмотря на все запреты, подняли по чарке и закурили, а может быть, закурить и не успели. Пары краски могли загореться в замкнутом помещении и от спички. Этот хлопок и прогнал меня из кабинета, который через минуту уже был объят всепоглощающим пламенем.

Страшный случай, связанный с пожаром, произошёл и с одним моим приятелем, причём не на производстве, а в только что отстроенном доме, на новой для его семьи калининградской земле.

Так же был праздничный день, кажется, 9 мая. В открытое окно одной из пустых комнат второго этажа непонятно откуда влетела петарда. Хозяин проснулся, когда пламя уже вовсю хозяйничало наверху. Он бросился поднимать жену, огонь тем временем с секунды на секунду грозился отсечь лестницу второго этажа. Дочери в спальне у жены не оказалось, а проход к её комнате уже был отрезан огнём.

Пожарных вызвали соседи, и они примчались мигом. Приятель бросился к ним, умоляя спасти дочь. Но командир расчёта отрезал: «Приказывать не могу, риск огромен, договаривайся сам». Отец пообещал отдать за спасение дочери все свои не сверхбольшие сбережения. Пожарный решил рискнуть. На него быстро надели огнестойкое обмундирование, и с брезентом в руках он бросился сквозь огонь. Несколько минут растянулись, как вечность. На любом ребёнке свет клином сходится. Но в данном случае речь шла о поздней и любимой, и единственной общей со второй женой дочери, которая родилась, когда ему было ближе к 60 годам, а его жене уже слегка за сорок.

Не знаю, как он пережил эти минуты, но вдруг из огня, как из ада, выскочил пожарный с шевелящимся брезентовым свёртком. Дочь была жива.

Через несколько минут к ним подлетела «скорая помощь».

Врач сказал, что угрозы жизни вроде бы нет, но дыхательные пути и голосовые связки обожжены и говорить девочка какое-то время не сможет. В девять лет и у неё второе рождение, и дай Бог, чтобы теперь уже очень надолго, как и у мастера, вовремя отошедшего от электросборки.

Через месяц ребёнка выписали из больницы. Голосовые связки всё же оказались серьёзно повреждены, и когда я увидел её года через два после пожара, голос у неё был, как у медвежонка в мультике. В Праге, где уже давно и успешно работает старшая дочь её мамы, обещают восстановить голос девушки серией операций.

Как же удалось ребёнку выжить в окружении пламени? Ей повезло не только на решительного пожарного, но и на воспитательницу в детском саду, которая ярко рассказала и внушила детям, что во время пожара если уже нельзя выйти, то лучше всего не метаться, а залезть в ванну и ждать, когда за тобой обязательно придут. В точности так она и поступила. Только удивилась, что в ванную влетел не папа, который всегда приходил на выручку, а какой-то инопланетянин, напугавший её не менее, чем огонь.

Вот такая огненная история, к счастью, с хорошим окончанием. Сейчас девочка живёт со старшей сестрой в Праге, оканчивает школу, голос ей почти полностью восстановили чешские врачи.

Но вернёмся к нашим бедам. Хотя, раз все живы и здоровы, к настоящим бедам этот случай, слава Богу, не отнесёшь.

Через день после возгорания, неожиданно для подозреваемых в поджоге продавца и охранника, начальник службы безопасности предложил им проехать вместе к сотовому оператору и взять распечатку телефонных разговоров в день пожара. Это предложение не вызвало с их стороны ни замешательства, ни обид. Распечатки показали, что никакие переговоры из памяти телефона не были удалены. А значит, звонков-докладов возможному заказчику не зафиксировано. Но и это обстоятельство, к сожалению, ещё ни о чём не говорит. Если кого-то из них действительно заслали, то телефон для информации мог быть и другой. Во всяком случае, не в пользу продавца-консультанта свидетельствует то, что он, как выяснилось, пришёл на меньшую зарплату, нежели получал раньше, работая официантом, а потом стропальщиком на эвакуации машин. С некоторым понижением в заработной плате перешёл к нам и охранник.

Но не исключена версия, что докладывать о пожаре им особенно некому. Возгорание произошло в канун ревизии, может

быть, имело место крупное хищение. Пожар — и, как говорится, концы в воду, или, ещё лучше, в огонь. В крупном хищении не обойтись без транспорта. Необходимо по видеокамерам проверить подъезд под погрузку чужих машин, особенно в ночное время, когда торговля, к слову сказать, осуществляется через рядом расположенный ночной паб, который в отличие от винного магазина круглосуточный.

Как раз в канун пожара из паба уволили молодого управляющего, который до этой должности был барменом, в общем, тёртый и инициативный молодой человек. Жаль только, что инициатива таких молодых людей чаще направлена на обогащение любой ценой. Схему хищения вполне мог организовать и он. Пока мы ведём собственное расследование, арендаторы требуют срочного ремонта своего помещения. Уже неделя, как они заняты пересортировкой продукции и инвентаризацией; наверняка предъявят нам и немалый вынужденный простой.

Столкнувшись в первый раз с таким запутанным делом со многими неизвестными, охранники фирмы во время ночных дежурств скрупулёзно просматривали записи камер и внутреннего, и наружного наблюдения. При этом выплыл интересный факт: начальник паба до увольнения не единожды о чём-то беседовал с грузчиком магазина, перекуривая на улице, хотя служебных отношений у них не было никаких.

Но посторонние машины к заднему входу ни разу при открытых воротах не подъезжали. Товар, который привозили наши автомобили, в основном «Газели», всегда принимали давно работающие заведующие, а уносил грузчик. Теоретически они, конечно, могут вступить в сговор с водителем (он чаще всего ездит без экспедитора) и выгрузить не всё: оставленный в машине товар, конечно, ляжет на ущерб от пожара. Но по видеозаписи можно проследить, сколько коробок с товаром принято, и сличить их количество с фактурами. Это, конечно, большая и очень не быстрая работа. Выборочный просмотр нескольких приёмок товара не выявил хищений.

Хотя просмотр не помешает продолжить и дальше. Расследовать необходимо по всем направлениям. Это поможет осмыслить, что происходит и в других магазинах фирмы, откуда могут нагрянуть неприятности, что требуется сделать для их предотвращения.

Продолжая просматривать записи, естественно, в быстром режиме, охранники офиса обратили внимание, что молодой прежний руководитель паба как-то мелькнул около машины, вывозящей мусор из магазина. Никто не придал бы этому особого

значения: мало ли по какому вопросу он подходил, в конце концов, и у него в заведении тоже есть мусор. Но поскольку его личность, как и недавно принятых на работу охранника и консультанта, уже вызывала повышенный интерес, съёмку посмотрели внимательно. Проговорил он с водителем целых пять минут — это дольше, чем нужно для решения какого-либо мелкого делового вопроса.

После этого тщательно просмотрели все приезды мусоровоза. Больше их встреча ни разу не повторялась, по-видимому, та была чистой случайностью. Но всё же я попросил исследовать все приезды машины и погрузку мусора, в которой участвовали двое — водитель и грузчик магазина, также «скомпрометировавший» себя общением с «пабовцем».

Оказалось, что в следующий после беседы приезд машина под погрузкой простояла дольше обычного, и часть мусора была не в контейнере, а просто в куче, и загружалась как-то особенно аккуратно. Содержимого совковой лопаты рассмотреть не удалось, немалая комплекция грузчика, будто нарочно, загораживала обзор камере. Таких аккуратных погрузок вручную насчитали шесть, причём каждый раз до двадцати лопат. Конечно же, сразу возникло подозрение, что грузчик загораживал и аккуратно клал лопатой коробки с вином. Быстрый просмотр, а именно так от случая к случаю просматривают видеозаписи, подозрений не вызвал. Грузчик с лопатой — обычная картина. Ею он подбирает рассыпанную часть мусора, и такие кадры есть при каждой вывозке. А то, что движения медленней и аккуратней, чем обычно, заметили не сразу даже при нормальном просмотре.

Но эта странность поведения вряд ли может служить доказательством вины, ведь коробок видно не было. Оставалось, как говорят в таких случаях, взять кого-нибудь из них на пушку.

Морально слабее, по общему мнению, водитель мусоровоза. На него и решили провести психологическую атаку. Но уже не силами наших охранников, а по дружбе приглашённых в офис милиционеров, да ещё и в форме.

В ближайшие дни, когда мусоровоз подъехал к офису, водителя попросили на минуту зайти в помещение охраны. Ничего не подозревая и, естественно, никому не позвонив, он вошёл и минут через пятнадцать уже дал признательные показания о пособничестве в вывозе около восьмидесяти коробок винно-водочных изделий, сгруженных в чей-то гараж.

Хозяина воровского склада нашли быстро. Он оказался знакомым грузчика. Но поездка в гараж результатов не дала, так как минули новогодние праздники и спиртное ушло. Предполагаемая сумма нанесённого похитителями ущерба —

тысяч 250.

Тут же открыли и уголовное дело. Подозревавшиеся охранник и продавец-консультант оказались, слав Богу, совершенно ни при чём. Грузчик вскоре дал признательные показания, а бывший директор паба отрицал всё, но оба они дружно заявили, что к поджогу никакого отношения не имеют. И действительно, в момент пожара не было ни того ни другого.

К тому же у главного предполагаемого организатора поджигать не было никакого материального интереса. Товар числился на магазине, а не на пабе. Правда, в случае обнаружения недостачи подозрение в хищении могло лечь и на него. Но попробуй докажи.

Удастся ли в конце концов установить истинную причину возгорания и виновника — огромный вопрос. Ведь вся информация о пожаре, казалось бы, уже собрана.

Но выясняются новые неожиданные факты. По характеру задымлённости в смежном помещении пожарный дознаватель с подачи нашего главного инженера определила, что у основных арендаторов во время пожара во внерабочее время была включена вентиляция. Этот, на первый взгляд, безобидный факт может иметь огромные следствия. Во-первых, любая вентиляция создаёт движение воздуха, то есть как бы ветер, а ветер, как мы знаем, и пламя раздувает. Во-вторых, и у них, и у нас произошло задымление стен, а кроме того, от дыма и от воды пожарных испорчена часть дорогой продукции — витаминов и пищевых добавок. Но вентиляция опять же и способствовала тому, чтобы натянуть к ним в помещение дым и поддерживать тление минваты и пыли на перекрытии, которое затем и заливали пожарные.

При этом снова становится актуальным вопрос: должны ли мы возмещать убытки арендатора? Стоимость ремонта помещения, пострадавшей продукции и вынужденного простоя превышает два миллиона рублей. Для того чтобы отбиться от этой суммы через суд, необходимо получить заключение пожарных, где должно быть указано про вентиляцию. Прошёл уже месяц, но заключения всё нет, несмотря на мою встречу с главным пожарным на следующий день после происшествия. Непонятная медлительность…

Случайно узнали мы и ещё одно сверхважное обстоятельство. У смежников в ночь перед возгоранием срабатывала охранная сигнализация, но их ответственная работница — администратор поленилась выезжать! Охранное агентство объехало объект, осмотрело его снаружи и спокойно убыло, подумав, наверное, что это ложное срабатывание.

Может быть, и ложное… А если нет?! Если сигнализация сработала по делу? Если действительно кто-то проник с целью подготовки поджога? Или пожар пришёл к нам от них?

В пользу этой версии свидетельствует место возгорания. Произошло оно как раз на смежном с арендатором участке помещения, где граничит наш склад с их туалетом. Разделены они всего лишь гипсокартонной стенкой. Ничего не стоило сделать в ней отверстие и заложить воспламеняющееся устройство с отсроченным действием. Или элементарно могли ночью занести канистру с чем-то горючим, например со спиртом, и спрятать её вместе с орудиями уборки помещения — швабрами, вёдрами, которые нередко хранятся рядом с туалетом. Не помешало бы уточнить, где хранились у арендаторов уборочные принадлежности.

Информацию о срабатывании сигнализации узнал наш главный инженер, по-моему, от администратора склада-магазина арендаторов, причём говорила она это, естественно, не ему, а так, болтая с помощниками. Вряд ли она организатор поджога, раз спокойно болтает на эту тему. Но есть ещё и директор, и другие работники.

Главный инженер не придал большого значения этой информации. Я узнал от него только спустя месяц. Причём сработала, как оказалось, не только охранная, но ещё и пожарная сигнализация. Мне вдруг стало ясно, что если документально подтвердить болтовню о срабатывании сигнализации, то цена этой справки от охранного агентства может быть примерно пять миллионов рублей, то есть равной нашим прямым убыткам по ремонту помещений и по списанию продукции. Но есть и косвенные убытки, связанные с простоями. Арендаторы, не выехавшие на объект при срабатывании у них и пожарной, и охранной сигнализации, вполне могут быть признаны через суд виновниками пожара или даже его организаторами.

Несмотря на то что с этим же охранным агентством работаем и мы, справку и даже информацию о срабатывании сигнализации они не дали. Причина либо в том, что их уже простимулировали наши арендаторы, вероятные виновники пожара, либо в том, что, узнав о возгорании после срабатывания сигнализации, они постараются скрыть факт срабатывания.

Возможно, при отказе в выезде хозяев склада они обязаны были с понятыми организовать вскрытие объекта либо позвонить более высокому начальству или нам как арендодателям.

В общем, следует ознакомиться с их правилами при срабатывании сигнализации. Интересно, сколько времени они обязаны хранить информацию в своих приборах? Думаю, что

долго.

Важно выяснить также, одновременно ли сработали два вида оповещения. Если было проникновение, то вначале должна была сработать охранная сигнализация и лишь через какое-то время пожарная. Пока после поджога появляется дым — проходит время. А проникнуть в склад для поджога могли как наши «друзья», так и сами арендаторы.

Когда нам стало известно, что и директор, и администратор склада находятся в стадии увольнения, возникли новые предположения. Может быть, поджогом они и хотели скрыть следы недостачи? А чтобы не выглядело подозрительно, решили произвести поджог через наш склад? Хотя, может быть, гореть начало у них, а лишь затем перекинулось к нам.

Посмотреть их камеры видеонаблюдения никто не удосужился. Да и есть ли они в районе туалета? Необходимо выяснить. Правда, нас в склад-то пускают не очень охотно, хотя по договору и обязаны обеспечивать допуск арендодателя именно по контролю за пожарной безопасностью.

Позже выяснилось, что сработала охранная сигнализация не по контуру, а акустическая. Но акустическая сигнализация могла сработать не только от проникновения кого-то, но и от взрыва, например, упавшей или слишком нагревшейся коробки с какими-нибудь аэрозолями либо ещё с чем-то горючим.

Но здесь тоже принципиально — был ли интервал времени между срабатыванием охранной сигнализации и пожарной. Если сработали одновременно, то проникновение исключено. Тогда, скорей всего, просто неисправность, хотя теоретически возможен и взрыв с моментальным распространением дыма. Но всё же звук наверняка быстрее дыма. Вопрос в погрешности приборов по фиксации времени происшествия.

Не без усилий с нашей стороны пожарному дознавателю удаётся всё же заполучить вожделенную справку от охранного агентства. Срабатывание сигнализации налицо! Но! Вначале, около часа ночи, сработала пожарная сигнализация и только утром, уже при возгорании, — охранная. Следовательно, ночного проникновения в склад с целью поджога не было, видимо, охранная сигнализация среагировала либо на движение дыма, либо что-то упало или взорвалось при пожаре.

Теперь рабочая версия — это окурок и долгое тление мусора у них в районе туалета. Тогда виновники пожара арендаторы и только они. А значит, им и компенсировать полностью убытки, причём не только свои, но и наши! Но! Обследование пограничного с нами места начала пожара показало, что это не так: ни пол, ни стены там внизу, как назло, не обгорели. А значит,

версия с окурком у них — несостоятельна. Остаётся ли тогда признать, что виноваты мы и только мы?

Но потолок-то у них основательно обгоревший, и даже выпал светильник, что, очевидно, и привело к срабатыванию охранной сигнализации минут через 10–15 после начала возгорания у нас. Спрашивается, мог ли за это время так нагреться негорючий потолок, чтобы выпал светильник? Вряд ли…

А если предположить, что у них в районе светильника произошло замыкание и провод долго тлел или горел, пока тление не добралось до нас и не вызвало возгорание в районе шкафа с бумагой? Теоретически может быть и такое, но только в том случае, если при замыкании не сработала автоматическая защита. А вся электрика — это наша ответственность как арендодателей.

Начинаем разбираться. Находим электрика, который обслуживает эти помещения. Он утверждает, что автоматы-предохранители были в полном порядке. Значит, замыкание исключено. Остаётся версия окурка или поджога.

По мнению большинства специалистов, от окурка так быстро и яростно не могло разгореться. Толковые эксперты склоняются к поджогу, причём первая попытка была ночью, когда сработала пожарная сигнализация арендаторов, а вторая, увы, успешная, утром и уже на нашей территории. Бездействие, а может быть, умысел руководителей арендаторов, к тому же увольняющихся, которые не отреагировали на сигнализацию и оставили на ночь включенную вентиляцию, налицо.

Теперь всё зависит от юристов и судей. Но, на мой взгляд, причина пожара в вопиющей халатности арендаторов, в прямом нарушении ими всех правил и инструкций! Электросети же, как и положено, проверены менее года назад специальной надзорной организацией. Они находятся в полном порядке, о чём имеется соответствующий документ.

Сгоревшая «порядочность» офицера

Пожар потушили за несколько часов, магазин возобновил работу в течение недели, а до суда пожарно-чиновничья братия довела дело «фантастически быстро», аж за восемь долгих месяцев. Примерно столько времени ушло на утрясание и выбивание актов экспертизы, и это при том условии, что в городе мы не посторонние и просили одного из главных экспертов как-то ускорить процесс, а главное, объективно учесть все нюансы пожара. А именно, чтобы не забыли отразить работающую вентиляцию у арендаторов и сработавшую у них ночью пожарно-охранную сигнализацию, на которую они не среагировали. Ведомственное начальство тоже обещало нам оперативность и объективность, но поступило по-офицерски в современном исполнении — не сделало ровным счётом ничего. Через несколько месяцев, после десятка напоминаний мы наконец-то получили долгожданный акт, он был так же «объективен», как и «оперативен». Ни о включенной вентиляции, ни о проигнорированном вызове там не было ни слова. Как же обещание честного отражения причин возгорания? А никак.

Мы, видимо, попали в типичную, в общем-то, на сегодняшний день среди имеющего власть люда ситуацию, при которой проигрывает обычно тот, кто прав, поскольку суетится, а иногда «даёт», как правило, меньше тех, кто просит что-то утаить или натянуть факты. Мы с Дрицем надеялись на знакомство, не единожды сдобренное совместным чаепитием, на уважение к стажу фирмы и репутации.

Позже выяснилось, что лаборатория, дающая заключение, не находится в прямом подчинении у руководителей пожарной охраны. Она существует отдельно в системе МЧС, а следовательно, её сотрудники вполне могут вести самостоятельный промысел. О его успешности свидетельствуют марки машин возле их офиса. Но и ссориться и жаловаться на пожарных не с руки. Мир тесен, и штрафы у пожарных весомые. Совсем недавно отбивались от начёта в 400 тысяч рублей. Благо сделать это пока не очень сложно. Не умеют, к счастью, профессионалы оформлять толково бумаги, чтобы выдержали они испытание судом. Их штрафы отменяются нередко по формальным признакам.

Нам же в данной ситуации осталось искать вневедомственную лабораторию, также имеющую право на проведение экспертизы. Хорошо хоть монополия на экспертизы разрушена. Снова оплатив, но теперь немалую сумму, мы

получили наконец-то объективный акт, в котором однозначно доказывается, что поджог был осуществлён со второй попытки, и халатность соседей налицо. Судебное дело не заставило долго ждать. Арендаторы первыми подали иск на несколько миллионов рублей за ремонт и порчу продукции.

Теперь всё будет зависеть от того, какой акт признает наш объективный суд, то есть чьи юристы окажутся сметливей и проворней в небыстром судебном марафоне с «призовым фондом» в несколько миллионов рублей.

Рулетка включена. Делайте ставки, господа! Играет иркутская фирма против весьма богатого московского филиала.

Глава 2
Налоговый «смерч»

Оглушительная новость

Поздний вечер. Кабинет в офисе, увешанный картинами лучших иркутских художников. Спокойная обстановка, не предвещающая эмоционального взрыва, переживаний, скачков давления.

Обсуждаем с молодым, но уже достаточно опытным юристом Денисом не очень радостную ситуацию по практически безнадёжным долгам дебиторов. Особенно обидно, что по всем по ним, а это около десятка «партнёров», есть положительное решение судов. Но на одних фирмах или частных предпринимателях имущества ещё толком не было, другие же успели его спрятать на ком-то из близких родственников, например на «бывшей» жене при фиктивном разводе, или перекинуть на другую, ещё не замаранную фирму. К сожалению, эти явно нечистые действия практически никогда не квалифицируются как мошенничество, и предприниматели, как, собственно, и во всём остальном остаются один на один со своими бедами.

Такая же ситуация отсутствия какой-либо судебно-милицейской поддержки, если выявляется воровство внутри фирмы. Несколько попыток взаимодействия с «родной» милицией в этом направлении закончились нашими же потерями. Один раз нас принудили двум общепитовским воришкам-начальницам оплатить вынужденные прогулы за неправильное увольнение, а другой раз — после нашего заявления милиция ворвалась со следователем к нам же в офис искать вторую бухгалтерию. Помогли бизнесу! Но прочь текучку, всё-таки воскресный вечер!

Рассматриваем нежданное приобретение — работы двух крупнейших для нашего региона, а может быть, для России, художников, абсолютно не похожих друг на друга: Василия Бочанцева и Бориса Десяткина. Иркутско-владивостокский художник Бочанцев продолжает традиции русской реалистической живописи, связанные с именами Перова, Сурикова, Репина. В творчестве Десяткина можно проследить влияние Дикса, Кандинского, Мунка и некоторых других экспрессионистов.

Соответственно, и письмо двух именитых художников совершенно разное. Десяткин — экспрессия, страсть, обнажённые нервы: дотронешься — почувствуешь электрический разряд, того гляди, ранит. У Василия Бочанцева — глубочайшая грусть, щемящая душу, но всё же не переходящая в безысходную тоску, как, например, у Галины Новиковой, а в сюжетных работах

проникновенно отражены и крестный ход, и снятие с крестов Иисуса и разбойников, и Гражданская война с бойцами в «красных революционных шароварах» с окаменевшими в беспощадной ненависти к классовым врагам лицами… Кстати, когда я впервые познакомился с творчеством уже ушедшей из жизни Галины Новиковой, то у меня на одном дыхании написалось посвящённое ей стихотворение:

Могла б и ты стихи писать.
У нас с тобой одно начало.
Но будет ли кому читать,
Не лучше ль красками кричать –
Решила ты и «закричала».

Холсты взмах крыльев берегут.
В них бесприютность, снег и стылость,
Но и рассветы вдаль текут,
И звёзды сети в водах ткут,
Чтоб жизнь на дно не опустилась.

О том, что она действительного писала вполне достойные стихи, я узнал много позже.

Почему-то считается, что только путешествия, в обычном понимании этого слова, с аэропортами и вокзалами, автобанами или вечным российским бездорожьем, с гостиницами или палатками, с обменниками, неувязками и нервотрёпками — являются вернейшим средством от депрессии.

Но, по-моему, и живопись, если она рядом, а ты научился вглядываться в неё и входишь не только взором, но и мыслью и чувством в каждую картину, даёт возможность путешествовать, пронзая не только пространство, но и время, как, собственно, и хорошая книга.

Никогда не забуду «путешествие» в среднюю полосу России XIX века при прочтении романа «Братья Карамазовы». Почти десять дней я, можно сказать, жил там и общался, в сущности, только с героями этого потрясающего произведения Достоевского. Благо отдыхал от крайнего утомления после года сумасшедшей работы в должности начальника крупнейшего цеха огромного оборонного предприятия. А было в ту пору мне всего-то двадцать пять лет.

А сегодня в тиши вечернего кабинета, отбросив бесконечную круговерть дел, я пережил снятие Господа с Креста и повстречался с участниками этой великой библейской сцены, побывал рядом со страшными в своём «праведном» гневе

солдатами революции, но перевёл взгляд — и уже общаюсь с задумчиво-красивой и кажется, что хорошо знакомой девушкой с картины Бориса Десяткина или брожу по старинным улочкам Иркутска в работах Анатолия Костовского, Владимира Тетенькина и Владимира Кузьмина.

Но вдруг путешествие прерывается, душа возвращается поближе к письменному столу и кожаному креслу. Дверь отворяется, и входит — с чем-то похожим на нервную судорогу на лице — встревоженный финансист и одновременно директор одной из крупных фирм — Анатолий, имеющий, к слову сказать, и экономическое, и юридическое образование, с видом, как будто мы только секунду назад прервали разговор, и выпаливает, что хотя неработающая, а говоря откровенно, брошенная фирма, переведённая им в другой регион, и пуста, и баланс сдала, и налоги оплатила, и штрафов у неё не взять, но, «чёрт возьми», на уголовное дело можно нарваться и директору, и, возможно, учредителю! Осторожный и педантичный юрист Денис, без пяти минут адвокат, занимающийся судебно-арбитражными делами, принципиально не вникает в организационно-экономические дела, а иногда и авантюры Анатолия и с разрешения уходит.

Анатолий был уверен, что успел до начала проверки перекинуть фирму в следующий регион. Ведь налоговикам не удалось найти нового директора и нового учредителя и вручить директору решение о выездной проверке. Без этого проверка недействительна. Одного разыскиваемого, по словам жены, не было никогда дома, другой — вообще живёт не по прописке. (Закон, карающий за проживание без прописки-регистрации, пока ещё в России в стадии обсуждения.)

Директором какое-то время как раз и был сам Анатолий, а учредителем на начальном этапе — я. Правда, позже я вышел из учредителей, но остался кредитором части оборотных средств и консультантом. Но какой смысл налоговикам возиться с пустой фирмой, рисовать огромные штрафы, заводить дела?

Оказалось, что есть одно большое НО!

Фирма-то пустая, да на бывшем учредителе, то есть на мне, немало имущества, в том числе производственно-торговых зданий, квартир, офисов, водятся деньги на счёте. По здравому смыслу, если удастся зацепить учредителя, например, доказать, якобы фактический руководитель он, а не директор, то, наверно, может не поздоровиться, хотя по закону за всю деятельность отвечает исполнительный директор, а с него взять особенно нечего, как и с фирмы.

Закон солидарной ответственности учредителей наряду с директорами в очередной раз рассматривается Думой, но

поскольку многие чиновники и депутаты сами учредители, правда, в основном через своих родственников, которых тоже жалко, то закон вряд ли будет принят, хотя, на самом деле, в подавляющем большинстве случаев в России основные решения принимает учредитель. При нынешних законах, разработанных, я думаю, по указке из-за морей и океанов, преступники все, кто имеет хоть какое-то отношение к бизнесу, да и кто получает зарплату не из бюджета. Особенно часто под пресс законников попадают те, у кого денег больше, чем связей. Вырвалось же у меня когда-то:

…Живёт Россия вопреки
Потоку пагубных законов.
Мы браконьерим у реки,
И не попал ещё в силки
Сибирский край и русский норов.

Директор, не выполняющий волю учредителя, по сути, бесправен и может быть легко заменён или ущемлён материально.

В общем, неподсудный учредитель, а тем более консультант, вроде бы может спать спокойно, но выясняется, что не всегда. Звонок к знакомому адвокату — и узнаём, что отдельные факты привлечения учредителя по статье УК всё же есть. Не поздоровилось недавно и одному моему приятелю, крупному чиновнику, который получил реальный срок за консультацию по организации взятки-«отката» в одной из административных структур.

Но это ещё не всё. Новая информация прозвучала, как выстрел или как приговор в зале суда.

Помощник показал бумаги, напоминающие, что я, будучи учредителем, перевёл из фирмы дорогущую квартиру в Питере на своё имя. Казалось бы, от перестановки слагаемых сумма не меняется, ведь учредитель в фирме тогда был один. Но жизнь не арифметика, здесь всё не так.

Пока квартира на фирме, учредитель может спокойно ею пользоваться. Но если фирма готовится к закрытию или банкротству, то квартира должна с неё уйти. Но как? Самое простое и честное — это выкупить её. Вопрос: где взять огромные деньги, чтобы снова купить — одну и ту же квартиру — по сути, у самого себя? Попав в фирму, выкупные деньги приведут к резкому увеличению налогов и, в общем-то, к парадоксальной ситуации.

Стоимость элитной квартиры и без того велика, около 50

миллионов рублей. Эти деньги, попав на расчётный счёт, не образуют прибыль, так как квартира или дом выкупается по стоимости приобретения. А значит, выплатить средства в качестве дивидендов нельзя. Данные деньги могут быть законно выплачены в качестве премии, то есть зарплаты. Но тогда суммарный налог составит не 9 %, как в случае выплаты дивидендов, а 43,2 % (13 % — подоходный налог, 22 % — пенсионный фонд; 5,1 % — медицинская страховка, 2,9 % — соцстрахование на случай временной нетрудоспособности и материнства, 0,2 % — обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний) — итого 21,6 миллиона рублей! Не парадокс ли это законодательства?

Если при налоговой проверке уже неработающей фирмы предъявят недоплату налогов, то сделка по передаче квартиры может быть признана незаконной, её придётся вернуть в счёт погашения долгов. Единственный способ отстоять квартиру — доказать, что она не просто передана, а выкуплена реальным взносом денег во время деятельности фирмы и налоги уплачены полностью ещё тогда.

В общем, цена проверки «пустой» фирмы может быть очень и очень высока.

Покупка квартиры была совершена в кризисном 2009 году, доллар тогда бешено рос, и покупать доллары, а на них недвижимость с ценой в валютном эквиваленте было намного выгоднее, чем возить продукты. Рубль дешевел на 10–15 % в месяц, а прибыль от торговли и производства была всего максимум 5–6 %. Тогда-то и приобрели квартиру — больше для вложения денег, чем для использования.

Доказать возврат средств за квартиру сложно, на покупку деньги уходили с банковского счёта, и это легко увидеть, но назад, на расчётный счёт, прямых перечислений я не припомню. Бухгалтер давно уволилась, и все документы, по-моему, изрядно запутаны. Полученная учредителем квартира, существенно превышающая фактически уплаченные налоги, — мощнейший стимул для раскрутки дела, вплоть до самых крайних мер. И здесь уже учредитель выступает как рядовой заёмщик, который обязан вернуть деньги в собственную фирму.

Доказать у нас можно хоть что, был бы у силовиков стимул, а он в нашем случае появляется, и очень весомый.

Но это ещё не все новости.

Разорвалась следующая, кажется, третья «бомба». Мы были убеждены, что идут хоть и массированные, но предпроверочные мероприятия. А оказалось, что проверка не только началась, но,

судя по письму, полученному новым учредителем, уже закончилась около двух месяцев назад.

Энергичный, но оказавшийся безалаберным финансист-директор нашёл у себя в бумагах переданное, но непрочитанное извещение о завершении проверки; наверняка извещение о её начале тоже у кого-то преспокойно валяется, а значит, действия налоговой инспекции полностью легитимны.

Анатолий наглядно продемонстрировал, что русскому человеку, с его небрежностью и геройством, легче проехать тысячу километров по бездорожью, чтобы перекинуть фирмы в соседний регион, чем внимательно разобрать почту.

Более того, звонок налоговому консультанту выявил ещё один страшный промах: оказалось также, что финансист зря категорически наказывал новому директору и учредителю не получать почту. Не удосужился он разобраться в том, что для обеспечения законности проверки налоговой инспекции достаточно отправить документ по телекоммуникационной линии, а получение бумаги уже не важно, за исключением случаев, когда фирма официально расторгла договор об электронных коммуникациях. Этого, по незнанию финансиста, сделано не было — договор не расторгнут.

Когда выяснилось, что бумага о завершении проверки была получена почти два месяца назад, это вызвало настоящий шок! Примерно два месяца — как раз срок для передачи дела в следственные органы. А значит, разговаривать, возможно, придётся уже не с налоговиками, а с носителями погон, имеющими весь карательный арсенал — от ограничения перемещения по миру до немилосердных казённых стен.

Вместе с извещением была ещё и страшная информация, что предварительные налоги определены самым варварским расчётным методом: по реализации, взятой из сданной в налоговую бухгалтерской отчётности, без учёта любых затрат, поскольку документы утеряны. А значит, сумма налогов может быть выше уплаченной в десять и более раз (миллионов 400–500) и являться «интересной» для разборок не только в масштабах региона. То есть можно «прославиться» и попасть в показательный для России процесс или попробовать откупиться, но уже не местной, а космической московской цифрой, не знакомой с рублями.

По банковским документам легко определены все наши партнёры. И у многих поставщиков и покупателей проведены встречные проверки.

Итак, на бедные нервы свалилось сразу пять оглушительных новостей: 1) учредителю, пусть и бывшему, всё же иногда

вменяют уголовную ответственность за деятельность фирмы; 2) выкуп квартиры из фирмы по банковским документам вряд ли проведён; 3) проверка официально не только началась, но уже окончена; 4) время, прошедшее после окончания проверки, уже позволяет передать дело в следственные органы, что, возможно, и свершилось; 5) сумма налогов, о которых ведут речь проверяющие, астрономическая и весьма интересна московскому начальству.

Вот уж действительно: «Всё хорошо, прекрасная маркиза…»

Хорошо настолько, что давление от такого стечения новостей прыгнуло к верхней планке и там застыло. Благодаря безалаберности энергичного, изобретательного, как считалось, и вроде бы очень преданного финансиста, а ещё недавно директора проверяемой фирмы, мы оказались в роли страуса, спрятавшего голову в песок и позорно прозевавшего, как хищники подкрались для последнего прыжка.

Все же не факт, что все сгорело

Но, к счастью, через час интенсивной ходьбы эта взрывная новость перестала казаться убийственной, и мозги, разгорячённые пульсом и давлением, начали сооружать крепость.

Хрен с ним со всем, не расстреляют ведь! Прежде всего, необходимо успокоиться. Расследование будет идти несколько лет, а это тоже жизнь. В крайнем случае, на европейское образование, на обычное жильё, автомашины — средств детям и жене должно хватить при любом раскладе. А остальное в их руках!

Старший сын, работая в Москве, в зарубежной фирме, и имея английское образование, уже живёт на свои кровные, ездит по миру в командировки и просто с друзьями, дотаций не просит, жаль только, что и к моему делу пока не рвётся, считая его возможной обузой, правда, со временем и неизбежной. Так что в главном по жизни всё нормально, никто из близких не пойдёт по миру, не подвела бы планета да фанатично упёртые в бренную прибыль политики. Но это не по моей кафедре.

Что ж, русская пословица не отменялась: «От сумы да от тюрьмы не зарекайся».

Мои два приятеля, занимающие весьма высокое положение, оба, пожалуй, самые интеллигентные во властных структурах, совершенно неожиданно для всех не так давно вкусили прелесть суровых тюремных стен. Не с драйзеровского ли Каупервуда, коего полюбил в подростках, с его успешностью в бизнесе, с собиранием живописи, с несколькими женитьбами, запрограммировалась судьба, а в чём-то и получила развитие?..

Правда, в казённых стенах он был в молодости и сумел использовать это время с пользой — обдумывал предстоящую жизнь, строил честолюбивые планы. У меня время планов во многом позади. Но впереди, может быть, свой «Стоик»? Лев Гумилёв, например, провёл в лагерях более десяти лет — причём весьма плодотворно. Хотя не было у него друзей-приятелей среди начальников ГУЛАГа и с концертами по лагерям, как мы, он предварительно не разъезжал. Для многих корифеев литературы и науки зона была как бы монастырём для творческой работы.

При Сталине сажали оборонщиков, чтобы ничто не отвлекало их от работы и гениальных изобретений.

Коллега по поэтическому цеху 60-х годов, почти наш современник Алексей Прасолов написал в зоне свои, пожалуй, лучшие стихи, которые отослал в журнал «Новый мир». Их в ту пору прочёл сам А. Т. Твардовский. В результате Прасолов вышел

из зоны уже хорошо известным поэтом. Не могу не привести строки хотя бы одного его замечательного стихотворения, полного какого-то потаённого вселенского звучания:

Я услышал: корявое дерево пело,
Мчалась туч торопливая, тёмная сила
И закат, отражённый водою несмело,
На воде и на небе могуче гасила.

И оттуда, где меркли и краски и звуки,
Где коробились дальние крыши селенья,
Где дымки — как простёртые в ужасе руки,
Надвигалось понятное сердцу мгновенье.

И ударило ветром, тяжёлою массой,
И меня обернуло упрямо за плечи,
Словно хаос небес и земли подымался
Лишь затем, чтоб увидеть лицо человечье.

Независимо от Прасолова, я когда-то представлял опустевшую от людей, переселившихся в другие миры, Землю и почему-то представлял, как одиноко и грустно по планете будет гулять осиротевший ветер:

Любовь и грусть с собой в дорогу нам даст Творец.
Заплачет ветер, одинокий Земли жилец.

Если же сравнивать свой путь с кумиром юности Каупервудом, то несовпадений окажется много, например, в виде наград, смягчающих, если что, мою вину. Кроме того, он не оставил после себя ни сборников стихов, ни записок предпринимателя, ни художественной галереи.

Похоже, что я уже в чём-то счастливее его, что же при этом зря гонять давление? Не лучше ли смотреть на всё немного со стороны? Есть ведь такой метод у социологов и журналистов — включенное наблюдение. Правда, когда оно добровольное, то его легко самому и прервать, что явно невозможно в «местах не столь отдалённых». С другой стороны, принудительное пребывание там использовали как форму включенного наблюдения многие, в том числе Солженицын, Шаламов, Туманов и другие великие люди.

Достоевскому «повезло» ещё больше. Он «наблюдал» глубоко изнутри ситуацию казни, когда сам находился в нескольких минутах от неё. Может, благодаря жуткому шоку и как бы

второму рождению он далеко обошёл всех собратьев по перу, завораживая мир своими «идиотами», «бесами», «Карамазовыми».

Так, собственно, чем рискуем-то? В любой ситуации может быть прибыток, если не физический, так духовный. А вот если бояться и психовать, то наблюдение точно сорвётся, и попадёшь под антидепрессанты, а ещё чище, в психушку, где не так давно побывал Анатолий. Вот там действительно часто ставят крест на творчестве, а то и на жизни. Но пока ещё всё в моих руках. За налоги туда, к счастью, не упекают.

Эти мысли в сочетании с долгим ночным походом нормализовали давление и помогли взглянуть на ситуацию с поэтической колокольни:

Я помню штормовой прибой,
Восходом озарённый,
Я перед ним, как пред судьбой,
Стоял, заворожённый.
Мне в раннем детстве океан
Ревел о жизни бренной;
Он, словно раненый, стонал
При встрече сокровенной.
Стал шторм моим поводырём –
Гудит он о разлуке.
Я ж упираюсь за рулём
И волны режу кораблём,
Хоть в кровь стираю руки.

А судьи кто?

Наконец-то наступило завтра. Задача номер ноль — связаться с налоговой. Но как это сделать? Представители в том городе у нас есть, но у них нет нотариальной доверенности от нынешнего директора. Оформлять и отправлять с ней гонца — это ещё сутки неизвестности. А неизвестность иногда хуже самой казни, и это как раз именно такой случай: состояние, как в стихах Семёна Гудзенко:

> Когда на смерть идут — поют,
> а перед этим можно плакать.
> Ведь самый страшный час в бою –
> час ожидания атаки…

Решили идти двумя путями. Во-первых, дозваниваться, чтобы узнать хотя бы крупицы информации. Во-вторых, мчаться к нотариусу — оформлять доверенность и отправлять с нею гонца для получения «приговора».

Трубку долгое время никто не берёт. Лето распространяется и на налоговиков. Наконец, ближе к обеду, кто-то появился в кабинете, но нашей проверяющей не было, она на выезде. Пообещали ей передать, кто беспокоит, и она, если сочтёт нужным, позвонит.

Через пару часов, как будто специально, чтобы дать нам время понервничать вдоволь, проверяющая перезвонила финансисту.

Главная интрига разговора — выяснить, не передали ли акт чуть раньше срока в следственные органы и какую сумму всё же нарисовали. Про квартиру спрашивать нельзя, а вдруг да не заметили.

При разговоре финансиста с налоговиком я решил не присутствовать, и казалось, что время тянется бесконечно. У меня в кабинете сменилось несколько посетителей, удивлённых моей рассеянностью. Я не раз просил что-то повторить, и, думаю, было заметно медленное понимание мною сути обсуждаемой проблемы. Это никак не вязалось с обычно очень динамичными диалогами, в ведении которых помогало и то, что фирме уже более двадцати лет, и то, что почти столько же лет проработано мастером, начальником крупнейших цехов, заместителем директора по экономике, а также то, что у меня инженерный диплом с отличием, кандидатская по экономической социологии

и две книги во всесоюзном издательстве «Экономика», сборники стихов, членство в Союзе писателей и т. д. Такой жизненный багаж не может не способствовать развитию интуиции, да и большинство ситуаций идут по накатанной колее. Отсюда и быстрота реакции.

Кроме интуиции и опыта здорово помогает не сгинувшее, как и небольшая детская близорукость глаз, прочное знание арифметики чуть ли не начальной школы, с её трудными задачками, решаемыми без формализованных алгоритмов и уравнений. По моему глубокому убеждению, все годы учёбы нужно решать именно арифметические задачи, оставив высшую математику с её дифференциалами и интегралами узким специалистам. Для решения повседневных производственно-экономических и бытовых задач нужна только «высшая арифметика», включающая и умение быстро считать, и элементарную логику. Эти навыки у меня прочны. Благодаря им и поэтической интуиции я, наверно, и владею лучше других экономикой фирмы.

Самый простой пример высшей арифметики, когда кто-то, зная наценку, просит скидку ровно на эту же величину. Например, входная цена мебельного гарнитура 100 тысяч рублей. Наценка на него — 60 %. Итого продажная розничная цена 160 тысяч рублей. Кто-то из своих просит, чтобы сделали скидку 60 %, полагая, что таким образом останется себестоимость. Но от 160 тысяч рублей скидка 60 % равна уже не 60, а 96 тысяч рублей, и остаточная цена составит всего 64 тысячи, что на 36 % ниже себестоимости.

С этой задачей я сам столкнулся, уже работая мастером участка. Будучи молодым специалистом, я уговаривал рабочих согласиться со снижением расценки на изготовление деталей на 20 %, которые будут «полностью» компенсированы увеличением премии на аналогичные 20 %. Над словом «полностью» они посмеялись и показали в цифрах мне, ленинскому стипендиату, серьёзно изучившему высшую математику, что я невольно вру на четыре рубля с каждой сотни. Такая вот арифметика.

Примеров высшей арифметики не счесть и в повседневных делах.

Буквально на днях, дай, думаю, внимательнее просмотрю служебную записку от отдела по персоналу. Каждый месяц согласовываю её на ходу, в массе других бумаг, пробегая только итоговую цифру затрат на рекламу по набору персонала. Благо начальник отдела человек грамотный и честный, член Союза писателей России, у неё, как всегда, всё расписано аккуратно, а главное, жирным шрифтом выделены слово «итого» и сумма, ему

соответствующая, где-то обычно тысяч 60–70. Но задерживаю взгляд на записке чуть дольше и вижу, что сумма по строчкам значительно больше, чем «итого». Удивлённо поднимаю глаза на руководителя и слышу странные объяснения. Мол, форма записки сложилась несколько лет назад, когда мы не использовали интернет-рекламу и рекламу по телевидению, а работали только с печатными СМИ. Затратам по ним и соответствует исторически цифра к слову «итого», а поскольку это последний раздел, то и стоят они в конце, но составляют теперь всего лишь четвёртую часть от всех затрат на рекламу.

Вот уж не думал! А куда смотрит бухгалтерия? А никуда. Только на моё согласование, а в бумагу не вникают и они.

Вот так в разы нарастили затраты, а я подписывал и не знал. Но может быть, это хотя бы оправданный рост? Чтобы понять, спрашиваю, какова эффективность рекламы и как контролируется её телевизионный блок. Ответа нет. Это уже из рук вон плохо. Затраты хоть и не нарочно, но получились по секрету. А с высшей арифметикой и вовсе нелады.

Назавтра выясняем, что по самой дорогой телевизионной рекламе, на которую расходуется 60 % от общей суммы, приходит только 15 % претендентов на вакансии, в то же самое время Интернет привлекает примерно 50 %, а затраты на него — 20 %, остальное приходится на бумажные СМИ.

Прикидываю коэффициент эффективности использования денег: для телевидения — 0,25, для Интернета — 2,5, для печатных СМИ — 1,75. Беглый анализ показал, что использование телевидения для приёма кадров абсолютно неэффективно, то есть более миллиона рублей за год выброшено бездумно на ветер.

Контроль над использованием средств на ТВ также из области арифметической логики. Почти все рекламные фирмы — посредники между рекламодателем, с одной стороны, ТВ и прочими СМИ, включая Интернет, — с другой. Размещение рекламы в печатных СМИ и в Интернете проверить легко. А на ТВ все программы не усмотришь. Чётких предварительных графиков выхода рекламное агентство не предоставляло. Хотя и с ними уследить непросто. Немало переносов бывает и по вине самого ТВ. Если только партнёр почувствует, что жёсткого контроля со стороны заказчика нет, то до 10 %, а то и 30–40 % денег на рекламу может благополучно оседать у фирмы-посредника, не доходя до ТВ. Наши кадровики и не слышали, к сожалению, что с ТВ можно требовать для проверки выхода рекламы эфирные справки, а по многим программам последние годы след остаётся и в Интернете. Проводя трудоемкую проверку, мы не смогли получить подтверждения процентов на пять оплаченной рекламы.

За год это 50–60 тысяч. Думаю, что агентство не исключало всё же контроля со стороны серьёзного заказчика и «обувало» скромно. Это не так много, если учесть, что вся реклама на ТВ, около миллиона рублей за год, в данном случае оказалась никчёмной.

И таких арифметических задач в повседневной деятельности фирмы десятки, а то и сотни. Интегралы и дифференциалы не требуются никогда.

Немало пригождается мне и детский опыт, особенно полученный в пионерских лагерях. Ближе к 13–14 годам в пионерском лагере я бывал явным лидером, даже председателем совета дружины, то есть как бы самым главным пионером.

Ещё тогда я прочно усвоил, что нечестность, а ещё хуже, какие-либо тайные подвохи по отношению к другим ребятам обязательно становятся явными и в результате непременно бьют неприятностями по тебе самому.

Думаю, что этого опыта не хватило «горе-бизнесменам», тайно использующим криминальные методы. В результате лица многих из них теперь можно увидеть на кладбищенских обелисках.

Тайная подлость становится явной и почти всегда возвращается бумерангом. И в подростковом коллективе, и в бизнес-сообществе играть нужно одинаково честно.

Что касается налогов, то здесь свои правила. И хотя налоговых органов, да и налогов таких, как сейчас, при социализме не было, но всё же прошлый опыт позволяет вести фирму, минуя и политические, и бандитские, и чиновничьи рогатки всяческих перестроек.

Компромиссы по налогам не всегда легко, но всё-таки находились в родном городе. Когда-то судьба распорядилась так, что один из крупных руководителей в соседнем регионе, где у нас был филиал фирмы, стал близким приятелем. Он часто приезжал в Иркутск, и я познакомил его, помнится, со многими бизнесменами, с медиками, с несколькими людьми мира, имеющими, столь вожделенные для него, счета в иностранных банках. Правда, потом, когда местные связи отстроились, он решил, что просто приятельство нерентабельно, отношения перевернулись на 180 градусов, и я стал одним из самых проверяемых под его личным «патронажем». Подогрело его корысть наполеоновски-больное самолюбие, страдающее от успешности других в различных сферах. Тогда я вывел чёткую закономерность: чем выше уровень «дружбы», тем выше за неё плата. Не дай Бог попасть под столичное «шефство». Одна из проверок фирмы под его «патронажем», несмотря на немалые

«дары», всё же закончилась неприятной цифрой, которая автоматически передавалась в налоговую полицию. По тем правилам, если в первый раз отделываешься административными делами, то повторное попадание под прицел было чревато уголовным делом.

Если у немых есть язык жестов, то у чиновников и силовиков есть «шахматный» язык. Чем худшую позицию они создают оппоненту, тем выше «мзда» и сговорчивость бизнесмена. Этот поступок — принятие весьма значительной взятки с последующей передачей дела в налоговую полицию — переполнил чашу моего терпения, и я с горячностью сорокалетнего «юноши» 90-х годов в первый и в последний раз стал обсуждать со значимыми приятелями краплёную взятку с привлечением силовиков. Но у одних с ним был хитрый бизнес по возврату НДС, у других ещё что-то, и меня отговорили, пообещав побеседовать с бывшим «другом». Вскоре, к счастью для российского бизнеса, налоговую полицию ликвидировали, поняв, что она превратилась в нашей воровской стране в мощное средство грабежа неокрепшего бизнеса, а потом «ликвидировали» с должности и редкого взяточника, подставлявшего многих и многих «подшефных».

У неискушённого читателя возникнет вопрос: «А что, нельзя уплатить налог и спать спокойно, как призывает плакат?» Можно, но только иногда, если речь идёт, например, о личном подоходном налоге, когда я не раз платил огромные налоги при продаже объектов. Кстати, если бы объекты пробыли у меня три года, то налог — ноль. Абсурд. Что меняется? Тем более что объекты были у меня добрый десяток лет, но числились на моей фирме. А продать объекты с фирмы ещё накладней: льгот, в отличие от личной продажи, нет никаких. Можно продать объекты и вместе с фирмой, выведя остальное имущество или создав новую организацию. Но льгот при этом также нет, а видавший виды покупатель к тому же боится таких сделок, так как у любой фирмы может быть большой шлейф долгов и невыполненных обязательств. В отличие от недвижимости, они не регистрируются нигде и могут проявиться только со временем. Поэтому до реконструкции и огромных вложений я вынужден был выкупить объект, но по причине кризиса продать, не дожидаясь трёх лет.

Налоги же с фирм и предприятий в полном объёме не платит никто, так как средств не останется не только на развитие и создание новых рабочих мест, но вскоре придут к нулю и оборотные средства. Несколько аккуратнее к налогам иногда относятся хозяева бывших социалистических предприятий, получившие как бы в наследство от социализма огромные

основные фонды в виде зданий, оборудования, а также обученные коллективы. Многие из них неплохо живут уже лет двадцать, «сдувая» резервы. Например, Иркутский мясокомбинат за годы постсоветской перестройки чуть не в десять раз уменьшил численность, во много раз — объёмы производства, не говоря уж о капитальном строительстве, но всё равно комбинат долго находится на плаву, владея дармовыми основными фондами на многие миллиарды рублей. У него, конечно, было больше резервов и для налогов, нежели у предпринимателей, начавших с нуля и создавших тысячи рабочих мест за эти же годы.

Налоговое законодательство, не льготирующее даже средства, потраченные на развитие производства, является дьявольской удавкой. Заплатить нужно существенно больше, чем зарабатывает развивающаяся организация. Об этом давно устали писать, говорить и утомлённо замолчали. Поэтому в России в той или иной мере преступники — все бизнесмены и подавляющее большинство рядовых работников, получающих зарплаты по серым схемам. Это известно всем. Прокуратура и налоговики, принимая условия игры, стали требовать года три или четыре назад от директоров, чтобы средняя официальная, не «неконвертная» часть зарплаты была хотя бы выше прожиточного минимума, иногда требуют и среднеотраслевой уровень, но это им не удаётся — бизнес сопротивляется. Если всё-таки продавят этот уровень «белой» зарплаты, то цены и инфляция взметнутся ещё выше. Сейчас дело пошло даже дальше: налоговики начали выводить и средний уровень налоговой нагрузки по прибыли и НДС и проверять в первую очередь тех, у кого ниже её уровень к обороту фирмы. Но этот показатель — как средняя температура по больнице, включая покойников.

У крупных сетей, закупающих в добрый десяток больше нас, значительно меньше входные цены и совершенно другие схемы закупа. Многие виды товаров: сахар, мука, фрукты, крупы и т. д. — они могут брать вагонами непосредственно у производителей и импортёров. При этом выигрыш в цене в среднем 20–30 %, а иногда и все 50 %. Естественно, у таких фирм объективно относительная налоговая база может быть во много раз выше. Но и они, опережая прочие по налоговой нагрузке на рубль продаж, платят далеко не всё.

Таким образом и получается, что самые социально активные люди у нас, строго говоря, налоговые преступники, а значит, управлять ими много легче. Все у власти на крючке. Никто из бизнесменов открыто не идёт на Болотную площадь и не ведёт свои коллективы. Каждому за это светит разорение или тюрьма на вполне законных основаниях. Действует негласный договор:

мы работаем, причём на свободе, и при возможности богатеем, вы, то есть власть, — делаете со страной что хотите. В результате самый активный пласт общества остаётся вне политической игры. Более того, известны случаи, когда на митинги, естественно, в поддержку власти, вывозили за пределы региона работников самых послушных — сырьевых предприятий, принадлежащих «ручным», ещё более уязвимым олигархам, сидящим с позволения власти на общенародных ресурсах и наследстве комсомольских строек.

Прикажут — повезут и многие представители среднего бизнеса: успешность и свобода дороже. «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание», — учил классик политической экономии Карл Маркс. Поэтому зона ответственности большинства бизнесменов — только семья и коллектив, остальное — чужая планета. Как здесь не вспомнить Владимира Маяковского: «Если б вы знали, с какой болью ограничиваюсь свидетельской ролью».

Примерно такие мысли проносились в голове, пока финансист разговаривал с очередной представительницей «государственных интересов».

Всё, к счастью, имеет свой конец. Минут через двадцать Анатолий, изрядно покрасневший и слегка вспотевший, зашёл ко мне взволнованный, но главное — заметно оживший.

Сухой остаток разговора в том, что цифра недоимки, полученная расчётным методом, без учёта затрат, как мы и ожидали, пока астрономическая, и это вызывает страх, как огромная высота, независимо от надёжности страховки. Но есть и хорошая новость. Силовикам результаты проверки не переданы. А главная радость даже не в этом. Оказалось, что и сама проверка ещё далеко не закончена, и акта на сегодняшний день ещё нет и в помине.

Самая страшная бумага — о завершении проверки — оказалась ничем иным, как блефом налоговиков. «Для чего?» — недоумевал Анатолий. Мне же вспышка мысли от накала двух полушарий, впитавших весь жизненный опыт с точными науками, с бесконечными задачами, со стихами и живописью, за долю секунды осветила всю интригу сегодняшней ситуации. Игра стала понятна до самого «донца». В благодарность к ясности и свету зазвучали в сознании строчки Владимира Маяковского:

Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,

светить — и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой –
и солнца!

За одним блефом потянется и другой! Астрономической цифры штрафа быть также не может. Суд наверняка не пропустит такую цифирь. Метод без учёта затрат, даже если первичные документы утеряны, может существовать только для запугивания несведущих оппонентов. Ведь налоговики легко могут увидеть львиную долю всех затрат на оплату продукции в движениях средств по расчётным счетам фирмы, сохранившихся в банковских архивах. Зная это, можно приблизительно определить доход и НДС, а по налогам на физических лиц восстановить фонд зарплаты коллектива.

Но вряд ли для суда подойдёт и указанный метод. Он тоже неточен. Останутся неизвестными наличные платежи. Они хоть и ограничены ста тысячами по одному договору в день и на практике сегодня используются редко, но теоретически сумма затрат может набраться очень весомая. А бремя доказательств лежит, как известно, на налоговиках.

Правда, возможна уголовная ответственность за утрату документов, но только в случае, если будет доказано их умышленное уничтожение, как и банкротство, если оно умышленное. Но доказать умысел весьма сложно. Дела, доведённые до суда, как правило, единичны и имеют конкретных заказчиков, не скупящихся на взятки, или очень выгодны самим силовикам. В нашем случае выгода может быть, поэтому расслабляться рано.

Для передачи дела следователям неуплата должна быть далеко не сотни миллионов рублей, достаточно и двух. Если меньше двух миллионов и фирма пустая, то опасаться, скорей всего, нечего. Если же больше двух миллионов, тогда следует считать, сколько процентов составляет сумма неуплаты от уплаченных налогов. Если неуплата превышает 10 %, то только тогда дело идёт на дальнейшее расследование и возбуждается уголовное дело. Интересно, что при этом берётся во внимание не вся предъявленная сумма, а только прямая неуплата. Пени и штрафы за неуплату, а также и за непредставление документов исключаются при определении порогового значения, что, конечно же, выгодно бизнесу и обижает силовиков. Три, например, миллиона, конечно, не сто, но мороки и откупных будет много. Поэтому важно всеми силами минимизировать сумму неуплаты или оперативно погасить доказанный долг, не вынося сор из

привычно-уютной налоговой избы. В общем, кому-то срочно нужно выезжать на переговоры к соседям.

Насколько трудно было, работая начальником цеха в тысячу человек, найти руководителя первичного коллектива — мастера, настолько трудно найти в фирме достойного переговорщика с многочисленной чиновничьей ратью, в частности, с налоговой инспекцией. Конечно, мог бы поехать я и сам. Вначале, когда ситуация казалась суперопасной, так и хотелось сделать. Но тогда цена вопроса была бы обязательно максимальной. В фирме только несколько специалистов, кому можно доверить щепетильное дело неформальных переговоров, обязательно увенчанных весомой взяткой. В теме и к тому же кровно заинтересован только финансист — бывший директор злополучной фирмы. Здесь важно не только умение общаться, но и вызывать спокойное расположение, симпатию и доверие, а также понимать суть вопроса, уметь слегка поспорить, донести и конверт, и выгодную для нас точку зрения.

Итак, взяв водителя-охранника на всякий случай, Анатолий в изрядном волнении, чтобы успокоиться, сам сел за руль и поехал в город недавней дислокации фирмы.

Неясным оставался важнейший вопрос — зацепили ли они информацию по квартире? Спрашивать напрямую, конечно, нельзя. Трата учредителем огромных средств на квартиру могла стать причиной преднамеренного банкротства. А это, опять же, статья УК.

Как гласит древняя мудрость: хочешь мира — готовься к войне. Как отбиваться в суде? Как оправдаться и доказать всё же взносы на выкуп квартиры? Корешок приходного ордера выплаты средств за квартиру с подписью кассира и бухгалтера, предположим, найдём, а если затерялся, сделаем новый — это несложно, но ненадёжно. Если их начнут допрашивать о дальнейшем движении средств, то они, конечно, запутаются, прошло уже три года, не выдержат милицейских уловок и давления. Много надёжней и слово, и подпись одного директора о получении средств, тем более он числился в то время и директором, и главным бухгалтером фирмы в одном лице. У него есть к тому же мощная защита от нашего «правосудия», спасающая почти наверняка от уголовной ответственности. Не было бы, как говорится, счастья, да несчастье помогло. Дело в том, что Анатолий два года назад имел традиционную российскую страсть к выпивке, к тому же запутался в личной жизни и как раз в дни передислокации фирмы, с чем-то похожим на белую горячку, попал в настоящую специализированную психушку. Ему прописали «ударное» лечение, после которого

трудно выбраться из растительного состояния на свет Божий. Остатками сознания и интуиции он это понял и плакал по-настоящему, когда моей помощнице удалось к нему прорваться через полупьяный кордон в «лечебницу», перед которой меркнут тюремные стены. Я, хоть и находился в этот момент за границей, понял весь ужас ситуации и воспользовался всеми своими связями, чтобы вырвать его из этой гипертюрьмы и перевести в нервное отделение больницы общего профиля, где трезвый персонал, нет смирительных рубашек и страшных смирительных уколов, санитаров-«десантников» и курса лечения по жесточайшему алгоритму, направленному на уничтожение болезни вместе с личностью.

Вырвать его удалось с большим трудом, но довольно быстро. Лечился он, правда, ещё месяц или около того. Страх психбольницы помог ему покончить с выпивкой, казалось бы, навсегда. До этого я долго, с переменным успехом, сражался за его трезвость, помогал решать все бытовые вопросы, в том числе со служебной машиной, квартирой, дачей, да и просто лечил душу беседами, часто обедая с ним вдвоём. При этом я настоятельно советовал беречь семейную крепость с надёжной женой и маленьким сыном.

Является ли нынешняя ситуация для него, как говорят, похмельем на чужом пиру? Думаю, что нет. Перевод отработавшей фирмы в другой город, естественно, после уплаты налогов (всегда на спорном уровне), целиком идея его — директора фирмы. И зря, в родном городе помогают и стены. К тому же место новой дислокации много слабее экономически, и мы, со своим немалым оборотом — более одного миллиарда рублей в год, — весьма заметны. Городок оказался не Рио-де-Жанейро, как восклицал бессмертный Остап Ибрагимович.

Итак, на вторые сутки после взрыва новостей Анатолий, преодолев немалое расстояние на автомобиле, наконец встретился с рядовым инспектором районной налоговой.

Долгий разговор закончился безрезультатно. Она наотрез отказалась искать компромисс и обсуждать более «интимные» темы благодарности, сославшись на то, что это слишком крупное дело и курирует его начальство повыше. Эта ожидаемая, в общем-то, информация не добавила оптимизма. Но где наша не пропадала! После консультации по телефону решили пробиться к заместителю главного областного налоговика, на нём сходятся все нити решения вопросов. Главный же больше занят чисто политическими вопросами с Москвой и местным руководством, а также хозяйственной деятельностью. Чуть больше полугода назад встреча с ним уже была — по протекции одного из высоких

местных руководителей. Тогда Анатолий ездил вместе со старейшим моим помощником по самым щепетильным поручениям по фамилии Дриц.

Дриц не знает, что такое дебит и кредит, какие бывают налоги и штрафы, но и без этого, как сказали бы одесситы, он знает очень много. Он знает жизнь! Он знает тех, кто может её испортить, и знает тех, кто может помочь. Его связи распространяются на несколько областей и немного в саму столицу. Свою основную работу — профессиональное приятельство с нужными людьми — он делает с удовольствием. Любит людей и любит помогать людям, особенно полезным. И не его вина, как говорил Генри Форд, что при этом получается прибыль. Каждый день он спешит с подарками поздравлять кого-то с днём рождения или с другим праздником, кого-то срочно везёт в больницу, собирает врачей и спасает жизнь, кого-то просто знакомит с гаишником или судьёй, кому-то помогает с билетами или с банкетом, кому-то возвращает права, а кому-то старается вернуть свободу или облегчить пребывание в казённом месте, кого-то хоронит или помогает с родами.

В общем, наш незаменимый Дриц даже попал в мою эпиграмму, которые я, в общем-то, пишу очень редко.

Дриц всем на свете
Сват иль брат,
Он наш министр общения.
Антисемит и тот бы рад
Стать Дрицем без крещения!

Наверное, в каждом городе есть по одному Дрицу. Дрицев помногу не бывает. Если где-то нет, мне искренне жаль местечковую элиту этого несчастного городка. Обязательно нужен человек, который знает всех и периодически собирает в ресторане или на яхте всех нужных людей, каждый раз тщательно конструируя конфигурацию высокого собрания, где все друг другу нужны больше, чем «по-нашенски» ненавистны ещё с княжеских времён раздробленной распрями Руси.

Не избежал участи знакомства с Дрицем и достаточно молодой, недавно назначенный в соседнем регионе, боевой заместитель главы налоговой инспекции. Результатом знакомства была приостановка на полгода налоговой проверки. Понадеявшись на русский авось, пока суд да дело, Анатолий и решил перекинуть фирму куда-нибудь подальше, может быть, рассосётся само, бывает и так. Сел на самолёт, прилетел в другую, отдалённую область, взял в аренду помещение под офис,

повесил вывески и думал, что дело в шляпе. Нет чтобы спросить налогового консультанта — пенсионера с богатым опытом работы в инспекции, который даже и абонентскую плату ежемесячно получает у нас. Но где уж — «сам с усам». И только через полгода выяснилось, что всё это глупая суета и нужна была совершенно другая стратегия: не «страусиная» — а серьёзных переговоров и подготовки к проверке. Смена адреса ни на что не влияла, если проверка уже начиналась.

Анатолий на этот раз попытался сам встретиться с уже знакомым налоговым боссом с глазу на глаз. Обычно эту роль выполнял Дриц. Но недавно открылось несколько фактов, когда немалая часть «компромиссных» средств, скорей всего, оставалась у Дрица и не доходила до адресата. А в данном случае никак нельзя рисковать результатом. Анатолий знает вопрос и может обсуждать саму суть, а заодно и весомость «компромисса». В противном случае надо было ехать вдвоём, так как Дриц «заточен» только на вторую часть любого вопроса. Здесь же важны и экономические моменты.

Анатолию повезло. Он встретил молодого начальника прямо около вахты. Представился, но тот отрезал: «Я помню только Дрица и могу встретиться только с ним». К счастью, назвал завтрашнюю дату и даже время.

Да, Дриц виртуозно умеет делать себя незаменимым, замыкая на себе все полезные связи. Но он в отпуске, не близко от города. Я начал звонить чиновнику, который, собственно, и знакомил их полгода назад. Дозвонился. Попросил принять Анатолия с приготовленным и для него «компромиссом», поскольку от него немало зависело в случае передачи нашего дела в карательные органы. Анатолия он принял, но отказался второй раз помогать во встрече, а после мучительных раздумий отказался и от весомого «компромисса». Неприятный симптом, от которого снова слегка кинуло в пот. Неужели они уже вместе думают взвинтить дело до московских цифр, выйдя на бывшего учредителя, то есть на меня?

Нужно срочно искать Дрица-отпускника и посылать на встречу. Благо хоть его готовы принять на данной стадии, пока не выкатились страшные цифры. Чем чёрт не шутит. Возьмут и насчитают предварительно сотни миллионов рублей неуплаты, всё же не приняв во внимание утерянные нами затраты, как и грозились. Тогда покупать несудимость, а то и свободу, придётся в Москве за очень дорого, по нефтяным, разорительным для периферийного бизнеса расценкам. И надо же! Негативная информация опять под вечер. Опять перед сном! Как здесь не вспомнить, скитаясь ночью для успокоения нервов, своё стихотворение:

Грызёт мою душу бессонниц кошмар,
И сердце пускается в пляс.
С горящей постели бегу на бульвар
Порою по несколько раз.
Но даже и улица против меня,
Глаз страшный мигает звездой.
Один, как в тайге, без друзей, без огня,
Хоть волком затравленно вой…
С зарёй наплывает спасительный сон,
И дарит виденье Морфей.
Там в стареньком доме поёт патефон
И бабушка шепчет: «Попей!»
Напившись водицы из прошлых времён,
Я чую: затеплился день.
Ура! С ним и я в мир живых возвращён,
Сгорает кошмарная тень.
И нет в этот день нелюбимых людей,
Ведь каждый немало страдал.
Бичует Господь своих грешных детей –
Усердья он большего ждал?

К утру с Байкала прибыл вездесущий Дриц и рано утром выехал в соседний регион на встречу.

Но какие всё же найти аргументы, чтобы отбить охоту показывать астрономические цифры долга? Если оппоненты увидят, что у нас железные доводы для суда в сторону уменьшения недоимки и что им не добраться до учредителя и даже директора, то и опасные цифры ни за что не мелькнут. Высокие невзысканные суммы существенно испортят отчётность налоговиков перед Москвой. Поэтому им крайне важно взвесить все найденные нами аргументы, чтобы, с одной стороны, не продешевить, а с другой — не попасть под пресс жадного московского начальства, которому обязательно нужен результат не столько по официальному, сколько по «компромиссному» каналу.

Между тем выяснился ещё один немалый промах с нашей стороны. Инспектор всё же дозвонилась один раз до ныне действующего директора Бориса, назначенного уже новым учредителем, и тот не нашёл ничего лучшего, как вообще откреститься от директорства. Это резко ухудшило наши позиции в их глазах. Если липовый директор, то, скорей всего, и липовый учредитель. Если это доказать, то, значит, де-факто учредителем остаюсь я, и подступы ко мне будут легче. Но если даже и не

выйти на меня, а собрать уголовный материал на Анатолия, то всё равно я не смогу допустить лишения его свободы, и опять их «копилка» в большом выигрыше.

В общем, всё как в шахматах: им нужно любым образом расчистить путь от мелких фигур и добраться до короля, затем шаховать, пугая его, и наконец поставить мат, то есть добиться капитуляции и продиктовать, опираясь на силу своей позиции, немилосердные финансовые условия. Самое нежелательное условие, которое выдвигается иногда не только бандитами, — это передача доли в фирме их человеку. Нередко для фирмы это означает начало конца.

Ход, который должен переломить партию

Срочные консультации со своими налоговиками подтвердили, что метод подсчёта налогов без затрат, вероятней всего, через суд не протащить, но для передачи дела силовикам — как знать?

Главный метод подсчёта налогов при утере документов — аналогия с близкими по профилю фирмами. Но где взять данные? Они закрыты. А самое главное — вдруг мы выглядим хуже коллег в разы, и этот метод будет нас топить ещё глубже?

За двадцать два года существования фирмы мы ни разу не пытались добыть сведения о налогах наших коллег-конкурентов. Бизнес-сообщество, да и вообще все представители так называемой элиты разобщены в нашем городе, как нигде. Где уж тут обмениваться полезной информацией! Пытается объединить своих и сочувствующих только Дриц и синагога. Интересно, что синагога приглашает не только евреев, но и православных, особенно из числа предпринимателей, у кого есть хоть какие-то еврейские корни или же кто ездит систематически в Израиль, например, на лечение. Но основной-то люд с православными крестиками остаётся сам по себе. Не в пример нам Белгородская епархия, которую возглавляет бывший иркутянин, владыка Иоанн, сын известного журналиста, старателя и писателя Леонида Мончинского. Там паства едина на всех уровнях, особенно элита города, и заслуга в этом — владыки и местного губернатора, уже много лет работающих в единой связке. Думаю, что предприниматели там серьёзней, чем мы, относятся и к местным налогам. Их величина вполне может быть предметом престижа, наряду с меценатской деятельностью. В целом же по России объём налогов, уплаченных предпринимателями, как правило, тайна за семью печатями.

Спрашивается, почему нашей пропаганде не сделать этот показатель предметом гордости, как меценатство, и не отмечать высокими местными и государственными наградами? Это ли не воспитание патриотизма?

У наших коллег информацию не взять, даже и просить неудобно. Остаётся добывать её непосредственно в недрах самой налоговой инспекции. Мир не без добрых людей. А вдруг мы окажемся в плохишах: с удельным весом оплаченных нами налогов относительно объёмов реализации — самым минимальным из всех однопрофильных фирм? Тогда опять совершенно не ясна цена финала и обеспечена бессонница.

Потекли томительные часы. Благо что день рабочий и текучку

никто не отменял. Ничего не подозревающие и мало за что отвечающие работники фирмы по-прежнему ломятся со своими вопросами, которые сегодня им кажутся самыми важными, а мне пустяками. Ох, как я завидовал им всем в этих изматывающих душу обстоятельствах!

Такую острую зависть к простым людям, не обременённым тяжким грузом богатства, я уже испытывал.

Как-то, возвращаясь с отдыха из Карловых Вар, в самолёте я просматривал газеты. Ничего глубокого в них, как всегда, не было. Но, как дерево притягивает молнию, так и эти сухие тексты на высоте десяти тысяч метров притягивали какие-то информационные разряды из ноосферы. Идею об этой «сфере разума» в конце 1920-х годов заронил в головы двух французских философов — Эдуара Леруа и Тейяра де Шардена — русский академик Вернадский на своих парижских лекциях по геохимии. Шарден представлял её как невидимую оболочку человеческого сознания вокруг Земли, подобную пламени.

По-видимому, один из разрядов, порождённый бушующей информационной плазмой, и ударил в меня. Я вдруг внезапно понял, что будет жуткий обвал денег и всей российской экономики. Почему-то мне стало предельно ясно, что валютные долги подобны смерти.

Уже назавтра я обсуждал эту проблему со своим приятелем, специалистом по ценным бумагам Дмитрием, сидя пока ещё в своём, а не кредиторов, ресторане «Вернисаж» на пешеходной улице, глядя в окно на беззаботных людей, которым, в общем-то, особенно терять нечего. К тому же они ничего и не подозревают сегодня о финансовой катастрофе, волна которой, как зародившееся в океанских далях цунами, уже мчится на радостных отпускников, находящихся на импортном берегу в предательских лучах всевидящего солнца. Совсем скоро раздадутся крики и стоны погибающих людей, уносимых беспощадной волной.

Зная о надвигающейся катастрофе, я судорожно начал мастерить спасательный плот. Я пытался продать хоть что-нибудь из недвижимости, чтобы закрыть валютные долги за сахар и бытовую технику.

Опережая цунами

В те кризисные дни первым делом я поехал к своему, как я ошибочно считал, приятелю — к преемнику отца на посту директора мясокомбината. Он периодически покупал розничные магазины, потихоньку создавая свою торговую сеть. Купить один-два магазина по моей просьбе ему было несложно. Тем более что мой отец, можно сказать, подарил ему и его семье огромное предприятие, на пике авторитета добровольно отказавшись участвовать в выборах директора. Не скупал он и акции мясокомбината, не ставил в заместители и не прочил в директора меня или кого-то ещё из близких родственников. Более того, со мной вообще был уговор, чтобы я как можно реже появлялся в их управлении. Такое отношение к предприятию, созданному за многие десятилетия советской власти, он считал честным.

Но без меня на этапе становления рынка они не обошлись. Я придумал и создал им предприятие с частными торговыми точками на центральном рынке. Подготовил и зарегистрировал документы, предложил схему работы, а главное, пожертвовал надёжного главного бухгалтера и директора, которых хотел принять в свою фирму. С тех пор руководители комбината, в том числе и преемник отца, ощутили преимущества рыночной свободы предпринимательства на своём домашнем бюджете.

А ещё раньше, когда только начинали говорить о частной инициативе, мы совместно стали зарабатывать первые дополнительные, почти неофициальные деньги на шитье кожаных курток.

Задача комбинатовцев была достать, естественно, за деньги, козью кожу, а наша, с моим другом, тоже Виктором, да ещё и Владимировичем, — организовать пошив курток и их реализацию. Два коротких слова, но за ними немалый предпринимательский труд и риск. Козьей шкуры на иркутском комбинате не было. Отец договаривался о её покупке в соседнем регионе. И туда приходилось мотаться на грузовичке по нашим сибирским дорогам, больше похожим на бездорожье. Одна из таких поездок закончилась аварией. Грузовик занесло на скользкой пыли, в начале дождя, и он перевернулся. Находились в нём мой друг Виктор и заместитель директора комбината. Отделались, слава Богу, лёгкими травмами.

Непросто было и с шитьём. Подходящих цеховиков мы нашли только в соседнем городе Ангарске, но около них были голодные бандиты конца 80-х годов и милиция. Так что и пошив для нас был непростой операцией. С риском была связана и перевозка, и

реализация курток.

Затем мы с замдиректора комбината, по инициативе отца, предприняли очень рискованную поездку на Камчатку за рыбой — для меня вторую и последнюю, — стремясь выменять её на нашу местную водку и колбасу. Поездка оказалась малоприбыльной (за значительную часть продукции деньги или рыбу нам просто не отдали), но чрезвычайно опасной. Мы попали под прицел местных бандитов, которые тогда не заботились о долговременных взаимовыгодных связях, а стремились урвать немедленно — любой ценой и побольше.

Благо по приземлении, непосредственно в аэропорту, несколько деловых лётчиков, уже втянутых в бизнес, приобрели у нас половину продукции с хорошей наценкой. За вторую часть товара, развезённую по магазинам, мы не получили ни гроша ни сразу, ни спустя время.

Совместные дела на заре рынка, в том числе и весьма рискованные, позволяли надеяться на успех в переговорах с преемником о магазинах. Должен выручить если не меня, то своего благодетеля — моего отца.

Но увы. Старое добро помнят не все. Неискоренима и наша российская традиция, а может быть, не только российская, преуменьшать роль предшественников или даже чернить их деятельность. Этим мы как бы поднимаем себя любимых и раздуваем свою значимость. О чём я лет десять назад сказал в стихотворении «Возвышение»:

> Возвышение праздного хама —
> Для безбожной души благодать.
> Он взрывает величие храма,
> Чтоб в поверженный купол плевать…

В общем, долгий разговор, сопровождаемый, правда, и чаем, и кофе, и выпивкой, окончился просьбой подумать пару дней. Но его растянувшиеся на несколько дней консультации с домочадцами, которые, к слову сказать, моментально стали членами совета директоров и заместителями директора, результата не дали.

Ещё более рельефно проявилось отношение к отцу через несколько лет, во время юбилейного торжества, когда и в докладе, и в фильме был практически исключён 25-летний период его директорства. О нём — орденоносце, который отстроил посёлок Жилкино, обеспечил жильём всех кадровых работников комбината и выпестовал несколько Героев Социалистического Труда, — не было сказано практически ни

слова.

Такое «празднование» чуть не закончилось инфарктом почти 90-летнего участника войны. Военная закваска и спасла, иначе как выдержать удары «благодарных брутов». Крылатая фраза: «Мы ненавидим тех, кого предаём» — здесь очень к месту.

Выйти из положения мне помогли только сверхликвидные площади — пришлось продать офис (700 квадратных метров) в центре города Сбербанку и несколько магазинов на бывших площадях завода рядом с центральной улицей.

Последние платежи от Сбербанка в долларовом эквиваленте я получил уже в дни обвала, когда доллар, на волне обрушившегося кризиса, поднялся мгновенно и вырос в четыре раза. Нечего и говорить, что все задолженности по импорту были также зафиксированы в долларах.

Сокрушительный дефолт 1998 года действительно оказался подобным цунами. Он, как щепки, уносил обанкротившиеся фирмы, чьи долги в рублёвом эквиваленте за несколько дней стали неоплатными, унёс он и немало предпринимательских жизней.

Жалко всех, но особенно знакомого тридцатилетнего массажиста, который только-только очень успешно и радостно начал заниматься распространением невинных, но зафиксированных в валюте биологически активных добавок и задолжал наверняка не очень много. Приходя к нему, я не раз видел его жену и больного от рождения сынишку. Чувства, которые я испытывал, глядя на несчастного ребёнка, весьма точно выразил Николай Зиновьев:

> У знакомых — больная дочь.
> Инвалид, понимаешь, с детства.
> И никто ей не может помочь.
> Нету в мире такого средства.
> Понимаю, что я ни при чём,
> Понимаю, умом понимаю…
> Но немеет под левым плечом,
> Когда взгляд на неё поднимаю.

Во время кризиса мне уже было не до массажей, и он ко мне не обращался, хотя я легко мог одолжить ему небольшую для меня сумму…

В общем, сегодняшняя ситуация с проверкой вызывала схожие с кризисными волнения. Но вот, наконец, наступил долгожданный вечер, и результат «матча» — наши налоги против налогов соперников — налицо!

Ура, мы победили! Нашлись схожие по профилю фирмы, и не одна, у которых удельный вес налогов на прибыль и НДС в процентах от объёма реализации несколько ниже нашего. Мы, хоть и не передовики, конечно, но главное — не в самом хвосте.

Встреча Дрица и Анатолия с нашим «сатрапом» приближается, осталось меньше часа. Срочно отправляем информацию Анатолию… Этот «козырь» оказался главным. Если в первой части встречи ситуация нагнеталась до алгоритма, при котором наше объёмное по сумме дело неминуемо должно попасть под контроль Москвы (дальше, по их сценарию, мы должны были бы молить о помощи), то после информации по налогам сходных фирм ход партии переломился — и у нас появилась возможность предложить наш «компромисс» по обоим каналам: напрямую, из рук в руки, и «официальную» часть.

Немедленного ответа не последовало, но было принято предложение встретиться через пару часов ещё раз, уже в неформальной обстановке. Сторона взяла тайм-аут, чтобы проанализировать дело, как говорят судьи, по вновь открывшимся обстоятельствам. И это обнадёжило.

Вечерняя встреча плавно перетекла в ресторан. Наш аргумент, весьма важный для суда, возымел действие, и «чаепитие» закончилось принятием «компромиссов» с нашими условиями игры. Утром довольная делегация, сделавшая своё дело, отбыла домой. Оставалось потихоньку закруглить проверку. Согласовать акты и так далее. На радостях «послы» забыли, что при встрече с другим высоким чиновником пообещали пожертвовать некую сумму на восстановление храма.

Кстати, проконтролировать обоснованность сметы на восстановление и реконструкцию старинных зданий практически невозможно. Она носит почти чисто формальный характер, и, в зависимости от цели заказчика, суммы могут отличаться между собой в добрый десяток раз.

Не потому ли в наше безбожно коррумпированное время, при острейшем дефиците стандартных, не храмовых сооружений, например детских садов, в десятки, а где-то и в сотни раз выросло число храмов? Многие из них имеют высоких чиновных покровителей, а у тех свои подконтрольные фирмы, которые работают по много меньшим реставрационным расценкам, чем оплаченные кем-то, а вся «верхушка», которую и прибылью-то не назовёшь, идёт покровителю. Кстати, хороший тест: продолжается ли личная помощь храму со стороны чиновника, если он переезжает в другой регион или в Москву и утрачивает влияние на небедную часть паствы, пополняющую внебюджетную копилку. Опыт показывает, что радение резко обрывается при переезде;

очень многие — православные лишь для вида. Как сказал всё тот же Николай Зиновьев:

Вот сменила эпоху эпоха,
Что же в этом печальней всего?
Раньше тайно мы верили в Бога,
Нынче тайно не верим в Него.

Подавляющее большинство «верующих» и не думают относиться друг к другу по-христиански. Чужая беда никого не трогает. Лет пять назад эту мысль я выразил в стихотворении с эпиграфом из Анны Ахматовой: «Мне не страшно. Я ношу на счастье тёмно-синий шёлковый шнурок»:

Главы новых и новых московских церквей
Золотят под литавры князья перестройки.
Мы, к мощам припадая, не стали добрей,
Мимо чьей-то беды поспешаем резвей,
Амулеты за Библию спрятав на полки.
На Садовом кольце замерзал человек,
Поясницею голой к асфальту припавший.
Но спешат «прохожане», их высушил смех.
Крестик — знак суеверья почти что для всех…
Спас беднягу глухой,
храм в душе возводящий.

Хоть на «храм» по просьбе чиновника мы в суете не пожертвовали, но с главным исполнителем «консенсус» достигнут, и можно вздохнуть спокойно. Как раз подоспели выходные, и все утомлённые за неделю участники операции воспользовались ими сполна, выехав зарядиться: кто на Байкал, кто в Аршан. Слава Богу, выходные прошли безоблачно. Не было ни дождя, ни плохих новостей.

Но понедельник, прозванный днём тяжёлым, оправдал народную мудрость. Главный проверяющий позвонил Анатолию и назначил встречу с его доверенным человеком в нашем городе.

Уединенция, как в старые времена шутливо называли аудиенцию, закончилась предложением дать официальный ответ по предварительным результатам проверки, и это абсолютно нормально. Очередной шок вызвало другое. «Предоплата» была возвращена в полном объёме, со словами, что нужно ещё подождать результата. Как будто бы он ему не известен и вроде бы он не в его руках. Очень странно. Взятки нам ещё не

возвращали. Век живи, век учись.

Что ж, будем действовать. Написал — и вспомнились строки Александра Блока: «Что ж, пора приниматься за дело, за старинное дело своё.»

Надо, прежде всего, подготовить серьёзное обоснование нашей схожести с фирмами-аналогами, заверить у главных врачей документы о нежданном обострении психического заболевания Анатолия — с временной потерей памяти в дни передислокации фирмы и потери бухгалтерских документов, представить объяснение от второго директора Бориса, опровергающее его заявление о неучастии в деятельности фирмы, и довести до конца «помощь храму». Хотя последнее, пожалуй, должно быть выполнено первым.

Но в чём же всё-таки дело с неожиданным возвратом? Настоящая загадка. Может быть, в наши, с трудом налаженные, отношения вмешались какие-то посторонние силы?

Бывает же, что обстоятельства вдруг меняются кардинально. Так, например, кумир моей юности, да, пожалуй, и зрелости, Анна Ахматова после нескольких настойчивых предложений Николая Гумилёва выйти за него замуж наконец дала согласие, оповестила друзей и родню, а потом неожиданно отказала снова. Когда он приехал, примерно через месяц, то получил решительный отказ, после которого совершил попытку самоубийства. У семнадцатилетней Ахматовой во время ожидания случился толком неизвестный исследователям роман с острой влюблённостью и, кажется, с первой близостью, наложивший отпечаток на всю её жизнь. Больше она всей душой, по-моему, не влюблялась никогда.

Это романтическое увлечение «уберегло» её от любви дальнейшей, но не от любовных страданий. Впоследствии она ряд лет, когда приезжала в Крым, бегала на почту и униженно вымаливала ожидаемое письмо до востребования, но так никогда и не получила. Зато остался ряд замечательных стихотворений, например, это:

По неделе ни слова ни с кем не скажу,
Всё на камне у моря сижу,
И мне любо, что брызги зелёной волны,
Словно слёзы мои, солоны.
Были вёсны и зимы, да что-то одна
Мне запомнилась только весна.
Стали ночи теплее, подтаивал снег,
Вышла я поглядеть на луну,
И спросил меня тихо чужой человек,

Между сосенок встретив одну:
— Ты не та ли, кого я повсюду ищу,
О которой с младенческих лет,
Как о милой сестре, веселюсь и грущу? –
Я чужому ответила: — Нет!
А как свет поднебесный его озарил,
Я дала ему руки мои,
И он перстень таинственный мне подарил,
Чтоб меня уберечь от любви…

Так и у нашего визави, наверно, произошло что-то уж очень неожиданное, но вряд ли романтическое. Может быть, его отказ от принятого уже «компромисса» связан с тем, что он всё-таки получил «заказ»? Хорошо, что никуда не избираюсь, иначе вероятность «заказа» была бы огромной. А может быть, не устроила сумма? Может быть, уже успел похвастаться кому-нибудь из москвичей, что зацепил выгодное дельце?

Разные мысли вертелись в голове, но старался не углублять переживания до скачка давления. Гулял и читал, как заклинание, есенинские строки из поэмы «Чёрный человек»:

В грозы, в бури,
В житейскую стынь,
При тяжёлых утратах
И когда тебе грустно,
Казаться улыбчивым и простым –
Самое высшее в мире искусство.

В ситуацию я как бы вжился, и первоначального стресса уже не было. Верно говорят: «С несчастьем тяжёло первую ночь, а переспишь — и сроднишься».

Спокойная реакция на страшноватую новость объясняется ещё и тем, что я узнал её по телефону, находясь в одном из самых благостных мест — на горном курорте в Аршане, в соседней Бурятии.

Был я под впечатлением собственного рекорда. Два с лишним года не ходил дальше первого водопада. Прогулка к нему хоть и требует некоторого напряжения, но доступна всем более-менее здоровым людям. А вот дальше уже не простая тропа, там немало мест, где нужно задействовать руки, буквально ползти по скалам, где-то страховаться и пятой точкой опоры, карабкаться вверх или спускаться по каменистым, а кое-где и обрывистым склонам. Не единожды тропа перекидывается с одного на другой берег

кипящей и ревущей на многочисленных порогах и водопадах горной речки. Перебираться по брёвнышкам и жердям рискнёт не каждый. Не представляю даже, что делают люди в случае травмы или приступа. О сплаве по реке нечего и мечтать, нереально. Вертолёт не сядет, спасателей или каких-то дежурных, как, например, на горнолыжных базах, нет и в помине. Да и сотовая связь не пробивается. В общем, дальше первого водопада ступает на трудную тропу разве что один процент более выносливых и уверенных в себе. Я рад, что снова в их числе. И громко в походе декламирую вечно молодого Пушкина:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъярённом океане
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы!

Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья –
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

После попытки недальнего захода за первый водопад в предыдущий день назавтра я фактически дошёл до долины, где уже кончаются водопады и неожиданно начинается нежная и спокойная водная гладь, с многочисленными питающими реку ручейками, сбегающими с окрестных гор, отступивших от реки на почтительное расстояние. Последний раз в эти места я доходил «две жизни назад», когда мне было всего лет пятнадцать. Я спокойно выдержал, почти без «перекуров», пятичасовой горный поход. Обычно туда ходят с ночёвкой, не налегке. После некоторых очень неприятных ощущений с ритмом пульса если не спортивная, то, во всяком случае, физкультурно-туристическая форма с помощью широкого арсенала средств, в основном нетрадиционной медицины (об этом — глава «Горе от ума и медицины»), восстановилась. А это важнее любых денег и очень многих неприятностей.

Позабросил я последний год ежедневную «каторгу» поэтических строк с заботами о мироздании, от которых до депрессии и сбоев в организме один шаг, и стал больше ценить каждый отпущенный Богом день, как учил Фёдор Тютчев:

Не рассуждай, не хлопочи —
Безумство ищет — глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему — то будет…

Живя, умей всё пережить:
Печаль, и радость, и тревогу –
Чего желать? О чём тужить?
День пережит — и слава Богу!

Не только Тютчев, но и сторонники нетрадиционной медицины считают: нельзя, чтобы голова постоянно была занята мыслями, причём не только тяжёлыми и тревожными, но и любыми. Даже сочинительством. Пишущий человек часто не расслабляется ни на природе, ни дома, ни в выходные, ни в отпуске. И голова начинает отходить от контроля за организмом, что и может способствовать всяческим сбоям. Так что отдыхать, расслабляться, медитировать, даже и выпивать — необходимо.

В общем, радость от туристического достижения и поэтические молитвы перебили все неприятности и обеспечили крепкий сон.

Замечательно всё-таки, что сохраняются на земле естественные преграды человеческому варварству, особенно процветающему в наше изобильное время. Одной из таких преград, наряду с морями и океанами, являются горы. Не пускают они в Аршане потребителей пива, соков, жвачек и другого баночно-целлофанового суррогата дальше первого водопада.

В доперестроечное время, с его двадцатидневными курсами лечения и с аскетическим дефицитом всего и вся, выходя из автобуса, сразу же попадали в тихое елово-кедровое царство. Не знаю другого такого места, где бы по обе стороны дороги стоял стройный ряд вековых елей, встречающих прибывших почти на месячный отдых курортников. Раньше ехать к этой предгорной красоте из Иркутска с обязательным обедом и прочими остановками приходилось часов семь, восемь. Целый рабочий день.

Теперь же времена изменились. На хорошей иномарке можно долететь часа за два с половиной, три, но нет плюсов без минусов. Бессчётные авто бесконечно покупающего и мусорящего люда заполнили всю великолепную еловую зону.

Благодаря очистительному горному ветру выхлопные газы пока не могут, к счастью, задушить могучие ели, как это происходит в пригородах. Изменилась и дорога на первый

водопад. В её начале стоит множество лотков местных и приезжих, очень приветливых бурят с сувенирами, орехами, травами, обувью и одеждой кустарного и монгольского производства. С представителями этой сибирской нации у меня всегда особенно тёплые отношения. Может быть, потому что мои предки из села Баргузин на Байкале. А там, как известно, дружно жили и русские, и евреи, и буряты. А бабушка по отцовской линии в совершенстве, наряду с русским и еврейским, знала и бурятский язык. Но сегодня предгорье, к сожалению, превратилось в настоящий базар, расположенный вдоль многолюдной дороги.

От прошлой завораживающей курортной тишины и степенности в этом месте остались воспоминания лишь у немногочисленных гостей этого обворожительного места шестидесятых-восьмидесятых безбарахолочных и не баловавших личными автомобилями годов. Да и не было ни у кого из них в старые времена неприятностей, подобных моим, как не было и больших должников и налоговиков. Хотя, впрочем, тогда всесильные партийные органы легко могли любого руководителя исключить из партии, снять с работы, а значит, лишить привычного номенклатурного образа жизни с персональной машиной, отдельным кабинетом, секретаршей, привилегиями в отдыхе и лечении, в приобретении дефицита, вплоть до автомобиля, с хорошей зарплатой и с любимым делом.

Немало директоров заканчивали инфарктом. Месячные, квартальные, годовые планы тогда нужно было выполнять любой ценой. Причём обком партии жёстко контролировал реализацию продукции и выпуск товаров народного потребления, а главки и министерства «давили» за валовые показатели. Вот такое было разделение непыльного труда. Должности над директорами считались заинфарктными, а должности заместителей директора и главных специалистов называли предынфарктными. Так что и в те времена способным руководителям тоже жилось несладко.

«Кому на Руси жить хорошо?» — доискивался Некрасов, породив вечно актуальный вопрос. Ответ появился только теперь: сегодняшним многочисленным получателям взяток — чиновникам, особенно российского масштаба.

При Сталине это была особо опасная профессия. Смертельно рискованной была не только взятка, но даже совместное чаепитие, не говоря уж об обеде проверяющих с проверяемыми.

Сегодня же берут все, так же, как и все шалят с налогами, но у этой игры есть свои незыблемые правила. Расслабляться нельзя, можно попасть в жернова ржавого, и тем ещё более опасного, государственного механизма, который нуждается в свежей

«крови» зазевавшихся жертв, словно в смазке для деталей.

Единичные разоблачения — это как бы и дань народу, и своеобразный естественный отбор в чиновничьей и предпринимательской среде, тест на профпригодность, но много чаще — просто примитивное сведение счётов. Попался — значит, слаб и нерадив, проиграл — непригоден для службы, иди отдыхай, причём иногда — на тюремные нары. Кстати, большинство чиновников, выкинутых с госслужбы, не могут показать себя ни в бизнесе, ни в другом масштабном деле…

Сравнительно безопасны, на мой взгляд, только должности в верхнем неприкосновенном эшелоне российской власти. Там практикуются «в наказание» только переводы по горизонтали, без уменьшения статуса. Зачем плодить недовольных рядом с собой? У каждого из «наказанных» остаётся во власти рука друзей и родственников, которые будут чувствовать себя весьма неуютно и, чего доброго, готовить заговор. Судьба Берии, Хрущёва, предположительно Сталина, Брежнева и многих высших руководителей послебрежневской чехарды не стимулирует фактические наказания приближенных к трону, особенно когда переизбрать и переждать вождя практически невозможно. Да и охрана на самом верху, по слухам, в основном чеченская и не менее боеспособная, чем латышские стрелки при Ленине или швейцарская гвардия при папе римском в Ватикане.

Итак, выходные пролетели под магией возврата в жизнерадостный строй экстремальных туристов. И вновь будни, правда, расцвеченные живописью сибирских, и не только, мэтров на стенах кабинета и всего офиса. Но любоваться некогда, зашёл Анатолий. С первого взгляда видно, что новость от возврата взятки ошарашила его и он не справился с рулевым управлением своих эмоций. Выяснилось, что он практически не спал.

Для того чтобы после выходных втянуться в тему и направить мысли в конструктивное русло, я попросил рассказать его действия с момента получения перечисленных нами на его имя денег в городе N.

Деньги, как выяснилось, пришли в банк города N через считаные минуты после их перечисления в аналогичном банке нашего города. Но в банке произошёл сбой, наличные деньги следовало ждать несколько часов, зато чек на предъявителя можно было получить сразу же. Воспользоваться чеком может любой человек и в любое удобное время, хоть сразу же, хоть через несколько лет. Чеки и выглядят более интеллигентно, чем деньги, и считать не нужно — цифра крупно написана типографским способом.

При вечерней встрече чек благополучно перекочевал к

адресату, а через двое суток, как мы уже знаем, вновь оказался в руках Анатолия. Все предположения о мотивах возврата, которые крутились в голове в выходные дни, казались мне расплывчатыми и неубедительными. Хотя каждый мог иметь место.

Но сейчас мы впервые заговорили о чеках. Почему после выходных вырвался этот, вроде бы ничего не значащий, технический вопрос к Анатолию? И здесь неуловимо, как будто из картины В. Бочанцева с изображением монахов, вдохновенно пишущих на века иконы, блеснула разгадка. Всё дело в чеках?

Да, но получить их может абсолютно любой предъявитель.

— Нужен ли получателю паспорт? — спрашиваю Анатолия.

Выясняется, что нужен обязательно.

— А ты получил, разумеется, тоже по паспорту?

— Да, — подтвердил Анатолий.

Всё ясно. Если ты сам или кто-то захочет доказать взятку, то по чеку это хоть и нелегко, но при желании можно сделать. В банке зафиксировано на долгие годы, кто получил чек, а кто — деньги.

Разумеется, получателем денег будет не сам адресат, а кто-то из доверенных подчинённых, друзей или жена. Выяснить, что получатель — подставное лицо, при следственном давлении несложно. Истинного хозяина денег выдадут. Вот тебе и полный аналог наличности. Для дачи взяток он категорически не подходит. Причина наверняка в этом. Надо было обсудить эту форму подношения.

— Звони и договаривайся о новой встрече. При этом скажи, что «документы» будут в ином виде.

Сказ про Кота Котофеича

И вновь Анатолий собирается в дорогу. Поездки на машине уже набили оскомину. Бороться с сотнями километров по нашим дорогам — занятие не из приятных. На поезде, в отдельном купе, намного комфортнее. Можно и отдохнуть, и почитать, и поработать. Всё же подтягиваемся мы к Европе, и у нас появились одноместные купе, да ещё и с персональным туалетом. Фантастика.

Но вскоре после того как поезд тронулся, Анатолий понял, что попал в одноместную мышеловку. В ней не только спать и читать, но и находиться опасно. Окно замуровано и не открывается. Наверное, чтобы не охлаждать улицу, но вентиляция, не говоря о кондиционировании, не работает совершенно, а на улице лето и духота. В вип-купе духота вдвойне. Окна приоткрываются только в коридоре. В нём и спасался Анатолий почти всё время, а если и был в купе, то недолго и с открытыми дверями. Вот такая Европа, как, собственно, и во всём экономическом и политическом механизме. Вроде бы всё как у людей, но только работает по-нашенски.

Так же «по-европейски» у нас организованы и борьба с коррупцией, и партии, и налоговая и выборная системы.

Но как бы то ни было, Анатолий вновь в городе N. Более-менее отоспался в гостинице и пошёл по первому адресу, понёс деньги в храм, курируемый большим чиновником. Невиданное дело! Деньги, уже не в ценных бумагах, а в родных российских купюрах, также не взяли. Разговаривала с ним лично помощница чиновника, которая курирует восстановление храма, причём нарочито при свидетелях, как бы опасаясь чего-то. Опять странно. Может, в России всё поменялось за последние несколько месяцев? Коррупцию победили, а мы не знаем, не читаем газет? А может быть, наше дело заходит слишком далеко? Второе, конечно, более вероятно. Для нас, напуганных беспределом, о котором день и ночь трубят СМИ, портя, как и предсказаниями конца света, истощённые нервы россиян, непринятие «помощи» — страшный симптом.

С волнением Анатолий стал ждать вечерней, надо думать, завершающей встречи. Не буду томить читателя, сразу скажу, что и второй — главный в этой истории — оппонент от денег отказался. Но! При этом он проинформировал, что наше предложение начислить налоги по аналогам, а также история болезни и, как следствие, весьма ограниченная ответственность Анатолия приняты во внимание.

Взамен он попросил передать Дрицу большой привет и просьбу — познакомить его поближе с несколькими влиятельными людьми из высокой администрации и силовых ведомств. Анатолий же был приглашён на осеннюю рыбалку.

По-видимому, слишком много высоких знакомств продемонстрировал Дриц, ещё больше с немалой долей блефа было обозначено на московском уровне. Поэтому статус фирмы показался и главному оппоненту, надо полагать, не по зубам.

Немаловажно и то, что судебная перспектива дела, благодаря грамотному и оперативному подбору фирм-аналогов, оказалась в нашу пользу.

Закончилось все как в сказке, где лисонька так «приукрасила» силу пугливого кота, что звери при виде его чуть не умирали от страха, как, собственно, и сам Котофеич. Ура! Наши доводы и расстановка войск победили.

Чужая душа — потемки

Поведение нашего нового «друга» вдруг неожиданно подтвердило старую истину, которая в наше рациональное время уже стала превращаться в миф о непредсказуемости русского характера. Видимо, из-за этой непредсказуемости на Западе боятся и даже ненавидят Россию многие века и страстно мечтают, чтобы стала она поменьше и послабже.

Не зря Фёдор Тютчев внушил царю Александру III мысль, которая стала крылатой и пророческой на века, о том, что у России нет друзей, кроме её армии и флота. Эту мысль, к сожалению, сегодня можно продолжить от международного до внутреннего употребления.

У большинства россиян сегодня, по-моему, также нет друзей; в лучшем случае у кого-то есть семьи, у кого-то — «друзья» по выпивке и застольям.

В общем, следующий шаг налогового босса стал для нас полной неожиданностью. В акте всё же загорелась обжигающая душу страшная цифра недоимки и штрафов, равная десяткам миллионов рублей. Где уж тут до логически ожидаемых двух миллионов, не интересных для силовых структур. Не очень интересна для силовиков в нашем случае, пожалуй, и цифра до пяти миллионов рублей. Это меньше десяти процентов уплаченных нами налогов. Десять процентов — пороговая цифра. При меньшей доле недоплат уголовные дела, как правило, не заводят.

Вот уж действительно, всё как в поговорке: «снег на голову». Правда, по ощущениям, снег не простой, а с градом.

Кстати, довелось мне в жизни один раз ощутить всю прелесть ледяной летней бомбардировки, причём в буквальном смысле слова.

Помнится, после третьего курса родного политехнического института на заводской практике в Новосибирске поехали мы в долгожданный выходной в Академгородок на Обское водохранилище. День был по-настоящему знойный, и мы, радостные, что добрались до воды после часового переезда и недели труда в горячем цехе «Сибсельмаша», с огромным наслаждением бросили свои спортивные двадцатилетние тела в воду и поплыли от берега, слегка бравируя друг перед другом и скоростью, и дальностью заплыва.

Когда минут через тридцать — сорок мы возвращались, и до берега было уже не очень далеко, весь мир потемнел и, как писал Роберт Рождественский, «все в дело шло, всё становилось тучей».

Вдруг эта самая туча разразилась градом, который не просто летел вниз, а получал ещё и мощное боковое ускорение от сильного ветра. Так что плыть нам пришлось, беспрестанно ныряя в воду, спасая свои беззащитные головы, которые тем не менее успевали бомбардироваться ледяными камнями.

Вскоре стал слышен страшный визг и плач с дикого пляжа, где негде было спрятаться. Выскочив на берег, мы похватали одежду, закрыли ею головы и с бешеной скоростью побежали в гору, к электричке.

Очумевший от града, от боли и бега в гору, я, как назло, обронил обувку на самых рельсах, замешкался и, задыхаясь, выпрыгнул уже под страшный гудок наезжающего поезда.

Может быть, в нашем роду кому-то суждено было погибнуть от поезда — не тогда, так в другое время, а именно через четверть века? Об этой трагедии расскажу позже, не между делом. А в ту далёкую пору ситуация, выраженная поговоркой «как снег на голову», закончилась хоть и небезобидно, но вполне благополучно.

Тюрьма… за консультации

Дай Бог, чтобы и сегодняшняя ситуация, с абсолютно неожиданной, обжигающей и бьющей по голове цифрой, не переросла в болезненный град неприятностей. Не оказаться бы по случаю под колёсами бездушного и страшного своей железной силой карательного механизма, который, в отличие от поезда, не издаёт предупредительных сигналов, а подкрадывается исподволь, как хищный зверь.

Следующий удар, как и «град», не заставил себя долго ждать. Не раньше и не позже, именно в этот день зашёл самый интеллигентный и педантичный бывший долгожитель властных структур соседней области, который несколько дней назад вышел из СИЗО под залог в пять миллионов рублей, отбыв там одиннадцать самых несладких месяцев своей немолодой жизни. В Иркутск он приехал проведать свою девяностолетнюю мать и зашёл ко мне.

Из его рассказа я понял, что в тюрьме из него, к счастью, не выбивали нужные показания ни люди в погонах, ни подсаженные сокамерники. Более того, я сделал собственный вывод, что подсадные сокамерники имели задание помочь ему прежде всего как можно легче адаптироваться в тюремной камере. Спрашивается, откуда такое непонятное милосердие и забота? Может быть, к заслуженному и уже немолодому, в районе 65 лет, человеку у тюремного начальства и прочих силовиков, стоящих за этим «звёздным» для некоторых погон делом, проснулись христианские чувства? Вряд ли. Скорей всего, для показателей и для сумм предстоящих взяток важно довести дело обязательно до логического конца и как можно скорей. Повышение по службе ждать не любит. А обострение болезней, очень даже вероятное при жутком тюремном стрессе, и особенно летальный исход могут затянуть дело или, ещё хуже, поставить точку задолго до суда совершенно не в нужном месте.

Наверное, по этой же причине трёхместная камера была ещё и с маленьким персональным двориком, дающим возможность часа полтора каждый день всем троим накручивать круги лёгким бегом. И делать почти полноценную зарядку, причём главный старожил выступал как бы его персональным тренером, демонстрируя, как вместо тренажёров использовать тюремные решётки и другие нехитрые приспособления. Невольно представляю картину бега. Впереди два маститых тюремных долгожителя (срок в тюрьме не лимитируется, может быть и более десяти лет, пока тянется дело), а за ними рафинированный

интеллигент — мой товарищ, хотя на маленьком круге, кто первый, а кто последний, трудно представить.

Года два назад они с женой в составе компании человек из двадцати пяти, отмечавшей мой юбилей в Израиле, ездили по святым местам. Помню, как гид — очень эрудированная евреечка, часто слегка спорящая с нашими батюшками, — утверждала, что у всех паломников обязательно происходят серьёзные перемены к лучшему. И действительно, один из гостей вскоре занял пост главы важного комитета в Государственной Думе, другой получил портфель министра. Правда, у остальных явных изменений не припомню! Но, наверное, как есть закон сохранения материи и энергии, так есть и закон постоянства Божьих милостей. Только порадовались за одних друзей-товарищей, как вдруг — гром среди ясного неба с задержанием третьего. Причём по странной для слуха статье, связанной не с получением взятки, а с пособничеством в её получении, а именно с консультацией, кажется, по телефону, данной из Москвы, где он работал последнее время, собеседнику, который находился далеко за Уралом. Как выяснилось, за телефонные советы полагается немалый срок, да ещё и мерой пресечения для всех участников дела избрали тюрьму.

И хотя был в «номере» у него и микродворик, и холодильник, и телевизор, и жене разрешалось, по-моему, ежедневно передавать горячую пищу и книги, совет моего приятеля был сверхлаконичен: делайте всё, чтобы быть подальше от депрессивных каменных мешков — тюремных камер. Они страшным пленом отгораживают тебя вдруг от любимых людей, от солнца и звёзд, от дождя, ветра, голубого неба, от дорогих сердцу улочек, от картин и музыки, от лесов и полей, от колосьев и трав — от всего главного, чем, собственно, и ценна человеческая жизнь, что единственное вспоминается при встрече с Господом, как это представлял, например, Иван Бунин:

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной…
Срок настанет — Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»
И забуду я всё — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав –
И от сладостных слёз не успею ответить,
К милосердным Коленам припав.

Любую ситуацию, в том числе и нашу, он призвал гасить как можно раньше, не дай Бог попадать в поле зрения

малопредсказуемых силовиков с их разнообразными, но всегда корыстными мотивами поведения. Основные из них: деньги, должности, звания — в общем-то, очевидны.

Правда, для силовиков особенно престижно подбираться с компроматом и статьями УК как можно ближе к самому высокому региональному начальству. Если получится состряпать дело на главу региона, то, скорей всего, сверху придёт команда «отбой». Но компромат, а то и готовое уголовное дело, резко снижает строптивость «региональных князей». С такими поводьями, накинутыми на влиятельных и сильных хозяев регионов, центру, конечно, спокойнее.

В свою очередь, у губернаторов в связке с силовиками, как правило, есть компромат по грубым нарушениям в финансово-хозяйственной деятельности на большинство мэров городов и районов. Его наличие также резко снижает строптивость народных избранников от городов и районов, которые формально как бы независимы от региональной власти. При нашей незрелой демократии, обширных территориях и невысоких заработных платах на многих должностях наличие «предуголовных» материалов таким своеобразным манером выстраивает вертикаль власти и позволяет управлять территориями.

Чем закончится дело «телефонного консультанта» — пока не ясно, но не так давно суд первой инстанции оглушил всех решением, принятым вразрез с требованием прокуратуры, которая запросила срок с отбыванием наказания условно. Суд же отмерил и больший срок, и, что самое неожиданное, не условно, а в лагере строгого режима, да ещё и с выплатой предполагаемой наживы в размере многих миллионов рублей. Все участники процесса так и ахнули. Непосредственной получательнице взяток присудили и лет побольше, и миллионов погуще — аж за сто.

Но чем же объяснить нестыковку решения суда с решением прокуратуры и неожиданную суровость? Одно из объяснений адвокатов в том, что как раз недавно президент призвал за взятки карать беспощадно и реальными сроками. Жаль, что на «своих», типа министра обороны Сердюкова, эта норма не распространяется!

Моя версия, что вторая инстанция обязательно смягчит приговор и сделает его условным, оправдалась. При этом ох немалую сумму, по-видимому, вытряхнули и ещё с бедолаги, взятого снова под стражу в зале суда вместе со всеми его «подельниками». Отдашь за свободу и последнюю рубашку и с сумой останешься. Тем более что в растерянности были даже и начальники системы областных лагерей ГУИНа. Дело в том, что они, по утверждённым в Москве правилам, не могут поместить

нашего друга, например, в образцово-показательную колонию строгого режима — она только для рецидивистов. А для тех, кто по первому разу, положена колония с молодыми бандитами, но там царит форменный беспредел. Не случайно это единственная колония, куда никто не ездит даже с концертами.

Ожидание, как и отсидка, стоит недёшево. Только услуги хорошего местного адвоката обходятся в несколько сотен тысяч рублей в месяц, московские асы ценятся тысяч в пятьсот, а то и в миллионы рублей. А уж когда начинается растянутый на месяцы неспешный суд, «абонентская плата» взмывает вверх с удивительной крутизной.

Благо, хоть адвокатом по делу был его старый друг, к тому же очень хорошо зарабатывающий на хозяйственных спорах, и сомнений в его честности не возникало. Сколько денег отдано нужным людям, а сколько сверх гонорара оседает у других жуликоватых адвокатов — не узнать никому и никогда. Всё на их совести! Свобода и здоровье стоят дорого! Причём тем дороже, чем богаче бедолага. Обычно в таких делах сумма затрат в разы больше одного миллиона долларов, нередко улетающего в выборных марафонах претендентов в местные депутаты.

Степень профессионализма адвоката определяется в первую очередь его связями в мире правосудия и силовиков, а уже потом знаниями и опытом.

Но как бы то ни было, ни одного решения наш друг не принимал без консультации со своим законоведом. Явно неверный совет серьёзно подорвёт репутацию адвоката, а поэтому исключён. Уже с самой минуты ареста подследственный, наученный горьким опытом ранее арестованных по делу, отказывался отвечать на любой вопрос без своего защитника.

По важным, то есть по подконтрольным высокому начальству, делам арестовывают нередко вечером, лучше в пятницу или перед длинными праздниками. В это время адвоката и найти труднее, и пускать к подзащитному не обязательно. А значит, повышается шанс вырвать у подследственного неосторожные слова. Его близкую приятельницу, арестованную по тому же делу, обещали отпустить домой сразу же, если всё чистосердечно расскажет. Что она и сделала, как только попала в неведомый и жутковатый мир лязгающих засовов. Все безадвокатские показания в дальнейшем использовали против неё, а отпустить хотя бы до суда никто не подумал. Вот и сидела обманутая женщина в СИЗО больше полутора лет.

Старинное выражение «честь имею» — не пустой звук лишь для очень немногих носителей погон. Большинство, правда, и не претендует на обладание честью.

Самое тяжёлое в этой ситуации то, я полагаю, что адвокаты, как и силовики, и обвинители, материально заинтересованы в затягивании срока следствия и судов. Богатые клиенты, как известно, на дороге не валяются, а деньги шелестят бешеные. Причём тем большие, чем «сложней спасти» тонущего клиента из вязкой трясины правосудия.

Кто такой адвокат? Конечно же, главный союзник подследственного. Но классическими примерами поведения союзников, преследующих, прежде всего, свои корыстные цели, пестрит история. Например, союзники СССР в годы Второй мировой войны, Англия и Америка, конечно же, оказывали нам огромную помощь, но не открывали второй фронт. Помогали ровно в той мере, чтобы вытряхнуть из нас как можно больше людских и материальных ресурсов, чтобы мы не победили быстро, а измотали и обескровили себя, а заодно и Германию.

Так же — со своими интересами — и наши мирные «союзники» адвокаты, и, что особенно страшно, и коммерциализировавшиеся хирурги, и наши, и заграничные, порой назначающие операции безнадёжным пациентам и берущие при этом за срочность крупные взятки, помимо и без того высоченных цен на услуги.

Каждый, имеющий деньги, готов отдать львиную долю врачам за здоровье и силовикам за свободу. Да ещё нужно уметь их правильно и дать, и взять. Думаю, что у нас в России эта «работа» на должном уровне. Во всяком случае, на жилищные условия и на транспорт, нередко включающий и снегоходы, и яхты, при скромной зарплате не жалуется никто из высоких блюстителей порядка. Правда, под суд и в специальные лагеря попадают и они.

Так что пословица «от сумы и от тюрьмы…» актуальна для всех, кроме самой высокой свиты. Всё дело в стечении обстоятельств и в расположении звёзд.

После «дружелюбного этапа» адаптации в тюрьме наш друг всё же нарвался на провокации. Сокамерники исподволь начали склонять его к принятию помощи по передаче ему сотового телефона. Или ещё чище — предложили организовать на воле разборку со свидетелем, который лживо, под диктовку следствия, оговаривал бедного сидельца. Прими он эту помощь, и ещё одно преступление с его стороны было бы зафиксировано. Но новым «друзьям» он ничего не отвечал без консультации с адвокатом. Последний, конечно же, запретил опасную игру с телефоном, а тем более с организацией уголовно наказуемой разборки на воле. Хотя представляю, как чесались руки разобраться с лжесвидетелем, который оставался во время следствия на воле и,

спасая себя, валил остальных.

Хорошо хоть, что со сменой руководства тюрьмы сузился профиль деятельности сокамерников. Ранее, как стало известно из тюремных преданий, они специализировались ещё и на выколачивании, в буквальном смысле слова, денежных переводов с воли, профессионально владея техникой нанесения ударов, вплоть до отключающих сознание, обёрнутым в ткань предметом. Били в область шеи или по рёбрам. Их «мастерство» ещё и в том, что не оставалось следов. Выбитые подсадными переводы, как нетрудно предположить, наверняка делились по-братски с режиссёрами их перемещений. Благо магазином можно пользоваться и в тюрьме…

После всех тюремных перипетий и страшноватых слухов о своих новых «друзьях», представляю, какую несусветную радость испытал наш бедный сиделец, выйдя на свет Божий из опасных для здоровья, да и для жизни, каменных, навевающих смертную скуку стен тюрьмы. Не знаю, и дай Бог никогда не знать, соизмерима ли эта радость с выходом лежачего жизнелюба из больничной палаты, описанном в моём стихотворении:

Какое счастье испытал
Мой друг, покинув плен палаты!
Он с острым приступом попал,
Ржавеют, жаль, здоровья латы.

Но рано, рано, братцы, нам
Искать в таблетках исцеленье
Или метаться по церквям,
К мощам кидаясь в утешенье.

Во всяком случае, думаю, что ещё очень долго, а может быть, и всегда наш друг будет острей других воспринимать празднество бурлящей вокруг него вольной, солнечной — пусть иногда и дождливой, пусть даже с градом и грозой, пусть с морозом! — очень разнообразной и раздольной жизни.

Мне кажется, что вырвавшийся из заточения человек, если он, конечно, не сломлен и сохранил здоровье, никогда не впадает в депрессию, радуясь каждому дню свободы.

Можно сказать, наверное, что тюрьма ещё и мощнейшее лекарство от депрессии. Но, как и всякое сильное лекарство, подходит оно далеко не всем, и передозировка его, конечно, опасна.

Такие вот мысли родились в голове после беседы с гостем, зашедшим в приподнятом настроении поздороваться и попить

чай после почти годовой разлуки. Всё бы ничего, общаться было крайне занимательно, но, увы, эти рассказы звучали на фоне чрезвычайно опасных цифр, предъявленных не кому-нибудь, а нам самим в качестве налоговой недоимки. Сегодня же вся беседа воспринималась как курс молодого бойца перед решающим боем, который может закончиться пленом.

В общем, опять очень нелёгкий день обрушился на нас, давя всем своим грузом и повышая давление. Наверное, так и должно быть: если есть груз, то, по закону Ньютона, должно быть и противодействие в виде встречного давления.

Кстати, один очень опытный, почти слепой массажист, много лет проработавший в больнице, утверждает, что разумное повышение давления от стресса, примерно до 160, максимум до 170 единиц, периодически необходимо. Это хорошая гимнастика для сосудов наряду с физкультурой. Наверное, он прав. Известно, что тепличные растения слишком чувствительны к непогоде. Не очень жизнестойки и тепличные дети. Так, например, у маленьких детей в Финляндии аллергии и даже астмы на порядок чаще, чем у российских соседей. Причина оказалась в стерильности родильного дома и жилья в первые месяцы жизни. Организм не учится болеть, а заодно бороться с бактериями и вырабатывать иммунитет.

Ну что ж, будем закаляться и мы. Во всяком случае, острая ситуация серьёзно напрягает нервную систему текущими бедами, и становится не до безысходного тютчевско-фетовского поиска ускользающего смысла жизни, неуловимого не просто как дым, а как тень от дыма, да ещё и ночью при луне (у Тютчева):

Как дымный столп светлеет в вышине! —
Как тень внизу скользит, неуловима!..
«Вот наша жизнь, — промолвила ты мне, –
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма…»

Блеф или опасность?

После того как вжились в новую для себя ситуацию и поняли, что с жутковатой, неведомой никогда ранее цифрой нам жить месяцы, а возможно, и несколько лет, занятых судами, решили действовать.

Итак, первое, что следует сделать, — это ознакомиться с решением инспекции. Посылаем с попутным маршрутным такси доверенность, с тем чтобы наш представитель получил и перекинул по электронной почте налоговый документ.

Опять томительное ожидание завтрашнего дня, так как маршрутка доедет поздно.

Но назавтра получить бумаги не удалось. Оказалось, что в доверенности не было числа, а допечатывать на другом компьютере налоговики не стали.

Что это? Опять наша мелкая оплошность, затягивающая и без того томительно тянущееся время? Оказалось, что нет. Отсутствие числа — наша юридическая уловка. Если бы не заметили, то был бы в суде дополнительный шанс заявить, что доверенность ничтожная, и если примут этот формальный аргумент, то вся проверка, вместе со страшными угрозами, может рассыпаться, как карточный домик. По тому же принципу юристам предстоит скрупулёзно проверить и все остальные доверенности, и соблюдение законности уведомления нас о начале проверки, о приостановке (по нашей просьбе) и о возобновлении проверки. Вдруг да повезёт найти процессуальные недочёты со стороны налоговой.

Немало штрафов от пожарных, милиции, антимонопольной службы, от торговой инспекции удаётся отбить юристам по чисто формальным признакам — со ссылкой на неправильное оформление документов. Уже одним этим с лихвой окупается весь юридический отдел.

Но в данном случае уловка не прошла. Отправляем новую доверенность, и наконец-то наступает новое завтра и приходит томительно ожидаемый, как начало боя, документ на ста страницах. Бедные бухгалтер и налоговый консультант! Им предстоит прочитать, проработать и проверить каждую строчку. Не позавидуешь их кропотливой и, в общем-то, одуряющей работе. По-моему, легче быть опытным рабочим. Или землекопом, который свои простые операции выполняет автоматически. Голова свободна. Можно, работая, думать о детях, внуках или о любимой, или прокручивать в голове строчки любимых поэтов, путешествуя мысленно по любимым местам, или, как Тютчев, по

всему мирозданию разом: «…По высям творенья, как Бог, я шагал, и мир подо мною недвижный сиял…»

Итак, только на четвёртый день — после того как нас оглушили убойной цифрой — состоялось первое обсуждение ситуации по существу. До получения акта я ещё надеялся, что озвученная инспектором по телефону сумма может оказаться блефом, ведь один блеф — о том, что проверка давно закончена, — мы уже получали. Но, увы, она красуется в документе. А за ней скрывается холодное дыхание серых стен или других немалых неприятностей, таких как ограничение выезда за границу, а то и из города на время следствия и судов общей юрисдикции. А может быть, эта чёртова цифирь — всего лишь грубая игра на нервах с целью максимизации взяток и в акт её засунули, чтобы мы срочно выехали на очередной торг? По существующей непечатной таксе (а она в нашей надрывающейся в борьбе с коррупцией стране есть буквально на всё, включая продажу государственных должностей от местного уровня до депутатских и министерских мест) — в налоговых берут, чтобы замять или сгладить дело, как правило, примерно десять процентов от начисленной суммы доплат, а в судах — уже в районе двадцати процентов. Но опять же — если это дело не заказное и не показательное. Да ещё нужно найти надёжные каналы передачи денег, что получается не у всех. И, разумеется, сколько остаётся у посредника, вряд ли узнаешь. В роли человека, непосредственно отдающего взятку деньгами, я, к счастью, никогда не был.

Первое, что нас интересовало: говорится ли в акте что-либо о нашем предложении аналогового метода, который показывал, что налогов в процентном отношении от реализации продукции мы оплатили не меньше некоторых других фирм?

Да, они не обошли вниманием наше предложение, даже добавили для примера одну местную фирму. Но отвергли его по странным, на наш взгляд, причинам. Фирмы-аналоги, видите ли, отличаются численностью, объёмами реализации, наличием или отсутствием складов. С этими аргументами, конечно, можно поспорить. Естественно, что в точности одинаковых реализаций быть не может. Но и налоги мы считаем не в абсолютном значении, а как процент от общих объёмов. Наличие складов — тоже не аргумент. Одни тратят деньги на их содержание, другие, у кого их нет, — на аренду. Затраты в обоих случаях близкие, а на основной налог на добавленную стоимость они и вовсе не влияют.

Ещё один аргумент против аналогового метода, что у нас больше численность, а значит, и выше затраты на зарплату.

Верно, ожидаемая прибыль при прочих равных условиях у нас должна быть меньше, но её удельный вес у нас не хуже, чем у других.

В общем, что называется, «отмахнулась» налоговая от «бескровного» для нас (и бесприбыльного, а значит, невыгодного для них) надёжного метода проверки. Возникает вопрос: можем ли мы через арбитражный суд заставить налоговиков принять этот отвергнутый ими метод?

Ответ, как всегда в нашем законодательстве: и да и нет одновременно. Налоговый кодекс говорит о том, что выбор метода проверки — прерогатива, конечно же, не проверяемого, а инспекции. Постановление высшего арбитражного суда вроде бы уже помягче. В нём указывается на существование двух методов проверки без раскрытия механизма выбора. Остаётся вопрос: должна инспекция мотивировать выбор метода или нет? Если да, то мотивы, а по сути и доказательства, можно оспаривать.

В общем, кажется, что наша судьба висит на волоске выбранного метода. При аналоговом методе мы победители, штрафов ноль, и спим спокойно. При расчётном, вряд ли правомерном методе, без учёта затрат, у нас жуткие долги, и мы — плательщики немыслимой суммы налога или даже преступники. При расчётном методе с учётом найденных затрат — ситуация не ясна.

Такая вот несообразность между тремя арифметиками. В чём же здесь дело?

Несложно предположить, что многие аналогичные фирмы, так же как и мы, всеми правдами и неправдами минимизируют налоги на немалую сумму и благодаря этому живут и, более того, развиваются, создавая тысячи рабочих мест и платя сотни миллионов, а в масштабах России миллиарды рублей зарплаты — взамен закрытых варварской перестройкой промышленных предприятий. Как больно смотреть, когда проезжаешь мимо родного завода радиоприёмников, девятитысячный коллектив которого выпускал в основном оборонную технику, а сегодня в его цехах безбрежная торговля, развлечения да американские фильмы. А казалось бы, совсем недавно гордились мы достижениями завода да и своими собственными. Подобно любимому человеку, родному цеху и заводу я посвятил несколько стихотворений. Вот одно из них под названием «Перестройка»:

1
Рынка взор светящийся
Режет ночь огнём;
Цех наш, вечно снящийся,

Знаменем гордящийся,
Похоронен в нём.

2
Дом, в бугор вцепившийся,
Лишь дымком живой…
Друг-кузнец, в нём спившийся,
Орденом гордившийся,
Плачет пред женой.

Вместе с заводами ушли в мир иной и заводчане, ответив не забастовками и бунтами, как это было бы в большинстве стран при наглой невыплате заработной платы за произведённые госзаказы оборонной техники, а безропотным пьянством и сверхсмертностью на пороге лет сорока пяти — пятидесяти. В этом возрасте уже практически невозможно из высококлассного специалиста по обработке металлов или электронщика вдруг стать охранником, продавцом или официантом. Другие профессии теперь экзотика. Умереть легче. Так же безропотно ушли из жизни дружным отрядом в начале перестройки-перекройки и лучшие художники сорока пяти — пятидесяти лет! Стране вдруг резко стали не нужны ни оборонная техника, ни искусство.

«Настоящих буйных мало — вот и нету вожаков», — пел Владимир Высоцкий. Некому было бунтовать: водка и генетический страх власти, посеянный железной сталинской эпохой, сделали своё дело. И снова мне вспоминаются стихи Николая Зиновьева:

Я не знаю, куда нас несёт
Наша тройка, в былом удалая,
Но бросает её и трясёт
Так по русским холмам, что растёт
Каждый миг население рая.

Тупой легковерный электорат и народ — это совсем разные понятия. Народ умеет постоять и за себя, и за страну, а население-электорат в лихолетье попряталось в могилки и в свои холодные квартиры. Причём многие пили и уходили из жизни как бы шутя, даже играючи, будто бы понарошку и на время, а не на вечные времена. Вот она, доживающая свой век, русская бесшабашность.

Тучи сизые нависли.
Глубь России. Ночь. Вокзал.
«Понимаешь, нету жизни», –
Мужику мужик сказал.

Прокатилась по буфету
Эта фраза. Стали пить:
«Наливай! Где жизни нету,
Там откуда смерти быть?»

Такой вот актуальный «анекдот» в поэтическом изложении Николая Зиновьева… Но вернёмся в сегодняшний день.

Чем же объяснить страшную цифру недоимки? Ведь за большое расхождение указанной и фактически взысканной цифры неприятности бывают и у самих проверяющих. Допустим всё-таки, что это блеф и их бумага не зарегистрирована должным образом, а «изготовлена» специально для нас, чтобы припугнуть и взвинтить сумму «благодарности». Как проверить?

Бледный и бедный от неожиданных неприятностей Дриц сообразил, у кого из высоких друзей должны быть неформальные связи с инспекцией, чтобы по их внутренней компьютерной базе посмотреть регистрацию документа.

Назавтра мы получили ответ, что в базе главного налоговика цифра не зафиксирована, а значит, по-видимому, и не сообщена в Москву! Ура?!

Но в базе данных районной инспекции она всё же есть. И здесь мы с финансистом поняли, что за несколько лет спокойной в плане ревизий жизни совершенно забыли, что в результате проверки рождается на разных стадиях два документа. Первый, по сути предварительный, но тоже официальный документ — акт проверки, к нему областная налоговая отношения как бы не имеет. Он может быть оспорен в течение четырнадцати дней у начальника местной налоговой инспекции, и только после этого появляется решение. Решение обязательно попадает в российскую базу. Его видит и московское начальство. Но и решение можно обжаловать в порядке апелляции у главного областного налоговика. Причём на подготовку апелляции у нас по закону будет месяц.

Столько же времени апелляция рассматривается в местном главном налоговом управлении. И только после этого решение налоговой инспекции окончательно вступает в силу и его можно обжаловать в арбитражном суде. Но беда в том, что силовики могут не ждать решения арбитражного суда, а начинать

расследование сразу же, как подписывается окончательное решение налоговым руководителем. А это уже мощнейший прессинг и опасная игра со многими неизвестными.

Поэтому следует любыми путями оплачивать недоимку и штраф, не навлекая силовиков, а уж затем пытаться их вернуть через арбитражный суд. Там тоже три инстанции, и рассмотрение тянется полгода, год и более. Если не гасить недоплату, то для применения статьи УК должен быть доказан умысел в неуплате налогов и преднамеренность банкротства, а по учредителю ещё и его непосредственное участие в управлении через голову директора фирмы.

Следствие тоже нередко длится несколько лет. И не факт, что вина будет доказана. Взыскать деньги с уже неработающей (брошенной) фирмы невозможно, если не найдено долгов у платёжеспособных должников или же не появляется угроза тюремных стен. Поэтому выплата долга до следственных дел может быть и напрасной, но предотвратит месяцы, а может быть, и несколько лет томительного ожидания своей участи.

Внимательное изучение стостраничного послания, с его расчётным методом, которого мы заранее боялись, приятно нас удивило. Инспекторы не заметили несколько крупных нестыковок в документах, а то, что насчитали в качестве недоимки, можно, пожалуй, объяснить, предоставив документы от смежных, но подконтрольных нам фирм, или поспорить в суде.

Используемый ими метод, при утерянных документах проверяемой фирмы, предполагает, прежде всего, анализ прихода средств за проданную продукцию и средств, потраченных на закуп, причём не по банковскому расчётному счёту, а по фактурам, сохранившимся у партнёров.

Строго говоря, разница между деньгами, полученными от реализации продукции и потраченными на закуп, — доход фирмы; а при утерянных документах он может быть тождественен прибыли, так как прочие затраты, например на зарплату, на электроэнергию, аренду, ремонт, ГСМ и другие, доказать фактически невозможно.

Для расчёта НДС эти затраты и не нужны, важен как раз чистый доход — добавленная стоимость. Но оказывается, этим надёжным методом НДС не считают. В утверждённом методе расчёта присутствует один парадокс с точки зрения здравого смысла: к вычету НДС не идёт та продукция, которая пусть даже и оплачена, но ещё не оприходована на склад, то есть находится в пути или у поставщика. А главный парадокс даже не в этом, а в том, что к вычету берётся и вся ещё неоплаченная продукция. Условие одно — продукция должна быть оприходована на склад.

Этот нюанс напрочь выбивает строгую банковскую систему из объективного контроля и открывает всему бизнесу широчайшие возможности для фантазии (а по-русски — для обмана налоговых органов), но зато и для выживания, и для развития.

Движение средств по банковскому счёту ни потерять, ни исправить налогоплательщику невозможно, в отличие от данных об оприходовании продукции на собственных складах. Любая бухгалтерия может «нарисовать» сколько угодно приходных фактур и проштамповать их на собственном складе. «Документ» для вычета НДС готов. Проверить через два-три года огромное количество фактур, часть из которых подлинная, а часть липовая, налоговая с её ограниченным штатом просто не в состоянии. В том числе и поэтому по всей России идёт коррупционный торг по объёму доплат.

Расчёт НДС как будто специально оторван от расчётного счёта архитекторами коррупции, возможно, заокеанскими. В результате — все преступники, но все и довольны. Массы российских налоговиков, как правило, женщин, матерей, по большей части одиночек, имеют возможность дополнительного «заработка». Бизнес часто безбожно «химичит», но развивается, создаёт рабочие места, платит зарплаты. Довольна и власть: все бизнесмены «на крючке», оттого и не бунтуют. Легко сделать арифметический анализ — посчитать по фирмам продукцию, оприходованную на склады (для расчёта НДС), и сравнить с оплаченной через банковские расчётные счета. Уверен, что оплаченной при закупе, а значит, не липовой продукции будет в разы меньше.

Подобно покупке «мёртвых душ» для одурачивания казны в бессмертном творении Гоголя, сейчас дурачат государство оприходованием «мёртвой», то есть несуществующей, продукции. Может быть, вторая, сожжённая Гоголем часть «Мёртвых душ» была как раз об этом?!

А если серьёзно, то вся экономическая система построена так, чтобы наряду со средствами массовой информации, особенно телевидением, уничтожать нравственность и культуру, развращать электорат, делая всех сверху донизу нарушителями закона, вытравляя остатки того, что ранее являлось народом.

Ходит слух, что с 2015 года для контроля НДС будет введена суперавтоматизированная построчная электронная отчётность, не оставляющая лазеек. Можно без всякого художественного преувеличения сказать, что для среднего бизнеса это катастрофа. У большинства фирм суммарные налоги существенно превысят прибыль, и начнётся либо проедание оборотных средств, либо массовые закрытия и безработица. На эту же тенденцию работают

и переоценка кадастровой стоимости земли, и усиление полицейских мер. Срежиссированное заморскими архитекторами перестройки проедание оборотных средств социалистическими предприятиями мы уже проходили во время гайдаровского уничтожения промышленности и превращения предприятий в торгово-развлекательные центры и рынки. Кто же режиссирует сегодня окончательное уничтожение бизнеса внутренними санкциями под шумок с Украиной?

Дополнительные сложности для бизнеса даёт организованное кем-то усиление коррупции. Например, разрешения на оптовую торговлю алкоголем в каком-либо Тмутараканске уже несколько лет нужно получать не у себя в городе или в областном центре (как было до недавнего времени), а ни много ни мало аж в Белокаменной, в искусственно придуманном Росалкоголе, который день и ночь борется, но… с легальной реализацией алкоголя, загоняя её в тень. Ни в одной развитой стране решение таких вопросов не отбирают у местной власти и не меняют постоянно правила игры.

Известно, что почти 50 процентов вина и водки продаётся и изготавливается нелегально, причём большей частью не в подпольных цехах, а на вполне официальных предприятиях в обход акцизных сборов, без документов и разрешений, с фальшивыми акцизными марками.

На коррупцию работают все ограничения по легальной продаже и хранению винно-водочной продукции. Во всех супермаркетах и специализированных винных магазинах на каждую кассу и в зал выведены видеокамеры, по которым легко проверить, не продаётся ли спиртное подросткам. И не нужно мерить линейкой расстояние до школ и особенно детсадов, поликлиник, вокзалов. Ночные ограничения переместили торговлю из цивилизованных магазинов в машины и в киоски, где можно под запарку приобрести любую отраву. Претензию не предъявишь.

Нередко лицензия не продлевается и уже действующим магазинам и даже супермаркетам на том основании, что рядом открылось что-то из запрещённого соседства (например, стоматологический кабинет или оздоровительный центр), хотя, по здравому смыслу, преимущество должен иметь тот, что открылся первым.

Нельзя теперь продавать алкоголь и на заправках, хотя во многих деревнях там были единственно цивилизованные магазины, в остальных торгуют суррогатом.

Хранить алкоголь теперь можно только в специальных акцизных складах. Требования к ним и жёсткость контроля много

выше, чем, например, по отношению к родильным домам, детсадам и больницам. В складах должны выдерживаться жесточайший температурный режим, влажность, освещенность, вентиляция и т. д. и т. п. Особенно глупо выдерживать эти требования для хранения неприхотливых водки, виски и других крепких напитков. Что касается импортных вин, то они несколько месяцев путешествуют по миру в самых разных, в том числе и экстремальных, условиях, а значит, инкубатор, как для недоношенных детей, им, конечно, не нужен, испорченное вино и без милицейского контроля не выгодно никому.

Спрашивается, для чего, как не для развития коррупции, заведён этот «порядок» хранения. И здесь все предприниматели на крючке — попробуй высунуться с критикой власти или не дай взятку, вмиг окажешься без лицензии и права официальной оптовой торговли винно-водочными изделиями.

В то же время, с левым производством водки, по которой не платится акциз, борются больше для отчётности и для виду.

Бешеные деньги, «сэкономленные» на бюджетных акцизах, идут на оплату «крыши» по всей цепочке производства и реализации левой водки. Какие-то санкции, вплоть до уголовных дел, применяются либо к новичкам, которые ещё не знают, кому платить, либо к нежелательной на рынке фирме, и наезд на неё оплачивают конкуренты.

В общем, борьба с культурой и здоровьем идёт по всем фронтам, в том числе и с культурой винопития, открывая дорогу бутлегерам и наркоторговцам. В результате официальная продажа водки за последние несколько лет процентов на 30–40 сократилась, а количество летальных исходов из-за отравления алкоголем по мелькнувшим в прессе цифрам выросло на 50 процентов.

Случайное ли совпадение, но почти на такую же огромную цифру выросли в Иркутской области за один только 2013 год «напряжённой борьбы» за трезвость тяжкая детско-подростковая преступность и количество преступлений, где дети оказались жертвами.

В результате все бизнесмены — преступники, так как пользуются налоговыми лазейками, «серыми» схемами зарплаты и вольно или невольно продают контрафактную водку, купленную на вполне официальных предприятиях. При этом все бизнесмены, так же как и мэры, довольны, хотя и на поводке, на власть не огрызаются. Молчат. За это небедным разрешается увозить своих детей из потенциального сырьевого рабства, давая знание языков и образование за границей, обеспечивая их и себя жильём и транспортом за рубежом на чёрный день, а в идеале —

видом на жительство и гражданством.

Но всё же подавляющая часть денег мелкого и среднего бизнеса вкладывается в России. Не счесть новых магазинов, кафе, ресторанов, торгово-развлекательных и спортивных центров. Океанские и морские яхты, а также клубы за границей не покупает никто из этого слоя. В то же время цена яхты олигархов доходит до стоимости целого микрорайона. На них и должно государство зарабатывать в первую очередь, так как им на откуп отданы все природные ресурсы страны и крупнейшие предприятия, которые когда-то строили всем миром, объявляя комсомольскими стройками. Но об этом сейчас как-то стыдливо умалчивают даже на юбилейных собраниях постаревших комсомольцев эпохи развитого социализма:

На юбилее комсомола
Седых я слушал вожаков –
Всё та же грубого помола
Звучала ложь для простаков.
Давно ли нас вожди толкали
Бездомно молодость губить
И вместе с зеками бросали
Гиганты славы возводить.
И, как в окопы фронтовые,
Девчонок гнали в котлован,
А песни, фильмы заказные
Рядили в подвиги обман.
Но всё, что создано в напасти,
Жестокосердной, как война,
«Подельникам» раздали власти –
Нас, комсомольцев, в том вина.

Средний и малый бизнес, хоть и нарушает немало «табу», зато инвестирует в будущее страны и обеспечивает россиян работой.

Но вернёмся к нашему акту. Трудолюбивые проверяющие проделали действительно огромную работу. Взяли за основу движение средств по расчётному счёту и потребовали со всех партнёров акты встречных проверок с тысячами, а может быть, и десятками тысяч фактур.

Лояльно подошли они и к расчёту налога на прибыль, исчислив его не с дохода, определённого по расчётному счёту, а взяв данные из приложения к балансу — из отчёта о прибылях и убытках, — учитывающие все показанные затраты.

Остаётся вопрос: отчего же получилась тогда страшная,

совершенно неподъёмная цифра недоимки? Объяснение простое. Несколько фирм уже практически не работают и не дали данных для сверки. Их и не учли. Но это как раз и не страшно. Движение по расчётному счёту с этими фирмами осталось. И его практически хватает, чтобы, восстановив или «нарисовав» фактуры, увеличить затраты для минимизации недоимки до небольшого значения или даже до нуля. Спасибо в данном случае нестираемой памяти банков.

Есть и ещё один деликатнейший нюанс: на каком этапе проверки представить эти недостающие документы? Если дать их сразу же, как разногласие к акту, то можно нарваться на дополнительные мероприятия и продление срока проверки, а «нарыть» при желании можно всегда.

Исходя из этих соображений, лучше представлять данные на стадии апелляции у областного начальника налоговой. Но, правда, цифра в документе проверки станет уже слишком официальной, попадёт в московскую отчётность и, возможно, уже привлечет внимание местных силовиков. Пожалуй, небезопасно. Плохо и так и эдак.

Выход один — вновь ехать вездесущему Дрицу для консультаций. Скорей всего, благодаря его «обаятельности» акт получился хоть и весьма грозный, но поправимый. Непонятно, правда, почему всё же не принят аналоговый метод. Только ли для того, чтоб ещё сильней пощекотать нервы перед согласованием размера «компромиссной» суммы?

И опять всё непросто

Вот уж действительно, как здесь не вспомнить фанатично-гениального, хотя и марксистки одностороннего политфилософа дедушку Ленина, который изрёк когда-то, что электрон так же неисчерпаем, как атом, то есть процесс познания бесконечен. Так и мы вновь начали консультироваться со специалистами в области налогового и криминального права. Наш оптимизм при этом очень быстро растаял. Фактуры и товарно-транспортные накладные, которые для налоговиков важнее движения средств по расчётному счёту, «нарисовать», конечно, можно, восстановив и штампы, и печати, и снова набрав на компьютере, и подписать эту многотысячную гору макулатуры. Правда, для такого сочинительства человек десять или пятнадцать должны сидеть на этом производстве пару недель, а то и месяц. Затем два-три дня от зари до зари бывший директор, бывший главный бухгалтер, а также кладовщики, водители стороны, отпускающей товар, и стороны, его принимающей, должны ставить автографы.

В реальной, не нарисованной жизни, в мало-мальски больших фирмах эти документы по распоряжению директора и главного бухгалтера подписывают управленцы рангом пониже, кто ближе к складам. Но сейчас особый случай, и цепочка должна быть покороче и понадёжнее, особенно на случай допросов.

Документы восстанавливались не проверяемой фирмы (по версии, напрочь утерянные психически больным директором при переезде), а от двух фирм-смежников, которые возглавлял в разное время также Анатолий.

Это является страшно отягощающим обстоятельством при серьёзном рассмотрении дела в любых судах и в самой налоговой, тем более что его жена была в них какое-то время учредителем. И зарегистрированы они были в принадлежащем ей помещении. Если ещё и эти фирмы подтянуть к проверке, то выявится явная закономерность, и умышленный уход от части налогов будет налицо. А наличие умысла — это главное обстоятельство для уголовного дела. Вот такая нечистая работа финансиста-директора, должного мне немалую сумму, которая, вместо отдачи долга, может уйти на штрафы и откупные взятки.

В том числе и поэтому, занимаясь уже больше творческой — писательской и галерейной — деятельностью, я стараюсь отслеживать экономическую ситуацию в его фирме и выполнять консультационную деятельность, но, как правило, только в самых затруднительных ситуациях. Правда, насоздавал он разномастных фирм за несколько лет немало, прямо с кавалерийской лихостью.

Говорит: «Старался как лучше, искал новые современные пути оптимизации налогов».

А тут ещё выясняется, что и нарисованные фактуры не панацея. Оригиналам должно быть два — четыре года. Это проверяемый период деятельности фирмы. Определить срок их изготовления по чернилам и печатям криминалистам не составит труда. Подделка, если не найти фактических фактур, при желании будет очевидна.

В налоговую, слава Богу, должны отправляться копии фактур. Они могут быть сделаны буквально вчера. Но в любой момент могут запросить и подлинники, тогда крышка. Подделка — значит, опять же, умысел. Поддельные подлинники лучше уничтожить. Про копии фактур останется только лепетать, что они воспроизведены либо по обгоревшим или затопленным старым фактурам, которые за ненадобностью уничтожены на днях, либо по электронной версии, которую случайно стёрли. Только сверхлояльный суд сможет внять таким «веским» доводам. На нашей стороне весомый аргумент, что всё же было фактическое движение денег по расчётному счёту, да и у налоговиков нет интереса кидать сулящих куш потенциальных подследственных в корыстные лапы силовиков. Поэтому экспертизы подлинности фактур на практике проводятся крайне редко.

Нам, правда, повезло. Не хватало в основном фактур по движению алкоголя, а он, в отличие от других товаров, очень жёстко контролируется Росалкоголем, и фактуры можно восстановить по отчёту.

В общем, молодёжь во главе с директором-финансистом, кажется, доигралась. Им казалось, что, обнулив фирму и перекинув её в другой город, они нашли путь минимизации нервотрёпок и взяток во взаимоотношениях с налоговиками, но оказалось наоборот. Если дело примет опасный поворот и дойдёт до следствия, то, наверное, один из вариантов — потеряться директору, хотя бы на время, пока всё будет улажено с помощью финансовых аргументов, благо жить в России можно без прописки, а работать без оформления. Раньше, в СССР, на строгом учёте были все, обязательны и прописка, и внимание участкового милиционера, и статья за тунеядство. Сейчас не так — либерализм. Но полиция сегодня обязана объявлять подследственного в розыск. Надёжно скрыться можно только за рубежом. Без средств учредителей в этом бегстве не обойтись.

Кстати, впервые подумалось, что быть директором в наше пусть и храмовое, но по-прежнему безбожное время небезопасно. В России каждый год немыслимо большое количество людей

теряется или погибает при неясных обстоятельствах и на улице, и в больницах. Кто-нибудь изучал статистику по профессиональному составу потерявшихся или «залеченных»? Сколько среди них директоров и различных зицпредседателей? Как говорил Сталин в романе А. Рыбакова: «Смерть решает все проблемы. Нет человека — и нет проблем». Без директора следствие зайдёт в тупик, и это спокойней для криминальных учредителей.

Ещё более опасно, чем быть директором, — давать свой паспорт для «участия» в каких-либо крупных сделках по купле-продаже. С введением норм закона, направленных на защиту добросовестного приобретателя, появилась заинтересованность удлинять цепочку купцов. Нередко промежуточное звено покупателей необходимо для того, чтобы объект не гулял по аффилированным лицам, как правило, родственникам. При этом у промежуточного, подставного покупателя (продавца), кроме секретной информации, что он неправдашний покупатель (продавец), возникает большой подоходный налог. Никто из настоящих купцов — организаторов чёрной схемы деньги на налог в руки неимущего подставного не даст. В лучшем случае он через год заплатит за него налог сам.

Не заплатить крупный налог — значит привлечь внимание и инспекции, и силовиков. Того гляди, и сделку признают незаконной. Любой подставник в два счёта признается в своей фактической непричастности, если, конечно, не оградить его квалифицированными адвокатами. А если на момент уплаты налогов лжепокупатель, как и директор, пропал, то никто и никогда не докажет его «опереточную роль», да и налог в 13 % останется у организаторов схемы.

Для многих безбожников чужая жизнь ценится намного дешевле. Правда, более дальновидные на роль покупателя сразу же берут неизлечимо больных, чей прогноз жизни невелик, кого и на допрос не потащат. Почему-то эта криминальная тема замалчивается и в СМИ, и в многочисленных бандитских фильмах. Может быть, потому, что тем, кто владеет СМИ и влияет на сюжеты, весьма невыгодно привлекать внимание к этому жутковатому конвейеру пропажи «добросовестных покупателей» и зицпредседателей. Пусть народ тешится стрелялками, смехопанорамами и при этом даёт свои паспорта «напрокат» в погоне за «лёгким» заработком и занимает место лжедиректоров и учредителей, платя за это иногда и жизнью.

В нашей же истории если предположить, что директор «потерялся» за рубежом или в России, то остаются учредители.

Какая может быть вина учредителей в данном случае? Фирма

имела лицензии, работала законно и платила налоги не хуже некоторых аналогов. К переброске в другие регионы формально не закрытой, но неработающей фирмы, не имеющей никаких средств, учредитель, в общем-то, отношения не имеет. Это прерогатива дирекции. Учредитель чаще всего не имеет фактически отношения и к формированию потоков закупа и продажи продукции. Этим целиком занимаются соответствующие специалисты.

Может ли учредитель быть обвинён в получении основной выгоды от деятельности фирмы? Но такой статьи, кажется, нет. Конечно, каждый учредитель пользуется чёрным налом — он есть везде. Если его рассматривать как доход, с него должен платиться весомый подоходный и социальные налоги (всего 43,2 %). Доказать его размер и вес без активнейшей помощи персонала практически невозможно. Всё потребление: машины, квартиры, дома, которые имеет учредитель, — с лихвой покрываются официальной продажей объектов недвижимости; возможна и безналоговая продажа антиквариата и современного искусства. Да никто и не требует такого отчёта у бизнесмена. Какого-либо запугивания, даже давления на окружающих, со стороны учредителя тоже нет. Всё выглядит как дружеский совет, который по привычке или из-за уважения выполняется, правда, почти беспрекословно. В чём же тогда правонарушение учредителей?

Их положение, наверно, сродни положению воров в законе, которые формально сами не совершают противоправных действий. Их совершают другие, чтобы угодить, не впасть в немилость, не потерять доход. Если в воровской среде у каждого «законника» есть для разборок «группы быстрого реагирования», то в бизнесе ничего подобного, как правило, нет. Рычаг один — должности и деньги. За все промахи дирекции ответственность учредителя абсолютная, но, как правило, только деньгами. Все штрафы и взятки платятся как бы из его кошелька.

В большинстве случаев нарушают закон подчинённые самостоятельно: принося заметную экономию, они повышают свой статус, получая и соответствующее вознаграждение, причём нередко из личных денег учредителя. Прибыль от экономии на налогах остаётся в оборотных и основных фондах фирмы, что, в общем-то, неплохо не только для коллектива и учредителя, но и для общества. Учредитель средней компании потребляет несоизмеримо меньше средств, чем крутится в его бизнесе. Как это ни парадоксально звучит, но многие организаторы бизнеса работают как бы бесплатно, причём нередко в самом мазохистском режиме. Если средствами обеспечены до конца жизни они сами и ещё несколько поколений, то гонка идёт ради

гонки, сродни азарту в спорте, в казино, а может быть, сродни творчеству учёного, художника, поэта, работающих иногда так же почти бесплатно. Пожалуй, оба эти начала — азарт и творчество — присутствуют в мотивации бизнесменов.

Социалистические директора тоже трудились, не щадя себя. Но их мотивами были привилегии, ордена и материальные блага. Сегодня азарт и творчество движет большинством предпринимателей, развивающих своё дело и спасающих правдами и неправдами Россию вопреки чиновничьему произволу, подогреваемому Западом.

Строго говоря, невыгодно обществу, только когда деньги не вкладываются в развитие и даже в потребление у себя дома, а вывозятся за границу. Но как раз здесь-то заслона и нет. Уведомь налоговую инспекцию и вывози, сколько хочешь. Правда, иногда при перечислении за рубеж наши банки, а чаще западные просят подтвердить легальность средств, но поскольку единой информационной межбанковской базы данных нет ни в России, ни за границей, то один и тот же финансовый документ, например, доход от продажи недвижимости, можно предъявлять десятки раз и десятки лет. Всё как по бессмертному Пушкину: «Ах, обмануть меня не трудно!.. Я сам обманываться рад!»

Наверно, с точки зрения государственных интересов, при вывозе средств и должен взиматься максимальный налог, пусть даже по прогрессивной шкале. На вывезенные средства уже никогда не создадутся рабочие места, не оживятся стройки. Возвращается же денег назад не густо. Игра идёт, как правило, в одни ворота. Инвестируют все россияне: одни покупают импортные вещи, другие спешат бросить свои утомлённые тела в Средиземное и другие моря и океаны. Представители среднего бизнеса, кроме поездок, стараются обзавестись за рубежом, да и в Москве, таким джентльменским набором, как дом, квартира, машина.

Спекулятивная Москва и сама уже по высасыванию из России финансов исполняет роль зарубежного форпоста. Она с каждым годом всё решительнее замыкает на себе значимые внутрироссийские потоки финансов, включая налоги.

Московские и питерские богачи — поголовно люди мира. Известные олигархи и те, кто рангом меньше, держат основные деньги и немалую собственность в виде яхт, замков, предприятий и клубов за рубежом. На стройках Москвы заработную плату получают иностранные рабочие. Инвестирование в Москву, в том числе в недвижимость, — это уже практически инвестирование за рубеж.

Хорошо, конечно, порассуждать отстранённо о грабительских

финансовых потоках, сидя в уютном кабинете или в своём коттедже, похожем на музей живописи и скульптуры, или уютно пристроившись на берегу Средиземного моря. Но, как всегда некстати, телефонный звонок резко бросил меня в круговерть событий. Беру трубку и узнаю нерадостную новость: к директорам проверяемой фирмы Анатолию и Борису недавно по месту прописки пожаловали полицейские из соседнего региона. Ни тот ни другой не живут по указанным адресам, но факт нерадостный. Кроме настырных звонков и стука в дверь они беседовали с соседями. Неужели так оперативно отреагировала система на огромную цифру недоимки, которая мелькнула в предварительном акте?

Но ведь по действующему в 2014 году закону активность полицейских начинается только вслед за вынесением решения, утверждённого главным налоговым инспектором, после рассмотрения апелляции. Так-то оно так, но никто не мешает им провести пристрелку местности заранее: взвесить свои шансы на успех дела. Если вдруг выяснится, что ответчики за границей, то лучше тогда и уголовное дело не открывать, чтобы не портить показатели. В идеале, неплохо бы им до вынесения решения побеседовать с потенциальными подследственными. Как и чем дышат? Смогут ли привлечь адвоката? Смогут ли они откупиться сами или попытаются привлечь учредителей?

Как анестезиолог перед операцией изучает больного, встречается с ним, так и полицейские стараются взвесить шансы, а может быть, и припугнуть добычу, чтобы загнать на «номера» или в капкан. Анестезиолог обычно один, полицейских было аж трое. Не исключено также, что это был привет от высокого чиновника, про которого после его отказа принять участие директора в помощи храму как-то забыли, сосредоточившись на проверяющем ведомстве. В общем, следует исходить из того, что случайностей не бывает. Причём если они почувствуют слабую защиту и вероятность крупной наживы, то могут попытаться организовать давление на налоговую, чтобы те оставили максимальные цифры, и пригласить их в свою компанию. Последней это выгодно только в том случае, когда гарантирован выход на богатых учредителей и куш налоговиков в команде с силовиками окажется выше, чем свой тихий индивидуальный «заработок». Для такого альянса должны быть ещё и очень доверительные отношения главного налоговика и силовиков. А это, к счастью, бывает очень и очень редко. Но отодвинутые от жирной кормушки силовики не лыком шиты. Мощное лобби есть и у них. Поэтому прямо сейчас в Думе рассматривается законопроект об их праве подключаться к налоговым проверкам

на любом этапе без согласия налоговиков. Для вечно виноватого бизнеса это почти гибель.

По-хорошему, позвонить бы Анатолию полицейским и узнать, что им угодно, проверка ведь не закончена. Но у них информация о его пребывании в Москве, а телефон высветится в Иркутске. Не лететь же ради одного звонка в Москву. Может быть, следует позвонить не со своего телефона? Но опять же — Иркутск. Хотя, впрочем, всё гениальное просто. Можно попросить сделать звонок нашего московского представителя, скинув ему текст разговора. А может быть, позвонить мне (голос-то Анатолия им неизвестен) и выяснить ситуацию из-за границы? Нет. Возможно, все разговоры записываются. Мой звонок в ходе следствия покажет заинтересованность и будет использован против меня.

Гадая, как поступить, пытались дозвониться главному проверяющему, но, как всегда, когда надо, он где-то на совещании. Да, что ни говори, не по себе, когда наших директоров разыскивают аж трое полицейских в штатском, да ещё не поленившихся приехать из другого региона. С такой новостью сон опять не заладится. Пока суд да дело (некстати поговорка с судом), обсуждаем ещё одну юридически-полицейскую новость, которая по масштабу — орешки, но всё же.

На Дрица вышел один из местных силовиков, его земляк, по поводу аварии, совершённой нашим работником на автомобиле одной из наших фирм. Вина была работника, но автомобиль был юристами «перекинут» задним числом якобы в аренду неплатёжеспособной фирме. И решение суда о возмещении ущерба, естественно, повисло в воздухе. От солидарной ответственности фирмы и самого виновника аварии на суде удалось уйти, а с предприятия взять нечего, перекинули авто, естественно, на пустое предприятие.

К сожалению, и у нас самих десятки решений суда о взыскании долгов с пустых фирм. Крупные долги можно пытаться вернуть только по неформальным каналам.

Так и в данном случае: по понятиям — вина всё же нашего работника. История учреждения фирмы высвечивает на каком-то этапе мою фамилию и директора, который ныне у нас при деле. Пострадавшие, тактично не называя ни мою фамилию, ни фамилию директора, при неформальной встрече с юристом заявили, что у виновника ДТП две квартиры, и если долг в полмиллиона не будет погашен, то они плотно займутся непосредственно с ним. При этом обстоятельстве мы, конечно, тоже были бы втянуты в конфликт. Хотя при решении суда о взыскании всей суммы ущерба с фирмы законные действия противной стороне предпринять невозможно: закон на стороне

работника, и все их действия могут быть блокированы полицией, но по чести, да и по понятиям, мы всё-таки не правы. От половинной выплаты, предложенной нашими представителями, пострадавшие категорически отказались.

Когда мне всё это подробно изложили, раскручивать ситуацию назад, отменяя все хитросплетения подчинённых, было уже поздно, и я, напомнив им наш главный девиз: «Честь имею», распорядился выплатить всю сумму.

Пока обсуждали новую проблему, Анатолий решил поехать для звонка если не в Москву, то хотя бы в аэропорт. Всё-таки ближе к иногородней версии с перелётами и отбытиями. Определить место звонка, в общем-то, несложно. Не хотелось бы засвечивать ни офис, ни его квартиру, ни постоянное пребывание в Иркутске.

Из разговора выяснилось, что полицейских интересовали обстоятельства потери документов проверяемой фирмы. Но данный вопрос пока неправомерен — следствие-то не началось. Решение налоговой ещё не подписано. На данном этапе полиция имела право выяснять только фактические адреса фирмы и её руководителей, а остальное от лукавого. Это подтверждает гипотезу организации данной акции знакомым чиновником — радетелем храмов. Пока мы будем судиться в арбитраже, следственные действия могут идти с разной степенью активности. При излишней активности материалы дознаний могут существенно испортить картину и в арбитражном суде, где победить у нас есть серьёзные шансы.

К вечеру Анатолий смог дозвониться и главному «проверяльщику». Но телефон — штука ненадёжная, и ему снова придётся проводить ночь в душном купе поезда.

Интересно, какая опять ждёт новость? Хотя, казалось бы, всё оговорено. Две трети «материальной помощи» мы выплатим, когда в решении останется приемлемая цифра — менее двух миллионов рублей, — не интересная для милиции и обеспечивающая высокую вероятность выигрыша в арбитражном суде по аннулированию и этой суммы. Силами налоговиков, без угрозы уголовного дела, не получится взыскать ни копейки. Но! Могут ведь в ближайшее время принять закон об участии силовиков в следственных действиях по собственному усмотрению. И не вернутся ли они тогда к этому делу?

Так что лучше, наверно, смазывать весь проржавевший механизм. Может быть, цель предстоящей встречи — в напоминании об интересах обиженного нашей забывчивостью чиновника и выжимание дополнительной доли уже для него? Сервис. Все взятки — в одно окно. Хотя правительство обещало в

одно окно только регистрацию фирм.

Подозрительная радость

Анатолий, проработавший в фирме немало лет, пользовался достаточным доверием, чтобы выполнять весьма щепетильные дела. К тому же сложнейшая ситуация, с которой связаны описываемые события, возникла во многом по причине его непродуманных действий, а где-то и безалаберности. Так что, когда понадобилось ехать в соседний регион, чтобы получить от большого чиновника акт налоговой проверки и передать ему за это весьма существенную «благодарность», естественно, он и поехал.

В результате «благодарность» оказалась передана не за акт, а только за обещание, что всё будет «о'кей» после дополнительных мероприятий. Новость эта была нерадостная. Слишком много воды утекает за шестьдесят дней и ночей, требуемых на дополнительные мероприятия по проверке, особенно на нашей малопредсказуемой Родине.

Но для Анатолия это событие вылилось в неожиданный праздник. Напуганный когда-то условиями содержания и убийственными методами лечения в психбольнице, он более двух лет близко не подходил к спиртному. В последней же поездке, не имея на руках ни акта проверки, ни гарантий (кроме очередных обещаний, уже не раз пересмотренных), вдруг начал праздновать, а дальше пошло по обычному сценарию — в направлении запоя и, вероятней всего, психбольницы.

Радость налоговика понятна. Он получил вожделенную сумму. Но чтобы и Анатолию сорваться на выпивку, радость должна быть, наверное, взаимной. Эта очевидная мысль, ещё мной и не сформулированная до конца, потихоньку зрела где-то в глубинах подсознания.

А пока я принимал все меры, чтобы спасти молодого помощника. Тем более что кроме служебных за последние несколько лет сложились почти дружески-родственные отношения, с частыми совместными обедами в вип-зальчике моего ресторана, с обсуждением не только финансово-юридических вопросов, но и всех житейских тем. Не избегали мы и весьма откровенных разговоров о высокой и непреходящей ценности семьи, о взаимоотношениях с прочими женщинами.

Последние года четыре он почти безраздельно пользовался летом одним из нескольких моих дачных домов, со всеми удобствами, в живописном месте на берегу Иркутского водохранилища, ездил на весьма престижных служебных машинах. Лет шесть-семь проживал бесплатно в двух-, а затем и в

трёхкомнатной квартире, принадлежащей мне, и потихоньку выплачивал её минимальную стоимость. Вернее будет сказать, даже не выплачивал задолженность, а она ему ежеквартально списывалась. Главным условием списания было отсутствие срывов в истекшем периоде времени. Достойными были не только обеспечение, по сути бесплатным жильём и транспортом, но и заработная плата. Причём последнее повышение зарплаты процентов на сорок произошло летом неожиданным для меня самого образом. Заработная плата была повышена фактически за… подлость.

В важном для меня процессе по личному делу передать некую «благодарность» выступавшему посредником должностному лицу я поручил не «чиновнику по особым поручениям» Дрицу, знающему всех нужных людей города, но у которого деньги могли и застрять, а Анатолию. Система, при которой договаривается один, а деньги отдаёт другой, чуть более неприятна для получающего воздаяние, зато много надёжней для заказчика.

Вскоре Анатолий доложил мне, что дело сделано, красочно и правдоподобно рассказав при этом все нюансы момента передачи. Но вскоре я понял, что дело буксует, и решил сам поговорить с чиновником.

И надо же, удача. Выяснилось, что когда-то нас знакомил серьёзный человек, мы долго обсуждали одну взаимовыгодную сделку, в общем, были неплохо знакомы. Во время встречи он, нисколько не стесняясь, позвонил судье. Из разговора следовало, что она учтёт его просьбу, но пока мои шансы менее предпочтительны. Было заметно, что разговор с судьёй первый.

Тогда мне пришлось задать весьма бестактный вопрос о том, дошла ли до неё хотя бы часть «благодарности». Чиновник опешил. Выяснилось, что никакого конверта не было! Незнакомый человек мог бы врать из осторожности, и оставались бы сомнения. Но здесь не тот случай.

Вскоре с Анатолием выясняю, что деньги он всё же отдал, но не чиновнику, а Дрицу, и тот сам взялся всё уладить, якобы потратив эту сумму на помощь в организации приёма гостей высоким начальством этой же структуры. Проверить, конечно же, невозможно, но изощрённая ложь лелеемого мной Анатолия налицо. За это вполне можно было бы и расстаться. Но я уже давно привык к человеческим слабостям, особенно часто с враньём попадались дети да и мы сами, когда были детьми.

Один из наиболее вероятных вариантов был всё же в том, что Дриц уговорил финансиста поделить деньги, считая, что дело выиграем и так. Тем более что Анатолий был и сам убеждён в благополучном исходе.

Судьба Дрица, перешагнувшего года четыре назад пенсионный барьер, была несколько месяцев на волоске. Анатолию же ещё нет и тридцати, есть, как говорится, время на исправление, и, чтобы он был подальше от материальных соблазнов, я решил поднять ему основную зарплату почти в полтора раза. Тем более что он, как казалось, готов был сгореть со стыда и не уставал повторять, что такого больше никогда не повторится…

Все эти мысли пробежали мигом, пока в три часа ночи мы с Дрицем обсуждали, как вызволять пьяного Анатолия из милиции, да ещё в чужом городе. Звонил он нам обоим, будучи изрядно выпившим и уже арестованным.

Дриц был бы не Дриц, если б среди ночи не дозвонился кому-то из влиятельных друзей, которые решили вопрос с милицией в чужом городе, и утром почти протрезвевшего и вроде бы успокоившегося, но слегка побитого Анатолия увезли в отель.

Зная по опыту, что на этом дело не остановится, решаем, что утром туда необходимо кому-то выезжать. Наверное, можно было обойтись водителем и охранником, но вызвался срочно выезжать и Дриц. Прихватили с собой и хорошую верёвку, так как силы нашего бузотёра в психически ненормальном состоянии удесятеряются, а сибирские тракты — не лучшее место для автомобильных дебошей.

По приезде в Иркутск уговорили «героя», пока он ещё не в самом буйном состоянии, лечь в неврологическое отделение обычной больницы, где он долечивался после психушки несколько лет назад. Лечение в обычной больнице не так опасно, как в специализированной, во всяком случае, в обезличенное растение не превратят. Правда, и режим в ней намного свободней, а значит, и соблазнов больше.

Примерно через неделю его пребывания в неврологии выясняется, что наш больной и там продолжает выпивку. А вскоре он и вовсе покидает больницу, и начинаются его поиски по саунам, оздоровительным комплексам и гостиницам города. Неделя такого образа жизни — весьма недешёвое удовольствие. И только здесь явственно понимаю, что очень не бедным приехал наш бедолага после «передачи взятки» самому себе и, по-видимому, Дрицу, который тоже не раз встречался с потенциальным получателем «благодарности». Не исключено, что Дриц организовал для молодого проверяющего какие-либо весьма полезные услуги и знакомства, оставив на двоих все деньги. Из-за таких «деловых» посредников слухи о жадности наших чиновников могут быть существенно искажены.

Удивительно, что разбогатевшему Анатолию на этот раз

удавалось и пьяному сохранять себя во вменяемом состоянии. Наши «следопыты», по сотовому телефону не раз определявшие примерное местоположение «пропажи», найти его не могли. Администраторам заведений говорилось, будто разыскивается то опасный преступник, то серьёзно больной, но для них везде он был только щедрым клиентом, и они не выдавали его. Если мы сильно настаивали через знакомых или милицию осмотреть все помещения, то они дружно помогали ему вовремя скрыться. Такая вот повсеместно небескорыстная солидарность даже с «бандитом», главное — чаевые. Сотрудничать с милицией никто не стал.

Выпив требуемый ему по литрам, а может быть, по времени запоя, лимит, он сам сдался. Причём, в отличие от прошлого раза, обошлось без больницы. Дня три отлежался и вышел на работу.

Но пока продолжалась эта дорогостоящая карусель с кутежом и поиском загулявшего финансиста, разрозненные факты, подтверждающие сомнения в его честном отношении ко мне и фирме, начали выстраиваться, против моего желания, в систему.

Как раз в эти дни мы разбирались с одним из недавно купленных объектов. Расчёт специалистов, некоторое время назад перешедших от конкурентов, показал неэффективность покупки. Выяснилось, что от начала и до конца данным приобретением занимались Анатолий и недавно уволенный, а через год погибший то ли от сердечного приступа, то ли от передозировки наркотиков Армен, не пользовавшийся, в общем-то, большим доверием. Как-то так случилось, что они ловко замкнули сделку на себя, и прочие специалисты, в том числе исполнительный директор и я, особенно в неё не вникали. Видимо, им на пару удалось представить объект как безусловно интересный к приобретению. Сейчас же мало того что вызывает вопросы его месторасположение, но главное, что его не продать даже за цену покупки. Хотя со времени приобретения и прошло больше года, и объект из недостроя превратился в сданный под ключ. Как будто специально в подтверждение сговора один из звонков в эти «загульные» дни был сделан Анатолием с телефона Армена. Армен, не ожидавший моего звонка, всё же сказал, по-видимому, часть правды. Подтвердил, что общие дела у них действительно есть, но они не касаются фирмы, и приплёл, наверняка от лукавого, Новосибирск. В общем, здесь обнаружилось весьма подозрительное и тщательно скрываемое деловое приятельство, скорей всего, основанное на совместном обмане фирмы. Во всяком случае, в наших «доверительных» разговорах имя Армена ни разу не всплывало.

В эти же дни, очевидно, подумав, что выплаты зарплаты Анатолию могут оказаться последними и дальше взыскивать будет не с чего, зашла с его отчётами и главный бухгалтер. Оказывается, она больше полугода ждала от него финансовый отчёт по нескольким командировкам в весьма странной компании. Перерасход существенно превышал сто тысяч рублей, но страшна не сама цифра, а то, что он фактически всё это время скрывал от меня не только перерасход, но и саму компанию командированных. И здесь неискренность налицо. Его обида на главного бухгалтера, которая не пошла на обман, тоже говорит о многом.

Через призму нечестности, а не неопытности, пришлось поглядеть и на другие обстоятельства его работы, в частности на покупки объектов, к счастью, несостоявшиеся. Но об этом в главе «В окружении пятой колонны». Там речь идёт об этих и многих других предательствах помощников и друзей.

Банкротство

В результате всех перипетий с налоговой проверкой на фирме повис вроде бы не интересный для милиции долг в размере чуть меньше двух миллионов рублей.

Находилась фирма к этому времени уже в другом регионе, и мы снова «по-нашенски» беззаботно думали: «Авось забудется!»

Проверка завершена, все волнения вроде бы позади. Фирма пуста. Но налоговая региона новой дислокации «пустышки» оказалась на редкость дисциплинированной. Вскоре мы получаем уведомление о предстоящем банкротстве. Думал, что за долгие годы руководства и консультирования прошёл я все «огни, воды и медные трубы», но оказалось, что нет. Банкротства, как, собственно, и повисших на предприятии долгов в моём поле зрения ни разу не было.

И вот теперь на смену налоговикам придёт доселе небывалый «зверь» с таинственным названием «арбитражный управляющий», он же «конкурсный управляющий», он же «временный управляющий», назначаемый судом.

В множественности названий уже таится что-то страшноватое и не совсем чистое. Если он захочет, может с любой степенью глубины снова копаться в делах и материалах проверки фирмы. А значит, проводить любые экспертизы, анализировать движение средств по расчётному счёту, разбираться с законностью вывода имущества. Документы налоговой проверки — в его полном распоряжении. А может временный управляющий и буквально не ударять палец о палец, но при этом получить около четырёхсот тысяч рублей стандартного гонорара и написать шаблонное заключение. В первом случае возникает опасность по выявлению питерской квартиры, да мало ли и ещё чего. Найдёт, например, подделанные задним числом документы, а это само по себе может вполне потянуть на статью о мошенничестве.

Не успев толком расстроиться (устал в последнее время от этого чувства), я с радостью узнаю парадоксальное правило назначения внешнего управляющего, никак не стыкующееся со здравым смыслом, во всяком случае в моём понимании. Оказывается, выбрать сговорчивого внешнего управляющего можем мы сами! Для этого от юристов требуется только одно качество — оперативность. Если мы обратимся в арбитражный суд раньше налоговиков, то кандидатура будет наша и мы, заплатив управляющему непонятно за что «узаконенную взятку» — те же четыреста тысяч рублей, — можем спать спокойно. Но если опередит налоговая, то управляющий будет их, и здесь уж

как повернётся дело. Вдруг накопает чего не надо бы, тогда улаживать будет куда дороже. Тем более что при желании и хорошей квалификации можно обнаружить, например, состав налогового преступления.

Казалось бы, в данном случае налоговая может и не торопиться: формально фирма пустая, без средств, будет ли что найдено — огромный вопрос; а платить за услуги арбитражного управляющего придётся самой налоговой из очень ограниченных средств.

Наши юристы первыми подали документы, но пока без кандидатуры управляющего. Несколько дней на поиск у нас теперь есть. Место, как говорится, мы уже застолбили. Но я не могу привыкнуть к высокой цифре оплаты фактически ни за что.

Мир не без добрых людей, один из знакомых «бизнесменов», занимающийся скользкими делами по обналичке средств, как выяснилось, банкротит свои «однодневки» буквально на потоке. Цена вопроса — 200–250 тысяч рублей. Знакомлюсь с его почти штатной арбитражной управляющей. И хотя она показалась нам и слишком говорливой, и не очень обязательной, но ведь не на работу же берём, а на разовую операцию закрытия пустой фирмы. Отчего бы не сэкономить 150–200 тысяч рублей! И ударили по рукам.

Вскоре она высказала просьбу о переводе фирмы в Иркутск, чтобы не тратить ни время, ни деньги на поездки по сибирским некомфортным дорогам. Мне подумалось, что возвращать в Иркутск фирму, которая была ещё несколько лет назад крупным плательщиком, не очень хорошо с моральной точки зрения, да и органы теоретически могут в конце концов заинтересоваться: ведь очевидно же, что суета с переводами фирмы в различные регионы как ни крути, а связана с налогами. Но экономить так экономить, и решили беглянку для банкротства и «похорон» возвратить на место её рождения и прежней кипучей деятельности. Правда, главный юрист фирмы Денис, которому сразу же не понравилась претендентка на внешнего управляющего, робко заметил, что с переводом можем упустить время в арбитражном суде, но получил от неё успокаивающую, как таблетки от депрессии, информацию о том, что предварительно должен пройти ещё один суд — по поводу признания законности налоговой претензии, и значит, запас времени приличный.

Каково же было наше разочарование, когда мы узнали, что за неделю, пока фирма путешествовала, налоговая нас опередила, успела предложить суду своё агентство и вскоре утвердит своего управляющего. Следовательно, мы проиграли предликвидационную стадию, и возможно, что весьма крупно.

«Дешёвая» претендентка оказалось не очень грамотной и ошиблась уже на самом старте. Суд действительно должен признавать законность претензии, но это касается всех кредиторов, а отнюдь не налоговой инспекции. Кандидатка в управляющие от этой ошибки потеряла только очередной заказ, но зато у неё успела остаться наша частичная предоплата, мы же, как говорится, попали по-крупному. Кто теперь придёт по поручению налоговой, с какими планами связан, как глубоко намерен «копать»? В общем, сплошные вопросы и новое напряжение.

А здесь ещё и иркутская налоговая, и следственное управление, памятуя наше бегство, начали проявлять повышенный интерес — приятного мало. Успокаивает одно: что в любой момент можно погасить теперь уже не фантастическую, как первоначально, задолженность в два миллиона рублей, и наезд вроде бы должен прекратиться, но у нас всё бывает. Сэкономили… Кажется, теперь придётся платить как минимум в пять раз больше, чем составлял предполагаемый гонорар. Хотя шанс, что внешний управляющий окажется под стать нашей кандидатке и не сможет ничего зацепить или попросит только «позолотить ручку», сохраняется. Теперь уже торопиться с оплатой не будем, подождём, чтобы оценить уровень стараний нового «ревизора». Но фирму следует вернуть в место её предыдущей дислокации, подальше от помнящих её бегство чиновников. Закон, как ни странно, не запрещает перемещения и во время проверки.

И всё-таки, почему налоговая так быстро перехватила инициативу? Не навёл ли её ушедший из нашей команды финансист — бывший директор фирмы? Уж он-то точно знает квартирную тайну и, возможно, собирается с внешним управляющим устроить торг за молчание и спокойное банкротство. В противном случае если постараться, то можно выделить квартирный вопрос в отдельное дело, и тогда, пожалуй, прощай престижное и дорогое жильё в Питере.

Главный юрист фирмы Денис на сто процентов уверен, что высокая оперативность налоговой — проделка Анатолия. У меня же большие сомнения, всё-таки он был директором, и всё ворошить снова — вызывать огонь на себя. Может перепасть и ему. Тем более что он сам расписывался в получении средств за квартиру, а вот доказать, что они от него попали на расчётный счёт фирмы, ему будет весьма сложно. Правда, экспертиза подписанного им приходника запросто докажет, что сделан он не четыре-пять лет назад, а во время проверки. С одной стороны, такой документ ничтожен, но с другой — подпись директора

Анатолия подлинная, а на документе можно написать спасительное в данном случае волшебное слово «копия». И тогда неизвестно, какой оборот примет дело.

Оперативность налоговой может быть вызвана наиглупейшей рекомендацией кандидатки в управляющие по переброске якобы мёртвой фирмы в Иркутск. Думаю, что налоговая рассудила: раз фирма перемещается в другой регион, значит, она ещё дышит, за ней стоят конкретные люди, которые к тому же суетятся, беспокоятся, явно имея какие-то «ловленные карты», а следовательно, при желании можно рассчитывать и на два миллиона рублей недоимки, и на компенсацию затрат на внешнего управляющего. В общем, кажется, выдали суетой с переводом свои страхи и грехи.

Но вскоре оказалось, что не только налоговая «печётся» о нас. Недаром говорится, что беда не приходит одна. Едва мы переварили крупный проигрыш в соревновании с налоговиками за назначение управляющим «своего» человека, как неожиданно попадаем под пресс уже с другой стороны.

Из региона, где проходила налоговая проверка, явился «посол» в ранге майора управления по борьбе с экономическими преступлениями. С первого взгляда на него было видно, что представляет он как бы две ветви силовой власти, в том числе и неформальную. Об этом свидетельствовала и спортивная фигура, и короткая стрижка, и не особенно скрываемая толстенная золотая цепь, а главное, манера говорить с акцентом на «понятия».

Начал он с того, что разъяснил ещё не высказанный мной вопрос, почему он пожаловал именно ко мне, ведь директор за проверяемый период — Анатолий. Но Анатолий и живёт не по прописке, и работает уже неизвестно где, и фирм или значительных помещений, как и средств в банке, на нём нет.

Упоминание о средствах в банке особенно резануло слух. Буквально несколько месяцев, как банковская тайна, благодаря новым правилам, введённым в 2014 году, перестала быть тайной.

О моей заинтересованности в делах им также известно, поскольку при создании фирмы я был учредителем. Кроме того, я не раз звонил одному из крупных чиновников в их регионе и просил, чтобы приняли Анатолия. Они полагают, что Анатолий — либо мой родственник и я принимаю непосредственное участие в его делах, либо весьма заинтересованный крупный кредитор.

Далее он отметил, что у них горит план по налогам и вообще по формированию бюджета, поэтому каждый миллион рублей на счету, а два — тем более. Причём Анатолий клятвенно обещал тому самому крупному чиновнику, что доначисленная сумма

будет оплачена, если она не превысит двух миллионов. После чего нежданный гость поразил меня тем, что точно назвал процент наших издержек на взятку от первоначального штрафа. По его мнению, это чуть менее четырёх с половиной процентов, хотя «нормальной» является сумма до десяти процентов. Из названных процентов вытекало, что убэповец знает про благодарность проверяющему, но в размере не трёх, а только одного миллиона рублей!

Поскольку я уже давно подозревал, что деньги через Анатолия до адресата дошли не в полном объёме, то не смог удержаться, чтобы не спросить майора, известно ли ему о дополнительных издержках. Он, нисколько не лукавя и не стесняясь, сказал, что находится в доле со своим налоговым земляком.

Получилось, что два из трёх миллионов, скорей всего, присвоены Анатолием, возможно, в компании с Дрицем, хотя, может быть, и без последнего. С двумя миллионами в поездку он как раз уехал один, не позвав ни Дрица, ни даже охранника. Странно, как это обстоятельство сразу же не насторожило меня. И с меньшей суммой он никогда не ездил один. И это было настолько твёрдое правило, что я перед поездкой даже и не задал вопрос о сопровождающем. Дальнейшее известно. Это почти месячный пьяный кутёж после двухлетнего перерыва. Нежданно, по-видимому, привалило два миллиона — как тут удержаться от соблазна и не отметить крупный улов! Сознавать себя чрезвычайно умным и дерзким, наверно, приятно до опьянения… Ведь это он сам сторговался до сравнительно небольшой взятки в один миллион рублей, получив для этой цели три миллиона. При этом убеждая нас не участвовать в оплате официального долга, он, скорее всего, полагал, что экономит фирме эти два миллиона, которые твёрдо обещал заплатить в казну. В его понимании, обманул он только налоговика, которому, в общем-то, ничем не обязан, мол, грех невелик — сумму-то в половину официального штрафа тот всё-таки положил в карман, а значит, сам вор. Все по русской пословице: «Вор у вора дубинку украл».

Но сейчас обстоятельства поворачиваются по-другому. И два миллиона им украдены, и доначисления в этом же размере придётся платить. Если бы взятка была отдана в весьма немалом размере — три миллиона рублей, — то Анатолий наверняка поехал бы знакомой дорожкой к налоговику утрясать вопрос. А так — увы. Козырь силовика — не криминальные угрозы или намёки, а вполне официальная неглупая позиция, которой мы опасались с самого начала.

Они проанализировали все фирмы, имеющие к нам

отношение, по мелькавшим фамилиям директоров, учредителей и адресам регистрации, адресам одних и тех же магазинов и выявили несколько фирм со сходной «схемой оптимизации» налогов, причём директором в них был Анатолий. Всё это позволяет доказать умысел или, ещё круче, организацию преступного сообщества по уходу от налогов. Не факт, конечно, что дело по этому сценарию и статье удастся без команды «фас» свыше довести до суда, но нервов помотают изрядно. Заплатить два миллиона в бюджет и пятьсот тысяч сверху, которые предъявил посол за непорядочность Анатолия, дешевле и спокойней, но главным плательщиком, по-хорошему, должен быть Анатолий. Но как поведёт он себя — большой вопрос. Может и просто запить от переживаний и окончательно сломать свою молодую, но, увы, нечестную жизнь, а может и срок получить за умышленное банкротство и умышленное сокрытие налогов. Я же могу пойти по этому делу свидетелем.

Но при заинтересованности полиции свидетель может в одночасье превращаться в обвиняемого, а уж репутация-то наверняка изрядно пострадает. Недавний пример с олигархом Евтушенковым красноречиво свидетельствует о реальности такой метаморфозы.

Ох и чувствует моё сердце, что компенсировать украденное Анатолием придётся мне, чтобы не испытывать свою судьбу и попутно его. Может быть, со временем он и отдаст этот долг, хотя не исключено, что Анатолий осознает всю серьёзность ситуации и самостоятельно возместит украденное, остановив, пока не поздно, плохо прогнозируемые полицейские действия.

Трудно было начинать бизнес, но не легче, как показывает первый опыт, и выходить из него. Полностью передоверять его ведение доморощенным директорам, очевидно, нельзя.

В предкризисное время, плавно перешедшее в кризис 2015 года, срежиссированный «друзьями» России и спровоцированный событиями на Украине, желающих приобрести хотя бы часть дела не видно.

Выход из бизнеса или ликвидация одного из крупных направлений деятельности — это отдельная непростая тема, которой, возможно, не избежать.

Глава 3
Тернии и награды

Обидные для депутатов награды

Параллельно с небыстрой налоговой проверкой тянулось рассмотрение вопроса о награждении меня орденом или медалью, причём не местного, а уже правительственного уровня. И это только добавляло остроты переживаний. Достаточно выплеснуться огромной цифре «недоплаты», пусть и предварительной, за пределы двухсторонних отношений с налоговой, как этот факт тут же начнут муссировать недоброжелатели, и тогда не только награды не получить, но и уладить вопрос по акту проверки будет много сложнее. В общем, ещё раз перекрестился, что никуда не собираюсь избираться, а значит, и некому особенно охотиться за компроматом.

Но вначале, как и положено, лет за пять до медали или ордена, была грамота губернатора. Затем высоко оценили и отметили знаком «За заслуги перед Иркутской областью» (местным «орденом») не только меценатскую и культурно-просветительскую деятельность, но и участие в не очень понятном для меня объединении Усть-Ордынского Бурятского автономного округа с Иркутской областью.

Стратегический замысел такого объединения у президентской администрации наверняка имелся. Меньше автономий — слабее деструктивные силы. Вдруг когда-нибудь Республика Бурятия заговорит об отделении. Она хотя бы находится на границе с Монголией, а вот Бурятский округ — в сердцевине российской территории.

Кстати, при Сталине у Бурятии было другое название — Бурят-Монгольская автономная республика. Аналогично и у Карелии — Карело-Финская Советская Социалистическая Республика. Вторые слова в названиях обозначали, по-моему, как бы возможный вектор развития империи с присоединением всё новых и новых территорий. Теперь же, увы, приходится заботиться об обратном. Нет у нас былой экономической, а главное, притягательной идеологической мощи. О справедливости, равенстве и братстве теперь забыли, как и забыт яркий коммунистический лозунг: «Всё для блага человека, для счастья человека».

Правда, этот лозунг начали уничижать ещё при Брежневе с помощью подмётного идеологического оружия — анекдотов. Например, такого: «Чукча — делегат съезда КПСС — вернулся из Москвы и рассказывает: «Однако, много хорошего слышал: Всё для человека! Всё для блага человека! Всё для счастья человека!!! И человека того чукча видел…»

С помощью анекдотов и разрушили немало лозунгов, и перечеркнули немало героев. Про одного только легендарного комдива Чапаева анекдотов ходило десятки, если не сотни. Интересно всё же, кто так целенаправленно разрабатывал это идеологическое оружие? Убеждён, что анекдоты — не плод народного творчества.

Сейчас поток политических анекдотов не то чтобы совсем иссяк, но переместился из сферы живого общения в виртуальную: так в Интернете любой шаг Путина или Медведева сопровождается анекдотами-комментариями, но их идеологический градус намного ниже, а той изюминки, что была свойственна антисоветским аналогам, практически не стало. Например, фраза: «Медведев уверен, что открытие Америки в 1492 году Колумбом было спецпроектом ЦРУ» — наводит на мысль, что данную статью расходов в ЦРУ или в другом «дружественном» ведомстве подсократили, и анекдоты стали скучнее. Место остроумных разрушителей, сделавших своё дело, заняли бесчисленные смехачи, у которых задача уже попроще — не борьба с идеологией, которая напрочь отсутствует, а элементарное отупление народа через самую примитивную «ржачку». Если за распространение «запрещённых» анекдотов могли и в тюрьму посадить, то сегодняшняя телевизионная диверсия по уничтожению остатков народного духа осуществляется совершенно открыто. Противостоять этому процессу можно только настоящим искусством, и в первую очередь русской поэзией.

Кроме денег в культурно-просветительскую деятельность, в отличие от многих меценатов, я вкладывал ещё и душу, сам выступая на музыкально-поэтических встречах, открывая мемориальные доски и художественные выставки. Раньше рядом со мной почти всегда был друг, родственник и сподвижник Геннадий Гайда. Его духовный вклад в копилку общих дел неоценим. Но сам он, увы, рано ушёл из жизни, не успев получить какого-либо знака официального признания его неоспоримых заслуг на культурном олимпе родного города.

А началось всё с того, что я собрал и выпустил книгу любимых стихов «На троне из туч», причём многие стихи я знал наизусть. Вскоре состоялась смелая, я бы даже сказал, чересчур смелая презентация сборника на сцене Иркутской областной филармонии.

Выручил в этом сверхсамоуверенном шаге всё тот же Гайда. Он — опытный и профессиональный организатор множества поэтических вечеров — не постеснялся выйти со мной на сцену и мастерски прочесть немало стихов из презентуемой книги, а

главное, настоял на музыкальной составляющей вечера, найдя юного виртуозного балалаечника и пригласив известного гитариста.

Снисходительно он отнёсся и к моей мелодекламации под гитару поэзии Вертинского, которым я страстно болел в ту пору. Слуха у меня, правда, маловато не только для пения, но и для данного жанра, но я компенсировал этот недостаток, как говорил Леонид Утёсов, сердцем, и выступление состоялось. Первое отделение я закончил эффектно — жутковатой поэмой «Ленора» автора XVII века Готфрида Бюргера, без света, при свечах и… со второго отделения никто из слушателей не ушёл. Они были буквально заворожены бешеной скачкой героя баллады и его любимой между загробным и этим миром:

…И свистнул бич, и, гоп-гоп-гоп,
Уже гремит лихой галоп.
И конь, как буря, дышит,
Вкруг дым и пламень пышет.
И справа, слева, сквозь кусты,
Гей, гоп! неуловимо
Летят луга, поля, мосты,
Гремя, несутся мимо.
«Луна ярка, не бойся тьмы,
Домчимся раньше мёртвых мы.
Дорога мне знакома,
Мы скоро будем дома».

По завершении мероприятия было море цветов, а потом мы, уставшие, но счастливые, снимали с Геной напряжение в собственном ресторане.

Так и хочется сказать, что, утонув в море цветов, назавтра я проснулся знаменитым. Но аншлаг обеспечили многочисленные приятели и приятельницы, а также сотрудники фирмы и городские ветераны. Можно, наверное, не добавлять, что подавляющее большинство билетов было распространено бесплатно. Понравилось почти всем.

Правда, спустя лет десять одна строгая (во всяком случае, по отношению ко мне) ценительница искусства поблагодарила меня «теперь уже за профессиональное» выступление; а потом напомнила: «Бедная сцена филармонии вынуждена была когда-то терпеть твою подачу Вертинского».

Скептических ухмылок в то первое выступление промелькнуло всего несколько, и относились они явно к плохому владению микрофоном. На большинство зрителей произвело

впечатление, что предприниматель знает такое огромное количество душевных стихов, да ещё и ни разу не сбился за весь вечер.

До этого я выходил на сцену в начальной школе с не очень удачной песней «Юный барабанщик», но, как и её герой, тоже «допеть до конца не успел». Барабанщик сражён был пулей, а я — хлопком отборочной комиссии. Причём отбор был не в театральную студию. Потом, ближе к старшим классам, доводилось мне, правда, участвовать в школьных конкурсах чтецов. В общем, багаж невелик.

Так что выход на театральную сцену — поступок был очень смелый, а логика его была арифметической и не очень уместной в данном случае. Нравится друзьям и подругам, почему же не понравится, когда их будет целый зал? Ведь стихи точно добротные — душевная классика от Серебряного века (правда, в ту пору почему-то без А. Ахматовой) до Н. Заболоцкого, Е. Евтушенко, А. Кушнера, С. Куняева и других.

Но самый главный результат нашего «триумфа» — выступление понравилось нам самим. Хотя утром перед презентацией я почти жалел, что сам себе подарил стресс, всё-таки сцена не скамейка и не стол с друзьями. И с утра меня, как перед серьёзным институтским экзаменом, даже подташнивало слегка.

Вдохновлённые успехом, мы с Геной приняли судьбоносное решение: продолжить презентацию книги в различных коллективах — от вузов и школ до лагерей с заключёнными.

С этого смелого шага, пожалуй, и началось моё восхождение на культурный олимп, пусть и местного значения. Многочисленные музыкально-поэтические встречи распалили страсть к собственному сочинительству, крепко схватившую меня на добрый десяток лет и породившую не один сборник из более чем четырёх сотен стихотворений. В каждое стихотворение выплеснута частица моего внутреннего мира и моей эпохи.

Кстати, название сборника моих любимых стихов и поэм предложила пятилетняя в ту пору дочь. Нередко я декламировал вслух, а её живой «компьютер» возьми да и выбери из копилочки запомненных стихов, строф и отдельных строк этот, приобретший во главе книги всеобъемлющий смысл, образ Николая Заболоцкого: «На троне из туч».

Эту удивительную находку дочери, присвоившей сборнику точное философское название, я не мог не отметить посвящённым ей стихотворением. Вот отрывок из него:

…Ребёнок придумал название книги.

Я дочь в сад поэзии издавна брал.
Отбросил я поиск, как будто вериги:
«На троне из туч», — нежный голос сказал…

Каких бы высот мы, гордясь, ни достигли,
Какой ни надели б к финалу наряд,
Над бездной на троны нас всех рассадили,
С них в землю летим мы нежданно, как град.

В ту пору мы давали каждый месяц два-три концерта, а иногда четыре-пять. Обычно разбавлял насыщенные поэзией встречи замечательный гитарист Александр Сага.

К каждому выступлению Геннадий Гайда относился, как к бою на фронте русского языка и культуры. Ещё лет десять назад он был твёрдо уверен, что третья мировая война уже в самом разгаре и вершится она на главном фронте — духовном. Иногда мне приходилось смягчать его бойцовскую ярость в адрес бездействующей во всём, что касается культуры, власти и сдерживать «наезды» на равнодушие народа, к коим часто несправедливо относилась и публика, которая уже вырвалась из разрушительной рутины, придя хотя бы на встречу с нами.

Поэт
Г. Гайде
I
Почуяв ужас третьей мировой,
Без санкции Кремля вступил он в бой.
Поэт узрел, как мастерски при Буше
Жмёт доллар Русь, уничтожая души.
Экранов полчища нацелены в детей,
И вся страна, как будто без властей,
Шлёт деньги тем, кто думает о нас
Всей жуткой мощью смертоносных баз.

II
Поэт не прячет ни души, ни тела,
За русский слог он в бой вступает смело
И словом, как суворовским штыком,
Умело бьёт. Аж бес скрипит клыком.
Или грозой, без плоти, без болезней,
Взрывает зал и оживляет песней.
Взвод ангелов для нас его сберёг,
Чтоб в глушь сердец он достучаться мог.
И воскресал от Слова в каждом Бог.

Но его напористость с лихвой компенсировалась глубиной и художественностью речи, а также потрясающим умением читать стихи. Приходилось и мне подтягиваться. Вскоре мне аплодировали, пожалуй, не хуже, чем ему. Уроки, преподанные Геннадием по ходу выступления, шли явно впрок, даже по его строгой шкале оценок. Ни одно выступление не обходилось без «разбора полётов» — находил у меня либо оговорки по тексту, либо неправильно произнесённое слово. Всё это он подмечал и педантично записывал, а я внимал, как провинившийся студент. Не без его активного участия начал я плодотворную работу не только на поэтическом поприще, но и с иркутской живописью. Вместе мы болели идеей воссоздания памятника Александру III. Вместе занимались поиском скульптора для осуществления задумки по украшению города первым после революции памятником, сооружённым на частные деньги. Это всем известный памятник Александру Вампилову. Десятки мемориальных досок купцам и писателям, помощь храмам — это тоже плод нашего сотрудничества. Геннадий был вторым человеком после деда Андрея Фёдоровича Миронова, кто не давал дремать правому полушарию, заставляя его плодотворно трудиться в сфере образов и эмоций.

Признание
Славил рыцарь честь и шпагу…
Геннадий Гайда

Как рыцарь славил честь и шпагу,
Он слово русское берёг,
Как будто в детстве дал присягу
И словоблудию бумагу
Не сдал в пожизненный оброк.

Он громкой славы не стяжал,
Не в моде ныне честь и лира.
Но словом острым, как кинжал,
Пронзал он пошлость, и дрожал
Слуга сбесившегося мира.

Я поначалу сам гонцом
Врывался в царские палаты.
Был легковерным я юнцом,
Но он духовным стал отцом,
Мне отковав кинжал и латы.

Но вернёмся к объединению Усть-Ордынского автономного округа и Иркутской области.

Наша миссия была в работе с населением посредством великого русского поэтического Слова. Кроме этого несколько раз за Словом следовало и наше угощение, в основном пиццами и пивом собственного производства. Характерно, что у бурят в сёлах культура существенно выше, чем у нас. Несколько раз концерт затягивался из-за ответов на вопросы. И мы призывали тех, кто устал, пойти покурить и выпить пивка. Народу выходило немного — и, что интересно, никто не прикасался ни к еде, ни к пиву, пока не подтягивались к столам все оставшиеся. В русских сёлах наоборот — многие норовили покинуть зал пораньше, чтобы приложиться к пиву, не дожидаясь остальных односельчан. И поэзию слушал бурятский народ внимательней, и слёзы наворачивались у многих на глаза, когда звучало, например, блистательное стихотворение Юрия Кузнецова «Отцу»:

Что на могиле мне твоей сказать?
Что не имел ты права умирать?

Оставил нас одних на целом свете,
Взгляни на мать — она сплошной рубец.

Такая рана — видит даже ветер!
На эту боль нет старости, отец.

На вдовьем ложе памятью скорбя,
Она детей просила у тебя.

Подобно вспышкам на далёких тучах,
Дарила миру призраков летучих –
Сестёр и братьев, выросших в мозгу…
Кому об этом рассказать смогу?

Мне у могилы не просить участья.
Чего мне ждать?..
Летит за годом год.
— Отец! — кричу. — Ты не принёс нам счастья!..
Мать в ужасе мне закрывает рот.

Интересно, что в вузах с большим интересом внимают поэтическому слову не филологи и уже тем более не журналисты,

а медики, где, кстати, тоже немало молодёжи восточных кровей.

Далее мы узнали и другие национальные особенности. У бурят практически нет брошенных детей и беспризорников. Чтят они и национальные праздники, у многих на этот случай есть и соответствующие одеяния. А у кого из наших людей есть русская национальная одежда? Только у актёров в запасниках. Таится ещё, слава Богу, бурятский национальный дух и в их родном языке. Именно оттуда он и выплёскивается наружу, сберегая традиции. Жаль только, что на глазах тает количество носителей языка. Боюсь, что с объединением процесс угасания их культурной самобытности и языка пойдёт ещё активнее.

Совсем недавно, лет через пять после объединения, были мы снова в Усть-Орде, и… народ на выступление собрался очень плохо. Может быть, потому, что клуб на ремонте, а может, как вещал Горбачёв, «процесс пошёл». Он, правда, не уточнял — куда пошёл. Оказалось, к культурно-национальной деградации:

Мы с вожделением грызём,
Как в басне, корни у культуры.
Могуч был дуб, но мы дожмём –
Крылов писал свинью с натуры.
Поэтов русских наизусть
Учили в годы коммунизма,
А нынче, вынув душу, Русь
Хоронят слуги глобализма.
Несут покойную, и вдруг
Дурак плясать на гроб взобрался.
Все в пляс пошли — за кругом круг…
В живых один из ста остался.

Неслучайно немалая часть бурятской интеллигенции не ожидала ничего хорошего от объединения и была категорически против. Столица Бурятии Улан-Удэ накануне объединения буквально бурлила. Убеждать интеллигенцию было даже рискованно. Один православный батюшка за усердие в этом вопросе, с подачи влиятельных местных чиновников, поплатился даже саном, который ему, правда, вернули через несколько лет, но моральные и карьерные издержки оказались немалые.

Этот батюшка был, пожалуй, самый эрудированный и боевой среди своих собратьев. Он множество раз бывал в Чечне и, по слухам, должен был стать главным священником Российской армии. Но не защитило его высокое светское начальство, включая губернатора Иркутской области и одного могущественного министра российского уровня, которые, собственно, и просили

оказать всемерную помощь в объединительном процессе. Обжёгшись на капризе церкви по поводу уже согласованной кандидатуры, не стали вводить в армии и эту должность.

Моё участие в выполнении правительственного задания было намного скромнее. В столицу Бурятии нас не послали, и всё обошлось без преследований, и, даже наоборот, вместе с просветительской и меценатской деятельностью было отмечено, как я уже говорил, высокой наградой — знаком «За заслуги перед Иркутской областью».

Вручённая мне награда имеет ещё и денежный эквивалент в виде заметной ежемесячной доплаты к пенсии. Это, что ни говори, подчёркивает её значимость, близкую к высшей местной награде — к званию почётного гражданина.

Можно, конечно, задать ехидный вопрос, не ради ли награды я участвовал в процессе объединения, возможно, губительного сегодня для культуры автономии. Нет и ещё раз нет. Награду я не ждал да и объединяться особенно не призывал. А вот показать вершины русской поэзии, когда знаешь, что тебя ждут хоть и административно организованные, но всё же полные залы, от ста до пятисот человек, я считал своим долгом.

Со стихами и музыкой проводил я и свои избирательные кампании. И пусть оба раза занимал только второе место, но зато не врал, не сулил несбыточного и боролся поэтическим словом за настоящую русскую культуру, а заодно и за, увы, покрытые лихом равнодушия души избирателей.

Особенно отличились подлостью многие выборные активисты, получавшие деньги у меня и у моих соперников, а также приглашённые из других городов жуликоватые политтехнологи со своими безумно дорогими, но совершенно непрофессиональными штабами. Во всяком случае, штаб из шести человек, нанятый мной в 2009 году аж за пять миллионов рублей, через пару недель пришлось гнать, но обещанный возврат хотя бы части 50 % предоплаты от московского господина Маркелкина, поставляющего явный брак, так и не получил. В общем, недёшево поплатился за глупость участия против своих убеждений в выборном фарсе.

Величина затрат у большинства кандидатов колебалась тогда от 10 до 20 миллионов рублей, а место в списке партий стоило до одного миллиона долларов. Благо что и во время предвыборной кампании я активно продолжал просветительскую деятельность. Всегда на моих выступлениях звучали стихи, а нередко и музыка.

Спустя год-полтора после областной я получил и первую в своей жизни скромную правительственную награду — Почётную грамоту Министерства культуры РФ. На слух вроде не велика

награда, всё же не орден и даже не медаль, но льготу дает не меньшую. Грамоты достаточно, чтобы обеспечить звание «Ветеран труда», а вместе с ним некоторые материальные льготы, например по коммунальным затратам.

Правда, мог я получить правительственную награду ещё лет так 40 назад, из рук генерального секретаря ЦК КПСС (по-современному — президента) Л. И. Брежнева, да ещё в Кремле, где в 1971 году собрали слёт студентов-отличников. К тому времени я уже два года был ленинским стипендиатом. Но в последний момент командировали на съезд другого. Стаж отличника у него был меньше и общественная работа «пожиже». Но! Фамилия русская, и родители — рабочие, а не главный врач и директор, как у меня.

Участников съезда отличников не только наградил «дорогой Леонид Ильич», но и распорядился, чтобы всех приняли в коммунистическую партию. Легко вступать в партию в то время было только рабочим и крестьянам, но как раз они сильно не рвались, так как на их «карьеру» этот шаг мало влиял, а взносы будь добр плати. Хотя партийность и обеспечивала некоторую небескорыстную близость к администрации, а значит, повыгодней работу, поновей оборудование, а для водителей — получше автомобиль. На остальных, в том числе на преподавателей и студентов, были установлены квоты, изрядно затрудняющие вступление. Но под этот высочайший призыв генерального секретаря приняли и меня — студента третьего курса.

Кто-то скажет, что это карьеризм. Возможно. Но участвовать в обсуждении взрослых вопросов жизни факультета и института на партийных собраниях и конференциях мне, двадцатилетнему парню, было весьма полезно и интересно.

Тогда я приобрёл и первый дипломатический опыт. Уличил одного старого доцента во лжи прямо на собрании, за что вскоре был им отблагодарён первой четвёркой, не совместимой с Ленинской стипендией.

После скандала по поводу сведения счётов подобным образом и немалой нервотрёпки — разрешили мне сделать новый курсовой проект и пересдать зачёт. Как здесь было не усвоить пословицу: «Слово — серебро, а молчание — золото», — особенно когда силы неравные и нет шансов победить. Да и вопрос к тому же был не очень принципиальный.

С тех пор, как пишут в романах, прошло много лет. К награждению правительственной грамотой представило меня областное министерство культуры. Сколько бы времени гуляли документы и какова оказалась бы их судьба — неизвестно. Но, в отличие от студенчества, теперь помог счастливый, тоже

дипломатический, случай, но со знаком плюс. Сам министр культуры России как раз в это время пожаловал в Иркутск.

На собрании интеллигенции, куда был приглашён и я, разговор пошёл по напряжённому руслу. Писатели наседали с критикой антирусских передач канала «Культура» и их вдохновителя, заместителя министра Швыдкого. Директора театров ругали министерство и всех на свете за бедность и бытовую неустроенность артистов. Я, будучи в своё время и сам госруководителем, сидел и сочувствовал министру, который совсем недавно заступил на пост и отдувался «в гостях» за чужие грехи.

Да и кто бы из критикующих ни был на его месте — не изменилось бы ровным счётом ничего. Политика, в том числе и антикультурная, делается в очень далёких от него коридорах. Думаю, что ближе к заморскому Овальному кабинету, чем к нашим послушным министерствам, забывшим, что основная нация в России всё же русские. По этому поводу ещё одна цитата из Николая Зиновьева:

> В степи, покрытой пылью бренной,
> Сидел и плакал человек.
> А мимо шёл Творец Вселенной.
> Остановившись, Он изрек:
> «Я друг униженных и бедных,
> Я всех убогих берегу,
> Я знаю много слов заветных.
> Я есмь твой Бог. Я всё могу.
> Меня печалит вид твой грустный,
> Какой бедою ты тесним?!»
> И человек сказал: «Я — русский»,
> И Бог заплакал вместе с ним.

Поэтому я нисколько не покривил душой, рассудив, что и министр живой человек, а возможно, и православный, когда доброжелательно выступил и смягчил обстановку, да ещё подарил ему, бедолаге, картину с видом Иркутска. О награде в тот момент я не думал, но грамота из министерства вскоре была подписана и пришла в иркутское министерство культуры. Не знаю, совпадение это или нет.

Непросто продвигалась и другая награда, «запущенная» через пару лет во властные коридоры.

К 350-летию Иркутска начальство, как принято перед большими праздниками, огляделось, кого бы наградить помимо бюджетников. За достижение в бизнесе, организуй хоть тысячи

рабочих мест, в России, к сожалению, не награждают. Да и по большинству фирм, замаскированных подставными учредителями и директорами, не всегда поймёшь, кто хозяин и каковы истинные масштабы бизнеса.

Меценатскую же деятельность иногда отмечают и на самом верху. Как-то раз я был даже удостоен чести побывать в Георгиевском зале Кремля на обеде у самого президента. Правда, вдохновляющих речей или хотя бы патриотических выступлений там не было. Всё прошло серо и обыденно. Не пригласили российских меценатов после завершения обеда ни в театр, ни в концертный зал, как делалось при коммунистах, если с народом встречался генеральный секретарь. Стоило ли лететь из Сибири, чтобы просто пообедать и посидеть за одним столом, наряду с заслуженными людьми, с охранником чеченской национальности. Он, по-видимому, не случайно сидел рядом со мной, так как среди депутатов Госдумы, олигархов, нескольких королей эстрады (И. Кобзон и др.) я был чужой.

Хотя всё-таки факт внимания первого лица к меценатам налицо. Но как же сильно не совпадает моё впечатление о встрече в Кремле с впечатлением моего отца от встречи с членом Президиума ЦК КПСС Л. М. Кагановичем, приезжавшим в Иркутскую область в должности министра промышленности строительных материалов. Его выступление было настолько энергетически сильным и вдохновляющим, что, как рассказывал отец, не только труд или сбережения, жизнь хотелось не задумываясь отдать на благо родного Отечества.

Другие времена, другие нравы, а может быть, и цели.

Словом, к 350-летию города вспомнили и областные начальники, а может, Дриц напомнил, мои немалые деяния в области культуры. В результате предложили мне подготовить ворох документов на награждение. Оказалось, это очень непросто. Коль называешься бизнесменом, то показывай не только меценатские заслуги, но и результаты бизнеса. В тот момент фирма была раздроблена на ряд предприятий — для упрощённой бухгалтерской отчётности и оптимизации налогов. Чем-то помаленьку начал руководить взрослый сын, что-то с давних времён оставалось на моей маме, когда-то вложившей по моей просьбе средства от проданных «Жигулей». Часть бизнеса была отдана как бы в аренду повзрослевшим воспитанникам, выходцам из фирмы.

В общем, мою официальную часть можно было показать скромно до неудобства. Но и награждали-то вроде бы не за бизнес, а за меценатство. С другой стороны, по логике, откуда тогда немалые меценатские деньги? Не кончилось бы

награждение углублением налоговой проверки, не дай Бог. Где грань между оптимизацией налогов и налоговым преступлением? Нет её. Всё в воле проверяющих и особенно заказчиков проверки.

Хотя по доходам и тратам на меценатство я легко мог оправдаться, показав выручку от проданных объектов недвижимости, соизмеримую, наверное, со стоимостью храма. Но такой графы в документах не было. А потому многочисленные балансы могли вызвать как минимум недоумение.

Может быть, именно по этой причине документы застряли у губернатора в приёмной или на столе. Прошёл и месяц, и два, и три. Неужели кто-то подверг их беспристрастному анализу? Вдруг их пристально изучают налоговики, а ещё хуже, отдел по борьбе с экономическими преступлениями? Но приближенные к трону кивали на губернатора и только на него. Его же спросить об этом и трудно, и неудобно. Дистанция слишком велика.

Но и здесь Дриц нашёл выход. Жена губернатора Евгения Евгеньевна Фролова всерьёз участвовала в культурной жизни города, присутствовала на открытии мемориальной доски адмиралу Геннадию Невельскому, была на многих организованных в нашей галерее выставках иркутских художников, даже нередко приобретала картины для дома и на подарки московскому начальству. Интересовалась эта обаятельная и просвещённая женщина и восстановлением храмов. Знала и о нашей немалой помощи в этом направлении. Она одна из немногих, кто действительно высоко ценил мой вклад в культуру города, и была в курсе наградных дел к юбилею. Информация о долгой задержке её искренне удивила, и вскоре она выяснила, что документы к губернатору просто не поступали. Кто-то из «доброжелателей», скорее всего, депутатов, уговорил клерков положить документы в дальний ящик отлежаться, авось потихоньку забудется. С их точки зрения, награждение активного участника депутатских выборов, выступающего против рвущихся к бюджетной кормушке кандидатов партии власти, как минимум несправедливо. Кроме того, у депутатов, в том числе и почти кадровых, нет правительственных наград, а тут какой-то бизнесмен, и на тебе — медаль или, ещё хуже, орден.

На следующих выборах президентская награда, что ни говори, дополнительный козырь. В общем, было ради чего подсуетиться недоброжелателям. И только теперь, после разноса самим губернатором клерков наградного отдела, документы попали на подпись и поехали в столицу. Там чиновники, изучив дело, по дружбе дали совет произвести меня в советники губернатора по культуре, чтобы вообще не делать упор на бизнес. Не та, с их точки зрения, деятельность, за которую следует

награждать.

Так я стал советником. Правда, за советами ко мне в основном обращалась жена губернатора, к слову сказать, истинная аристократка если не в дореволюционном смысле этого высочайшего слова, то уж в современном — наверняка. Прадед у неё был ректором МГУ в 40-х годах, а прабабушка, доктор филологических наук, возглавляла когда-то всесоюзный журнал «Русский язык в школе», сама она, несмотря на молодой возраст, уже не только доктор юридических наук, но и действительный член Российской академии естественных наук по гуманитарному профилю.

После подписания постановления о награждении меня медалью ордена «За заслуги перед Отечеством II степени» как раз подоспели и выборы, но не чьи-то, а самого президента Российской Федерации.

Через президентские выборы — к награде

Наш губернатор был выдвинут альтернативным кандидатом в президенты России, но, как объяснили понимающие в высокой политике люди, техническим, то есть на случай, если снимутся все фактические соперники. Альтернатива должна оставаться до завершения выборов. Но каких только случайностей не бывает! А вдруг что-то случится с главным кандидатом или он неожиданно решит поменять свою сверхбеспокойную жизнь и технический кандидат превратится в настоящего? Вот уж будет для него зигзаг удачи и зигзаг в истории России. Мэра, Виктора Ивановича Кондрашова, почти случайно прошедшего благодаря снятию основного кандидата, мы как раз недавно выбрали и, в общем-то, не жалеем. Тем более что его обаятельная спутница жизни Марина Александровна тоже весьма неравнодушна к искусству и ведёт в этом плане огромную работу.

Губернатор за короткий срок продемонстрировал широкий размах. Он заметно оздоровил финансы области и восстановил или, точнее, воссоздал из недавних развалюх огромный деревянный квартал в самом сердце Иркутска, прозванный в народе губернаторской слободой. А недавно открыл дом прославленного больше, чем космонавты, нашего земляка пианиста Дениса Мацуева. Может быть, он разрастётся до уровня Дворца музыки, о котором мечтает первая леди области и, наверно, сам губернатор.

В канун Нового года родилось у меня даже стихотворение по случаю, что бывает не часто, посвящённое губернатору Дмитрию Фёдоровичу Мезенцеву к предстоящим выборам:

Пусть юбилейный наш Иркутск
Красою радует вас дерзкой
И согревает луч искусств,
Спасая в гонке президентской.

Рояль Мацуева звучит
Над вечно вашей слободою,
Пусть музыка всегда летит
За вашей звёздною судьбою.

Пусть рода знатного жена
От вас все тучи отгоняет
И, как красавица княжна,
Царём стать русским вдохновляет.

И мы не будем пасовать,
А дружным строем, правда, тайно
Придём за вас голосовать,
Рулетка — жизнь, в ней всё случайно.

Прочитал я его в той самой слободе, где у моего друга Юрия Коренева, известного пивовара, заработал первый из множества ресторанов, и губернатор с супругой решили в нём встретить Новый год. Так я оказался в одной компании с первыми лицами области, да ещё и в такой значительный праздник. Моё сюрпризное стихотворение главными персонажами было встречено весьма благосклонно.

Но «метафизического» подарка оказалось мало, и вскоре ко мне из областной администрации настоятельно обратились с просьбой поучаствовать в президентских выборах материально. Свита, наверняка без ведома губернатора, сочла, что за всё, в том числе за награду, обязательно нужно платить. Хотя никаких договорённостей и даже намёков на этот счёт не было и близко. Я полагал, что оплатил награду с лихвой меценатскими миллионами и собственной просветительской работой. Приезжие же чиновники, по слухам, наживались на всём, на чём можно.

Но вскоре кандидатура нашего областного начальника была снята, и, хотя денег я не внёс, от меня отстали. А следом неожиданно назначили и нового губернатора, так что денежки на выборы, если б не устоял, пропали бы даром.

Интересно, что переназначить на очередной пост действующего губернатора в ту пору забыли. Длилась эта унизительная полоса в жизни недавнего дублёра президента и его жены несколько непонятных для меня и чёрных для них месяцев. Уходить с высокой должности в никуда, думаю, очень не сладко и, в общем-то, весьма унизительно.

Позже справедливость восторжествовала, и губернатор, оставивший весьма зримый след в преобразовании городской среды, получил назначение на должность генерального секретаря Шанхайской организации сотрудничества.

В одночасье смело и командированных из Москвы помощников-заместителей, беззастенчиво просящих деньги под маркой выборов, наверняка обеспеченных финансами на все 100 %. Не зря пресса и уголовная хроника пестрят делами по всевозможным откатам везде, где только можно, особенно по строительным подрядам, закупу оборудования, назначению на хлебные должности, за иностранных рабочих и т. д.

«Неоплаченная» высокая награда была вручена мне уже из рук нового губернатора, Сергея Владимировича Ерощенко, не понаслышке знающего Иркутскую область, всё же земляк. Значит, скорее всего, и пришёл надолго, и не будет за ним длинного шлейфа залётных заместителей и прочих «князей»-каналий, а с местными и мы не будем чувствовать себя порой иммигрантами в родном доме.

В канун следующих выборов, но уже не президентских, а в областное Законодательное собрание, меня наградили самой весомой из всех возможных наград — званием почётного гражданина родного города. И дело, конечно, не в очень солидной доплате к пенсии, что, как ни странно, весьма приятно даже и мне, а в том, что это хоть и не единогласная (зависть никуда не девается), но всё же высокая оценка именно горожанами, мэрией, депутатами и самими почётными гражданами моей деятельности.

Городская награда также обошлась без финансовой благодарности. Попросили, правда, не портить пасьянс кандидатов в областные депутаты, учитывая мой опыт борьбы, с уверенным вторым местом, и высокий рейтинг в городской среде.

Да я и не особенно рвался. Стыдно смотреть избирателям в глаза. Жизнь простых людей — а голосуют в основном они, замороченные выборными технологиями, — нисколько не улучшается, а в чём-то откатывается назад. Правда, мой хороший приятель, имеющий отношение к СМИ, поднял вокруг меня не согласованный со мной информационный шум; авось его изданию, ему, а может быть, и мне, предложат деньги, чтобы поутих в раскрутке возможного кандидата от неправительственной партии. Так я стал казаться опасным конкурентом для серьёзных претендентов. Высокое звание обещали мне присвоить уже года два, но получил я его в канун выборов. Наверно, шум вокруг меня до какой-то степени ускорил дело. Просьба не выдвигаться в депутаты всё же была.

Особенно рад общественному признанию мой отец — орденоносный бывший директор старой закалки. Успела порадоваться и мама перед самым уходом в иные миры. Приятно, конечно, и мне самому, и детям. Так что не только жуткие проверки и возможное для каждого предпринимателя лязганье тюремных ключей бьёт по душе, но иногда льётся и тонкая музыка серебряных колокольчиков высокого признания.

Считаю, что награды местных меценатов весьма важны и для развития культуры, и для всех бизнесменов, и для немалого числа не очень любимых иркутской церковью и отдельными писателями носителей нерусских, особенно еврейских, фамилий.

Мой пример говорит, что и у предпринимателей-меценатов сегодня есть шанс высокого общественного признания, как это, собственно, и было в дореволюционную пору.

Только развитие малого и среднего бизнеса, не паразитирующего на ресурсах, а также восстановление культурной среды способно поднять Россию с колен:

Пенье скрипки и всплески рояля,
Словно в стужу дыханье весны,
От Москвы и до замков Версаля
Душит грохот и вой сатаны.

Светлый звон рукотворного свода
Электронный дурман разметал,
Сатаны зашаталась свобода,
Но по душам он всласть поскакал.

С кумачом на ворованной тройке
Век коварный кружил седоков
И кровавым серпом перестройки
Раскроил достоянье веков.

В песни спряталась память народа…
Словом царственным выгоним страх,
И в лучах православных свобода
Лёд растопит в озябших сердцах!

…Или канет Россия в веках?

Дивиденды с высокого звания

Впервые в ранге почётного гражданина почти через год после присвоения звания я решил сходить на расширенное заседание городской думы. Приглашали меня уже много раз, но не хотелось отдавать формальностям размеренное время неторопливого утреннего ритуала с зарядкой, а порой с домашней сауной и с немалым походом по полевым прибрежным дорогам вдоль Иркутского водохранилища — под щебетание птиц, в компании просыпающегося солнца и толпящихся в голове поэтических строчек и мыслей, рвущихся на встречу с чистыми листами, нетерпеливо ждущими дружеского откровения. А иначе зачем бедные деревья переносили адские мучения, превращаясь из живого, неугомонно шумящего леса в чистенькую и беленькую, но всё же как бы не совсем живую по нашим понятиям бумагу. В общем, до поездки на работу стараюсь выплеснуть на чистый лист утренний улов мыслей и строф, как в стихотворении «Муза»:

Не брани ни всерьёз, ни слегка,
Что один я по полю шатаюсь
Или в бане под свист сквозняка
От тебя и друзей запираюсь.
С неземною я девой дружу –
Она входит без стука, нагая,
Ею я, как мечтой, дорожу,
Про любовь только ей расскажу…
Но она — это ж ты, дорогая!

Очень часто, когда встаёт дилемма, пойти ли с утра в качестве гостя на заседание думы или на заседание Совета почётных граждан, на деловую утреннюю встречу или провести утро в размеренном спортивном, да ещё и в творческом режиме, выбираю второе.

Но сегодня особый случай. Всё же заседание юбилейное, и пригласили меня не дамы из Совета почётных граждан, как обычно, а сам председатель думы — Александр Казакович Ханхалаев. Отношения у нас хоть и приятельские, сиживали не раз за одним столом, но чтобы лично приглашать — такого не было. Тем более что зал подобного рода заседаний вмещает человек триста уважаемых людей. Не наприглашаешься.

Значит, ему действительно нужно моё присутствие, но для чего? Первая мысль: кажется, я вчера подписывал небольшой счёт

на шампанское и конфеты для фуршета. Счёт, как всегда, принёс Дриц, и приглашение продиктовано, наверно, просто формальной любезностью, типа «ты мне, а я…» А он — власть, с которой нужно жить дружно, обязательно пригодится. Житейская истина! Хотя вряд ли из-за этого — мелковато.

Заседание в предыдущий день я уже пропустил. На нём отчитывались и председатель городской думы, и мэр города. Присутствовал губернатор, хорошо отозвавшийся о работе мэра. Странно, похоже, что ветер их, в общем-то, почти естественного позиционного, как говорят психологи, конфликта, готовый перерасти в бурю проверок, наконец-то поменял направление. По-видимому, в каких-то главных вопросах они нашли консенсус. Без этого жизнь мэра как на пороховой бочке — благополучие может взорваться в любой день. Сколько бы дополнительных денег получил бюджет без обычных для нашего «дружного» города распрей на верхних этажах власти — вот уже много лет почти не зависящих от действующих лиц. Миллиарды рублей в городе и в области идут мимо казны из-за многочисленных частных перевозчиков пассажиров, безналоговых левых рубок леса, оптовых рынков, левой торговли вином и водкой в бесконечных павильонах, «шанхаек» и т. д.

А огромные деньги порождают мощное сопротивление влиятельного, а порой и весьма агрессивного лобби, справиться с коим можно только единым административно-силовым фронтом.

С завистью наши казначеи и налоговики смотрят на Кемеровскую область, где уже много лет безраздельно царствует Аман (хочется сказать — Атаман) Тулеев, полностью контролирующий все финансовые потоки, как и положено настоящему хозяину.

Весьма интересно и невредно для бизнеса наблюдать за развитием отношений как внутри ветвей власти, так и между ними. Пожалуй, всё-таки воспользуюсь приглашением. Схожу, пожму нужные руки, сяду подальше, не понравится — потихоньку уйду. Принесу одно утро в жертву.

Во время сокращённого, но быстрого похода вдруг прилетает мысль: «А не приглашён ли я из-за желания нового председателя думы получить в дар картину?» Этот пост он занял недавно. И если «служебные» подарки и украшали кабинет предыдущего владельца, то перекочевали, как это водится всегда и везде, к нему домой. Стыдливые заявления чиновников при получении подарка о том, что картина или скульптура для работы, то есть для приёмной или кабинета, — обычно уловка, чтобы презентам дать «законный вид и толк», как писал бессмертный Крылов. На баланс организации подарки ставят крайне редко, хотя стоят они

порой весьма недёшево.

У нас в галерее картины и скульптуры от пятидесяти тысяч рублей и примерно до трёхсот, а то и до пятисот. Это не то что десятитысячные «красивистые» картины на улице и в некоторых галерейках.

Но на глаз большая часть публики не в состоянии оценить истинную ценность и цену полотна, и дарители вполне обходятся подделками под искусство, вместо того чтобы воспитывать вкус и чувства. Картина висит годами, притягивает взор и вливает в подсознание либо светлые лучи тепла, любви и вдохновенного творчества, либо пустоту китча и искусственного света фонарей. Последнее особенно нежелательно для детей. Но сегодня складывается жутковато-парадоксальная ситуация: Китай увозит к себе настоящую живопись, а наши туристы из Китая везут дешёвенькие, неживые подделки.

Ширпотребовских картин у меня попросту нет, да и дарить стыдно, а расставаться с коллекционными добротными картинами ох как тяжело, но цена предполагаемых бизнес-услуг, да и сама дата — 20 лет думе, в которой виновник моих раздумий председательствует всего полгода, — также, цинично говоря, не особенно тянет на существенный подарок. Всё же не личный юбилей. Но обмануть ожидание от персонального приглашения, если таковые были, тоже не хочется. И здесь, во время похода, откуда-то в голову прилетает идея: не суетиться со сверхмучительным выбором подарка, но вместе с тем порадовать и главного думца, и всю публику по-настоящему добротной живописью на дорогих для сердца и кошелька больших полотнах. С этим внезапным решением, совмещающим блеск коллекции и отсутствие внушительных затрат, я вернулся домой. Выбрал две замечательные картины с изображением хорошо узнаваемых храмов. Вскоре они очутились в багажнике моего вместительного джипа. Опаздывая, с множеством нарушений, правда, никому, как обычно, не мешая из водителей и пешеходов, я помчался с картинами на торжественное заседание. Вездесущий Дриц и старший сын Стас ожидали меня у входа в мэрию. В зале, а он был уже почти заполнен приглашёнными, с заметными подарками была только наша «делегация».

Собственно, по рангу был приглашён я один. Но, поскольку Дриц нужен всем, он не пропускает случая сопроводить меня на высокое собрание, а чаще и вообще сходить вместо меня. Его фамилия и быстрая фигура с седой и чуть втянутой в плечи головой, хотя и выдают многовековую настороженность библейского народа по поводу постоянных гонений, тем не менее давно являются в нашем городе как бы отдельной регалией. Сыну

для расширения кругозора сходить, посмотреть на чиновный истеблишмент нашего нестоличного города тоже не вредно. Многие с нескрываемым удивлением посматривали на наш непонятный по щедрости подарок. Удивлялись до поры до времени и мои компаньоны.

С возмущением узнаю, что я, хоть и единственный член Союза писателей на этом сборе, да ещё и настойчиво приглашённый персонально, оказываюсь в качестве немого статиста, то есть не включён в список для выступлений. А может быть, это просто хитрый ход нового председателя, как бы не ожидающего подарка? Увидев картины, он сразу же понял, что следует дать мне слово.

Не так давно, к собственному изумлению, довелось мне выступить среди немногих «великих» на инаугурации мэра. По какому критерию я попал в число избранных — не очень понятно до сих пор. Официального общественного поста у меня не было и нет, почётным гражданином я ещё не был, в его предвыборной свите не состоял, знакомы мы были шапочно, за одним столом ни в тесной, ни даже в большой компании в ту пору не сиживали.

Неужели у меня такой достойный имидж был уже три-четыре года назад без всяких официальных регалий? Не случайно, видимо, в любом заведении, будь то ресторан или театры и музеи, даже в загородной или заграничной поездке, ко мне обязательно кто-либо подходит уважительно поздороваться за руку и обмолвиться несколькими словечками. Очень многих «приятелей» я совершенно не знаю. Постепенно я привык к городской известности и понял, что знакомство здоровающихся со мной несколько повышает их статус в глазах компании. Популярностью обязан я не каким-либо выдающимся достижениям в бизнесе, а только диковинной, а может быть, и чудной для многих культурной составляющей своей жизни.

Деньги зарабатывают обычно в тишине. Большинство иркутских богачей, или, как теперь говорят, местных олигархов, широкой публике неизвестно. Во власти, в том числе и выборной, из них единицы. В то же время открытие художественных выставок и поэтические вечера от театров до колоний и многолюдны, и широко освещаются в прессе. Правда, иногда, к сожалению, приходится самому доплачивать СМИ. В других городах такие события относятся к бесплатным культурным новостям. У нас — нет: я и бесплатный показ — несовместимы. Данные затраты не из стремления к собственной популярности как самоцели. Считаю очень важным популяризировать настоящее, как бы корневое, русское искусство — живопись и поэзию. Но при этом помню и собственную формулу: «Выше

статус — меньше взятки и легче решаются вопросы с господами чиновниками всех рангов», — так что, платя разом и за информацию, и за имидж, я, возможно, ещё и экономлю.

Но не был бы я, по-видимому, бизнесменом, если бы не пришла мне в голову мысль о коммерческом использовании своей широкой популярности в родном городе. Всё же я имею отношение и к ещё одной стороне культуры, к культуре потребления прекрасных вин, коньяков, виски, ликёров со всего света и, конечно же, отечественной водки, особенно с тёплым названием «Три товарища», да ещё собственного розлива в экологически чистой местности горного Алтая.

В городе набирает обороты сеть наших винных магазинов с незатейливым названием «Виноград». Гордость сети — это напитки, которые мы грузим напрямую от производителей более чем из десяти стран мира, в основном, конечно, из средиземноморской Европы, но есть и Шотландия, и даже Чили. Это, без рекламного хвастовства, более качественные и экономичные напитки, так как производятся, в общем-то, как бы для «сэбэ», то есть для своей страны, а не для стран третьего мира, к которым, увы, относят и Россию.

Особенно ярко их неоспоримое преимущество видно на примере дорогих коньяков. Так, соотношение цены французских коньяков, например, «Хеннесси» класса XO (спецпроект в основном для России и Востока) и «Фигара» XO, который завозим мы сами, 3–3,5 раза, при лучших вкусовых качествах последнего. Комментарии, как говорится, излишни. Об этом я и думаю сказать с плакатов в своих магазинах, а может быть, как-то слегка эту мысль «обшутить» сегодня и на торжественном заседании думы.

Для собственного имиджа и рекламный плакат, и упоминание «Виноградов» на думе — вопрос спорный. Важно соблюсти меру, что очень непросто. Но призыв пить качественные напитки по оптимальным ценам в нашей стране, где немало вина-водки — левые суррогаты, думаю, весьма актуален и может спасти к тому же не одну жизнь.

Мой имидж выдержит глумление в Интернете, которое обязательно последует как реакция на плакат и на рекламную реплику в выступлении. Без выборов волна издевательств, пожалуй, будет не штормовой, а значит, не очень опасной для нервов. В рекламной листовке я непременно скажу о том, что даже от умеренного потребления только лучших напитков, снижающих холестерин и улучшающих в целом обмен веществ, здоровье всё равно резко не прибавится, если не нагуливать ежедневно километров пять-десять либо походным шагом, либо

лёгким бегом, как это имеет место в Европе, где мужчины живут дольше лет на десять — пятнадцать. Кстати, ярчайшим примером сочетания физкультуры и умеренной выпивки является мой родной дядя, тоже почётный гражданин, но города Ангарска. В свои 88 лет он ещё работает, водит автомобиль, летает по всему миру, а самое главное, что женщины видят в нём не старика, а обаятельного, к тому же неплохо танцующего мужчину. Так что стихотворение Ф. Тютчева «Как птичка, раннею зарей…» пока не для него:

Обломки старых поколений,
Вы, пережившие свой век!
Как ваших жалоб, ваших пеней
Неправый праведен упрёк!..

Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью
За новым племенем брести!..

Может быть, в Ангарске поддержать «Виноградыы» с помощью плакатов согласится и он.

Ярким подтверждением моей неожиданной популярности уже лет семь-восемь назад явилась платиновая карточка, которую вручили мне в одном из иркутских казино. Эта карточка давала возможность бесплатно заказывать еду и выпивку в их баре, лишь бы только присутствием своим повышать имидж заведения, как это делают и в ресторанах, и даже в магазинах некоторые постаревшие актёры. Карточкой в казино, правда, я не воспользовался ни разу. Да и кроме как на открытии, куда попал за компанию с нужными чиновниками и журналистами, больше ни разу не был.

Все эти мысли и воспоминания проносились в голове под монотонные поздравительные выступления на торжественном заседании — вначале заместителя председателя областного Законодательного собрания, затем бывшего губернатора, а ныне председателя Совета почётных граждан, владыки и других высокопоставленных гостей. Зал при этом понуро молчал, не выказывая эмоций.

Кстати, перед началом заседания один из «аксакалов» когорты почётных граждан, будучи весьма серьёзным и консервативным мужчиной, тем не менее невольно поднял мне настроение и даже слегка развеселил. Во время рукопожатия, которого я ждал, как положено младшему по возрасту и по чину,

около минуты, пока заканчивался разговор уважаемого начальника с кем-то из высоких гостей, неожиданно услышал от него замечание по поводу своего внешнего вида. Оказывается, не следует так неформально одеваться на серьёзное мероприятие. Вроде я был в пиджаке и брюках, а не в трико и даже не в джинсах, но, правда, без галстука, и пиджак хоть и английский, но с ныне модными заплатами на локтях, но ведь не рваный, не ветхий. Пришлось, улыбаясь, напомнить, что народный губернатор Севастополя подписывал соглашение с президентом России вообще в свитере. Да и он сам вспомнил, что встреча Джи-8 проходит без галстуков и отменена в этом году отнюдь не из-за внешнего вида нашей делегации.

После этого случайного замечания осталась весёлость на душе и нахлынули воспоминания. После военной кафедры института уже лет сорок никто и никогда не делал мне замечаний по поводу одежды. Хотя один случай, связанный с внешним видом, всё-таки был, но тоже давно — лет тридцать назад. Возвратился я тогда из отпуска с бородой, а работал в ту пору на заводе начальником цеха. В первые же дни, когда мне необходимо было попасть на приём к главному инженеру Рэму Михайловичу Манну, я получил от него хоть и в полушутливой форме, но настоятельную рекомендацию вначале сбрить бороду, а уже потом приходить. Что ж, предприятие действительно было оборонное, а в армии бороды запрещены уставом. Да и главного инженера я искренне уважал, чтобы с ним спорить. И, конечно, побрился.

Здесь же, под монотонное журчание стандартных выступлений, мне вспомнились примечательные факты из рассказов невольного «брадобрея» о прошлом…

В биографии самого Рэма Михайловича интересно то, что за всю жизнь у него было единственное место работы, но по трудовой книжке как бы три разных завода: авторемонтный, где он начинал свой трудовой путь автослесарем и водителем, автосборочный и завод радиоприёмников. А по сути это одно предприятие, которое перестраивалось и полностью перепрофилировалось. В годы войны и в первые послевоенные годы он ездил на автомобиле с газогенераторной установкой, топливом для которой служили обычные дрова. Причём «газгены» не были советской экзотикой, к 1941 году только в Германии их число достигало трёхсот тысяч, а в Европе в целом около полумиллиона.

А ещё любопытнее то, что «дровяные» автомобили стали появляться и на современных европейских автодорогах.

Вспоминал Рэм Михайлович и о том, как возил директора

автосборочного завода, будущего легендарного по стажу высокой работы министра сельскохозяйственного и тракторного машиностроения А. А. Ежевского. Это был человек с огромным запасом жизненных сил и культуры. Его любимым занятием для отдыха были не перекуры, а борьба с грузчиками, причём он практически всегда побеждал здоровенных детин, несмотря на самое среднее телосложение. Но особенно интересно — как заметили молодого директора из Сибири аж в Белокаменной и «двинули» на крупнейшее предприятие Советского Союза — директором Ростовского завода сельскохозяйственного машиностроения «Ростсельмаш».

Как-то он три дня подряд не мог попасть на приём к заместителю министра. Наконец секретарь пожалела молодого, обаятельного директора и настояла, чтобы его пригласили в автомобиль и дорогой он изложил свои беды. Замминистра направлялся как раз на корпоративный, как теперь говорят, праздник. Во время поездки Ежевский произвёл сильное впечатление и был приглашён на гулянку в качестве экзотического гостя, демонстрирующего, что в сибирской глубинке не только тайга и медведи, но есть ещё и молодые, толковые, симпатичные директора. Но высокий начальник не знал, что наш земляк к тому же прекрасно поёт, играет на баяне и выступит организатором веселья министерского бомонда и их вначале чопорных, а позже восторженных жён.

В общем, разудалого сибиряка крепко запомнили, и вскоре он стал директором Ростсельмаша, а позже и заместителем министра автомобильного, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР. Позже, в ранге, равном министру, руководил отделом того же профиля в Госплане, Всесоюзным объединением «Союзсельхозтехника», Государственным комитетом по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства и, наконец, восемь лет до ухода на пенсию был министром сельскохозяйственного и тракторного машиностроения. В общей сложности его стаж работы в правительстве составил около четверти века. Ныне ему за девяносто, но он бодрый и желанный гость в Иркутском землячестве в Москве…

Под долгие выступления мысли вновь вернулись к собственной бороде, которую когда-то заставил сбрить главный инженер, а в прошлом простой водитель будущего министра.

Когда я ушёл с должности начальника цеха, поступив в заочную аспирантуру, бороду с полным на то основанием отпустил раз и навсегда.

Но один раз я всё же предпринял попытку «обезбородиться»,

как-то на отдыхе уступив просьбе жены. Тем более что седина в бороде и в прилагающихся к ней бакенбардах явно не молодила. После бритья, о ужас, я почувствовал себя так, как будто мне предстоит голым выходить на люди. В то время мы, слава Богу, были не в родном городе, а отдыхали в Таиланде, где знакомых практически не было. Тем не менее состояние души было близким к депрессии. Немалая и ещё непривычная седина на лице при подходе к пятидесятилетию мне становилась в тягость, но и без бороды жить, как выяснилось, невмоготу. Всё же лет двадцать носки её и днём и ночью — стаж немалый. Что же делать: и с ней негоже, и без неё нельзя. Совершенно неожиданно для себя я вдруг остро почувствовал какой-то жизненный тупик. Думаю, что не один слабонервный в такой ситуации приблизился к опасной суицидальной черте!

«Скорой помощью» выступило время. Дня через три-четыре стала заметна щетина, и я спрятался за неё с таким чувством облегчения, как застигнутый врасплох любовник в собственные штаны. А ещё через несколько дней я придал нарождающейся растительности новую классическую форму чеховской бородки. Без бакенбардной нагрузки объём седины на лице резко уменьшился, я помолодел, успокоился и решил никогда больше не носить физиономию «голышом». Про бороду «аксакал» не намекнул, иначе повеселил бы ещё больше.

Но запущенная неожиданным образом цепочка воспоминаний вдруг резко обрывается, из уст ведущего, кстати, не простого, а заслуженного артиста России, доносятся знакомые слова: член Союза художников и писателей… Многие в зале ещё помнили моё неформальное выступление на инаугурации мэра, когда с весёлыми комментариями я дарил небольшую картину и читал, как всегда ёмкое и остроумное, стихотворение Николая Зиновьева:

Давно по миру слух ползёт,
В умах родившись не в убогих:
Россия скоро упадёт.
Не веселитесь наперёд!
Коль упадёт — придавит многих.
А может статься, что и всех.
Что, кроме мокрого следа,
Тогда останется от мира?
Молитесь лучше, господа,
За нашу Русь, а то — беда.
Так мне пророчествует лира.

И в этот раз, когда ещё только шёл к трибуне, слышал уже лёгкий одобрительный шум и чувствовал какую-то добрую ауру, рождённую ожиданием если не шоу, то всё-таки того, что я развею придавившую зал смертельную скуку, которая с каждым выступлением становилась всё тягостней. Необычность моего выхода была уже в том, что следом за мной, как за булгаковским Воландом, на сцену взошли два ассистента: Дриц и сын — с весьма немаленькими картинами, которые установили на сцене для всеобщего обозрения. Поскольку, кроме цветов и очень маленькой копии какой-то картины, подарков не наблюдалось, то интрига была создана.

Сидящий в первом ряду главный врач, он же бывший министр здравоохранения, с нескрываемым любопытством провожал глазами уходящего на своё место Стаса. Поэтому я и начал с представления, сказав, что это мой сын, приехавший специально из Москвы на юбилей думы. Но поскольку он трудится в американской фирме, то городское событие приобретает международный размах, и даже американские санкции за Крым не отразились на думской годовщине.

Затем я решил исправить извечную российскую черту мгновенно забывать, а то и чернить бывших правителей любых рангов — от Сталина, Хрущёва и Горбачёва до предшествующего председателя нашей думы — Андрея Николаевича Лабыгина.

Я-то уж точно никогда не забуду его председательство. Именно он приложил немало усилий, чтобы убедить думских «бояр»-завистников присвоить мне звание почётного гражданина. И хотя он, как и большинство чиновного люда, не очень близок к культуре, но всё же получилось, что именно при нём и с его участием бедных художников освободили от арендной платы за мастерские. Удалось мне вытащить его и на встречу с нашей небольшой писательской организацией и даже убедить стать лицом изданного, как и ряд номеров журналов «Иркутский кремль» и «Сибирь», на мои средства первого выпуска журнала «Иркутский писатель», где было размещено его пространное и откровенное интервью. Правда, впоследствии, уже после выборов, он высказал упрёк за то, что слишком откровенное интервью могло сработать на выборах и в минус, если бы его серьёзно заметили во время выборного марафона. Но, к его счастью и к беде страны, в последние годы воздвигнута «Берлинская стена» между литературой и журналистами, состоящими сплошь из пиарщиков и информационщиков. Писатели оберегают себя от СМИ, напрочь отключая телевизоры, а журналисты «спасаются» от литературы. Вот «злые» пиарщики и не заметили нашу публикацию в литературном журнале «Иркутский писатель».

Видимо, поэтому на недавних выборах не привлекал «мой благодетель» ни меня и никого из писателей к выступлениям.

Невольно, кажется, подставил я его и ещё в одном очень деликатном вопросе. Моим знакомым рассматривалось судебное дело по поводу снятия его с выборов, и я имел возможность если не влиять, то хотя бы успокаивать «подсудимого» информацией о благоприятном для него исходе. И не ошибся. Но вскоре он обратился ко мне с аналогичной просьбой по другому кандидату у того же судьи. В выборной горячке Дриц, не согласовав со мной, интересовался, а может быть, и просил за другого, нежели я, кандидата. Поскольку интерес Дрица был, как всегда, весьма настойчивый, то его просьбу и приняли за совместную. В результате информация о том, что у нашего с Дрицем «протеже» преимущественные шансы, оказалась неверной. Хорош помощник, который играет свои партии вразрез со мной и вносит путаницу. Представляю, в какое положение перед серьёзными людьми с неверным до последней минуты прогнозом попал мой «подшефный». Может быть, эта информация не позволила им предпринять какие-либо серьёзные меры в выборной стратегии. В общем, «благодарность» с моей стороны получилась серьёзно смазанной.

Зато сегодня у меня появилась реальная возможность хоть немного поработать на имидж симпатичного и на редкость остроумного нечиновного чиновника. Кстати, если бы я вновь пошёл на последние выборы, то мы встретились бы с ним, скорей всего, по разные стороны баррикад общего округа и могли стать врагами, как это нередко бывает. Но «местечковая политика», без настоящей политики, не для меня. Оно и к лучшему. Он стал депутатом, не внакладе и я.

Все эти соображения текли параллельно где-то в изгибах сознания, когда я искренне благодарил бывшего председателя за оказание конкретной помощи иркутской культуре, отметив, что это особенно важно в русле политики президента, объявившего 2014 год Годом культуры в России.

В зале, где шло заседание, было холодновато, и я решил связать и культуру и температуру в тёплом, как русская печь, стихотворении опять же Николая Зиновьева:

Мы спали на русской печи,
Счастливые русские дети.
В печи мать пекла калачи,
Вкусней не встречал я на свете.
Ты, память, давай не молчи!
Как вены, вскрывай свои дали

Про то, как на этой печи
Мы русские сказки читали.
Где нынче та русская печь?..
А там, где и русская речь.

Тема тепла была кстати ещё и потому, что до выхода на сцену я шутливо предложил в записке пиджак явно зябнувшей своей очень непростой соседке по бизнесу, обаятельной покупательнице «приграничного» бизнес-объекта.

Никто из выступающих, кроме меня, ни разу не вспомнил про предшествующего председателя думы, хотя возглавлял он её без малого восемь лет. Ни один букет не ушёл в его адрес… Это, к слову сказать, тоже вопрос нашей российской культуры.

Действующему председателю я пожелал, чтобы он так же, как и предшественник, систематически приходил на выставки, встречался с писателями, помогал художникам и всем, кто служит возрождению культуры родного города.

Интрига по картинам всё ещё сохранялась, и только стихотворение я уже подарил в безраздельную собственность всем слушателям.

После стихотворения я слегка ошарашил присутствующих заявлением, что эти две картины из моего музейно-галерейного фонда, а значит — бесценны, и подарить их я никак не могу, но не уносить же картины назад. Правда, бывают выставки и одной картины, а у нас представлены аж две, да ещё с главными иркутскими храмами.

Многие от меня ждут подарков в виде картины или скульптуры. Даже специально приглашают на мероприятия, но дешёвые поделки у меня отсутствуют, а хорошие картины — и слишком дорогие, и слишком дороги мне. Тем более что площадь моей галереи возрастает аж до тысячи метров, и она преобразуется в музей современной живописи. Без этих картин музею будет сиротливо. Поэтому в Год культуры, «приуроченный» к году двадцатилетия нашей городской думы, я решил начать новую традицию. Поскольку мало кто из присутствующих посещает выставки, то я беру на себя обязанность в наиболее значимых приёмных города вывешивать картины из своего огромного фонда и систематически, примерно раз в месяц, производить замену картин. Таким образом, не трудно посчитать, что лет за сто каждый осчастливленный мной обладатель приёмной и его гости познакомятся со всей моей коллекцией, превышающей тысячу полотен.

Ради этого, как говорил Маяковский, «стоило жить и работать

стоило!»

Как исключение, картина может быть и подарена, если обладатель приёмной пойдёт на интересное для нас повышение.

Итак, одна из картин сегодня занимает достойное место у председателя городской думы, а вторая — у его предшественника, а ныне председателя комитета Законодательного собрания Иркутской области.

Громкие аплодисменты проснувшейся от живого слова публики явились наградой!

Но не успели они стихнуть, как с резвостью, не очень ожидаемой при его комплекции, бывший председатель соскочил с места, попросил микрофон и, балагуря под улыбки зала, сказал, что картина по оглашённым условиям должна стать прямо сейчас его собственностью, так как он совсем недавно ушёл из городской думы в областное Законодательное собрание. А Законодательное собрание всё-таки областной орган и явно выше городских организаций… Я чуть не опешил от его убыточного для меня остроумия и, ничего не говоря, под смех зала поднял его руку как победителя на ринге.

Когда зал успокоился, я, чувствуя, что ещё момент — и моя галерея безвозвратно потеряет замечательное произведение, всё же объявил, что сертификат на абонементное обслуживание завтра пришлю, иначе придётся ему сто лет смотреть только на одну картину. А это неправильно.

В ответ претендент на собственность огорчённо сказал: «Значит, вы не считаете мой переход повышением».

При этих словах зал вновь весьма оживился. Многие знали, что так оно и есть. Пост председателя городской думы равен, по меньшей мере, должности заместителя председателя Законодательного собрания, но никак не председателя комитета.

В пылу вроде бы шутливого диалога вырвалась боль, которую принародно выразить мог человек, не лишённый ещё детской искренности, и эта боль от слегка пошатнувшейся карьеры была неожиданно выставлена на обозрение рядом с картинами. Что сказано, то сказано, назад не вернёшь.

Моё выступление и наше препирательство относительно дарения картины вывело людей из оцепенения, развеселило, и многие говорили мне спасибо во время лёгкого фуршета. Особенно приятно было то, что я достучался до спрятанных под жутким грузом масштабнейшего бизнеса простых человеческих чувств своей соседки, с которой намечена крупнейшая для меня сделка. В пылу любезности я познакомил её с единственным в Иркутске академиком и народным художником — Виталием Георгиевичем Смагиным.

Выяснилось, что они знакомились лет пятнадцать назад, и не просто знакомились, а он писал портрет её юной в ту пору дочери, которая теперь, в тридцать лет, превратилась во взрослую, цветущую леди и мать двоих детей. Но жаль, что портрет уже кем-то приобретён. А кем, пожалуй, и не вспомнить. Но всё же остался предварительный карандашный рисунок. Интересно было бы найти старый портрет юной леди и выкупить для «презента» или хотя бы оформить и подарить рисунок. Если одним весьма состоятельным ценителем искусства станет больше, а «приграничным» противником меньше, то это уже отличный результат празднования двадцатилетия думы города Иркутска в новом статусе почётного гражданина.

Глава 4
В окружении пятой колонны

Первое знакомство

Как и во всяком деле, увы, удача не была моей неразлучной спутницей. Нередко она, ветреная и своенравная, сбегала от меня к кому-то другому, и, что уже никуда не годится, иногда изменяла мне, одаривая страданиями и бессонными ночами. Но, главное, что, где-то нагулявшись, она всегда возвращалась ко мне и как ни в чём не бывало распахивала свои непостоянные объятия.

Интересно, что у Александра Блока хватало душевных сил иногда и к женщине относиться, как к большой удаче, не ревнуя и принимая назад:

Зимний ветер играет терновником,
Задувает в окне свечу.
Ты ушла на свиданье с любовником.
Я один. Я прощу. Я молчу.
Ты не знаешь, кому ты молишься –
Он играет и шутит с тобой.
О терновник холодный уколешься,
Возвращаясь ночью домой.
Но, давно прислушавшись к счастию,
У окна я тебя подожду.
Ты ему отдаёшься со страстию.
Всё равно. Я тайну блюду.
Всё, что в сердце твоём туманится,
Станет ясно в моей тишине.
И, когда он с тобой расстанется,
Ты признаешься только мне.

Удачу уж тем более никто и никогда не прогоняет, хотя нередко ревнуют и ужасно завидуют кому-то, даже другу, обласканному её нежным дыханием. А от зависти, как известно, один шаг до алчности, подлости или предательства.

Несмотря на то что корабль фирмы в основном шёл под флагом победы, не избежал он и пробоин как от обстрела из пушек конкурентов, так и от подводных мин, причём чаще поставленных друзьями, помощниками и коллегами. Слишком много обманов было на пути моего бизнеса и, как следствие, немало потерянных соратников.

Одиночество — русский удел,

Но не следует этим гордиться.
Я врага возлюбить не сумел,
Мне бы с братом родным примириться.

Помоги нам, Пречистая Мать,
Устоять между тьмою и светом.
Враг убьёт, но не сможет предать.
Брат предаст. Но довольно об этом.

Василий Козлов

Если лабиринты бандитских и милицейско-чиновничьих минных полей удавалось миновать сравнительно легко, то к ловушкам, подстроенным своими, я, очевидно, был готов в меньшей мере. Не все из них выявлялись сразу, некоторые спустя годы. Но начну, пожалуй, с самого невинного обмана.

Первое крупное приобретение на средства фирмы — квартиру в Москве — я, не имея ещё штата, сделал сам, бегая по столице, где-то в 1992 году. Риелтором была ещё не очень опытная в таких делах дама преклонных лет, до недавнего времени преподаватель МГУ. Окончательный разговор с продавцами, уезжающими в Израиль, мы провели вместе у них в квартире. Я неожиданно для риелтора в ходе встречи начал торговаться и сбил пару тысяч долларов.

Позже я понял, что это был её дополнительный интерес кроме официальных пяти процентов. Предпринимательская, а может быть, чисто женская обида за проигрыш двух тысяч долларов победила её интеллигентность, и она не удержалась, позвонила мне в Иркутск, очевидно, чтобы поиграть на нервах. Суть разговора была в том, что вместо торга лучше бы я сходил с ней в домоуправление и поинтересовался судьбой дома. Оказалось, что шестиэтажный кирпичный дом построен ещё до революции, в 1914 году, и до оплаты нужно было обязательно узнать, не планируется ли снос здания или длительный капитальный ремонт с отселением жильцов. Перспектива сноса, на которую она намекнула, была не радужной. По действующим на тот момент правилам, квартиру я мог получить, скорей всего, на окраине Москвы и потерял бы не две, а двадцать две тысячи долларов. Жильё там было дешевле раза в два.

Месяца три-четыре до следующей поездки в Москву я прожил с чувством обмана и обиды и на риелтора, и на уезжающих в Израиль непатриотичных евреев, и на себя.

Спустя время приятнейшим сюрпризом для меня явился поход в организацию с названием, нагоняющим страшную скуку:

московское домоуправление. Дом оказался в отличном состоянии, ни о ремонте, ни тем более о сносе речь не шла. Умели наши предки, оказывается, строить не на один век.

Жаль, что в домоуправлении только сухие схемы и цифры. Как бы хотелось знать фамилию и историю жизни, например, производителя работ или хозяина кирпичного завода, обеспечивших столь высокое качество возводимых домов, не помешала бы и фотография бригады столетней давности. Всё это, как и сам дом, спустя век имело бы уже теперь антикварную ценность, а для жильцов и душевную. Весьма интересно узнать истории семей, проживавших в приобретённой мной квартире. Кто-то из неё, возможно, уходил ещё на Первую мировую войну, а может быть, играл в недалеко расположенном театре «Современник».

А может быть, мои московские предки сто лет назад жили как раз в этом доме? Ведь помню: в рассказах рано ушедшего из жизни деда — неиссякаемого сказочника — всплывало завораживающее своей таинственностью словосочетание — Чистые пруды. Как знать.

Нет, к сожалению, и по сей день традиции одухотворять дома. Ведь и мы сами построили грандиозное пятнадцатиэтажное здание, шедевр современной архитектуры, в Иркутске, в районе старого Ангарского моста, и надеюсь, что так же — на века. Но и мы ничего не сделали, чтобы через сто лет жильцы смогли сказать спасибо нам, грешным, в дальние дали. Всё же удивительно, почему на дома не распространяются законы антиквариата. Вещь, которой лет сто, многократно возрастает в цене. Считается, что она несёт тепло, намоленность и любовь многих поколений, причём, как правило, более мудрых, чем наши суетные современники.

Но особенно дороги мне стены иркутского особняка на пешеходной улице, в котором мы открыли в 1997 году первый художественный «Вернисаж», перед этим, с благословением владыки, полностью отреставрировали его. Возможно, этот архитектурный шедевр конца XIX — начала XX века магически оживил моё задремавшее после школьных лет правое полушарие.

Но вернёмся от невинных обманов и добрых воспоминаний к предательствам и потерям.

Примерно через год-два после рождения фирмы, под влиянием нахлынувшей моды на иномарки, друзья склонили меня расстаться с «Волгой» и пересесть на джип.

Переплачивать за новую машину на заре бизнеса было не принято, и я дал деньги другу Валентину и его племяннику, собравшимся в Москву за иномарками, чтобы приобрели и мне.

Каково же было моё удивление, когда, впервые сев за руль привезённого джипа, я почувствовал, что ходовые качества моего «Мицубиси Паджеро» заметно уступают «Волге» ГАЗ-24! Кроме того, машина оказалась и слегка битая. «Друзья» объяснили, что уже после покупки в неё въехал старичок, чуть ли не на «Запорожце», и взять с него было нечего. Себе же мой друг привёз за те же деньги джип «Ниссан Патрол» безо всяких дефектов и с лёгким ходом. День и ночь занятый делами фирмы, я не особенно придал значение неудачной покупке, хотя стоила машина в ту пору тридцать тысяч долларов, а это процентов семьдесят от цены московской квартиры. Собственно, о том, что машина очень старая, сказала, как это ни странно, только моя мама. «Но что она может понимать в технике», — высокомерно подумал я и на её слова не обратил никакого внимания.

О том, что мама оказалась провидицей, я узнал года через два, когда удалось продать тихоходный джип, но в три раза дешевле, нежели была цена покупки. Вспомнилась пословица деда: «Учит не купля, учит продажа». Но и тогда я ещё думал, что мне просто не повезло с покупкой. О том, что друг и его племянник Толик, выросший при моём непосредственном участии из шофёра до серьёзного руководителя, могли нагло обмануть, не было даже и мысли.

Но время и дальнейшие события, увы, расставили всё на свои места.

Мебель от голландского доктора наук

В петровско-екатерининские времена смотрели с некоторым придыханием на европейских специалистов и наших русских, вернувшихся из-за границы, но и сейчас в массовом сознании сохраняется мнение об их некотором превосходстве. О том, что кто-то переехал жить в Америку, в Европу или даже в Бразилию или там живут дети, обычно говорится как уже о немалом жизненном достижении.

Раньше, при коммунистах, так же завидовали переезду в Москву или в Питер. А то, что и там жизнь может протекать совершенно серо и неинтересно, в отрыве от друзей, близких, а за границей и без родного языка, да ещё и без любимого дела, об этом многие предпочитают молчать. Есть и такие, для кого даже чей-то уход в монастырь — безусловное жизненное достижение, ибо за таким шагом подразумевается молитвенный подвиг. Но и это далеко не всегда так. Один из моих племянников пробыл в монастыре десять лет и вынес твёрдое мнение, что в подавляющем большинстве там обитают серьёзно раненные в миру люди. Немало и неудачников, коих гонит туда гордыня.

За многое можно критиковать современную Россию, но она всё ещё остаётся страной широчайших возможностей для бизнеса и профессионального роста. Да и скучно не бывает у нас. Видимо, поэтому для меня, пишущего, максимальный срок пребывания в отпуске за границей три-четыре недели, а без этого и две недели многовато было.

Так что я вроде бы далёк от преклонения перед эмигрантами, но к нашему иркутянину, да ещё и доктору наук, уже ряд лет живущему в Голландии, отнёсся с повышенным вниманием и доверием. Тем более что речь шла о покупке огромного количества голландской мебели на очень выгодных условиях. Вся мебель, а это серванты, книжные и платяные шкафы, была разобрана до досочек в плоской упаковке. В результате экономились даже транспортные затраты, так как в вагоне мебели было, наверно, на двести пятьдесят, а то и на все триста тысяч долларов.

Сделка обещала быть грандиозной по выгоде. Средняя стоимость европейской мебели с транспортными расходами получалась раза в два ниже нашей краснодарской.

Я послал на отгрузку свои отборные силы: исполнительного директора Игоря и Толика, главного специалиста в мебельном направлении. Вскоре они доложили, что качественная мебель в оговорённом количестве загружена и вагон готов к отправке,

можно производить оплату.

Что мы оперативно и сделали, как предписывал договор. Я, довольный иркутско-голландской дружбой, потирал руки и с радостным нетерпением ждал прихода мебели, с которой мы одним махом победим всех конкурентов.

И вот наконец долгожданная мебель пришла. Собрали все образцы и как-то нерешительно пригласили меня на смотрины. Если бы в этот день с утра я не прошёл, как обычно, в высоком темпе шесть-семь километров да не провёл хорошую разминку, то последствия смотрин для меня могли быть самые тяжёлые. Вместо триумфа, как стало ясно с первого взгляда, я получил огромные убытки. Мебель оказалась «пигмейской». Все шкафы были намного ниже человеческого роста, высотой примерно по 1,3–1,5 метра. Подобный шкаф, я вспомнил, был только у моей бабушки, и она не знала, как от него избавиться, когда, каждый раз, чертыхаясь, сгибалась в три погибели, чтобы достать тарелочки, чашечки и прочую посуду для приёма гостей.

Такого подарка от своих помощников и от новоиспечённого партнёра-голландца я не ожидал. Подобной мебели на современном рынке, уверен я, быть не могло, поэтому об особенностях габаритов не говорили, возможно, это были остатки с бабушкиных времён.

Неужели голландец купил лояльность моих молодых «послов»? Они якобы думали, что я в курсе размеров. Эта наивная отговорка была приготовлена для меня.

Я же после такого предательства и огромных убытков не мог успокоиться и почти всю ночь провёл в походе.

Не до страшных сомнений вселенских,
Когда за полночь лесом бредёшь,
И, вдали от огней деревенских,
Зверя, птицу ль нежданно вспугнёшь,

Или свист вдруг пронзительный слышишь.
Ох, не надо во тьме никого…
А к утру, когда на люди выйдешь,
То-то на сердце станет легко!

Но и утром намного легче не стало. Было понятно, что деньги заморожены на годы. Причём мебель нужно продавать по цене ниже средней стоимости, не говоря уж про кредитный ресурс.

Ох, как меня подмывало разогнать серьёзно подозреваемых помощников! Но они проработали уже не один год. С ходу не заменишь. Да и ответственность за молодые судьбы на мне. В

общем, успокоился тем, что было немало и неожиданных удач, и всех оставил работать дальше. Решив, что и самому нужно быть немного внимательней. Не искушать их и судьбу бизнеса.

И опять мебель

Филиал нашего мебельного салона располагался в соседнем городе Шелехове, километрах в двадцати пяти от центра Иркутска. Командовал им мой помощник по мебельному направлению, всё тот же Толик.

Несмотря на отсутствие высшего образования, проявлял он немалые способности и достаточно хорошо освоил мебельное направление. «Пигмейскую» мебель с грехом пополам за несколько лет распродали, и в череде забот и новых проблем это предательство (или, как он утверждал, оплошность) стало забываться.

Толик поднаторел в общении с покупателями и особенно с поставщиками мебели, которых приглашал на Байкал и на рыбалку. Я выделял деньги на приём и не участвовал в суете. Всё это с удовольствием делал сам Толик, тем более что несколько главных поставщиков были его ровесниками. Однако в Иркутске, где был другой руководитель, реализация мебели неплохо подросла, а в Шелехове стояла на достигнутом уровне. Объяснял он это досадное явление низкой покупательской способностью периферийного городка. Странное объяснение: градообразующее предприятие — алюминиевый завод — работало успешно.

И вдруг в один прекрасный день Толик предлагает мне на паях открыть небольшое дело по запасным частям к автомобилям. Я, конечно, отказываюсь. И без того хватает забот и с магазинами, и с общепитом, и с оптовыми поставками муки, сахара, круп, мяса, вина и даже фруктов.

Но откуда у Толика немалая сумма? Спрашиваю в лоб, не пристроился ли он торговать мимо кассы, например, взятой на реализацию комиссионной мебелью? Но тут же опровергаю сам это предположение. На «комиссионке» много не заработаешь.

И здесь меня осеняет: а не торгует ли Толик такой же, как у нас, но левой мебелью?

Вопрос оказался в самую точку, он, надо отдать ему должное, не стал отнекиваться и не только подтвердил возникшую у меня в голове схему, но и дополнил её некоторыми деталями.

Его приятели-поставщики, которых мы не раз принимали, решили поддержать друга и отправили ему в точности такую же, как и в фирме, мебель на реализацию. Он, недолго думая, на моих площадях, силами персонала, которому я плачу зарплату, используя образцы мебели, одинаковые для меня и для него, организовал свою параллельную торговлю. Для этого обзавёлся втайне от всех арендованным складом и с него отгружал левую

мебель клиентам. Деньги брал мимо кассы, выписывая фактуры. Таким образом и начало процветать его тайное «крысиное царство». Все затраты по реализации, включая аренду площадей, оплату персонала и т. д., нёс я, а прибыль со своих продаж получал целиком он, не тратясь ни на налоги, ни на зарплату работников, ни на содержание магазина.

Интересно, что после разоблачения он первым делом побежал к своему дяде Валентину — моему другу, но, как я понял, осуждения не встретил. Видимо, Валентин смотрел на меня, как пролетарий на буржуя, которого можно грабить, хотя сам всегда стремился иметь капитал. А кроме того, они уже были, по-видимому, повязаны «автообманом».

На старте реформ друг мой быстро разбогател, но деньги тут же пускал на потребление, не стремясь вложиться в бизнес. Он переехал в шикарную по тем временам квартиру в тихом сталинском доме в центре города, приобрёл, хоть и подержанную, но «Волгу» (я со временем поменял ему без доплаты старую «Волгу» на новую из привезённых фирмой). Благодаря своей обаятельности и гиперобщительности он уже к тридцати годам имел множество друзей-приятелей и подруг-приятельниц среди торгового люда и руководителей баз. Зная многих, он не жалел времени и легко организовывал встречные услуги для полезных людей, естественно, не забывая и про себя. Даже с руководителями мясокомбината, где директором был мой отец, у него установились более деловые отношения, чем у меня. Мясокомбинатовские продуктовые пайки были в ту пору подобны конвертируемой валюте. Всё это помогло ему шикарно обставить новую квартиру и первому из моих знакомых приобрести диковинную японскую технику с видеомагнитофоном и с дистанционными пультами переключения. Он, опять же единственный из обозримого круга друзей-приятелей, часто бывал в Европе (правда, и мне за те же пайки помог с путёвкой за границу, но… в Северную Корею). Однако его успешный старт, не основанный на упорном системном труде, не гарантировал рождение собственного Дела.

Не только он, но и никто из общих друзей-знакомых, даже отец, в ту пору директор, не встал определённо на мою сторону и не прервал с обаятельным и услужливым Толиком отношения. По-видимому, до сих пор в душах ищущих «справедливого» равенства россиян живёт революционный ген ненависти или, по крайней мере, сдержанная неприязнь к буржуям и безучастие, если не злорадство, к их бедам.

Не защищает предпринимателей и законодательство. Более чем за двадцать лет существования фирмы, несмотря на ворохи

подготовленных бумаг, не удалось никого осудить, хотя бы условно, за недостачи или за явное воровство. Любой адвокат легко доказывает отсутствие преднамеренности в действиях воришек и отсутствие необходимых условий для сохранности продукции, даже если явное мошенничество налицо. Так, одна из директоров социалистической закалки, Алла Демьяновна, воспользовалась тем, что неопытные ревизоры тщательно инвентаризировали товар, но забывали проверять кассу, и часть выручки магазина постепенно за месяц перекочёвывала в карман к ней, пока не достигла весьма заметных нескольких миллионов рублей.

Или при инвентаризации телевизоров и прочей бытовой техники ревизоры старательно из месяца в месяц пересчитывали составленные штабеля коробок, и лишь спустя длительное время выяснилось, что многие из них пустые, а телевизоры проданы «налево».

Один из моих приятелей, некто Фродман, устроивший ко мне сына, безработного в ту пору врача, старшим менеджером по продаже бытовой техники, вначале уговаривал не открывать дело, обещая постепенно отдать долг. Но впоследствии сориентировался, что строгие социалистические законы похоронены, и нанял за значительно меньшую сумму хорошего адвоката, преподав сыну и его друзьям «урок честности».

В одном из ресторанов схему хищения подготовили главный бухгалтер и директор, но и в этом случае мы не только не взыскали деньги, но из-за неточности в приказе на увольнение оплатили им вынужденный прогул примерно за полгода.

Так же и Толик, не встретив за своё, по сути, воровство сурового осуждения, и не подумал открыть данные о «левой» продаже и возместить потери фирмы. Вместо этого в том же городке он открыл по соседству с нашим свой мебельный салон, где начал торговать такой же, как и мы, продукцией.

По всем «понятиям» он был крайне неправ. Но не воевать же с молодым воспитанником. Тем более мебель в моей фирме не главное направление деятельности. Господь нам всем судья.

Спустя много лет, когда Толик, увы, погиб в авиакатастрофе, выяснилось, что он был непрост даже в большей степени, чем я предполагал. Опасаясь, по-видимому, «наезда» с моей стороны, вторым, не афишируемым, учредителем фирмы он сделал приятеля детства, криминального авторитета. Но сводить счёты не в моих правилах, я постарался забыть всё плохое и поддерживал с бывшим подшефным нормальные отношения. После того как Толик погиб, я рекомендовал его жене немедленно закрыть уже немалый бизнес и вложить все деньги в

недвижимость.

Но, увы, жена почувствовала себя вдруг предпринимателем, тем более коллектив клялся, что сделает всё для сохранения и развития бизнеса… Лет через пять ближайшие помощники её полностью разорили.

Горькие потери друзей на золотых «минах»

«Не прожить нам в мире этом без потерь, без потерь» — предупреждает ранее популярная песня. Но хотелось бы как-то минимизировать любые потери, особенно такие досадные, когда речь идёт о потере друзей, не выдержавших испытание бизнесом, точнее сказать, искушение жаждой лёгких денег.

В самом начале кризиса 2009 года решили мы с товарищем подстраховаться от вечной российской непредсказуемости и попытать бизнес-счастье за рубежом. Свободных средств, правда, у меня никогда не было и в помине, все в деле, да плюс ещё и кредиты, возрастающие во второй половине года, особенно в четвёртом квартале, когда активно идёт закуп конфет на сотни тысяч новогодних подарков, вина и прочих соответствующих случаю продуктов.

Поэтому из оборота извлечь какую-то сумму денег немыслимо. Праздничные кредиты и так на пределе, а значительная часть объектов к четвёртому кварталу у банков в залоге. В такой ситуации выдернуть деньги из оборота — значит оставить часть работников фирмы без новогодних заработков, фирму — без планируемой прибыли, а то и с убытками. После такого испытания фирма может пойти вразнос, проедая накопленные финансы. В общем, ситуация уже такая, что не ты управляешь предприятием, а оно во многом управляет тобой.

Но выход из этого круга есть — продажа недвижимости. Благо в собственности несколько бывших заводских цехов, переоборудованных под торговлю, за которыми давно охотятся соседи. Им в конце концов недёшево и продали цеха. Дело с использованием «страховки» оставалось за малым — выгодно вложить вырученные средства в бизнес за рубежом. Но вначале их следует туда перечислить.

На заре перестройки, когда я ещё работал на промышленном предприятии, было архисложно перечислить деньги за рубеж. Требовались контракты и куча других бумаг. Теперь же всё стало намного проще. Уплати подобающий налог с дохода физического лица, возьми в налоговой инспекции справку об уплате налога и уведомь её об открытии счёта за рубежом. Правда, в наиболее авторитетных банках, таких как «Дойче банк» или испанский «Сантандер», счета открыть очень непросто. Но есть много и более доступных банков. Открывай счёт и перечисляй, сколько хочешь, по сути, выводя деньги из России и создавая рабочие места на Западе. Как минимум это не патриотично. Но не я определяю правила игры. Логика безопасности бизнеса и

финансов диктует свои законы.

В идеале думал вложить в то, чем занимаемся и в России, — в производство пива или хлеба, а возможно, в производство и поставку вина. Но, оценив все немалые сложности по работе с «потусторонним» коллективом, решил остановиться для начала на самом простом виде бизнеса — на вложении в недвижимость для дальнейшей сдачи в аренду.

Решено. И вместе с товарищем, у которого были аналогичные планы, но, правда, меньшая сумма денег, мы вылетели на благодатную и спокойную землю Германии. Благо что в Дрездене у компаньона был старый, ещё по студенческим годам, друг Эдуард. Он уже давно жил в Германии, имел вид на жительство, партнёрство в небольшом бизнесе и страстное желание разбогатеть, чтобы воплотить мечту жизни. А именно купить к пенсии небольшой домик в пригороде Парижа. Французский и немецкий языки ему, выпускнику института иностранных языков, уже давно как родные.

Но это ещё половина мечты несемейного человека, причём, кажется, с нестандартной ориентацией в интимной сфере. Для него очень важно, переехав в Париж, ходить каждое утро в одно и то же кафе и листать там прессу, заходить на обратном пути в булочную и покупать не просто хлеб, а именно те булочки, которые он давно любит, а ни в коем случае не другие.

Но, увы, зарабатывать в Германии непросто. Мешает конкуренция, мешают налоги. До воплощения мечты расстояние оставалось, пожалуй, длиннее, чем до пенсии, и это его страшно беспокоило.

Два мира

Мы хлыст властей годами сносим,
Скользя по льдистой мостовой,
Друг другу сами годы косим,
Простить нас Господа не просим,
Снедает души непокой.

А где-то старость по утрам
Листает свежие газеты,
И, по дорожке мытой в храм
Бродя или по берегам,
Нам, незнакомым, шлёт приветы…

В улыбках праздничные лица,
И речи дружески звучат.

А может, мне всё это снится?
Везде по миру зло ярится,
Везде «погонщики» кричат.

Но нет, то дьявола наветы!
Вдали от нас живут без драм.
Там люди празднично одеты,
А старость свежие газеты
В кафе листает по утрам.

На распутье

У нас то кризис, то пурга,
И лгут правители привычно.
У них ни друга, ни врага,
И мнится мне, что злу рога
Они оттачивают лично.
Как в недочитанный роман,
Я к морю предков возвращаюсь.
Привет шлю преданным волнам,
Жму лапы соснам по горам…
Как будто с Родиной прощаюсь.

И здесь на его горизонте появляюсь я — занятый больше поэзией, чем изучением нюансов бизнеса в дальнем заграничье, — в сопровождении его старинного, правда, не очень богатого друга. В общем, «завоёвывать» Европу я пустился с томиками стихов и с нулевым, в отличие от своих детей, знанием иностранных языков, целиком полагаясь на товарища.

И вот в исторической части легендарного Дрездена, со странным для нас названием Цвингер, на зелёном берегу полноводной Эльбы — с тщательно постриженной травкой, с бесконечной велосипедной дорожкой, с воздушными шарами, катающими над рекой смелых и богатых путешественников, — состоялась в кафе наша «встреча на Эльбе», открывающая новые, ещё не изведанные горизонты международной деятельности.

«Германия — не Камчатка, — лениво и с удовольствием подумалось за кружечкой немецкого пива, — здесь не ограбят и не обманут! Можно спокойно заниматься литературой. Деньги будут работать сами». Неожиданно, сразу же после начала разговора, Эдик настоятельно призвал нас говорить в два раза тише, так как вокруг уши, возможно, и невидимые.

— Ну и что! — возразил я. — Ведь деньги официальные, с

уплаченными налогами.

Но он всё же навязал тихую и вкрадчивую манеру разговора, очевидно, привычную для него. Это как-то не вязалось с моими представлениями о безопасности в Германии.

Последний раз тихо говорить призывали нас китайцы в конце 80-х годов, когда я с делегацией Иркутсктяжмаша ездил в Китай менять металл на пуховики, кроссовки и прочий ширпотреб, необходимый для натуральной выдачи зарплаты, — денег в пору премьерства Гайдара хронически не хватало. Кроме тихой беседы были и другие меры предосторожности — китайская сторона охраняла нас день и ночь. Их люди располагались даже в соседних номерах гостиницы. Тогда цель была понятна, нас ограждали от возможных контактов с конкурентами. А какова же цель здесь, в Германии?

«Неужели будущий парижанин тоже опасается наших случайных знакомств?» — пронеслась в голове никчёмная, на первый взгляд, мысль и тут же забылась.

Назавтра Эдик свёл нас с агентством недвижимости, там с ходу предложили купить объект в десяти минутах езды на машине от центра Дрездена. Это был выглядящий весьма добротно доходный дом с квартирами для сдачи в аренду.

Арендная плата, со слов агентов, обеспечивала пять процентов годового дохода на вложенные средства. Правда, учитывались ли при этом все затраты на ремонт и некоторые виды обслуживания, не включённые в арендную плату, представители агентства ответить затруднились.

Цена объекта, как я и просил, составляла примерно половину суммы, которую я планировал потратить. По месту расположения, по внешнему виду, по возрасту данный объект казался вполне интересным. Но через день-два друзья меня ошарашили тем, что хозяин дома уже взял у кого-то залог, платит агентству штраф и продаёт объект самостоятельно своему покупателю. Как-то опять неожиданно, не по-немецки!

Взамен был предложен другой вариант, со слов агентов, переведённых друзьями, ещё лучше. Он обеспечивал уже не пять, а семь процентов эффективности. Правда, и стоил он в два раза дороже первого, а значит, на него ушла бы вся сумма свободных средств, а не половина, как было оговорено вначале. Находился дом в соседнем городке, где сдавать жильё в аренду якобы ещё легче, чем в Дрездене, так как городок с предприятиями и даже дрезденцы ездили туда на работу. Дорогой, когда я попросил показать предприятия, почему-то с ходу мне показали только крупные оптовые склады. Городок был по-немецки ухоженный, симпатичный, утопал в аккуратных клумбочках с ровными

рядами цветов, напоминающими шеренги солдат. Несколько продаваемых домиков в одном дворе выглядели как нарисованные из немецких сказок. Они были безмятежны и привлекательны.

Цена квадратного метра жилья оказалась немного ниже дрезденской. А для подтверждения высокой эффективности вложений пообещали ознакомить меня с бухгалтерской отчётностью. За её достоверность продавец несёт уголовную ответственность. Чёрной бухгалтерии, как в России, у них нет. Немецкий порядок. Казалось бы, вкладывай деньги и получай обещанную прибыль, намного превышающую кризисный банковский процент.

Дело оставалось за малым. Необходимо было создать немецкую фирму и нанять на сдачу объекта как минимум немецкого директора. Бухгалтерские же услуги в Европе выполняют, как правило, по договору специализированные фирмы. Ответственную немку на полставки пообещал наш местный друг. Правда, заработная плата директора и налоги с неё показались великоватыми.

А что если фирму зарегистрировать в Испании? Там и налоги поменьше, и обязательный минимум заработной платы существенно ниже. Агентство подтвердило, что такая схема, в принципе, возможна.

Пока агентство готовило документы купли-продажи, а также бухгалтерские отчёты, мы полетели в Испанию. Там местные наши соотечественники предложили директором приятную русскую женщину, живущую, как и многие из них, в арендованной квартире и воспитывающую дочь.

К тому времени в наших ранее совершенно гладких отношениях с другом стало иногда возникать небольшое напряжение, и от первоначального замысла фирмы с двумя учредителями я постарался мягко отказаться, так как вклад моего друга был невелик, да к тому же с отсрочкой. Вместо этого мы решили, что на его фирму я продам по первоначальной цене 15–20 процентов площади и будем, как и планировали, работать совместно, но двумя фирмами.

На мой вопрос, почему я сам не могу быть директором, соотечественники ответили, что по испанскому законодательству это невозможно. Директор должен быть резидентом. Ну что ж, тогда в уставе предусмотрим ограничение прав директора. Прежде всего, предусмотрели невозможность продаж директором имеющейся недвижимости и перевода крупных сумм без доверенности учредителя на конкретные операции.

После достаточно быстрой регистрации фирмы и назначения

директора мы вновь вылетели в Дрезден.

Там мне представили справку об эффективности покупаемого объекта. Правда, из неё я не смог до конца уяснить, все ли затраты учтены до фиксации прибыли. Но меня уверили, что форма стандартная, другой не бывает. Все затраты учтены.

Вскоре выясняется ещё один нюанс — деньги должны уйти двумя частями: 85 % — на счёт получателя, а 15 % следовало отдать наличными, так как покупатель хочет сэкономить на налогах, или перечислить на боковой счёт, то есть на счёт, не показанный в официальном договоре. Для этих целей моему другу помогли даже открыть счёт в самом респектабельном «Дойче банке». Деньги нужно было перечислить ему как гаранту сделки. Все удобства. Только плати и получай сделку, что называется, под ключ. В общем, знакомая история, но как-то уж сильно по-нашему. Между тем время подписания договора приближается. Остаётся буквально два дня.

Перед расставанием с крупной суммой как-то сами собой отодвинулись стихи и заработало, очевидно, левое полушарие.

Прошу московского сотрудника нашей фирмы срочно сесть и поискать в Интернете ещё варианты недвижимости, чтобы всё-таки соизмерить цены и доходы по разным вариантам. Хотя наш дрезденский друг твёрдо уверял, что это лучший из всех возможных вариантов. Через день поиска и анализа информации сомнения в оптимальности сделки стали усиливаться. По найденному помощником телефону я позвонил дрезденской посреднице, владеющей русским языком, и договорился о срочной встрече. После подробного разговора с ней выяснилось, что городок предполагаемой покупки — с избыточными трудовыми ресурсами и оттуда многие ездят на работу в Дрезден, а не наоборот, как было озвучено агентством или другом-переводчиком, а значит, сдавать жильё в аренду там сложней, чем в Дрездене. Странная путаница.

Величина предполагаемой арендной платы, по её мнению, также нереальна и завышена раза в полтора.

Хотя, может быть, не права она? Возможно, просто желает расстроить сделку, чтобы самой заполучить покупателя? Поручаю своим найти ещё предложения для сравнения.

С этими сомнениями вылетел в Испанию, чтобы сосредоточить всё же деньги на счёте фирмы и оставить доверенность директору на перевод огромных средств после подписания договора по конкретным реквизитам, указанным в доверенности. Для пущей надёжности и спокойствия доверенность я отдал отдыхающему там достаточно надёжному россиянину. Он вместе с директором и должен был осуществить

перевод средств после моего телефонного подтверждения.

Но в Испании меня ждал новый сюрприз. В какой-то момент я решил перечитать учредительные документы. Из привычных переводчиков, родных россиян, рядом никого не было. И я обратился к почти случайной девушке, прибалтийского происхождения, знающей не очень хорошо русский язык. Но и её знаний было достаточно, чтобы разъяснить мне, что в уставе на испанском языке не предусмотрена необходимость согласования с учредителем всех крупных операций, как я просил. Следовательно, как только на счету нашей фирмы появится крупная сумма, у директора будет возможность перевода средств в любое место и на любого человека без всякой доверенности. Ранее, сидя у нотариуса, когда зачитывался текст устава, я понял, что ограничения наложены, правда, понял опять же со слов переводчика от наших испанских новоиспечённых друзей.

Случайная ли эта небрежность, так свойственная нам, русским, и таким же безалаберным испанцам? Наверняка не случайность! Тогда деньги, собранные на единый расчётный счёт, могут с помощью администратора и «друзей», мне её подсунувших, перекочевать в любую часть Испании или в любую страну.

Найти по миру потерявшегося администратора, не имеющего даже жилья, будет практически невозможно, а если и найти, то она может утверждать, что неизвестные бандиты заставили её насильно подписать платёжный документ и продержали день, пока деньги не уйдут в нужном направлении и не будут обналичены. Ищи потом придуманных бандитов.

В общем, как говорится, весёленькая история.

Немедленно нанимаю нейтрального переводчика и иду, почти бегу с ним в банк, чтобы вернуть деньги с фирмы, где они пролежали несколько часов, назад на свой личный расчётный счёт; а затем — в нотариальную контору — закрыть фирму, пока от моего имени не наделали долгов, подписав какие-либо фиктивные бумаги. Деньги, к счастью, ещё оставались на моём счёте. Консультируюсь через нейтрального переводчика с адвокатом, и выясняется, что по действующим в тот момент законам директором может быть и нерезидент, то есть я сам. И тогда проблемы с подписанием платёжных документов на крупную сумму нет.

Так я стал учредителем и директором в одном лице.

Сосредотачиваю на счету новой, подконтрольной только мне фирмы деньги и вылетаю снова в Дрезден для окончательного прояснения ситуации и подписания договора.

Там дождался меня, занятый подготовкой документов по

купле-продаже, мой компаньон. Его испанские знакомые, скорей всего, пытались обмануть меня с уставом фирмы. Но ведал он или нет об этом — не узнать никогда. При встрече он первым делом попросил оплатить его затраты на гостиницу и командировочные расходы, так как он десять дней занимался якобы моими делами, а также подписать ни к чему не обязывающий, с его слов, предварительный договор на покупку объекта. Деньги я тут же отдал, а подписывать что-либо отказался, пока не разберусь сам (и, как выяснилось позже, поступил правильно, иначе пришлось бы выплачивать неустойку).

Уже столкнувшись в Испании с безалаберностью или специально подстроенной возможностью грабежа, я заявил товарищу, что для общения с агентством нанимаю нейтрального переводчика, отказавшись от его услуг и услуг его одногруппника, и сам обсужу всё с агентством. Изменение его настроения и выражения лица было разительным, причём настолько, что сомнений в жульничестве не осталось.

За это время мне, как потенциальному арендатору недвижимости, ещё одно агентство подготовило предложение по величине арендной платы в окрестностях Дрездена. Новые данные подтвердили, что арендная плата в бухгалтерском отчёте и положенная в основу подсчёта эффективности приобретаемого объекта завышена раза в полтора-два. Неужели немцы не боятся подделывать официальную отчётность, как это принято у нас?!

Впрочем, продержался этот вопрос без ответа недолго. Чего не сделаешь ради выгодной продажи?! Давние жильцы — народ, зависящий от арендодателя и дружащий с ним. Нетрудно договориться о том, чтобы жильцы немного поиграли на стороне хозяина. А именно подписали договор аренды по завышенной цене, а разницу будет якобы доплачивать сам себе арендодатель, причём при вменённом налоге он даже не тратится на дополнительные налоги от лжедохода.

Но и при другой системе налогообложения затраты на создание радужной картины по прибыли перед продажей окупятся с лихвой. Получается, что при данном варианте покупки я попадал на двойной обман. Наличная часть — пятнадцать процентов — неплановый куш моих «друзей», считающих его почти заработанным, так как они якобы нашли сверхвыгодный вариант вложения моих денег. Далее, процентов 40–50 терялось из-за завышения цены, соответствующей документально высокой, а на самом деле липовой эффективности объекта. Об этом обмане со стороны продавца мои «друзья» могли и не знать. Хотя за пятнадцать, по сути украденных, процентов, должны были бы вникнуть и во все обстоятельства сделки. Как минимум проверить

сдаваемость жилья, зависящую от направления ежедневной трудовой миграции, и действующую в этом городке реальную арендную плату. Случайность ли? А может быть, ещё процентов 10–15 они должны были получить и непосредственно от продавца объекта? Интересно, кто он по национальности? Соотечественник, немец или кто-то другой? Более вероятно первое. А может быть, у жульничества, да ещё в период кризиса, национальности нет? «Не искушай», — учит Библия. Жаль, я снова сам нарушил этот завет, полностью доверяя ведение дела теперь уже бывшему другу и не очень вникая в сделку до последнего момента.

Вместе с потерей друзей исчезло и желание вкладывать деньги в немецкий, на первый взгляд, очень простой бизнес по приобретению и сдаче в аренду недвижимости.

Вскоре я понял, что надёжней всего приобрести объект, который арендует какая-либо сетевая компания (сеть быстрого питания, магазинов и т. д.). С такой компанией реально заключение договора сразу же на длительный срок, причём по испанским законам арендная плата гарантируется во всё время действия договора. Сложность может возникнуть только при ликвидации компании. Но, увы, времени на поиски такого, не очень простого варианта у меня особенно не было, и пришлось приобрести обычное жильё, правда, в городке на самом берегу моря. И вскоре я столкнулся с европейскими жуликами, в том числе и с адвокатской конторой, которые тупо на каком-то этапе перестали платить за аренду. Пока шёл суд, полгода-год они спокойно пользовались объектами, а затем сбегали или закрывали контору, не сделав ещё и ремонт, предусмотренный договором. Но это примитивные, скучные и, к сожалению, типичные для кризисной Испании истории. Наши жульничают куда изобретательнее и интереснее.

Совместный бизнес и проданная дружба

Одним из самых психологически сложных является совместный бизнес двоих, а ещё хуже, троих и более человек; даже если это близкие друзья, родственники или супруги. У них часто появляются разногласия, нередко переходящие в острую форму, и соблазн пригласить для разборок третейского судью. К выбору последнего следует подходить особенно осторожно. Это должен быть обязательно очень надёжный и порядочный человек, далёкий от преступного мира. В противном случае обращение к авторитетным людям может закончиться значимой долей привлечённых «друзей» в вашем бизнесе. Причём эта доля может иметь тенденцию к увеличению и перейти в полную потерю контроля над недавно ещё своим предприятием. Оно может полностью оказаться в руках «спасителей».

Известно также немало случаев и заказных убийств партнёров. Наследникам же часто невозможно разобраться во всех перипетиях и договорённостях. Не хватает им, как правило, связей и сил для восстановления справедливости. Связи и авторитет по наследству не передаются. Не любят пока ещё в России брачные контракты, подробные договора между партнёрами и завещания. Но и они не гарантируют полной защиты от неприятностей. Прав Есенин: «Если тронуть страсти в человеке, то, конечно, правды не найдёшь». Не счесть ситуаций, когда у каждого партнёра своя правда.

Первый раз в детстве мы с друзьями страстно ссорились из-за… бутылочных пробок. Была такая игра, когда метали шайбу в кон. Взрослые старались попасть в кон денег (мелочи), а мы, лет так в десять — двенадцать, — в кон бутылочных пробок. Игра захватывала, и пробки для нас, пацанов, добытые в тяжёлой, азартной, страстной борьбе, начинали блестеть, как золото в Калифорнии, толкая подчас к их воровству и дракам.

Так же тяжело было нам лет в четырнадцать разделить шишки и орехи в первой самостоятельной таёжной поездке. Любой делёж казался несправедливым. Одни доказывали, что больше добыли, другие — что больше очистили или чаще готовили хворост, еду и мыли посуду. В результате бурной ссоры разделили всё-таки поровну и помирились. Но осадок от ссоры остался навсегда.

В шестнадцать и в двадцать лет, в геологических партиях, опять же казалось, что нагрузка распределена несправедливо. Каждая бытовая мелочь, как, например, принос воды, топка печи, уборка и т. д., вызывала ругань. Быстро устав от изнурительной

борьбы за справедливость, каждый стал стараться тянуть работу на себя, и зажили намного легче.

Возвращаясь к бизнесу, вспоминаю, что очень сложные отношения с партнёрами были и у меня. Так, с Давидом мы имели по 50 % в совместном предприятии, далёком по профилю от основного. Знакомы были несколько десятков лет, чуть ли не с института. Друзьями, правда, не были ранее, но относились друг к другу с симпатией и уважением. Он выгодно отличался от окружающих своей деликатностью, изысканной вежливостью, спокойствием, рассудительностью, в общем, всем тем, что принято называть воспитанностью. Имел математический склад ума, в детстве — немалые успехи в олимпиадах и занимательной математике. Был с юности по профилю деятельности и образованию близок к ЭВМ.

К тому же я хорошо знал его отца, который кроме основной должности руководителя отдела являлся как бы негласным чиновником по особым поручениям при директоре завода. Он имел в городе много нужных знакомств, как и подобает состоявшемуся человеку еврейской национальности. Был обаятелен, обходителен, умел договариваться. Всегда, как он говорил, «посыпал дорогу перед собой» — коробочками конфет, шоколадками, а то и бутылочками хорошего вина и коньячка.

У его сына, моего партнёра, больших навыков завязывания знакомств и поддержания внешних контактов я не замечал. Он горячо любил свою семью, был замкнут на ней, глубоко почитал родителей.

Вот с таким багажом личных качеств, где-то году на третьем деятельности моей фирмы, он после долгих колебаний перешёл работать ко мне с государственного предприятия и не ошибся. Во-первых, на месте его завода теперь очередной торгово-развлекательный центр и рынки. Во-вторых, за 20 лет Давид полностью адаптировался к рыночной среде и превратился в успешного респектабельного предпринимателя, пересевшего с «Жигулей» вначале на «Волгу», а потом и на джип не хуже, чем у меня.

В первые дни, когда Давид перешёл ко мне, я взял его с собой на очень непростые переговоры. Для какой-то из организаций Иркутской области мы закупили по их заявке секцию апельсинов к Новому году, получив от них небольшую часть предоплаты, процентов десять. И вот поставка к Новому году на грани срыва. В основном из-за того, что заказчик сам перепутал какой-то реквизит в документах и переделывал его по ходу движения, что несколько задержало секцию. Из-за этого дорога немного сбилась с графика, а сроки и без того были предельными.

Но поскольку большая часть фруктов шла на новогодние подарки детям, то покупатель заявил, что после 28 декабря они им не нужны вовсе, скомплектуют другие подарки. Пусть дороже, зато в срок: «Дорого яичко ко Христову дню». Понять их желание сделать приятное коллективу и детям можно. И как производственник я понимал их правду. Но была и другая правда. Реквизиты перепутали они — цена минимум один день задержки. Плюс ещё день-два на совести дороги. При чём здесь мы? А главное, секция шла на север области, кажется, в Усть-Кут. Срок хранения и перевозки и так предельный. Пока секция вернётся назад в Иркутск, пройдут ещё дни, качество продукта, и без того, как выяснилось, пограничное, станет неудовлетворительным вовсе. А это тонн 100–120. Около десяти миллионов рублей (330 тысяч долларов). Бешеные убытки фирмы — вот вторая правда.

Разговор поэтому получился очень напряжённый, где-то грубый, на высоченных тонах с обеих сторон. Было ясно, что больше с этой организацией мы не партнёры. Но всё же оппоненту стало страшно, что наши беды с огромными убытками весомей его бед. Да и кто знает, что за сила таится за частными предпринимательскими деньгами. Он привык иметь дело с государственными средствами. И… дрогнул, согласился оплатить секцию в положенный срок. Это была победа, но с привкусом хрипоты. Когда мы вышли, Давид с нескрываемым ужасом спросил, часто ли приходится так беседовать. Я сказал, что нет, очень редко. И это была правда. Апельсины, кстати, пришли почти в срок и попали в подарки.

Вскоре я доверил Давиду самостоятельную операцию по закупке нескольких вагонов растительного масла, кажется, под Ростовом. Он провёл переговоры, дотошно подготовил и подписал договоры, перечислил деньги. И вылетел на отгрузку. На месте оказалось, что договор трещит по швам. Масла уже нет, организация на грани разорения. Деньги стремительно обесцениваются ежемесячной и даже ежечасной инфляцией. В общем, ситуация аховая. Причём, как и в случае с апельсинами, у поставщика была своя правда. Деньги из-за сбоя в работе банка или из-за хитрости пришли на счёт поставщика на неделю позже обещанного. И товар отпустили за наличку другим покупателям. Наша правда была, во-первых, в том, что деньги проболтались уже в их банках, а не у нас, и они обязаны были добиваться их оперативного зачисления. Во-вторых, за задержку платежа в договоре предусмотрены всего лишь скромные пени, а не срыв поставок. В общем, налицо было две правды. Давид хорошо запомнил тренинг с апельсинами и полностью воспроизвёл его и по аргументам, и по тональности, и, честно говоря, по

замаскированной угрозе.

В результате через несколько дней он получил другой равноценный товар. По-моему, сгущённое молоко и халву. Отгрузил два вагона и вернулся победителем, принявшим боевое крещение. Хорошо это или нет, но обучаемость Давида оказалась поразительной. У него произошла как бы психологическая ломка — и рафинированный интеллигент чуть ли не за одну командировку и «тренинг» превратился в рыночного бойца.

Правда, на каком-то этапе я и сам пострадал от его новых, так быстро усвоенных не без моей помощи, качеств. Но тогда до этого было ещё более десяти лет. А пока мы тесно дружили семьями, вместе ездили отдыхать и на природу, и за границу.

Через несколько лет совместной работы Давид предложил попробовать наши силы в строительстве дома. У него от коллеги по заводу каким-то хитрым образом остался участок земли в центре города. У меня были средства на проектирование и начало строительства, и я решил рискнуть. Риск действительно был. Ни он, ни я строительством никогда не занимались. Но из специалистов в этой области у меня в фирме был небольшой отдел, занятый ремонтными работами. Руководитель отдела, военный строитель, как оказалось, имел большой опыт капитального строительства. Он и стал на долгие годы техническим директором нашего предприятия.

Выбрать надёжного подрядчика было, как говорится, делом техники. А вот многочисленные согласования и споры с городской администрацией, водоканалом, электросетями, архитектурой, стройнадзором и т. д. и т. п. — оказались чем-то средним между занимательной математикой, сизифовым трудом и египетской работой.

Здесь Давид выказал недюжинные способности, прежде всего своим прилежанием и привычкой к системному труду. Трудолюбия ему было действительно не занимать, особенно при работе на себя. По наиболее трудным и конфликтным вопросам он подключал меня. У меня уже тогда работало более тысячи сотрудников, чьи голоса были важны во время избирательных кампаний, сильны были наши позиции и на продовольственном рынке города, а кроме того, появились друзья-приятели, близкие к городскому и областному руководству. Как только стали прорисовываться контуры дома, финансировать стройку стали сами дольщики. На случай плохого финансирования дольщиками в число учредителей мы пригласили и директора мясокомбината — моего отца. Часть квартир на стадии строительства можно было предложить комбинату. Но необходимость в этом отпала, оплачено ими было только две квартиры, и Давид предложил

сократить до двух число учредителей. Я бесспорно согласился.

На следующем объекте, имея на руках все разрешительные документы, пришлось выдержать настоящую войну с жильцами. Как всегда, им не хотелось получить под окнами стройку, потеряв тихие пустыри и просторные места для выгула собак. Среди жильцов были весьма уважаемые в городе люди: известный поэт, директор предприятия, заслуженный мастер спорта по боксу, ныне известный тренер, и др. Именно последний и возглавил протестную группу. Переговоры с ними успеха не принесли. Жильцы при подходе техники и попытке установить забор собирались, как по тревоге, и не давали проезда. Давид в этот решающий момент попросил помощи. Были мобилизованы все машины (около пятидесяти единиц) и все мужчины фирмы, из них было организовано живое оцепление, прорвать его жильцы не смогли. Забор со всеми необходимыми согласованиями администрации был победно водружён на законное место, и стройка закипела. Но и жильцам всё же было что праздновать. Из шести блок-секций на встрече противоборствующих сторон у мэра города две блок-секции были исключены из плана. Это, с учётом перекладки инженерных сетей, угрожало серьёзно подкосить экономику объекта. Мэр — сам строитель — прекрасно понимал убытки от своего решения и пообещал в компенсацию любую (!) площадку в городе. Нет, как говорится, худа без добра.

Недолго думая, Давид высказал мне, а я — мэру предложение о площадке на самом берегу Ангары. Она была одна из самых лучших в Иркутске. Думаю, мэр очень пожалел о словах «любая площадка», вскоре поставив себя отказом в неудобную ситуацию. Но уж слишком хотелось нам построить что-нибудь, чего ещё не было в Иркутске, причём в месте, которое хорошо обозревается с обоих берегов Ангары, а также с моста. Да и выгода от участка на берегу тоже немалая. Это понимали не только мы. Претенденты были и повесомей, среди них один из проворных заместителей мэра. И всё-таки ценой немалых усилий, не без помощи друзей-переговорщиков, площадка досталась нам. Но Центр сохранения наследия дал разрешение только на пятиэтажный квартал. Давид оперативно развернул строительство, найдя прямого дольщика в лице одного из банков.

Первая блок-секция была построена быстро, но радости и красоты особой в ней не было. Тогда я решил всё же убедить свою приятельницу — директора Центра сохранения культурного наследия — в целесообразности высотного здания на берегу Ангары, и она дрогнула. Ещё раз провели панорамное исследование, чтобы понять, как повлияет высотка на вид города, не закроет ли она важнейшие виды на храмы с противоположного

берега и моста. Оказалось, что панорама города — тоже объект охраны. Исследование показало — не закроет. Но всё же взять на себя ответственность за фактически первое высотное здание в центре Иркутска, да ещё на самом берегу Ангары, начальница ЦСН не могла и порекомендовала согласовать вопрос в Москве. Проект выполняла мастерская главного архитектора города. Он тоже горел желанием украсить город достойным зданием, и по моей просьбе они с Давидом вылетели в столицу.

Добиться положительного решения оказалось не так уж сложно. Мы знали, что главный специалист по памятникам в Москве поддерживает оригинальные проекты высотного строительства. И вскоре проект был переделан и представлен на согласование. В центре застройки квартала, похожего на океанский лайнер, красовалась пятнадцатиэтажная блок-секция. На тот момент это было самое высокое и, думаю, самое красивое здание в городе. Во всяком случае, когда Москва в новостях показывала Иркутск, не раз красовался наш дом как визитная карточка города, его достопримечательность. В квартале на берегу получилось более десяти тысяч квадратных метров престижного жилья и офисов. Все наши хлопоты с выбиванием участка, с согласованиями этажности и в Иркутске, и в Москве, небезопасные разборки с арендаторами земли, у которых была своя правда в судах, а главное, «по понятиям», окупились сторицей. Кроме большого морального удовлетворения была и немалая прибыль. Но большие деньги — большие соблазны. Редко кто выдерживает такое искушение.

И вот я почти случайно узнаю, что Давид собирается сдать в аренду общие торговые площади и уже вовсю ведёт переговоры с моими конкурентами. Дальше — больше, обнаруживается, что втайне от меня создано ещё одно, одноимённое нашему с ним предприятие, где в учредителях меня, естественно, нет. Выяснилось также, что немало квартир куплено по ходу строительства по невысоким ценам на родственников Давида. Расчёта эффективности и дивидендов, хотя бы в виде непроданных площадей, увидеть тоже не удалось, хотя в штате предприятия были и бухгалтерия, и очень опытная экономист-строитель. Стало совершенно очевидно, что всё было нацелено на то, чтобы совершенно запутать второго учредителя, то есть меня, и оставить практически без дивидендов. Пришлось проводить целое расследование. Я отправил молодого финансиста нашей компании и старшего сына (в ту пору он был как раз на каникулах, а учился в Лондонской школе экономики и политических наук), чтобы они по документам и в натуре восстановили картину эффективности и ещё непроданных

площадей хотя бы на текущее время. К счастью, не всё ещё удалось партнёру запутать до конца, продать и переоформить на родственников, спохватился я, хоть и поздно, но не совсем.

При дележе выявленных дивидендов разгорелся нешуточный конфликт. Правда Давида была в том, что он день и ночь, не щадя здоровья, занимается стройкой и серьёзно минимизирует затраты.

И действительно! На предыдущем объекте он так минимизировал затраты, искусно применяя свои навыки в занимательной математике, где дважды два равно пяти, что друживший с ним подрядчик Лев Иванович после возведения объекта оказался практически разорён. Я на этом объекте по улице Красногвардейской на дивиденды особенно не претендовал, оставив их полностью на его усмотрение, так как земля была получена, кажется, без моего участия. Правда, живое кольцо из машин и людей при установке забора выставлял я. У мэра за количество блок-секций, которое, к слову сказать, впоследствии было Давидом потихонечку восстановлено, сражались тоже вместе. Налоговую оптимизацию также производили с помощью моей фирмы. Прикрывал я и от зоркого взгляда одного преступного авторитета, который буквально по телевизору узнал о стройке в центре города, ведущейся каким-то Давидом с фамилией, не известной своими связями с властью или с другими сильными людьми иркутского небосклона.

Что касается дивидендов по стройке на берегу Ангары, мой резон был в том, что за своё усердие он получает приличную зарплату в размере, который сам считал нужным установить. Я никогда не был против. Но все эти старания дали бы мизерный эффект на периферии города. Наша сверхприбыль обусловлена прежде всего географией площадки — центр города, берег Ангары — и предложенной мной высокой этажностью. И это, в первую очередь, заслуга авторитета моей фирмы в глазах мэра и ЦСН. Вместе с членами семей в фирме несколько тысяч избирателей, а кроме того, широко известна моя спонсорская деятельность. Пришлось напомнить и о том, что все налоговые риски и оптимизация налогов осторожным партнёром перекладывались на мою фирму. Это серьёзно портило показатели и увеличивало мои налоги и штрафы. Благодаря моим специалистам и друзьям выиграны арбитражные процессы, а главное, разборки «по понятиям» с весьма агрессивными арендаторами части земли и т. д. Технический директор предприятия — также мой человек. Методик оценки весомости наших вкладов в конечный результат нет, а потому разделить дивиденды следует по-честному, то есть поровну, как и предусмотрено учредительным договором и всеми

понятиями, а уж тем более не создавать втайне от меня одноимённые предприятия, выкупать квартиры и всячески запутывать экономику.

Вместо того чтобы внять доводам, мой друг, становящийся бывшим, втайне договаривается о продаже своего пая одной из самых агрессивных фирм города, с которой у меня как раз был конфликт.

Благо что этот подлый аргумент прозвучал в нашем споре. Это, по всем понятиям, был полный перебор, почти равный использованию оружия. Последствия его «смелого» шага могли быть страшными и для меня, и для него, причём неизвестно, для кого опаснее.

Поскольку информацию о серьёзном денежном раздоре между нами Давид выплеснул наружу, мои противники могли решиться на тяжкое злодеяние против любого из нас, рассчитывая, что подозреваемым в преступлении будет второй участник острейшей размолвки. Я объясняю ему, со всей его прямолинейной математикой и логикой, очевидную для меня истину: вероятность преступления против него, вплоть до «заказа», как раз выше, так как его известность в городе намного меньше, а значит, и меньше шума, нет у него и влиятельных друзей, способных на мщение, не сиживал он никогда с хозяевами этой братской фирмы за столом с хлебом-солью, а значит, не будет приходить во сне. Но я был бы всё равно морально сломлен подозрениями и подписал бы под давлением нужные агрессивной фирме земельные бумаги.

Всё это я понял моментально и смог растолковать Давиду, с каким огнём он начал смертельно опасную игру. С ним чуть не случился приступ. Он понял, куда завёл дело. И принялся немедленно звонить, отменять своё предложение о продаже доли и заявлять, что это было минутное настроение и что конфликт, в общем-то, исчерпан.

Не знаю, в каком состоянии он пришёл домой после нашего разговора, но мои отношения с ним и его близкими, которыми я очень дорожил на протяжении многих и многих лет, испортились раз и навсегда. Я ли был тому виной?

Назавтра мы разделили поровну дивидендные площади. Но, увы, только выявленные; какая это была часть от целого, мне, пожалуй, никогда не узнать. Знает он и его помощница, получившая квартиру так же непонятно на каких условиях, может быть, за молчание. Какого-то серьёзного аудита я не провёл, в том числе щадя здоровье своего недавно ещё близкого товарища. Позже я узнал, что инфаркт он всё-таки перенёс. К счастью, не очень тяжёлый. Но и это, как случайно выяснилось лет через семь

после окончания стройки, ничему не научило. Один из прилегающих к общей земле участков, где должен быть общий, как мы планировали, объект, он втайне от меня оформил на своего человека. Станут ли и без того весьма небедные наследники Давида намного счастливей и успешней — покажет время. Храни их всех Господь!

«Сваты»

Москва. Утро понедельника. Прекрасное заведение с ласковым дореволюционным названием — кафе «Булошная» в Лялином переулке. Завтракаем с молодым специалистом Дмитрием, сыном друзей — бывших иркутян, и не торопясь говорим о почти состоявшейся покупке склада в Домодедово, к приобретению которого как новичок-стажёр он тоже имел некоторое отношение.

Я рассказываю ему, что продавцы (муж с женой) очень приличные и обаятельные люди, к тому же не собственники, а представители крупного холдинга, имеющего даже свой банк. Поэтому бандитские действия, которых опасаются все, закалённые в 90-х годах, исключены.

Во время беседы с продавцами, которая проходила непосредственно на объекте, мы сосватали, правда, пока гипотетически, их не присутствующую при этом 24-летнюю дочь за моего 26-летнего старшего сына, который был со мной на объекте. Правда, к идее знакомства он, в отличие от сватов, отнёсся прохладно. Хотя их сближает не только возраст, но и увлечения. Сын несколько лет назад ходил, а их дочь сегодня ходит на тренинги по общению и красноречию. Из того, что рассказывал сын об этих интересных курсах, запомнилась система баллов, начисляемая в зависимости от количества и глубины знакомств за один вечер и особенно за сольное пение гимна в вагоне метро с объявлением своей фамилии. Я как раз по приезде в Москву встретил его после этого «бенефиса». Моральное состояние у него было, как после первого прыжка с парашютом. Вот что значит преодолеть себя!

Сегодня же ему не до знакомств, американская консалтинговая фирма не оставляет времени ни на личную жизнь, ни на хоть какую-то помощь в моём бизнесе. Главный стимул хитрой американской системы, удерживающий молодёжь в компании при почти круглосуточной работе, — скрупулёзный подбор образованных, работящих, креативных ребят, которые быстро сдруживаются и очень дорожат своей компанией и многочисленными совместными поездками на тренинги, на совещания, да и просто на выходные в Америку и по Европе…

Но здесь, за неспешным завтраком в «Булошной», почему-то всплыла в памяти невзначай оброненная «потенциальной роднёй» фраза о том, что к эксплуатации склада они отношения не имели, им поручено дирекцией только продать его. Но откуда же они тогда знают тонкости организации его работы, в частности

функциональное назначение разных, в том числе и надстроенных, помещений? Обычные продавцы имеют дело с уже освобождённым объектом и никогда не вникают в логистику работы здания у предыдущих хозяев.

В чём же дело? Откуда и для чего лукавство? Случайно ли обронена фраза о неведении насчёт каких-то особенностей эксплуатации здания или когда-нибудь при неприятностях, если вдруг знакомство завяжется, потенциальные сваты скажут: «Мы вас предупреждали, что объект нам не знаком, и моральной ответственности за всплывшие проблемы не несём»?

Такие вот мысли пролетели в сознании, когда я говорил Дмитрию, что у склада очень выгодное соотношение цены и качества, поэтому сделка уже сегодня оформляется полным ходом, частичная предоплата, 15 % стоимости, уже в их банке, но — до сдачи документов на регистрацию — находится на нашем счёте. В последние дни лояльный продавец внял доводам и подозрительно скинул ещё 7–8 % и без того неплохой цены — учёл, что нам придётся менять разрешённое использование земель с производственного на складское. После сдачи пакета документов деньги превратятся в односторонний залог-предоплату и уже безвозвратно переплывут на их расчётный счёт в банке.

Правда, в последний день у продавцов неожиданно возник вопрос о дополнительном премировании риелторов в размере 300–500 тысяч рублей. Уж не специальная ли это «заморочка», чтобы отвлечь от чего-то главного? Но от чего? Крыша бежит? Мелочь. Фундамент плывёт? Сложнее, но выгода в цене покроет неожиданные затраты. Вдруг вспомнилось, что наш московский представитель Александр, проверяющий всю сделку от начала и до конца, и финансист Анатолий, специально командированный в Москву, как-то мельком обмолвились, что проезд к складу проходит по двум смежным участкам (что чревато конфликтом), но ездят по нему ещё восемь-десять фирм. Со всеми воевать собственники земли не станут — себе дороже.

Хотя стоп! А нельзя ли к этим фирмам, в отличие от покупаемого нами склада, подъехать с другой стороны? Склад расположен совсем близко к ручейку-речушке с её наверняка имеющейся охранной зоной. А они? Да и собственники ли площадей остальные пользователи чужой дорогой? Может быть, они всего лишь арендаторы, которым ничего не стоит при надобности уехать?

Пытаю по телефону помощников, есть ли у речушки водоохранная зона? Не знают. Сколько за нами складов? Кажется, всего один. Откуда же около десятка фирм?! Как вскоре

выяснилось, фирмы все расположены в одном складе и, конечно же, как я и предположил, арендаторы. Кроме того, к их зданию возможен и круговой подъезд, а к нашему — нет. Значит, за сервитут — право проезда по чужой земле — воевать только нам одним. Но застроить проезд они смогут быстрей, чем суд рассмотрит наш иск по сервитуту. И к тому же нет методик определения цены сервитута. В общем, у неизвестных нам соседей будет законное оружие, чтобы принудить нас продать по бросовой цене купленный, а потом и реконструированный за немалые деньги склад.

Вот почему «сваты» бросили лживую фразу, что с эксплуатацией объекта они не знакомы. Соседей и расклад по землям они как бы не знали, и возможные тяжбы им невдомёк. Звоню Анатолию и останавливаю сдачу документов. Оказалось, что счёт шёл уже на секунды. Они стояли у окна регистрации. Цена секунд была три миллиона безвозвратного залога, а объекта — двадцать миллионов. В ту пору и возник впервые тяжелейший для меня вопрос: только ли в недостатке опыта и внимательности у финансиста проблема?

Опять не в цель

После отпуска, проведённого в Испании, прошло несколько тяжёлых перестроечных дней. Ко мне в кабинет, предварительно записавшись и просидев немного в приёмной в окружении картин, в компании секретаря, помощницы и цветного попугая, заходит менеджер по недвижимости. Из его слов следует, что мы, как всегда, тянем с приобретением объекта и уже состоялась встреча владельцев объекта с высоким гостем — хозяином самой могучей в городе сети супермаркетов «О'кей», а это дополнительное свидетельство того, что объект стоящий — в чутье и владении методиками прогноза прибыли этой сети не откажешь. Значит, действовать необходимо быстро и решительно, не затягивая торг. В очередной раз проигрывать сверхэнергичным то ли противникам и конкурентам, то ли коллегам и партнёрам-приятелям не хотелось.

Всё в бизнесе нашего провинциально-столичного города перемешалось. Каких-то лет 17–18 назад сетевой продуктовой реализацией и оптом из новоиспечённых фирм занимались практически мы одни, солидно выходили на областную администрацию и получали весьма льготные кредиты на не очень понятный сезонный кассовый разрыв и на северный завоз.

Основатели сети «О'кей» в это время были ещё в самом начале пути. Они занимали у приятелей деньги под высоченный процент и помаленьку, вначале коробками, а спустя несколько лет и контейнерами, завозили продукцию из Москвы. Сами разгружали, хранили и продавали в небольшом арендованном помещении на центральной улице города. И вот буквально на пустом месте выросла могучая оптово-розничная империя с десятками, если уже не с сотней супер- и гипермаркетов, с гектарами земли и десятками тысяч квадратных метров площадей. Чем не американская мечта!

Не особенно включились они, правда, пока в культурномеценатские проекты, но время ещё есть. Сорок пять — не возраст для здоровых и энергичных. Креативность у них во всём. Пару лет назад довелось мне быть свидетелем самого яркого для нашего города дня рождения — сорокапятилетия хозяйки сети «О'кей». Для его проведения был приглашён из Москвы организатор российского, а может быть, и международного масштаба. Мероприятие он готовил, что называется, под ключ. Сценарий, меню, место проведения, добывание самых качественных продуктов из Москвы и прибайкальских сёл. Но главной фишкой была воссозданная

атмосфера 20-х годов, с НЭПом, незабвенным Остапом Ибрагимовичем и бабелевской Одессой. Все участники действа были за месяц извещены, что вход только в нарядах тех лет. Даже я, будучи консерватором, заразился этой идеей, купил лёгкий клетчатый пиджак, шляпу-котелок, трость, шарф и сигару. А главное, сочинил тост, равный небольшому юмористическому рассказу, и подарил 45 % стоимости «ну очень дорогой» картины с видом еврейских улочек Тель-Авива, при этом взял на себя обязательство передавать каждый год по дополнительному одному проценту стоимости картины, с расчётом, что всего через 55 лет 100 % картины станет собственностью именинницы. После чего она, уже как антиквариат, возвращается в мою галерею для экспонирования потомкам. До этого времени мне должен быть обеспечен беспрепятственный вход в дом для контроля условий содержания картины, особенно при отсутствии главного охранника семейного добра — её мужа, когда риск неприятностей для сохранности картины, конечно же, серьёзно возрастает…

Но соединяет нас не только общая картина и симпатии, но и наши немалые поставки алкогольной продукции и кондитерских изделий в их могучую сеть. Правда, уже не раз, как и сегодня, мы сражались за один и тот же объект. Причём последний — магазин на улице Пискунова — был нами проигран.

Поэтому нашего менеджера по недвижимости я попросил срочно договориться о встрече с владельцами двухэтажного магазина (ранее столовой), теперь уже расположенного посредине новостройки 12–16-этажных зданий. Неспешные переговоры с ними мы вели уже месяца полтора.

Первоначально нас не устраивало то, что в собственности у них было только здание, а земля в аренде. Мы выставили условие, чтобы они сами до продажи оформили землю. Имея самые серьёзные намерения, они взялись за оформление земли и пообещали не рекламировать продажу объекта в Интернете.

Вскоре земля была оформлена по достаточно быстрой, «дружественно-бескорыстной» схеме. Мы же в это время оценивали объём затрат на реконструкцию магазина и на инженерные сети. Здание бывшей столовой (700 квадратных метров) давно уже не эксплуатировалось, и не было договоров на электричество, а главное, на ещё более дорогой теперь ресурс — на воду. Последние годы, под разговоры о развитии бизнеса, кроме роста тарифов на электроэнергию, тепло и воду, ввели ещё и драконовскую плату за подключение. За подключение воды следовало заплатить около пяти миллионов, электроэнергии — около одного миллиона рублей. И это помимо стоимости прокладки и ремонта самих сетей, хотя абонентская плата

наверняка включает все затраты, в том числе на обновление и амортизацию городских сетей. Антимонопольному комитету легче штрафовать нас, например, если проскочит где-то в рекламе запретное слово «вино» или, не дай Бог, появится намёк на фужер с шампанским, чем разбираться с олигархическими структурами, в чьих руках, по сути, вся экономика России.

Затраты на восстановление здания и его выкуп в сумме получились не маленькие: около 60 тысяч рублей за квадратный метр. Но и расчётная реализация представлялась существенной — тысяч 30 в месяц на квадратный метр. Из них тысячи две-три должно оставаться чистой прибыли. А значит, срок окупаемости будет отличный — примерно два-три года. К тому же включённые в сделку двадцать две сотки земли можно будет использовать под стоянку и возможное расширение.

Поэтому я и загорелся покупкой, но, наученный неприятной историей со «сватами», решил срочно встретиться с хозяевами объекта, чтобы ударить по рукам. Занимаясь литературной деятельностью, галереей и другими культурными проектами, я сам далеко не всегда стал выезжать на арендуемые и даже на покупаемые объекты.

Место действительно оказалось отличным. Вокруг будущего супермаркета достраивается настоящий иркутский «Манхэттен». Правда, «наше» здание показалось каким-то сиротливым и неприкаянным. Не приглянулась мне двухэтажная семисотметровая «избушка» в окружении современных громадин, непонятным мне показался и подъезд. А что если здесь только пешеходная зона? Как быть тогда с объёмными покупками? Как их дотаскивать до машины? Как подвозить товар нам самим?

Вскоре я собрал у себя специалистов. Все были за приобретение, но какой будет подъезд, ответить не смогли. Тогда я, с раздражением напомнив про московский склад, отправил молодого менеджера по недвижимости и Анатолия в городское управление градостроительства и архитектуры. И здесь оказалось, что здание нельзя расширять, так как по участку в соответствии с проектом будет проходить дорога. Что же тогда останется под стоянку? Следом выяснилось, что и стоянка не главное — по генеральному плану застройки дорога не только пройдёт по участку, но захватит и здание. А следовательно, покупать здание и вкладывать миллионы рублей в реконструкцию — полное безумие, так как впоследствии нас принудят продать здание или обменять, но большинство понесённых затрат в такой ситуации не компенсируются.

Как буквально в эти дни продавцам выдали свидетельство о собственности на землю, причём без всякого обременения? А

главное, неужели наш финансист — контролёр сделок — не мог заподозрить неладное? Или опять не захотел?

Не слишком ли много весьма подозрительных накладок, включая прикарманивание денег на благодарности, у ближайшего помощника? Очевидно, что после всей этой цепочки дел придётся расстаться. Жизнь у него в целом устроена. Квартиру недавно он у меня досрочно выкупил, прикрыв мутное происхождение своих доходов выгодной продажей приобретённого недорого участка земли. Правда, «спроворил» он этот участок также возле моей дачи, где бесплатно жил не одно лето. Председатель, как позже выяснилось, искал меня, а подвернулся он. Погасил и ссуду 800 тысяч рублей, полученную в фирме по дружбе без всяких гарантий с его стороны. Сослался на помощь родителей. Сомнительно. Но Господь ему судья… Однако и расстаться не так просто. Не бросит ли его новость об увольнении опять в объятия злого недуга? Всё-таки за эти годы и он, и его семья с пятилетним сыном стали мне далеко небезразличны.

Настраиваю его после выхода на работу на необходимость «держать удары», как когда-то настраивал меня, молодого специалиста, директор радиозавода, назначая на должность начальника труднейшего цеха. Правда, заходить ко мне пока я попросил его помощников. Следовало выиграть время — две недели, месяц, чтобы он окончательно вышел из нездоровья. А там и новогодние каникулы, и Рождество Христово. Дай-то Бог, желаю ему в душе, чтобы избавился от скверны и встал на ноги во благо своей семьи с малолетним сынишкой. Но уже только где-нибудь в другом месте. При его проворности и склонности к авантюризму, двуличность и непреданность могут привести к огромным неприятностям. Подпишешь что-либо по невнимательности и недосчитаешься объекта или какой-то из фирм.

Кроме того, он и сам неплохо научился расписываться за меня, чем, с одной стороны, облегчает работу, когда меня, например, нет в городе. Но когда-нибудь он может ещё существенней облегчить капитал фирмы, подделав подпись, а затем прогнав объект через добросовестных покупателей.

Авантюризм и неискренность, легко переходящая в патологическую лживость, — самое опасное сочетание качеств, которые только могут быть у ближайшего окружения.

Тренинг на грани миллиона убытков

«Если бы Бога не существовало, Его следовало бы выдумать» — когда-то изрёк Вольтер. И действительно, сколько нравственных и моральных норм, ограничивающих безудержную свободу и всевластие бурных страстей, способных сжечь их носителей и окружающий мир в адовом пламени вседозволенности, дарят человечеству религии мира. Высок и психологический эффект веры в Господа, в загробную жизнь или в переселение душ. Нет, пожалуй, более действенного лекарства от депрессий, вызванных страхом смерти и потерей близких людей.

На более низком, бытийном уровне можно восклицать: «Если б у человека не было необходимости в постоянной борьбе с житейскими и с производственными проблемами, без коих жизнь пуста и неинтересна, то и их следовало бы выдумать».

Поистине бессмертные слова вложил И. Гёте в уста Фауста: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идёт на бой».

Конечно, прежде всего, любовь расцвечивает яркими красками жизнь практически каждого нормального человека. Но если бы жизнь ограничивалась только этим, то она всё же была бы скучновата, как романы, где нет никакого дела, а всё повествование ограничивается отношениями любви и ненависти между партнёрами, как, например, в большинстве романов Оноре де Бальзака и других французских писателей XIX века. Поэтому для многих деятельных натур жизнь немыслима без напряжённого труда и постоянной борьбы на этом поприще. Многие обеспеченные люди, особенно предприниматели, стараются трудиться чуть ли не до последнего вздоха. Если вдруг оказывается, что в производственном коллективе продолжительное время «тишь и благодать», то он как бы теряет вектор развития, притупляется воля и находчивость руководителей.

В трудных нестандартных ситуациях видно, у кого из руководителей есть дар нестандартного креативного мышления или даже талант предпринимательства, а кто может пусть и очень квалифицированно, но действовать по раз и навсегда выработанному алгоритму. Правда, в экстремальных ситуациях нервы иногда напрягаются до предела, как ткань парусов, испытывающая в штормах неимоверное давление ветра. Если паруса выдерживают и корабль не терпит крушение, то он яростно и победно мчится вперёд. Так же и коллективы в производственном шторме должны энергично действовать,

сопротивляясь обстоятельствам, тренируя нервы и развивая навыки борьбы, помня, что без систематической тренировки можно и надломиться.

Одна из таких неплановых «тренировок» недавно обрушилась на нас. В пятницу вечером, когда рабочий день для большинства сотрудников уже окончился, коммерческий директор фирмы вдруг, как бы случайно, обмолвился, что крупный арендатор, торгующий мебелью, заранее предупредивший нас согласно договору, сегодня съезжает, задолжав за три с лишним месяца около миллиона рублей арендной платы. Хотя такой ситуации за много лет работы у нас не возникало, мне казалось совершенно очевидным, какие меры следует предпринять. Спрашиваю об этом директора и с удивлением слышу, что он наивно купился на обещание арендатора погасить долг в самое ближайшее время. При этом у него был вроде бы веский аргумент, что ранее своё слово этот вполне приличный арендатор всегда держал, и оснований ему не верить нет. И действительно, арендатор был не случайным человеком и не обычным продавцом. Из общей массы коммерсантов он выделялся спокойной благожелательной манерой речи, логичной рассудительностью и интеллигентностью, хорошими манерами и элегантностью. Но особенно важно то, что мебель, которой он торговал, производилась на его собственном предприятии, за тысячу километров от Иркутска, и наш магазин у него был не единственный. О немалом масштабе деятельности свидетельствовало наличие у него сети салонов в различных городах Сибири.

Наученный за долгие годы ведения бизнеса горьким опытом предательств и необязательности не только чужих людей, но нередко своих сотрудников и друзей, я не мог разделить оптимизм директора. Безупречное поведение и обходительность арендатора имели место в условиях, когда он был кровно заинтересован в сотрудничестве. Но теперь совершенно другая ситуация. Он съезжает, не оплатив арендную плату, не дав гарантийного письма и не оставив в залог мебели. Не было никакой уверенности, что на его предприятии или на нём лично, пока длится суд (если дело дойдёт до этого), останутся какие-то материальные ценности. При хорошей ситуации магазины не закрывают.

Срочно узнаю, в какой стадии «эвакуация» его товара. Оказалось, что буквально несколько минут назад отъехал грузовичок с двумя последними мебельными гарнитурами, причём их стоимость была близка к величине задолженности. В этот момент на наших площадях мебели оставалось ещё на один

рейс. Но это были недорогие столы и стулья, всего тысяч на 80–90.

У директора его магазина по секрету выясняем, что мебель вывозится в небольшой арендованный склад в 10–15 минутах езды от места продаж. Мне было совершенно очевидно, что единственный шанс получить гарантию по возврату долга — это любыми путями вернуть вывезенную мебель и оставить её в залог. С этой задачей на склад арендатора срочно выезжает наш начальник службы безопасности с несколькими охранниками, а следом отправляется по адресу и наш грузовик. На легковой машине наши представители примчались раньше, пока машина арендаторов бережно и не торопясь везла наш потенциальный залог.

Но как без лишнего шума вернуть мебель в только что покинутый ею магазин или переместить на наш склад? От продавца беглецов узнаём, что некоторые работники не получили полный расчёт и обижены на иногороднего хозяина. В данной ситуации это нам на руку и даёт шанс за материальное вознаграждение договориться либо со старшим менеджером, либо с кладовщиком о том, чтобы мебель отписали нам в залог или хотя бы не поднимали лишнего шума, когда наши представители будут её забирать.

Нехорошо, конечно, брать чужое, не согласовав с хозяином, но чистоплюйскими, полностью законными методами невозможно в наше время вернуть своё. Законы и дряблые силовые структуры в ситуации мошенничества чаще всего бессильны. Обычно к моменту решения суда у должника уже не оказывается имущества и средств, а фирма легко отправляется путешествовать в другой регион. Личной уголовной ответственности при этом не возникает. Во всяком случае, ни нам, ни кому-либо из наших знакомых не удалось привлечь к уголовной ответственности никого из должников, никому за эти злодеяния не перекрыт и выезд за рубеж. Мошенник, не признанный по закону таковым, легко открывает другую фирму, причём порой совершенно цинично с аналогичным названием, и преспокойно продолжает заниматься тем же самым или другим делом, похоронив все долги.

В беспокойные 90-е годы было немало желающих за 20–30 % возвращать чужие долги, причём эффективно работали самые что ни на есть бандитские структуры. В арсенале их средств были поджоги машин или домов, избиения, а иногда и стрельба. Сегодня, слава Богу, стрельбы нет. Многие специалисты подобного рода не смогли поделить с собратьями добычу или сферы влияния — и ушли в мир иной, хотя некоторым, более

смекалистым, удалось проскочить в двухтысячные годы и успешно обзавестись официальным бизнесом. Оборотная сторона этой окрашенной теперь в более мягкие тона медали: нарастающий вал неотданных долгов и сохранение поджогов. Так, за четыре месяца 2015 года в Иркутске было сожжено 60 автомобилей.

Но вернёмся к нашей истории. Вскоре все, кто проморгал бегство арендатора с миллионным долгом, поняли, что натворили: насколько легко ещё час назад было остановить его окончательный выезд и насколько сложно, а может быть, и невозможно вовсе вернуть мебель на прежнее место, — и получили мощный удар по нервам и скачки давления. Не обошло это состояние, увы, и меня. Но подобно тому как умеренное нервное возбуждение перед экзаменом или ответственным выступлением помогает сосредоточиться и сконцентрировать внимание, так и в данном случае ускорившиеся мысли заставляли стремительно действовать. Важно было не упустить момент, пока мебель ещё не замкнута в их складе или не отправилась в соседний город.

Прежде всего поручаю своему главному специалисту по мебели переговорить с директором магазина арендаторов, выяснить, насколько она обижена материально своим шефом и не согласится ли за вознаграждение, без согласования с хозяином-должником, отдать нам вывезенную мебель в залог. Тем более что их иркутский филиал закрывается, а у нас данное направление слегка расширяется и можно разговаривать о её трудоустройстве. Директор весьма сочувственно отнеслась к нашему предложению, но, привыкшая без рассуждений выполнять указания хозяина, которого пока ещё не считает бывшим, всё же испугалась морального давления. Кроме того, на складе главной была уже не она, а кладовщик, он же бригадир грузчиков-сборщиков. Разговор с ним поручили начальнику службы безопасности, прибывшему на склад. Но здесь оказалось ещё сложней, так как бригадир трудился в Иркутске вахтовым методом, постоянно проживая в Чите, там же, где и хозяин фирмы. Так что ему в ближайшее время не грозила потеря работы, не было перед ним и долгов по заработной плате. После такой вводной разговор о залоге за вознаграждение не стали и затевать.

Начальник службы безопасности уже продумывал вариант, как, воспользовавшись численным перевесом, посадить в их прибывающую машину пару наших добрых молодцев и потребовать от водителя переезда в обратном направлении, то есть в наш магазин. Но выяснилось, что и на базе, и на складе есть тревожная кнопка, которой в данной ситуации, конечно,

воспользуется бригадир.

Неужели игра проиграна — и мы, скорее всего, получили очередной миллион убытков? Ничто не действует на нервы сильнее, чем признание глупости и нерадивости как собственной, так и ближайшего окружения. Ведь всего какой-то час назад достаточно было нажать кнопку внутреннего телефона и поручить охране остановить вывоз мебели с наших площадей! Теперь же, на чужой территории, любые насильственные методы по вывозу имущества должников без решения суда и без судебных приставов попадают под статью об уголовных преступлениях (кража, грабёж и т. д.). Хотя, строго говоря, и на своей территории задерживать имущество арендаторов — дело, мягко говоря, не очень законное. Многое зависит от желания полиции и прокуратуры вникать в суть дела. Станут ли они разбираться с фактурами на мебель и устанавливать, кому она принадлежит, или посоветуют обращаться в суд? В этом вопросе многое зависит от дружбы с силовыми структурами. Уверен, что в своём городе преимущество всё же у нас. Как известно, дома и стены помогают. Но в данном случае нам не осталось ничего иного, как начать напряжённый диалог по телефону с иногородним хозяином фирмы.

Судя по всему, обеим сторонам конфликта удалось спроецировать на хозяина мебели весьма нервную обстановку, царящую в его пустеющем магазине и на складе, где высадился наш «десант», прибывший на грузовике и на легковой машине. В момент начавшегося диалога его неразгруженный грузовичок с двумя гарнитурами стоял за охраняемым шлагбаумом возле арендованного склада на территории небольшой базы и ждал своей участи. В складе оказался и ещё один гарнитур. Как убедить хозяина немедленно погасить мебелью задолженность или оставить её в залог? Полное преимущество было уже на его стороне: он мог просто вызвать охранное агентство или полицию и потребовать, чтобы наши представители покинули базу и уж тем более не препятствовали разгрузке. Это по трезвым рассуждениям. Но и за тысячу километров он чувствовал, что конфликт разгорается, и до последней черты ему всё же хотелось сохранить лицо. Будучи немолодым человеком, он понимал, что земля круглая и по возможности лучше сохранить репутацию — мало ли где в Иркутске ещё придётся арендовать площади. Кроме того, на Байкальском тракте, вблизи залива, он соорудил поместье, о котором знала моя помощница и куда в дальнейшем он, возможно, мечтал переехать и стать уважаемым иркутянином.

Пока наши руководители ведут напряжённейший диалог, я приглашаю к себе непосредственного исполнителя, ответственного за сбор арендной платы. Он, как это принято у

безответственных людей, докладывает, что о задолженности знали все. Такие, как он, всегда пытаются полностью снять ответственность с себя и переложить на «всех». Но, к моему полнейшему удивлению, он информирует, что по поручению директора просил службу безопасности воспрепятствовать вывозу мебели.

Спрашивается, почему же они не среагировали, почему не оповестили о сбое директора или меня? Оказалось, что моя помощница, которая раньше отвечала за арендную плату, созвонилась по его просьбе с должником и, как он понял, обо всём договорилась. После чего, ни с кем не советуясь и никого не информируя, он самолично отменил указание, данное охране. Стоимость этой глупости может составить миллион рублей. В результате его безответственной команды мебель преспокойно уплыла в чужую гавань. В такой ситуации всегда возникает вопрос: что это — обычная глупость и безответственность исполнителя или след полученной им взятки? Но сотрудники фирм — не должностные лица и могут, с точки зрения уголовного права, сколько угодно безнаказанно продавать совесть. Понятие взятки и коррупции распространяется только на чиновников. У нас самая большая кара для сотрудников — увольнение, хотя в некоторых, теперь уже немногих, фирмах применяются и куда более крутые меры, причём почти всегда без привлечения полиции.

Недавно по случаю совершенно очевидного хищения, когда сотрудник подделал подпись и получил в кассе более трёхсот тысяч рублей, мы всё же обратились в полицию, но вскоре горько пожалели об этом. Следователь буквально задёргала всех, кто причастен к длинной цепочке рождения денежных документов. Но и это не все. Через какое-то время состоялся налёт на офис 6–7 полицейских во главе со следователем. Они искали документы, которые бы доказывали наличие в фирме «чёрной» зарплаты и второй, скрытой бухгалтерии. Из допросов сотрудников, которые имели право отказаться от дачи показаний, полицейские знали место расположения серверов и заставили наших же специалистов под наблюдением полицейского-компьютерщика скачивать на флеш-карту всю огромную текущую информацию о движении финансов и товаров, мечтая, очевидно, найти состав преступления во всех сферах деятельности. В случае неподчинения, как выяснилось, серверы могут быть изъяты, а это, если нет дублирующих архивов, катастрофа и остановка деятельности предприятия. В данной ситуации, возникшей впервые за 25 лет существования фирмы, я вдруг понял, что, по сути дела, зря мы никогда не обращали внимания на

информационную безопасность, как это делается в других, более бывалых фирмах. Серверы у них устанавливаются хотя и недалеко, но за пределами офиса. Это даёт время в случае налёта заархивировать текущую информацию и запутать ту, что в сервере. Кроме того, наготове должны быть и специальные программы-вирусы, которые могут произвольно пересортировать все цифры и файлы прямо во время принудительного скачивания информации. Как говорится: «С волками жить — по-волчьи выть».

Оказывается, наш доморощенный вор лживо заявил следователю, что триста с лишним тысяч — это долг фирмы перед ним по невыплаченной «чёрной» зарплате, и следователь не нашла ничего лучше, как по навету мошенника организовать налёт, как будто ей неизвестно, что какая-то часть «чёрной» зарплаты, извиняюсь, присутствует практически во всех негосударственных организациях. Причём прокуратура и налоговая инспекция давно приняли эти вынужденные правила игры и зорко следят, чтобы официальная часть зарплаты, а значит, и налоги с неё не были ниже прожиточного минимума, а ещё лучше, если удастся «додавить» фирму и до среднеотраслевого уровня. За неповиновение могут как минимум обрушиться жёсткие налоговые проверки.

После налёта «родной» полиции мы, конечно, поспешили заключить с грабителем компромиссное соглашение. Он взял обязательство погасить хотя бы половину украденной суммы, а мы — закрыть дело. Потери фирмы в день налета были несоизмеримо больше, чем похищенные деньги.

Все это пронеслось в уме, пока я раздумывал, потребовать ли немедленно заявление на увольнение то ли от ротозея, то ли от «взяточника», самовольно отменившего данное охране распоряжение на задержание мебели.

В это же самое время директор, начальник службы безопасности и юрист вели отчаянную телефонную битву. В результате словесной осады хозяин-беглец согласился отдать нам мебель на очень выгодных… но только для него условиях. Три оставшихся у него гарнитура он оценил раза в два выше, чем долг. По его задумке, наши мебельщики должны были по назначенной им цене принять мебель и расплатиться за неё в оговорённый срок за минусом долга. И хотя условия должник продиктовал нам совершенно кабальные, я посоветовал в любом случае принимать мебель. При этом сохранилась надежда, что через суд или в диалоге будем добиваться справедливости. Это всё же хоть какой-то шанс, хуже всего биться с опустевшей фирмой или с частным предпринимателем, переписавшим на родственников всё имущество.

Проще всего переписывать имущество на жену. Для этого не обязательно даже разводиться, достаточно заключить брачный контракт, но делать это необходимо раньше, чем возникнут финансовые неприятности. В случае отсутствия такового признаётся, что супруги владеют имуществом в равных долях и взыскание назначается, соответственно, только на одну половину.

Памятуя о поговорке «Готовь сани летом, а телегу зимой», опытный юрист с первых минут торга по условиям передачи нам мебели на абсолютно невыгодных для нас условиях начала думать о суде. Очевидно, что мебель по указанной нахальной цене нам никогда не продать, да и возвратить её будет практически невозможно. Не зря каждый переезд с разборкой и сборкой мебели, по народной молве, сравнивают с пожаром. Во всяком случае, царапин и изъянов, как новых, так и не замеченных при ночной приёмке, не избежать. В общем, если мебель принять впопыхах, на чём настаивал хитроумный должник, быстро сообразивший, как из данной ситуации извлечь максимальную выгоду, то проигрыша в суде в дальнейшем, пожалуй, избежать очень непросто. Наши потери при таком раскладе вполне могут превысить размер первоначального долга арендатора. Юрист в данной ситуации видела только один выход — за приёмку мебели в создавшейся суете должно расписаться не уполномоченное директором фирмы лицо. Тогда ночной договор и приёмка мебели будут, скорее всего, признаны ничтожными, а мебель, по сути, нам удастся реализовать по реальной цене через судебных приставов и погасить долг арендатора, в одночасье сбросившего с себя маску интеллигентности.

Вот так каждая сторона со своими мыслями и с небольшими перебранками продвигалась к цели, где на кону миллион рублей, уже почти украденный противной стороной из-за нерасторопности или нечестности нашего исполнителя.

Но как бы то ни было, машина противника с двумя гарнитурами подъехала к покинутому часа полтора назад салону мебели. За тысячу километров хозяин-арендатор проглядел в суете, а его бригадир не подумал и загрузил со склада, не оформив документы, третий гарнитур в нашу машину, которая преспокойно уехала с этой неплохой добычей. После того как машина выехала за их шлагбаум, забрать эту мебель, без долгих судов с непонятным результатом, должнику уже не удастся. А это хотя бы частично покроет долг.

Ясно сознавая факт маленькой победы, мы продолжали вести диалог обо всех трёх гарнитурах, которые бы гарантированно были по стоимости не меньше, чем сумма долга. Когда машина должника подъехала к нашему магазину, до хозяина дошло, что

приёмо-сдаточные документы и договор, а тем более доверенность на эти действия в ночной суете может подписать с нашей стороны неуполномоченное лицо. Эта хитрая ситуация ему, по-видимому, была знакома. Прежде всего, его не устроила доверенность, и он потребовал привезти директора. Но время неотвратимо приближалось к полуночи, а согласно его плану предстояла ещё долгая приёмка с описанием возможных дефектов, царапин и сколов на десятках, если не сотнях полированных дощечек. Его грузчики первыми не выдержали испытание ночными бдениями и ушли домой.

После этого демарша арендатор принимает главное в этой ночной операции решение — загнать машину к нам во двор, а приемку по продиктованным им нереальным, но не оспариваемым до поры до времени ценам перенести на завтра, на десять утра.

Далеко не сразу он понял, что попал в западню. Машина с мебелью оказалась наконец-то, без всяких насильственных действий, на нашей территории. Это почти то же самое, что и мебель в нашем магазине. Для достижения своих жульнических целей нашему оппоненту нужно было отогнать машину на любую охраняемую стоянку или за шлагбаум, на базу с его складом. Только теперь на него обрушилась и ещё одна нерадостная новость, а именно то, что третий гарнитур, никем официально не принятый, укатил на нашем грузовике. Обидно осознавать грубые просчёты и чувствовать себя, извиняюсь, дурнем в ночном мебельном «казино», где разыгрывался миллион рублей. Думаю, что стресс и прыжки давления в момент осознания резко изменившейся ситуации перебросились на нашего «друга».

Никто из знакомых мне предпринимателей, занятых реальным бизнесом, никогда не играет в азартные игры ни в казино, ни в других местах. Слишком уж много ситуаций с непредсказуемым результатом встречается в нашей повседневной жизни. Причём «ставки» нередко измеряются и сотнями тысяч рублей, и десятками миллионов.

Например, два моих хороших знакомых отчаянно борются за используемую в их сделке банковскую ячейку с «призом» в сорок миллионов рублей. В середине 2014 года они со взаимным удовольствием заключили договор купли-продажи офисного центра. Покупатель внес 20 миллионов залога, а кроме того, ещё 40 миллионов — «серую» часть расчётной суммы — положил в банковскую ячейку. Условием её открытия должен быть документ регистрации земельного участка на имя покупателя. А для этого он должен официально оплатить ещё около ста миллионов рублей. Но вскоре после подписания договора и рукопожатий

грянул разорительный для многих кризис, и найти сто миллионов стало очень непросто, да и недвижимость во многом потеряла свою ценность.

Правда покупателя в том, что кризис — это своеобразный форс-мажор, и продавец должен вернуть если не залог, то хотя бы предоплату из банковской ячейки. У продавца своя правда. У него якобы были и другие претенденты, которые могли по сходной цене оплатить землю без проволочек, но покупатель сам уговорил его по дружбе, которая быстро растаяла, на сделку именно с ним, попросив подождать до конца года. Если бы он не пошёл навстречу покупателю, то получил бы всю сумму до обвала валюты и давно бы превратил её в доллары не по 50–70 рублей за единицу, а по 32 рубля. По его логике, деньги в ячейке должны компенсировать валютные убытки. По логике же покупателя, коль сделка срывается, то его деньги из ячейки должны вернуться «домой». Тем более что немалый залог, в 20 миллионов, и без того был выплачен и уже явился существенным убытком для покупателя.

В общем, у каждого своя правда, а потому за ячейку идёт отчаянная борьба, в которой используется весь арсенал средств: и взятки, и поддельные документы, и долгие экспертизы подписей. Чем завершится сражение двух мощных юридических команд, пока неведомо никому, ставки, пожалуй, можно было бы делать и немногим осведомлённым о ходе боёв наблюдателям. Эмоций будет не меньше, чем в любом казино.

Что касается нашего дела, то напористость арендатора была так велика, что наша команда, несмотря на новый расклад сил, собиралась организовать убийственную для наших интересов приёмку каждой дощечки. После того как я растолковал ситуацию своим доморощенным руководителям, они поняли, как чуть-чуть не попались на лакированный деревянный крючок, и отказались согласовывать цену и принимать «россыпь». Вне себя от возмущения за наглый, как он выразился, обман, арендатор наутро позвонил мне, начав, еле сдерживая ярость, с комплимента, что он знает о таком моём качестве, как умение держать слово в любых обстоятельствах, и выразил уверенность, что мы срочно примем мебель по согласованным вчера ценам. Пришлось напомнить, что я вчера не принимал участия в переговорах, но самое главное, что одна бессовестность порождает другую — так же, как зло порождает зло и обязательно бьёт по тому, кто его породил. А значит, не ему, сбежавшему должнику, упрекать нас и взывать к справедливости, не лучше ли взять пример с дореволюционных аристократов, которые из-за потери чести от неотданных долгов нередко пускали себе пулю в

лоб. У нас же, при первой возможности, многие прибегают к разным ухищрениям, чтобы «похоронить» долги. Правда, такое общество не нравится никому, поскольку почти все по кругу являются не только должниками, но и жертвами обмана. И просвета в этой глубокой нравственной яме уже почти не видно. А потому почти каждый предприниматель старается за валюту дать детям конвертируемое за границей образование, чтобы у них была возможность в любой момент попрощаться с обесчещенной революциями и перестройкой Родиной.

Если в этих условиях наши представители и не держат слово, то эта ситуация давно уже отражена пословицей: «Вор у вора дубинку украл». Кто в возникшей ситуации породил зло, думаю, очевидно. А потому наше решение такое. Мебель мы — до полного погашения долга — берём в залог без указания цены и принимаем её не по качеству, а по количеству мест в упакованном виде или же вместе с запломбированным грузовиком.

Выслушав меня и ничего толком не ответив, попавший в ловушку беглец начал действовать. Первым делом он срочно позвонил моим переговорщикам и почти правдиво сообщил, что мы договорились упакованную мебель принять по числу мест. Но для этого его грузовик должен подъехать либо к нашему складу, либо к магазину, так как он не может раскладывать коробки с мебелью под дождём или в не очень чистом дворе. И добавил, что мы обсудили и согласовали этот момент.

Логично! Но, не веря уже ничему, помощники, к счастью, перезвонили мне. Пришлось разъяснить одну маленькую деталь. Как только его машина выехала бы за пределы двора, она получила бы возможность двигаться в любом направлении и, конечно, поехала бы подальше от докучливых кредиторов, то есть от нас. Остановить, а тем более вернуть её мы были бы снова бессильны.

Учитывая попытку нового обмана, мы решили оставить мебель в залоге вместе с машиной. Но и здесь наш должник не сдался. Его люди оперативно написали заявление в полицию о том, что мы насильно захватили его машину с мебелью и удерживаем её на своей территории, что, разумеется, совершенно противозаконно. Не знаю уж каким образом, но достаточно оперативно к обеду прибыл наряд полиции с водителем его «арестованной» нами машины и преданным хозяину бригадиром-кладовщиком. Водитель предъявил документы на машину и накладные на мебель. Тогда старший по наряду полицейский потребовал выпустить чужой транспорт. Но, предвидя такой ход «противника», мы загородили путь бегства их машины своими

грузовиками, а поскольку была суббота, то ни наших водителей, ни ключей от машины, «как назло», не оказалось. Эвакуатору также было не подобраться, поэтому мы предложили дождаться понедельника. Наряду ничего не оставалось, кроме как пообещать заявителям разобраться в понедельник.

В понедельник наши юристы предъявляли полицейским и прибывшему из Читы хозяину договор залога и мебели, и машины, подписанный, кажется, одним из обиженных представителей арендатора, правда, давно уволенным. Арендатор, конечно, устроил истерику о незаконности подписи — и по должностным обязанностям, и по времени подписания, но доказывать это нужно, как водится у нас, очень долго в судебных инстанциях. Полиция и прокуратура не в силах без суда и долгих экспертиз отменить данный договор, если бы в нём была даже и поддельная подпись, «нарисованная» кем-либо из наших работников. Честно сказать, полицейские не сильно-то и старались доискаться до истины. Нам же главное было выиграть время, так как через суд мы легко докажем фактический долг, пени и ущерб помещению, а главное, легко взыщем его, так как «добровольный» залог будет ещё долго находиться в наших руках.

Поняв матовую, как сказали бы шахматисты, ситуацию, арендатор быстро отыскал средства и срочно погасил все долги, забыв, правда, принести извинения.

После благополучного конца можно было бы и поблагодарить беглеца за отличный тренинг, со ставкой в миллион рублей, бесплатно преподанный нашим руководителям.

Кризис пенсионного возраста и фирмы

Александру Ивановичу, по провинциальным меркам известному бизнесмену социалистической закваски, шестьдесят с гаком, и махина лесозаготовительного предприятия, которое с перестройкой превратилось в акционерное общество, давит на его богатырские плечи всё сильнее и сильнее. Здоровье от предков — охотников и лесорубов — досталось ему недюжинное. И мог бы он работать лет до ста, ну хотя бы до девяноста, как его отец, если бы не извечное, обострённое у россиян, чувство «справедливости»: почему одним отпускается Господом здоровья «полные закрома», а другим с ранних лет болячки? Вот и втянули его друзья детства в свой порочный круг: начал он активно курить и выпивать ещё в подростковом возрасте и к шестидесяти годам уравнял свои высокие шансы на долголетье со среднестатистическими, не японскими или американскими, а российскими мужиками.

Были у нашего друга в детстве высокие результаты по нормам ГТО и даже в спорте, причём без особой подготовки. А на работе лет до пятидесяти не знал он, что за штука бюллетень.

Выигрышно выглядел Александр Иванович и по народному критерию прочности. После весёлой разгульной ночи, когда другие отпрашивались, чтобы отоспаться хотя бы до обеда, он бодро шёл руководить своим на первых порах небольшим коллективом. Ныне же вредные привычки, по стажу равные золотой свадьбе, начинают потихонечку манить к жениху невесту с острой косой из недалёких мест с печально-одинокими берёзками и рябинками, где друзья бурной юности с завистью глядят на его «долгожительство». Самое печальное в их судьбе, что многие прошли мимо большой человеческой любви, променяв её в том числе и на то, о чём пишет Николай Зиновьев:

Мне сегодня немного взгрустнулось.
А что этому было виной?
То, что юность моя, моя юность
Вся пропала у бочки пивной.

И порой долетает оттуда
Сигаретный с колечками дым…
Ну, подумайте, разве не чудо,
Что когда-то я был молодым?

Мне сегодня напрасно взгрустнулось,

Ну и что, что навечно закрыт
Путь туда, где всегда моя юность
Пиво пьёт и смеётся навзрыд?..

Насколько пострадало от табачно-спиртной пагубы дело у Александра Ивановича — сложно сказать, но правое полушарие, отвечающее за образное мышление и креативность, пострадало наверняка. Вся его жизнь, от мастера до директора, а потом и собственника, прошла по одной узкопрофессиональной стезе. С юности он не изменял профессии. Не поменялся за все годы и трудовой распорядок — вкалывал от темна до темна. В его трудовой жизни не было и нет ничего «лишнего»; как подметил ещё М. Ю. Лермонтов: «Мечты поэзии, создания искусства восторгом сладостным наш ум не шевелят…»

Имея в родне и музыкантов, и литераторов, и будучи в детстве страстным поклонником приключенческой книги, в трудовые годы наш друг прошёл мимо музыкальных, поэтических, музейных, туристических, лодочных, горных и других соблазнов.

К огромному счастью, не чужд оказался он любви и заботам о детях, внуках и даже о кошках и попугайчиках. Эти благородные чувства и печалят сегодня Александра Ивановича.

Огромное богатство в виде крупного лесоперерабатывающего предприятия попало в его сильные директорские руки лет двадцать назад, во время перестройки — перекройки общенародного добра. Было ему в ту пору около сорока лет, и всё ещё казалось впереди.

За это время закрылась масса предприятий и строек, но народилось и достаточно нового. Он — один из немногих, кто талантливо удержал на плаву своё огромное предприятие. Но сейчас, когда потихоньку улетучился молодецкий задор, оно начало проваливаться в долговую яму. «Помог», конечно, и кризис, совпавший с огромными вложениями в новые цеха. В результате фирма погрязла в кредитах. Угроза банкротства стала новой, ранее неведомой ему реальностью. А ещё недавно, лет пять-шесть назад, перед кризисом, за директорский пакет акций москвичи предлагали огромные деньги.

Ох, ведать бы свою судьбу!

Тогда казалось, что богатырские силы и у предприятия, и у директора будут, конечно, всегда, не хотелось ему, несмотря на мой совет, заглядывать в завтрашний день, а тем более за черту, упирающуюся в последнюю дату. Дети у него не очень-то способны вкалывать на ниве управления огромным коллективом. Их вторые половинки, при сегодняшней модели нескольких

браков, ещё менее надёжны. Тем более что «хороший» опыт в этом плане уже есть. Одна из невесток уехала, прихватив формально записанный на неё немалый пакет акций «Иркутскэнерго». Не пророс, увы, в следующем поколении его могучий управленческий ген.

Для богатого человека, как и для вождя в России, очень важно не ошибиться в оценке возможных преемников. Ошибка чревата быстрым обесцениванием труда всей жизни. Любая организация у нас до сих пор держится на одном человеке: фактическом хозяине — учредителе.

С завистью он посматривал на несколько известных в области строительных фирм, где сыновья работали вместе с отцами и занимали ведущее место, демонстрируя, что могут удержать организацию.

Правда, по какому-то мистическому совпадению, отцы — создатели этих похожих по профилю фирм — один за другим уходили из жизни в расцвете сил, невольно давая детям в районе тридцати лет простор для полной самостоятельности. Но чаще, при внезапной смерти хозяина фирмы, не очень сведущим жене или детям, как иной революционной «кухарке», кажется, что и они справятся с управлением отлаженной организацией. Однако через какое-то время начинаются сбои в работе коллектива, а то и наезды бандитов, силовиков или рейдеров, предают «верные до гроба» ушедшему хозяину помощники, и организации приходит крах.

Нередко намного выгоднее для наследников после потери главы семейства или его ухода от дел как можно быстрее продать акции или организацию целиком и вложить средства в более простой бизнес, например в недвижимость для сдачи квартир или офисов в аренду. Нашему другу, формально не ушедшему от дел, но потерявшему задор, ныне, при огромных кредитах, сложно продать предприятие ещё из-за невозможности достоверного аудита, который бы показал потенциал организации. Слишком уж запутанный на предприятиях бухгалтерский учёт. На каждом — целая радуга видов учёта: белая, серая, чёрная, розовая и другие схемы. Для всех своя бухгалтерия, учитывающая не только аппетиты налоговиков, но и ущемлённых акционеров, а нередко и партнёров. Вот такая, как говорят военные, расстановка сил вокруг стареющего владельца могучего акционерного общества. День и ночь его мучают и не дают спать одни и те же вопросы.

Что следует предпринять, чтобы не потерять всё?

Как обеспечить любимых внуков и правнуков?

Как значимо войти немалыми достижениями и богатством в историю своего рода?

В четвёртом, пятом и далее поколениях у каждого потомка будет немало прапрадедов, но продлят себе жизнь в памяти поколений лишь самые значимые, оставившие зримые плоды в виде переданного потомкам и развиваемого ими бизнеса или полученных титулов и наград или в виде книг и других долговременных творческих продуктов, например роли в кино или в телепередачах. Остальные будут вянуть на генеалогическом древе своими бесцветными именами и фамилиями, не оставив ни дела, ни книг, ни наследства.

Выразил я как-то мысль эту в небольшом стихотворении:

Вздох Пушкина равен золоту,
За мной — серебро ли, медь?
Гоню живой стих по проводу
К внукам, сквозь прах и смерть.

Объективно оценив ситуацию, решил наш друг, что брезжит впереди тягостная тьма банкротства.

Как спасти хотя бы малую часть своей организации, равную всё же большому состоянию, с точки зрения не только обывателя, но и хозяев среднего бизнеса? Непростая это задача.

Как украсть бизнес у самого себя?

Оглядев все свои несметные богатства, наработанные несколькими поколениями «советских тружеников» в эпоху развитого социализма, Александр Иванович выбрал наиболее автономный и ликвидный объект, приносящий каждый месяц немалую прибыль от сдачи в аренду, конечно же, под торговлю. Но вот незадача — все ликвидные объекты в залоге у банков. Где взять новый кредит, чтобы погасить часть старого и вырвать из цепких банковских рук дорогое приданое?

Репутация в глазах всевидящих банкиров уже не ахти. Хотя ещё совсем недавно Сбербанк и Внешторгбанк кредитовали нашего друга под 9–11 %. Ныне же, как говорится, дружба врозь, чем ещё больше усугубился кризис организации. Пикантность ситуации с выводом прибыльного объекта ещё и в том, что 15–20 % акций не у хозяина, а у миноритарных акционеров, которые хоть и не влияют на принципиальные решения, но могут наблюдать за законностью сделок. Непросто обойти и драконовские налоги при продаже объекта. Легко сказать — вывести объект, намного труднее это сделать. Путь один — успеть до банкротства продать объект самому себе и наследникам по заниженной, далёкой от рыночной цене.

Собственно, разность в ценах и будет реальным доходом хозяина. Но продать нужно так, чтобы в случае скорого банкротства сделка не была признана ничтожной и объект не вернулся для продажи по рыночной цене внешним управляющим. Поэтому продавать себе или наследникам, то есть аффилированным лицам, нельзя, нужен посторонний приобретатель. На юридическом языке он называется «добросовестный приобретатель». А то, что он подставной, доказать нужно в суде, что весьма сложно, особенно при лояльности судей.

Но кому же временно доверить богатство, на кого оформить? Кто не подведёт? Не отдаст в залог под кредит, не разболтает, не продаст, не заведёт на свалившиеся деньги охрану и не присвоит их, не сбежит за границу или в другой регион? Найти сегодня человека в России, если он вдруг решит потеряться, практически невозможно. Миллионы живут без регистрации.

В мучительных раздумьях прошёл не один беспокойный день.

Первоначально выбор пал на опытного, энергичного младшего партнёра, который уже не раз участвовал в некоторых тайных операциях и доказал свою надёжность.

Но никогда размер риска не был соизмерим с суммой,

позволяющей чьей-то семье безбедно жить где-нибудь за границей до старости лет. Есть быстрый и почти безопасный способ превратить временное «владение» объектом в «свои» деньги — отдать его в залог любому, пусть даже самому ненадёжному банку и исчезнуть.

В этой ситуации банк хоть и узнает, что даёт кредит под залог «калифу на час», но имеет свой интерес: грабителю не до жёсткой торговли при спешном оформлении неправедной сделки, и заложенный объект останется у банка по хорошей цене. Все будут довольны и с прибылью, кроме хозяина акционерного общества. За рубежом, например в Испании, Александр Иванович встречал ограбленных таким образом «бедных богачей».

Самое поразительное, что, как в случае Бендера и Корейко, в милицию не заявишь. Не будешь же рассказывать, что сделка была липовой, то есть мошеннической, что цена многократно занижена и деньги для выкупа объекта использовались не формального приобретателя, а твои кровные. Это минимум тянет на статью УК. Кроме того, информация дойдёт до налоговых органов, и они от души подсобят, начислив огромные налоги и штрафы на разницу между липовой ценой продажи и рыночной. В результате — не счесть потерь, опозоришься на весь белый свет, а вернёшь ли объект — большой вопрос.

Александр Иванович начал искать другого, менее активного кандидата на покупку объекта. Например, какой-нибудь маргинал, ещё не утративший паспорт, подходит для сбрасывания на него пустых фирм, и то, если налоговая не пожелает с ним познакомиться при регистрации. А если пожелает, то в регистрации откажет, но и хозяину автоматически фирма без суда не возвратится, если подставник вдруг не подпишет обратное соглашение.

В данном случае планируется доверить огромные средства. Если не держать эфемерного «собственника» взаперти или не охранять во время его владения имуществом, а это очень непросто, то он легко может стать чьей-то добычей и подписать нотариально любые документы.

После долгих размышлений стало ясно, что на роль липового владельца подходит не очень активный, лучше и не очень здоровый, добропорядочный, совестливый, семейный человек, скорее всего, пенсионер старой закалки, умеющий хранить секреты, в том числе и от близких, безусловно доверяющий нашему другу. Такой не сбежит. Его образ жизни, повседневный круг общения должны быть доподлинно известны. Слишком большая ценность будет какое-то время в его полном юридическом распоряжении. Жена у него также должна быть

покладистой, так как при следующей перепродаже объекта её согласие будет необходимо. Правда, этот нюанс можно и обойти, если на подставное лицо зарегистрировать фирму и приобретать объект уже на фирму.

Вариант с фирмой опять же опасен, но с другой стороны. Подпись, пусть и временного, директора на чистом листе может в ловких руках обратиться в огромные долги. Продержать недвижимость на пенсионере желательно не день и не месяц, а года три. Только через три года, по нашим непонятным законам, не нужно платить подоходный налог с продажи объекта. Три года — это и срок исковой давности. Если внешний управляющий при возможном банкротстве захочет оспорить сделку, то будет поздно.

Но в окружении Александра Ивановича подходящих людей не оказалось, и он обратился к своему старому другу. Не займёт ли он «живую душу» на роль временного богача? Наконец такая кандидатура нашлась, причём «покупатель» находился в подчинении у «занявшего» его друга, и работа закипела.

Объект для себя любимого оценили, конечно, пониже рыночной цены, но и эти деньги не с руки тратить на выкуп собственных площадей. Поэтому внесли 20 процентов оценочной стоимости, остальные «покупатель» обязался выплатить в течение трёх лет. Наконец-то объект успешно «украден» у самого себя. Казалось бы, хозяину можно спать спокойно. Шлюпка безопасности для него и любимых близких, на которой можно спокойно проплыть через старость по суровым российским волнам кризисов и неурядиц, а для многих и нищеты, спущена на воду недалеко от собственного пирса. Поднять паруса! Но…

Как перегнать шлюпку на собственный пирс

Но поднимать паруса ещё рано, лучше перегонять недвижимость максимально незаметно. Только улеглась суета с куплей-продажей объекта подставному лицу, как в голову хозяина, словно чёрные муравьи в сахарницу, поползли тревожные мысли. Как и предполагалось, «покупатель», полностью доверяя своему руководителю, с которым знаком десятки лет, подписал многомиллионный договор, особо не вникая в его суть, но он наверняка понял, что речь идёт о крупном объекте в городе Братске и об очень больших деньгах.

Ни одной бумаги у него на руках, конечно, не осталось, все они залегли в надёжном сейфе, но это вовсе не означает, что при желании не может быть получена копия документов, в том числе свидетельство о регистрации на имя «покупателя». А у него есть не только жена, а ещё и взрослый сын, и невестка-юрист. Да и цепочка причастных к сделке лиц неожиданно удлинилась. А чем длиннее цепь, тем она менее надёжна.

Поскольку Александр Иванович, да и его друг детства, одолживший пенсионера, — начальники, причём старой закалки, то работать с компьютером, готовить договора, бегать по нотариусам сами давно отвыкли, уже, наверное, и не могут. Ведь знать дело на макроуровне и подписывать документы — это одно, а сделать массу рутинных компьютерных действий по их подготовке — удел нового поколения, поэтому со стороны хозяина объекта не обошлось без помощника-партнёра, через которого изначально планировался вывод объекта. Также пришлось подключить юриста со стороны руководителя «покупателя». А это уже пять человек, причастных к делу, которое таким образом перестало быть тайным.

Многовато, особенно если учесть, что за три года могут ухудшиться отношения с доверенными и преданными сегодня людьми. Может уйти в мир иной немолодой и нездоровый приобретатель, а у него свои наследники. Как они поступят со свалившимся на них «наследством»? Большой вопрос! Не проговорится ли собственник сыну о своих новых владениях, и как сын отреагирует? Юрист и партнёр также могут обмануть немолодого «собственника» и по-братски, а по сути по-бандитски, поделить добычу. Вероятность этого многократно возрастает, если, не дай Господь, что-нибудь случится с хозяином.

В общем, опасность для состояния есть, и с течением времени

она будет только возрастать. Понимает наш друг, что не спать ему спокойно с этими мыслями три года, дожидаясь налоговых льгот. И решает он: Бог с ним, с налогом в 13 %, нужно завершать операцию, выкупив объект у «добросовестного приобретателя» на себя или своих близких, или продать, но уже по рыночной цене, превратив в деньги.

Ох, как хотелось бы отдать объект, приносящий ежемесячную немалую прибыль, наследникам, но прошло-то всего-навсего полгода, а наследники — аффилированные лица. И хотя в цепочке есть добросовестный, во всяком случае с юридической точки зрения, приобретатель, но всё равно, с учётом явно заниженной цены, ход рискованный. Да и не удержать, пожалуй, наследникам объект с течением времени. Не смогут они собирать большую арендную плату, часть которой всегда чёрная, с многочисленных продавцов. Сегодня этим хлопотным полукриминальным делом занимается один из помощников, многим обязанный нашему другу за десятки лет работы и застолий. У него, бывшего офицера милиции, давние прочные связи и с криминалом, и с органами. Он явно не забывает и свой немалый интерес, но наш друг закрывает на это глаза — дело действительно хлопотное. От административных налётчиков объект защищает он сам, имея заметный вес в городе, благодаря основному предприятию. У наследников таких связей нет и не будет, и передать их на блюдечке вместе с объектом, увы, невозможно.

Выход один — срочно превратить объект в реальные деньги и вернуть себе здоровый сон. Но как искать покупателя? Огласка-то опасна.

К счастью, объект давно желал купить один из крупных арендаторов, за ним, скорее всего, в доле стоит и главный распорядитель от акционерного общества, бывший милиционер. Слишком уж добросовестно, практически без отпусков, занимается он делами. Если не на весь объект, то на большую часть деньги у него наверняка уже скоплены. И то, что он открыто не претендовал на выкуп доли, свидетельствует только о том, что доля настолько велика, что неудобно перед бывшим работодателем. А может быть, тоже печётся о спокойствии наследников, всё-таки ровесник, умудрён жизнью и, возможно, также не хочет рисковать. Как бы то ни было, конспиративный внеконкурсный торг состоялся, ударили по рукам. Цена могла быть наверняка выше, но аукцион неуместен.

Юристы снова вступили в дело. Составили новый договор купли-продажи, по которому огромную сумму денег должен получить подставной продавец — липовый хозяин объекта. Нервы

у Александра Ивановича были на пределе, сон тревожен, всё делалось в спешке, и первая часть денег буквально через несколько дней после принятия решения упала на счёт «собственника». Не каждый день руководителю акционерного общества бывшего социалистического предприятия приходится по секрету продавать объекты, да и вообще заниматься нестандартными делами. Всё-таки наследники госсобственности, строго говоря, не предприниматели, создающие бизнес на пустом месте, и опыт у них немного односторонне-тепличный.

Предпринимателям жизнь подбрасывает сюрпризы каждый день. Начинали они, как правило, по одному — без натасканных коллективов и традиций. Были и грузчиками, и экспедиторами, и охранниками, и кладовщиками, и финансистами, и юристами в одном лице. Затем учили помощников и потихоньку сколачивали коллектив. Для предпринимателей всё было в первый раз: и контейнеры, и вагоны, и секции, и перевозка «налички» рюкзаками и чемоданами в 90-х годах, и армии бандитов, налоговиков, пожарников и милиционеров. В общем, расти с нуля было куда как непросто. Чуть расслабишься — обманут, а то и разорят. «Жировать» на бывшей госсобственности всё же много спокойней, хотя сохранять её тоже весьма сложно.

Предприниматели под жутким налоговым прессом накапливали основные и оборотные фонды. Мы одна из немногих стран, в которой не льготируются вложения в основной капитал. Хоть ты трижды затянешь пояс и все деньги пустишь на развитие и реконструкцию цехов, магазинов, приобретая транспорт и оборудование, копя оборотные средства, ни грамма налоговых льгот тебе не будет.

Традиционным директорам много легче с налогами. Большинство из них за годы перестройки резко снизили численность персонала, продали и сдали в аренду немало цехов и земель, проели большую часть оборотных средств. Поэтому-то «красные директора» и предприниматели хоть и имеют общие родовые черты, но так же несхожи, как собаки и волки. Последние выносливей, изобретательней и сильней.

Вот и не хватает Александру Ивановичу сил терпеть три года, а также и навыков учесть в договоре все тонкости.

Договор, как выяснилось, оказался проработанным не до конца. Если покупатель, оплатив большую часть, хотя бы 51 % цены, прекратит дальнейший расчёт, то уже может претендовать на решающую роль в совете директоров, поставив большинством голосов своего руководителя и главного бухгалтера. Вопрос этот, конечно, судебный, но шанс у покупателя выиграть дело и получить полный контроль за половину цены — велик. Это

первый подводный камень сделки. Благо насторожил хозяина друг-предприниматель, вникнувший в ситуацию. Деньги были срочно возвращены покупателю для расчёта единой суммой, повторная оплата зависла, но, к счастью, всего на несколько нервных дней.

Вскоре пришли все деньги разом. Но пришли не так, как надо, а как будто специально с задумкой, накануне праздничных дней, к вечеру. В тот же день срочно снять огромную сумму наличными деньгами или выписать векселя уже не получалось. И здесь истинный хозяин объекта, оставивший деньги отдыхать на счетах, почувствовал подвох. Не подстроено ли это партнёром-консультантом, имеющим немалые связи с банковской сферой?.. А что если все вступили в сговор?.. Ситуация осложнялась и тем, что у юриста была доверенность от подставного продавца на снятие денег. Чтобы продавец и его близкие не знали, о какой сумме идёт речь. А также на случай болезни или, того хуже, смерти временного хозяина — уже не объекта, а огромных денег. Выяснилось к тому же, что у консультанта осталась карточка, дающая право распоряжаться счётом или ограниченной суммой по Интернету.

В результате любой из троих помощников в операции мог завладеть всей суммой средств. Может быть, это уже и сделано перед вечерним закрытием банка. А в праздничные дни, пока банк закрыт, как раз самое удобное время, чтобы срочно собраться и навсегда покинуть пределы города, а то и России.

Как назло, попал в аварию «добросовестный приобретатель». Если за праздники с ним случится худшее, то и наследники смогут срочно предъявить свои права на деньги. И «приданое» может уйти другим внукам. Их дополнительным аргументом может быть и надуманный стресс от продажи, приведший к аварии.

Наш друг схватился за телефон с желанием забрать на праздники хотя бы паспорта у всех причастных к делу, но выяснил, что никого из троих нет дома. Один уехал на охоту, другой где-то на Байкале, владелец денег отлёживается где-то на даче у сына, но так ли это, будет ясно только через четыре праздничных дня. «Узнаю ли я это?!» — горько думал, глотая ночью втайне от жены успокоительные и сердечные таблетки, бывший владелец богатырского здоровья и могучего предприятия.

Вот так — богатые тоже плачут, причём иногда очень горько.

Где оно, духовное здоровье?

Ох и сложные отношения, как правило, между собой у нас, россиян. Поучиться бы у малых народов. Не всегда являют пример любви батюшки и «инженеры человеческих душ». Так стал называть писателей, говорят, с подачи Юрия Олеши, сам Сталин, и благодаря этому выражение быстро сделалось крылатым. С началом перестройки рассорились братья-писатели между собой и разбежались по двум враждующим союзам, один из которых — держатели Дома литераторов и журнала «Сибирь» в Иркутске — именуют православным, патриотическим, распутинским, а другой, порицая за «космополитизм», высокомерно именуют еврейским, иногда жидовским, реже либеральным, хотя и православных людей в нём немало. В нашем «дружном» городе стало уже четыре писательские организации. Но и внутри союзов не редкость грызня из-за очень немногих должностей и скудных денег на поездки по области, на выступления и на издательскую деятельность. Не особенно писательское сообщество, вслед за духовенством, жалует не только носителей еврейских фамилий, но и предпринимателей, в том числе и местных, которые, в общем-то, и кормят, и поят город.

Как бы я сам ни уважал и какую бы значительную роль в моей жизни ни имело православие, по-моему, в католической и особенно в протестантской традиции отношение к бизнесменам, да и к библейскому народу, принципиально иное.

* * *

Не так давно серьёзную финансовую помощь я оказал Михаило-Архангельскому Харлампиевскому храму в трудный для него период, когда со сменой губернаторов оборвалось финансирование и храм без сейсмопояса стоял, как приговорённый к гибели глиняный колосс. Он словно ожидал предчувствуемого мной землетрясения. Собственно, так оно и вышло. Сейсмопояс срочно на мои средства сделали, и затрясло аж в шесть-семь баллов, так что шансов устоять у храма действительно не было. Жаль, что при освящении храма про этот факт уже забыли, а его устойчивость, вопреки очевидному факту, отнесли почти к чуду, которое произошло только благодаря усердию и смелости духовенства, молящегося о нём и в нём во время землетрясения. Несмотря на это, освящение храма вылилось для меня в поистине радостное событие.

Впервые в жизни весь день я провёл в храме, а наш общепит организовал братский обед человек на двести. И хотя церковное начальство отбыло сразу же после трапезы, но ещё долго звучали казачьи, церковные песни и духовные стихи. Царил так редко балующий русского человека дух искренней, поистине братской любви и уважения друг к другу.

Душа настолько прониклась храмом и его непростой историей, что в тот же день на одном дыхании написалось стихотворение, посвящённое истории Харлампиевской церкви, в чьих стенах не только отпевали бедных юнкеров, попавших в страшные жернова революции, но и венчался молодой исследователь Арктики, будущий адмирал и Верховный правитель России — Александр Васильевич Колчак.

Освящение пролетело, увековечилось, во всяком случае для меня, в благостных воспоминаниях и в стихотворении. И это уже немало.

…Весь в ранах, каменный цветок,
Раскрывшись, осыпался…
В проломы стен и куполов
И снег, и дождь врывался.
Но пробил час, и Дух Святой
Явился в храм с Владыкой,
И выпал бешеный топор
Из рук эпохи дикой.
Дыханье колокол обрёл,
И светлый звон разлился,
И нечисти орущей сонм
О крепость стен разбился!

Но наступили будни, и всё тут же вернулось на круги своя. Мгновения веры в торжество братской любви безвозвратно улетучились, как в стихотворении Николая Зиновьева:

Знаю я, коротка моя радость,
Скоро Веру сомненья сомнут,
Но надолго запомню я сладость
Этих нескольких в жизни минут.

На первый план опять вылезли гордыня, недоброжелательность и зависть. Как будто специально для искушения и проверки на прочность декларируемой писателями собственной православности, в основе которой должна быть

братская любовь. Кто-то затеял перевыборы главного редактора журнала «Сибирь», а затем и перерегистрацию этого издания. Учредителем журнала юридически считался Союз писателей России (СПР, Москва).

Региональное отделение СПР и Областная писательская организация, лет десять назад выделившаяся из регионального отделения и также состоящая из членов СПР, по здравой логике должна была принимать участие в выборах нового главного редактора, справедливо влияя на результаты пропорционально своей невеликой численности (областная организация в три раза меньше, чем региональное отделение). Но не тут-то было. Писатели показали, что они из того же российского замеса, что и порицаемые ими «космополиты»: региональные «братья» напрочь проигнорировали факт существования Областной писательской организации, не допустив до выборов вовсе. Вдруг да проголосует за то, чтобы оставить редактора с 25-летним стажем Василия Козлова. А вскоре проигнорировали и ещё раз, не включив в число новых учредителей журнала, а заодно и в его редколлегию. Не посмотрели и на то, что в трудные времена журнал «Сибирь» несколько раз издавался на мои средства, а по результатам 2012 года многие писатели получили денежную премию имени Геннадия Гайды, учреждённую нашей фирмой.

И это при том, что по идеологическим основаниям расхождений никогда не было и нет. Не выполнили они и устную договорённость с главным редактором о включении председателя Областной писательской организации в редколлегию. Этот шаг позволил бы консолидировать на «дело», а не на вражду, интеллектуальные и финансовые ресурсы. Более того, до выхода журнала никто не удосужился хотя бы проинформировать и как-то объяснить невыполнение договорённости.

Если в нормальной среде действует принцип «договор дороже денег», то в писательской среде — «гордыня дороже денег»: уколоть кого-то и возвысить свою гордыню через унижение других — вот, к сожалению, преобладающая мораль в союзе, горделиво считающем себя истинно православным. И таких проявлений не счесть.

Пару лет назад из регионального отделения и с должности в Доме литераторов вынудили уйти женщину — за то, что начала задавать слишком много вопросов об использовании скудных писательских средств. Об «обоснованности и справедливости» их гонений высказался суд, принявший сторону гонимой и присудивший выплатить ей компенсацию за моральный ущерб и за невыдачу трудовой книжки.

Добрые человеческие чувства, по образному выражению

Николая Зиновьева, занесены в Красную книгу; к огромному сожалению, и в писательской среде:

В Красной книге чувств людских
Много светлых и святых.
Не вернёт их ни искусство,
Ни тем более мой стих.
И Надежды зря не строй,
И она есть в книге той.
И ещё есть, для примера,
В книге той Любовь и Вера.
И конечно, не секрет,
Что ни лжи, ни зла в ней нет.

Как в связи с этим не вспомнить производственные коллективы промышленных предприятий, ещё дореформенных, где отработал я лет двадцать. Там правда, пусть и нелицеприятная, но всегда по-отечески или по-братски доброжелательная, высказывалась без обиняков. А любви друг к другу и родному предприятию было на несколько порядков больше. Не могу отделаться от ощущения, что формально атеистический заводской коллектив по главному признаку — любви и честному отношению к ближнему — был более православным, чем писательская, а в чём-то и церковная среда. Писал же когда-то Геннадий Гайда о нас, потомках большевиков:

…Златя кресты, лобзая образа,
Вы нас, при всех потугах, — не поймёте.
…Так дребезжи на каждой верхней ноте,
Стеклянная актёрская слеза!

Сам Геннадий не раз был готов буквально броситься в драку на писательских собраниях, и особенно на выборах, от творившегося бесчестия. Не сильно влияют пока удесятерившиеся в своём количестве храмы и на нравственность паствы. Вот и получается, что духовное здоровье сегодня можно черпать только из далёкого прошлого, когда не пустым звуком были слова: Вера, Правда и Честь.

Глава 5
Обычная и мистическая недвижимость

Одушевлённые и неживые квартиры

Первые несколько лет удачного бизнеса принесли немалые финансы и позволили скомплектовать работоспособный коллектив в несколько десятков человек. Возросшие объёмы поставок уже не размещались в арендованных складах солидной государственной организации «Атомпромкомплекс», относящейся аж к самому Министерству среднего машиностроения, работающему исключительно на оборону. Помещения, выделенные под офис арендодателем-партнёром, также становились тесноватыми. К тому же стало ясно, что совместной деятельности с директором «Атомпромкомплекса» не получилось, каждый занимался своими делами. В результате я вышел из учредителей его побочной фирмы с ведическим названием «Митра», а он — из моего «СибАтома». Так из партнёра мы превратились в арендатора. Но какое-то время до моего переезда у нас оставалась общая приёмная, хотя секретарь был только его.

С лёгкой завистью посматривал я на сработанность секретаря и водителя с моим коллегой-арендодателем. Они решали кучу его личных вопросов. Во всяком случае, Георгий сам не таскался, например, с продуктами и не отвлекался на разные бытовые мелочи. Это было непривычно. Ещё совсем недавно за это могли бы обвинить в использовании служебного положения в личных целях, исключить из КПСС и снять с должности. В памяти живы ещё рейды милиции с проверкой законности проезда служебных легковых машин на дачных направлениях, а также обмеры дач крупных руководителей, вплоть до председателя облисполкома. Иметь дачу площадью больше, чем метров пятьдесят, считалось нескромным, невзирая на количество детей, внуков и честно заработанные социалистические деньги, не знакомые с долларовым эквивалентом (за обмен рублей на доллары грозили в ту пору огромные тюремные сроки). Неумолимый обком партии ставил вопрос ребром: либо сдача «больших» домиков, либо снятие с номенклатурной должности.

Но неожиданно всё изменилось, да так круто, что страна не выдержала такого виража и начала падать в бездну. Выживание стало сугубо личным делом каждого.

Как раз в это самое время один из новых приятелей — директор «Культторга», отстроивший на государственные средства новую базу, предложил мне купить свои прежние владения. Причём часть неофициальной оплаты ему выгодно было взять тремя-четырьмя квартирами. У меня совсем недавно как раз появились резервные квартиры. Один из приятелей моего

отца, у которого я купил для себя на первые капиталистические заработки четырёхкомнатную квартиру и подземный гараж, причём не за тридевять земель, как раньше, а в фантастической близости — под окном, возглавлял крупнейшую в городе строительную организацию. Примерно через полгода я смог приобрести у него ещё несколько квартир по цене заметно ниже рыночной, но по доверительной схеме оплаты, где присутствовала также и наличная часть.

Буквально за год-полтора до крупных квартирных сделок по такой же доверительной схеме я закупал всего лишь небольшой объём вина у старейшего директора ресторана «Ангара» Павла Леонидовича Райзина, а также у приятеля по школе и институту — Александра Королькова, открывшего один из первых в городе частный продуктовый магазин внушительных размеров «Октябрь» и громко звучащую «Иркутскую продовольственную биржу». Проработав много лет в комсомоле и немного в советских органах, он сориентировался раньше других и ринулся из коммунизма в рынок, причём на первом этапе так быстро и удачно, что сам Горбачёв, будучи в Иркутске, заезжал познакомиться с Александром и его магазином с оттенком социалистической революции в названии. И тогда я даже не помышлял, что вскоре для коммерческих целей по неофициально-доверительным схемам буду приобретать не коробки с винами и дагестанским коньяком, которые хранились в металлическом гараже на платной стоянке моего друга Александра, а ни много ни мало страстно вожделенные всеми окружающими меня ещё совсем недавно заводчанами квартиры.

Как это не вязалось с неописуемой радостью нашей семьи, когда в 60-х годах отцу, заместителю директора мясокомбината, выделили благоустроенную квартиру и мы впервые переезжали из деревянного дома с общим для всех соседей дворовым туалетом и водой из уличной водокачки, носимой на незнакомом сегодня детворе приспособлении — коромысле!

Но ещё много десятилетий у меня щемило сердце, когда я проезжал мимо своего полутораэтажного деревянного дома, где родился и провёл четырнадцать самых золотых первоначальных лет.

Снесли дом через несколько лет после моего шестидесятилетия. Дом как бы хранил остатки детства. В том же году, почти одновременно с домом, умерла и мама, не дожив буквально месяц до своего 90-летия. Интересно, до какой даты не дожил мой первый, самый загадочный и благостно-приветливый дом, принявший меня в свои тёплые объятия сразу же после рождения, а после проводивший и в детский сад, и в школу, и в

пионеры, и даже в комсомол? Память ещё раз прошла этот путь в стихотворении «Улочкой детства»:

Птица в лучах предзакатных парит,
Небом, как прежде, дразня,
Улочкой детства память летит,
Там вряд ли уж помнят меня.
Дом сторожит свой стареющий двор,
Где люди умели дружить,
Застольная песня рвалась на простор…
Вот если бы всё возвратить!
Мать, улыбнувшись, пустилась бы в пляс,
Задорно взмахнула рукой,
И выскочил в круг, демонстрируя класс,
Вприсядку отец молодой.
Грустя сквозь веселье, помнил про нас
Лишь дед мой, затейник седой.
И снова в поленнице пел домовой,
Что сны неустанно копил,
А ночью, мелькая седой бородой,
Он лучшее в дом приносил.
Вся в звёздах спускалась волшебница-тьма,
И в омуте тёмных дверей
Цветной каруселью плыла кутерьма
Гномов и чудных зверей.
Вдруг в детскую душу врывалась гроза,
Пылали, гремели, крушились миры,
И счастлив я был, открывая глаза,
Незнаньем, сколь кратки земные пиры!

Помню также, как в конце семидесятых годов я радовался получению от родного радиозавода, естественно, бесплатно, 44-метровой шикарной квартиры с раздельными комнатами на третьем этаже. Радовал меня и микрорайон Юбилейный, прилегающий к прекрасному лесному массиву, пронизанному тропинками, ведущими на Ершовский залив.

Никогда ранее я и предположить не мог, что квартиры из одушевлённых и родных превратятся для меня в бездушный товар.

Вскоре с одним из, увы, теперь уже бывших друзей, не выдержавших испытания совместным бизнесом, мы создали даже строительное предприятие «Стройресурс» и отстроили несколько десятков тысяч квадратных метров жилья и офисов. Для кого-то и эти квартиры стали одушевлёнными. Немало специалистов

фирмы получили квартиры в собственность, неторопливо выплачивая за них беспроцентный кредит.

Квартирный бизнес с «чёрной» наличкой порождала в начале 90-х годов, кроме всего прочего, бешеная инфляция и запрет для госпредприятий наценки свыше 25 % к себестоимости. Эти ограничения буквально развращали директоров и заставляли искать тёмные схемы работы, кладя дополнительную наценку либо себе в карман, либо направляя на дело, выплачивая «чёрные» зарплаты и премии. Некоторые директора на эти средства наряду с «государевым» начинали и собственный бизнес.

Многие руководители нещадно вытаскивали деньги из государственных предприятий, а позже из акционерных обществ, кто-то просто завладевал контрольным пакетом, и предприятие становилось семейной собственностью. Именно в этот переходный период я и сторговал базу в два с половиной гектара, с подъездными путями, с четырьмя тысячами квадратных метров холодных и с одной тысячей тёплых складов. Только лет через пятнадцать объёмы фирмы переросли удачно приобретённые на вырост площади. В 2013 году мы прикупили ещё одну, аналогичную по размерам, базу и подошли к расширению действующей — за счёт примыкающей земли. Правда, получить эту землю пока удалось только под благоустройство.

Но в ту далёкую пору начала девяностых мой партнёр по квартирному бизнесу предложил по той же схеме и офис примерно в 700 квадратных метров в центре города. Это было также как нельзя кстати. Так что года через три с момента рождения фирмы я имел уже и солидную транспортно-складскую базу, и немалый офис, равный по размеру доброму десятку неплохих для той поры квартир, да ещё и в центре города. Появилась у меня наконец-то и солидная приёмная, не хуже, чем были когда-то в эру социализма на госпредприятиях перед моими кабинетами — начальника цеха, а позже и заместителя директора по экономическим вопросам.

Имея опыт работы нелегального таксиста на личной «Волге» в начале 80-х годов, шофёра я не заводил и до настоящего времени только сам вожу, правда, уже не «Волгу», а иностранные джипы, получая удовольствие от езды. Но охранники, по велению бурных девяностых, конечно же, появились. Так что многие бытовые вопросы, вплоть до организации заграничных поездок, перешли в ведение секретаря-помощника, охранников и появившихся с рождением Полины, а позже и Даниила домработниц и нянь. И только во снах я по-прежнему живу при социализме и все проблемы, например, с поломкой машины или с бандитами, рвущимися в дом, решаю сам.

Интересно, что сны, где приходится бороться с бандитами, преследуют меня с раннего детства. Но ещё интересней то, что моему хорошему приятелю, поэту Василию Козлову всю жизнь во снах суждено отбиваться от диких зверей. Разгадку такой разницы мы нашли, когда не торопясь прогуливались по берегу моря на замечательном китайском острове Хайнань и рассказывали друг другу всё, что знали о своих родословных.

Мои предки, как известно, были крупными купцами-золотопромышленниками. Для них главный бич — свирепые байкальские метели и бандиты. Его предки — сибирские охотники, в том числе козлоловы. Бандитов в лесах практически не было, зато медведей и волков вдоволь. Написалось даже стихотворение по этому случаю:

Если люди подобны, как дроби,
Можно ряд без конца сокращать,
Но мой друг и в морях был, и в Гоби,
Любит он край земли навещать.
С детства сны ему страшные снятся
С нападением диких зверей…
Мне наследство — с бандитами драться,
Был купцом знатным прадед-еврей.
И фамилии наши не схожи:
Я — Бронштейн, он — Василий Козлов.
Его предки к охоте пригожи.
Интересны мы разностью снов.

В том же философско-хайнаньском походе наше внимание привлекло небольшое, ранее не виданное растение, примечательное тем, что отодвигает веточки и закрывает листики, если до него дотронуться. Мне показалось, что растение как бы символизирует закрытость Китая, в противоположность нам, русским.

Есть в Китае растенье, оно
Закрывается, чуя опасность.
Нам талантов таких не дано,
Русь иная преследует крайность.
Как подсолнух, открыты у нас
И границы, и детские души.
Жаль, что мудрость цветка школьный класс
Не вложил в депутатские уши.

Овеянные дружбой квадратные метры

Но вернёмся от снов к реальности становления фирмы. В те же первоначальные годы у акционировавшейся, известной на всю область богатейшей базы, принадлежавшей ранее Министерству среднего машиностроения, расположенной в соседнем городе Ангарске, мы приобрели склады-холодильники более чем на тысячу тонн продукции.

Когда грянул страшный кризис 1998 года, мы занялись скупкой в алтайских хозяйствах коровьих туш, полагая, что вечный российский дефицит — мясо — вскоре существенно подрастёт в цене вслед за валютой. По нашим прикидкам, холодильники должны были окупиться за полтора-два года. Но увы. Западные правительства нашли деньги на дотации своим производителям-экспортёрам, устремившимся на российский рынок, и это внесло серьёзные коррективы в реализацию наших планов. Местное мясо, конечно, подорожало, но далеко не так, как вырос доллар. Зато средняя стоимость хранения мяса оказалась весьма высокой. Особую сложность в эксплуатации базы представляли старые аммиачные холодильные установки, чрезвычайно опасные для здоровья окружающих в случае аварии. Все подобные объекты даже состоят на учёте в местном отделении МЧС. Поэтому приходилось держать весьма квалифицированную бригаду и даже главного инженера. Убытки от содержания холодильников множились, но нам повезло. Окружающая нас база в основном была распродана осчастливленными Чубайсом наследниками дармового социалистического имущества и превратилась в рынок. Место, которое занимали наши холодильники недалеко от въезда на рынок, стало достаточно проездным и дорогим, хотя и было окружено чужой территорией. Благодаря этому удачному обстоятельству и удалось года через три-четыре продать с не очень существенными потерями холодильные склады новым хозяевам и избавиться от немалых инженерных забот.

Вместе с базой ушли и ночные авралы по разгрузке скоропортящейся продукции, и бесконечные опасные рейды наших закупщиков с сумками наличных денег по алтайским селениям.

Мельче стал и весь ангарский филиал, всё же на холодильниках было занято вместе с грузчиками, эксплуатационниками, кладовщиками — около 50 работников. Винно-водочное и кондитерское направления тогда только начинали набирать обороты, а на продуктовой и мебельной

рознице вкупе с кафе и рестораном энергичной и деятельной директору ангарского филиала Валентине Веретениной стало скучно, и она, несмотря на уговоры, ушла в другую фирму. Очень жалко. Ведь знакомы или даже, вернее сказать, дружны мы были со студенческих лет. Училась она на два курса младше, но также на машиностроительном факультете. Познакомила нас общественная работа. Я был комсоргом курса и отвечал за проведение подписки на всём факультете (выписывать и читать партийно-комсомольскую прессу, по сути, вменялось в обязанность всем членам ВЛКСМ), а она, несмотря на юный возраст, была комиссаром общежития, а летом, как выяснилось, работала ещё и комиссаром стройотряда. Нехватка опыта с лихвой компенсировалась её бьющей через край энергией, обаятельностью, сообразительностью и остреньким на словцо язычком. Как-то второкурсница умудрилась подколоть и меня, старика четвёртого курса: «Будешь общаться со мной, рассевшись, как директор в начальственном кресле, план по подписке в моём общежитии не выполнишь».

Несмотря на это, вскоре отношения у нас потеплели. Как-то раз она даже пришла с подружкой ко мне домой, чтобы занять на время чертёжную доску. Я был, как всегда, занят, чая не предложил, доску дал, но не помог двум девушкам её донести до дома, где жила подруга. А когда вскоре была намечена редчайшая в ту пору институтская дискотека, мы похвастались друг другу, что имеем весьма дефицитные пригласительные билеты, но солидарно решили, что оба не пойдём, так как полно дел. Это нас как бы сблизило, но не настолько, чтобы тратить время «на глупости».

Через год я распределился на Иркутский радиозавод, а позже случайно узнал, что и Валентина записалась сюда же на производственную практику. Запись производилась почти за год до самой практики. Невольно подумалось: «Наверно, ради меня, что ж, неплохо. Даже здорово! Теперь уж выберем время для более тесной дружбы».

Но жизнь в эту пору текла ой как быстро. За год ожидания её практики я успел жениться. Не отстала и она — вышла замуж. Вполне возможная любовь пролетела мимо. Оба в глубине души, как выяснилось позже, не раз с грустью вспоминали, как зачёты и общественная работа украли институтскую любовь. Повторно встретились мы, как в романах, лишь двадцать лет спустя.

Года через три-четыре после создания фирмы, в середине 90-х годов, помню, как я взял телефонную трубку и мгновенно узнал её голос, будто из вчерашнего прошлого, чем её несказанно обрадовал и удивил.

У обоих чувствовалось приятное волнение. Из дежурных вопросов стало ясно, что компьютерная фирма, где она работала последнее время, прогорела, не лучше ситуация и на семейном фронте.

Зная все её боевые комиссарские качества, я с радостью предложил возглавлять ангарский филиал нашей фирмы, как раз по месту её жительства.

И вот спустя шесть-семь лет, как раз после продажи холодильников, Валентина от нас ушла в весьма солидную фирму при Ангарском мясокомбинате. В тот момент мне казалось, что я не только теряю сильного, а главное, честного специалиста, но и моя молодость отплывает навсегда в неведомом направлении.

Но вернёмся от щемящей лирики к бренной материи.

Мой новый офис в середине 90-х годов волей случая оказался недалеко от Объединения тяжёлого машиностроения, где совсем в другую эпоху, правда, всего три-четыре года назад, я был членом партийного комитета и заместителем директора одного из его предприятий. Недавно объединение акционировалось, и директорское кресло занял мой старый знакомый.

Любопытно, что и в этом случае история сделала свой зигзаг, замыкая круг детства. Знали мы с ним друг друга ещё в комсомольские годы, окончив одну и ту же 15-ю среднюю школу им. А. М. Горького. Марк был на три года старше меня, и познакомились мы благодаря моей сестре Ирине. Учились они в параллельных классах и одно время дружили. Его обаятельная семитская внешность притягивала взоры многих девушек. Но запомнился он мне прежде всего своей редкой предприимчивостью уже в школьные годы. Их выпуск 1965 года попал на самое неудачное время, когда недолго просуществовавшее одиннадцатилетнее обучение снова преобразовывалось в десятилетнее. Следовательно, выпускников ожидалось в два раза больше, а шансов поступить в вуз, соответственно, в два раза меньше. Всех непоступивших парней ждала не очень желательная для многих армейская служба на три, а во флоте на долгих четыре года. Марк оказался единственным, кто окончил одиннадцатый класс экстерном, учась в десятом классе. Излишне говорить, что он успешно поступил в вуз.

К слову сказать, предприимчивым ещё в трудные послевоенные времена оказался и мой талантливый дядя Леонид Яковлевич Бронштейн. Он, женившись на втором курсе юридического факультета на выпускнице Анне Семёновне, на третьем курсе сдал экстерном все экзамены и за четвёртый, и за пятый, чтобы по распределению помчаться за женой вослед в

соседнюю Бурятию, в город Улан-Удэ, где жили также и его родители, и бабушка с дедушкой.

Третий пример ускоренного обучения, известный всему моему поколению, преподал злой гений Ленин, сдавший экстерном экзамены сразу за весь курс юридического факультета Санкт-Петербургского университета.

Итак, школьное знакомство и связанные с этим трогательные воспоминания сделали наши отношения весьма доверительными. Вскоре он предложил мне выкупить не очень дорого 30 процентов акций объединения при условии, что половину из них я перепишу на него.

Забегая вперёд, скажу, что акции, по большому счёту, мне пригодились несильно: погрязнув полностью в своём бизнесе, я не был членом совета директоров объединения, а вместо этого выписывал доверенность своему «благодетелю» на представление моих интересов. И поэтому не втянулся в дела и заботы богатейшего объединения. Вскоре после ухода Марка с поста предприятие обанкротили, и все акции превратились в пустые бумажки.

Но до этого было долгих четыре-пять лет, в течение которых я выкупил у тонущего, как и вся российская промышленность, завода семь цехов общей площадью примерно 14–15 тысяч квадратных метров. Наши доверительные отношения и акции, дающие серьёзное, но ни разу не использованное право голоса на собрании акционеров, позволили хотя бы быть первым при выкупе желаемых объектов. Иногда, когда я просыпал какую-либо продажу, акции позволяли мне и немного поддавить на директора, с тем чтобы он аннулировал свои предварительные договорённости с кем-либо другим. Излишне говорить, что схемы оплаты были не самые прозрачные.

К моему огромному удивлению, по причинам, не выясненным до сих пор и теперь уже таинственным навсегда, так как Марк, давно серьёзно заболевший, перебрался в Израиль и там скончался в возрасте 60 лет, один объект достался мне почти даром. Не только горькие потери, но и неожиданные приобретения бывали не редкостью на заре капиталистической перестройки. Заводская фабрика-кухня по ряду причин была исключена из плана приватизации и находилась у предприятия в хозяйственном ведении, оставаясь при этом в собственности государства. Слабые попытки объединения, на которое и без того свалились сотни тысяч квадратных метров государственных площадей, перевести объект в собственность эффекта не дали.

Мне повезло больше. Через одного не самого близкого в ту пору приятеля, бывшего комсомольского вожака, меня попросили

о финансовой помощи, по-моему, лужковской партии «Отечество». Возглавлял её в Иркутске один из заместителей губернатора, как раз командовавший приватизацией. Оказывая материальную помощь, я высказал, как это водится, свою просьбу, и получил обещание в оказании содействия по интересующему меня объекту. Долгие месяцы это обещание висело в воздухе, но затем звёзды расположились, видимо, весьма благоприятно, и фабрику-кухню, неожиданно для меня и ещё больше для директора, отдали заводу. Поскольку в этом благоденствии была моя хотя и случайно обрушившаяся, но всё же явная заслуга, то почти не эксплуатируемый, требующий большого капитального ремонта, зато расположенный почти в центре города объект перешёл ко мне, причём за плату, абсолютно несоизмеримую с его реальной стоимостью и ценой всех остальных приобретений той поры. Марк не стал требовать даже половину здания себе, к чему я был мысленно готов.

Но круг как бы замыкается — и в настоящее время этот объект становится, пожалуй, первым в центре города, занятым не извлечением прибыли, а культурно-просветительской деятельностью. Именно в этом здании и должна открыться моя грандиозная, думаю, что самая значимая за пределами Москвы и Питера, частная галерея современного искусства.

Что касается самого здания, оно также должно стать если не шедевром архитектуры и дизайна, то хотя бы одним из заметных архитектурных явлений родного города. Но главное, конечно, его «начинка». Кроме выставочных площадей предусмотрены и бар с уникальной винотекой, «проповедующей» культуру винопития, и мастерская художников, причём с прозрачными внутренними стенами, позволяющими созерцать готовые картины, а также процесс их рождения. К тому же, в отличие от богатейшего по фондам, заложенным ещё в дореволюционное время, но материально очень бедного сегодня Иркутского художественного музея, у нас будет и гарантированная температура и влажность воздуха, и своя музыка в каждом зале, соответствующая экспозиции.

На первый взгляд, мои успехи в приобретении недвижимости, включающей ещё и пять-шесть магазинов, на этапе становления фирмы просто грандиозны. Так же внушительно смотрелся в 90-х годах и мой двухэтажный деревянный дачный дом в окружении домиков бедных заводчан. Но всё в мире относительно и зависит от точки отсчёта. Волки и овцы иногда очень быстро меняются местами. Кто-то радовался приобретению дачки, нескольких цехов, а кто-то захватывал огромные предприятия, причём не только олигархи российского уровня.

В ту пору приобрести цехов я мог и больше. Директора Иркутсктяжмаша и Сбербанка буквально уговаривали меня выкупить целиком корпус из четырёх заложенных банку цехов и организовать в них первый в Иркутске оптовый рынок. Но этот вид бизнеса казался мне не очень интересным, обязательно крышуемым криминалом, да и не до конца верилось в его большую востребованность, хотя в Москве оптовые рынки уже заявили о себе в 90-х годах. Поэтому купил я только один из четырёх цехов, и не под рынок, а под гараж. Три соседних приобрели энергичные владельцы автоплощадки. С этой покупки начала расти у них ставшая мощнейшей в Иркутске рыночная империя, насчитывающая сегодня, наверно, не одну сотню тысяч квадратных метров площадей, сдаваемых в аренду. Большая часть цехов и земли завода перешла постепенно в их собственность. Но крупные деньги — крупные риски. Хозяин империи, увы, был застрелен, но их бизнес к тому времени уже прочно стоял на ногах. Жена его оказалась очень способной бизнес-леди. В помощники к ней присоединились и дочь, и зять, и повели дело ничуть не хуже, чем при хозяине, да ещё заняли заметное место в политической жизни города и области.

Несмотря на большую убыль цехов, завод всё же сохранялся до тех пор, пока по городу, буквально как смерч, не пролетела молодёжная фирма с неброским названием «Ресурс», которая фактически захватила несколько крупнейших заводов. Среди них — объединение Иркутсктяжмаш, завод радиоприёмников, чаеразвесочная фабрика и целый ряд предприятий масштабом поменьше.

Руководителю этой фирмы было около 30 лет. Уже имея одно высшее образование, он ещё обучался и в Москве, по-моему, в Академии народного хозяйства, где в общении с преподавателями и особенно со слушателями набирался ума-разума. Он совершенно не походил на традиционных советских директоров. Ни стати, ни командного голоса у него не было. Наоборот, худощав, невысок, весь облик какой-то гибкий. Манера говорить быстрая, однотонная, без акцента на отдельные фразы и слова. В общем, производил впечатление обычного, незапоминающегося, весьма юного скорей паренька, нежели мужа. Но люди такого типа, по моим наблюдениям, нередко очень быстро соображают и легко схватывают новое. Мне кажется, что у них, как в детском возрасте, колебание нейронов в мозгу осуществляется быстрей, чем у сверстников. Они и выглядят обычно заметно моложе своих лет.

Несмотря на такой безобидный вид, я несколько раз был свидетелем, когда служба безопасности его фирмы

демонстрировала грозную силу. Рослых накачанных ребят, да ещё и не скрывающих оружие, несколько раз видел я на интересующих их объектах, а один раз и рядом со своей дачей. Мой дачный участок располагался рядом с базой отдыха родного радиозавода, которая перешла к ним вместе с юридически грамотно захваченным предприятием. Здесь-то я впервые и познакомился с их излишне наглым почерком, который в будущем не должен был сулить им ничего хорошего. Мало им завода и гектаров базы отдыха, так надо стараться захватить и часть государственной земли, придвинув свой забор вплотную ко мне и перекрывая при этом подход к заливу.

Увидев по подготовительным работам их намерения, я пригнал несколько грузовиков из гаража фирмы и поставил так, чтобы помешать возведению забора на нейтральной полосе. Тогда-то они и предприняли рейд устрашения. В нагрузку к этому локальному психологическому давлению они сымитировали аварию на бывшей заводской подстанции, ставшей неожиданно их: отключили электричество, и мой супермаркет, находящийся за десятки километров от точки конфликта, остался без света. Вот уж поистине земля тесная!

Для того чтобы уменьшить риск дальнейших провокаций, конфликт нужно было предать гласности, а для этого привлечь к нему внимание. Я поступил нестандартно: попросил персонал обесточенного магазина — а это десятки человек, в основном женщины, — демонстративно выйти из магазина в центре города и загорать в прямом смысле этого слова. Одновременно пригласил друзей с телевидения. Они сняли сюжет. Но когда узнали, кто стоит за конфликтом, то растерялись. Дружба дружбой, но по секрету выяснилось, что дальновидная фирма агрессоров всем основным СМИ города платит деньги за… отсутствие новостей. Всё в их деяниях должно быть тихо и незаметно, шито-крыто, чтобы не привлекать общественного внимания, а то чиновники и силовики, чего доброго, побоятся брать у них взятки — и «дело» забуксует. Немало полезных людей работало и непосредственно у них в фирме. Например, сын одного из генералов ФСБ, бывший заместитель губернатора по финансам, и т. д. Друзья с областного телевидения, где с успехом в ту пору шли наши передачи «Классическая лира», выступили в роли переговорщиков вместе с ещё одним моим влиятельным товарищем Олегом, и земельно-электрический конфликт был улажен. Грузовики с нейтральной полосы, как танки после боя, вернулись в гараж к привычным делам.

Почувствовать в трудной ситуации локоть друзей-приятелей, к тому же исповедующих твои культурные ценности, это,

наверное, и есть важная составляющая счастья. Олегу я посвятил стихотворение «Бездна»:

В отчизне долга и присяги
Бесчестье тягостней свинца,
Аристократ был муж отваги,
Там Пушкин дрался до конца.

Но бурей Балтика дохнула,
Понёсся стон через года,
Русь Православную согнула
Кровавых карликов орда.

Как в битвах — дети сиротели,
Погосты множила коса,
И только храмы скорбно пели,
С надеждой глядя в небеса!

В результате «войска» современных варваров отступили от моей дачи, которую спустя лет пять затмили каменные дворцы, выросшие, как красочные грибы-поганки, на месте вырубленного ельника и сосняка.

После захвата предприятий началась массовая распродажа цехов, и еле теплящееся в них производство умерло окончательно. Теперь на месте заводов красуются рынки с импортным шмотьём и голливудскими фильмами, а также строительные площадки под офисные гиганты.

Отработав Иркутск, «вихрь-ресурс» стремительно перелетел в Москву. Но там серьёзно задел интересы других «волков» и сам превратился в «овцу». Причём сам талантливый главарь получил весьма внушительный срок заключения. Зря, при всех своих способностях не нагружал он правое полушарие мозга, где живёт и настоящее искусство, и доброта, и порядочность.

Живительные стены «Вернисажа»

Путь нашей галереи проходит и ещё через одно символичное здание. Этот вековой двухэтажный особняк, исторически известный как «Магазин Товарищества братьев Бревновых», — младший «брат» столичных Ново-Никольских торговых рядов на Ильинке, построенных в 1900 году по проекту архитектора Московского торгового домостроительного общества Л. Н. Кекушева. Через дюжину лет иркутский архитектор Н. Н. Бойков адаптировал этот проект под конкретное место, поэтому здание получилось меньше размерами и выглядит немного проще, но самые характерные детали совпадают однозначно.

Может быть, старинная архитектура и заразила меня непреходящей любовью к изобразительному искусству?

Эту эпохальную покупку мне повезло сделать в конце 90-х годов. На инвестиционных торгах областного агентства недвижимости я выкупил всего 29 % акций здания фабрики-кухни на главной пешеходной улице города — Урицкого, или как бы на иркутском Арбате. К этим процентам через какое-то время передавался в управление ещё и городской пакет — 20 %, остальные акции, 51 %, были распределены в коллективе: побольше доля, как водится, у директора и главного бухгалтера, поменьше — ещё человек у шести — восьми.

Командой шефа приватизации А. Чубайса были сконструированы в ту пору странные, так называемые инвестиционные, торги. На торгах подразумевался не прямой выкуп, а инвестиции немалой суммы на развитие предприятия.

Ситуация, вообще говоря, парадоксальная. Мы должны были перечислить крупную сумму на предприятие, к контролю над деятельностью которого пока ещё не имели отношения. Де-факто контроль был у директора и главного бухгалтера: 51 % против наших 29 %, что позволяло им пока не волноваться за свои должности. В фактическое распоряжение двух не очень, на мой взгляд, квалифицированных, а вполне может быть, и не очень честных женщин (знакомы мы не были) я должен был отдать крупную сумму денег. Поневоле задумаешься.

Если бы контроль был за нашими специалистами, тогда другое дело. Модель выкупа «по Чубайсу» была уязвима ещё и тем, что деньги, в том числе кредитные, можно перегнать, выполнив условия конкурса, а затем потихоньку вернуть большую часть денег либо в банк, либо в свой карман. Особенно легко это сделать, если приобретается контрольный пакет акций. После

первого перечисления и отчёта по нему финансовый контроль обрывался. Для тех ловкачей, в том числе будущих олигархов, кто имел доступ к кредитам, «приобретение» любых объектов на инвестиционных торгах, в том числе гигантов металлургии и нефтехимии, происходило фактически бесплатно, деньги делали круг и возвращались.

В нашем конкретном случае, не имея ещё контрольного пакета акций, гарантированно вернуть деньги было невозможно, поэтому мне удалось дополнительно согласовать — вместо прямого перечисления денежных средств — инвестирование непосредственно в оборудование. Хотелось создать какой-то новый автономный участок, который бы не был под контролем прежнего руководства, хотя бы в силу их некомпетентности, и мы выбрали хлебопекарное производство на две тонны хлебобулочных изделий в день.

После выполнения условий инвестиционного конкурса город передал нам в управление ещё 20 % акций. Далее мы пошли стандартным путём и начали переговоры по покупке акций у членов коллектива. Собственно, нам нужно было срочно купить-то чуть больше одного процента, и прежнее руководство теряло над предприятием контроль, так как мой пакет был в одних руках. Поскольку работали они действительно слабо и дивидендов на акции никто не получал, то недостающие пару процентов мы приобрели без хлопот, обеспечив этим возможность поставить через голосование своего директора и главного бухгалтера, что мы и сделали. После чего за неплохие деньги нам продали и все до единой остальные акции, понимая, что дивидендов по ним не дождаться.

Бывшая директор была уже пенсионного возраста. Отнеслись мы к ней уважительно, и после переизбрания много лет она работала начальником отдела кадров. Никто из стоящих специалистов не потерял работу. Пекарня (судьбу инвестиций не отслеживал никто) вскоре переехала совсем на другие площади.

На месте фабрики-кухни на втором этаже в восстановленном старинном интерьере был создан знаковый не только для нашей фирмы, но для всего города ресторан.

Особняк — истинный шедевр зодчества начала XX века — украшен редчайшими для нашего города скульптурными изображениями. Его стены, намоленно-наговорённые при рождении хозяевами-купцами и другими гражданами, как по волшебству, оживили моё правое полушарие, занятое с институтских времён преимущественно деловым творчеством и лишь время от времени блуждающее по вершинам русской поэзии. В него буквально влетела мысль назвать всё здание

«Вернисаж» и открыть в нём ресторан с выставкой полотен лучших иркутских живописцев.

В ту пору у меня ещё не было ни одной картины и я не был знаком ни с одним художником. Предпринимательская жизнь шла по совершенно другой колее.

Здесь-то и пригодился культурно-просветительский талант моего друга и сподвижника Геннадия Гайды. О его отношении к зодчеству и культуре в целом свидетельствует замечательное стихотворение «Памятник архитектуры». Приведу отрывок:

Дом, кренясь, плывёт в пространство,
как корабль трёхмачто́вый.
Его строгое убранство
привлекает взгляд. И что вы
впопыхах ни говорите
об эклектике, о стиле,
в его камне суть наитий
и прозрений суть застыли…
Романтизм иссяк. Но снасти
дом в пути не растерял.
Созидателю подвластен
жизни косный материал.
…Над годами коловерти
проплывают этажи
нам оставленного зданья.
За наследство чем воздам я?
И грядущим городам
что в наследство передам?

Гена был лично знаком с большинством художников Иркутска, со многими дружил. После окончания выполненной с душой реконструкции фасада, а реставрировала его замечательная церковная бригада, которую благословил на старинное здание сам владыка, мы и организовали первую в Иркутске негосударственную выставку прямо в стенах ресторана. Её открытие состоялось 31 января 1998 года и стало знаковым событием в моей жизни. Дату невозможно перепутать, так как в конце 1997 года Геннадию исполнилось 50 лет. Но празднование мы решили немного оттянуть и совместить его с открытием «Вернисажа» и с вручением Геннадию долгожданного билета Союза писателей России. Занятые предбанкетной суетой, мы ни разу не вспомнили, что если засидимся до полуночи, то наступит и мой день рождения. Кто-то, но не я, после полуночи всё же вспомнил, и многие гости, не желающие расходиться с

неповторимого праздника, где впервые за послереволюционное время собрались бизнесмены, а также художники и писатели, после двенадцати ночи тепло поздравляли меня. Правда, никто из них, да и я сам, не знал, что на этой выставке и, наверно, в эту незабываемую ночь, плавно перешедшую в утро, во мне как бы зародился страстный любитель и коллекционер замечательных иркутских полотен и скульптур, родившийся через полтора-два года.

Успех в реконструкции старинного здания сподвиг меня заявить о желании воссоздать ещё и памятник царю Александру III. Городская дума и мэр конца 90-х сочли, что царю и Ленину будет тесно на одной улице, и проект воплотить не удалось. Но идея украсить город памятником всё равно проросла, и в 2003 году мы с друзьями водрузили, опять же первый за всю послереволюционную историю города, памятник на частные деньги. Возле драматического театра занял уютное место наш легендарный драматург Александр Вампилов, образно воплощённый в бронзе известным скульптором, народным художником России, академиком Михаилом Переяславцем. Следом за нами, как бы подхватив эстафету, силами железной дороги к столетию Транссиба был всё же воссоздан в Иркутске памятник Александру III, затем установлен памятник легендарному адмиралу Александру Колчаку, позже — первопроходцам Сибири и другим знаковым людям и событиям. Но мы были первыми в этом поистине эпохальном возрождении. Как память о наших усилиях по восстановлению памятника Александру III остался замечательный документальный фильм «Лицом к Востоку» с участием Валентина Распутина, Кима Балкова и нас с Геннадием Гайдой.

В год создания памятника со мной произошло ещё одно чудо. Правое полушарие выдало как бы неожиданный кульбит: после сорокалетнего перерыва я возобновил писание стихов, да так, что лет через семь стал членом Союза писателей России и выпустил за десять лет четыре сборника. Самым первым явилось на свет Божий стихотворение «Вечный свет», посвящённое раннему уходу Александра Вампилова, — как будто бы он, в благодарность за памятник, послал мне озарение, причём такой силы, что оно пробило и наслоение машиностроительного факультета, и годы далёкой от лирики работы на производстве, и годы предпринимательства, где нагружалось в основном только прагматичное левое полушарие.

Сколько нас, летящих в бесконечность,
Вопрошало: «Почему, Творец,

Мирозданью Ты даруешь вечность,
Ну а нам лишь вспышку и конец?»

«Звёзды смертны, — голос мне ответил
Лунной ночью в тишине лесной –
Что Господь единожды затеплил,
То хранит в небесной кладовой.

Все светила в круговерти тлена,
Вечен лишь мерцающий их след, –
Так и души, вырвавшись из плена,
Мчатся к Богу, и конца им нет!»

За эти годы с постоянными изменениями правил бизнес-игры и многими кризисами какие-то объекты недвижимости продавались, что-то приобреталось, но эти два здания, «Вернисажа» и «Галереи», имеющие мистическое значение, должны остаться у потомков до скончания веков и пробуждать их к творчеству вместе со стихами и живописью. Как сказал А. С. Пушкин: «Нет, весь я не умру, душа в заветной лире мой прах переживёт и тленья убежит…» Этой же теме посвящено и моё скромное стихотворение:

Тревожным праздником заря
День канувший венчает.
А жизнь короткая, горя,
Прощания не чает.
Я верю в Божью благодать
И в райские селения,
Но как мне внукам передать
Живой души движения?
Веду дневник постылых мук
И яростных прозрений;
Я внукам мудрых шлю подруг
В красе стихотворений.

На этом знаменательном банкете-вернисаже произошло и ещё одно знаковое в моей жизни событие. Мы по душам разговорились с Олегом, весьма заметным представителем иркутского бизнеса. Меня поразили его смелые мысли о скрытом потенциале процветания России. Он полагал, что главная задача всех состоятельных людей — дать своим детям «конвертируемое» образование и возможность профессионального становления на

Западе. Вскоре они сами поймут, что нигде не смогут так развернуться, как у себя дома, в России, и только они — эта образованная новая элита — смогут вытащить Россию из сырьевой бездны. Если, конечно, правительство не будет по укоренившейся привычке активно мешать.

Жаль, что этого «если» пока нет!

Наш разговор явился ростком будущих дружеских отношений с ним и его замечательной семьёй на долгие годы.

Этой же памятной ночью я ближе сошёлся и ещё с одним замечательным директором бывшего госпредприятия — Владимиром. Жаль, правда, что на каком-то этапе повздорили наши не очень уступчивые жёны, и Владимир с супругой в последний момент раздумали быть крёстными родителями нашего сына, который был им весьма симпатичен. Я всегда совершенно искренне желал и желаю им всяческого добра, но сразу же после срыва крещения на них попеременно обрушилось немало неприятностей, связанных со здоровьем. Может быть, это случайность, а может быть, Господь обижается за своих ангелов в детском обличье. Наверное, крещение ребёнка для Господа превыше всех мелочных распрей. Благодаря Олегу мы познакомились ещё с двумя незаурядными предпринимателями и их семьями. Обоих глав семейств звали Юриями. Причём главный иркутский ресторатор — Юрий Коренев — на долгие годы стал мне близким товарищем.

Не счесть совместных выездов и походов, проведённых вместе праздников и презентаций. Правда, в последние годы приоритеты и в празднествах, и в дружбе несколько изменились. Но слава Богу, что спустя почти 15 лет, прошедших после открытия «Вернисажа», все в нашей компании успешны, в основном здоровы и встречаются не только в Иркутске, но и в полюбившемся для отдыха месте, вдалеке от городской и даже российской суеты. Вот таким судьбоносным стал первый мой и, может быть, самый блистательный вернисаж в отреставрированном особняке, памятнике архитектуры, где старинные стены способны дарить добро и чудеса долгой дружбы и страстного коллекционирования на долгие годы.

Имеющийся у меня пакет акций на здание «Вернисажа» давал право его бессрочной аренды и преимущество при выкупе. Арендная плата была небольшая, поэтому тратить деньги на выкуп я не торопился и, как водится, чуть не прозевал означенные властями новые сроки аренды.

Согласно изменившимся условиям аренды, спохватился я в самые последние дни, когда в обычном порядке выкупить здание уже не успевал — цену выкупа быстро не согласуешь. Благо что

председателем комитета по имуществу был мой институтский однокашник Владимир, бывший заместитель директора авиационного завода, очень толковый специалист и порядочный человек. Он сочувственно отнёсся к моей экстремальной ситуации и помог всё сделать оперативно, хотя сам работал на этой должности тоже несколько последних дней. Повезло! В противном случае право преимущественного выкупа было бы безвозвратно потеряно и пришлось бы бороться за объект по безумным ценам на общих основаниях. Уже понесённые огромные затраты на реконструкцию пропали бы даром. В общем, бессрочность, декларируемая государством, оказалась липовой, как и многие другие правила ведения бизнеса. Вложенные предпринимателем деньги при изменении правил игры никого не волнуют, с властью не поспоришь. Один закон у нас традиционно противоречит другому. Так же как при закате социализма вышел закон «О борьбе с нетрудовыми доходами» и полностью противоречащий ему закон «О предпринимательской деятельности». Традиции подобного головотяпства в государственном масштабе неискоренимы. Иногда они больно ударяют и по мне, в том числе и по бизнесу, связанному с «Вернисажем».

Судебная война

Есть у нас памятник архитектуры, в состав которого входит ещё одно встроенно-пристроенное помещение, которое, на беду и хлопоты нам, купил вежливо-элегантный, известный в городе бизнесмен, автор множества сомнительных юридических схем на грани фола. У него нет ни торговых, ни производственных подразделений, но есть штат достаточно сильных юристов, конечно же, дружных с судьями. Такая «дружба» сейчас весьма высоко ценится. Похоже, что он, как и Давид, увлекался в детстве занимательной математикой. Во всяком случае, нельзя не признать, что судебное действие $2 \times 2 = 5$ у него не раз получалось. Так и в случае с нашим объектом он разработал схему — вначале захвата общей земли, а затем разного ухудшения условий функционирования нашего здания, — стимулирующую желание продать объект, чтобы не мучиться с судами. Для её осуществления необходимо было склонить Центр по сохранению историко-культурного наследия и судей к нескольким скользковатым решениям. Как и положено в скользких делах, в глубокой тайне от нас они заказали архитектурно-историческое исследование и «доказали», что встроенно-пристроенное здание вдруг перестало быть единым целым с нашим зданием, а значит, не является и памятником архитектуры. Своё здание они разделили на две части: на встроенную — примерно 48 квадратных метров, и на пристроенную — 350 квадратных метров. Затем нахально, но юридически виртуозно, им удалось использовать это деление.

С помощью встроенной части, общей с нашим зданием и составляющей всего два-три процента от «общей» площади, они начали активно чинить нам через арбитражный суд препятствия в эксплуатации. Потребовали, как несогласованные с частичным собственником здания, то есть с ними, убрать рекламу и все вывески с фасада, а также снести надворный пристрой, в котором размещается небольшой ресторан. Как метко высказался один из судей в неформальном разговоре, «хвост хочет управлять собакой».

97–98 процентов площади в наших руках не оставляют сомнений в правомерности наших решений, но формальная зацепка — отсутствие согласований — есть, и выиграть дело против их напористой бригады адвокатов нам было весьма непросто. Остудила их, скорей всего, только наша дружба аж в самой Белокаменной.

Втайне от нас сопредельному владельцу удалось, как я уже

сказал, лишить свою часть памятника архитектуры этого статуса и объединить пристроенную часть со своим же соседним объектом, находящимся на той же стороне улицы. Соседний объект (он, кстати, перешёл к нему в собственность также благодаря серии судов) был отделён от нас общим проездом, принадлежащим городу. В одночасье попавший в хитрое «окружение» его владений проезд был отдан ему постановлением администрации города и стал планироваться как бесплатная площадка под новую застройку в ансамбле с двумя имеющимися объектами.

На следующем этапе рейдерства, если серьёзно не защищаться, наличие встроенно-пристроенного здания в образованном всякими правдами и неправдами конгломерате может привести к тому, что наше здание с немаленьким двором присудят рассматривать как часть свежеиспечённого единого комплекса, находящегося в совместном владении.

Из этой «безобидной» махинации сложится и совместное владение площадью нашего двора — с неоформленной, по головотяпству, в собственность землёй. Причём если при старом раскладе его доля в дворовой земле была 2–3 процента, то в новой реальности она сможет стать больше половины. А это значит, что по закону он может диктовать использование этих площадей; к счастью, кроме строительства, так как для этого требуется согласие всех без исключения собственников.

Такие вот широкие горизонты сомнительным юридическим схемам при лояльности судов открывает сработанное его гвардией и чиновниками постановление об объединении участков.

Мы при этом теряем право пользоваться общим проездом и, как следствие, двором, который исторически, в течение более полувека, использовался для подтоварки сначала фабрики-кухни, а позже — кофейни и ресторанов. Иного пути для сырья просто нет, через здание заносить его невозможно, так как запрещается пересечение потоков сырья и готовой продукции.

В мэрии все причастные к незаконному рождению постановления по перекройке участков хранили гробовое молчание, оберегая информацию, как государственную тайну.

О постановлении узнали мы совершенно случайно, от третьих лиц, через несколько месяцев после его подписания действующим в ту пору мэром. Чего не сделаешь ради «щедрых друзей»! Как только до нас дошла эта «радостная» весть, мы обратились в арбитражный суд и ценой очень немалых усилий во всех трёх его инстанциях дело всё-таки выиграли, постановление было отменено.

Проигравшая сторона отправила дело в Высший арбитражный суд РФ. Но и там их жалоба осталась без удовлетворения.

Казалось бы, на этом история должна закончиться и справедливость окончательно восторжествовать. Но не здесь-то было! Из противозаконного постановления мэрии, оказывается, не следует, что решения, принятые на его основе, бесспорно, подлежат отмене.

Оказывается, нужно снова идти в суд. И более того, в России уже имеется абсурдная с точки зрения здравого смысла практика, правда, пока единичная — в Орловской области, когда постановление мэра отменили, но это никак не повлияло на отношения собственности, вытекающие из незаконно-фальшивого по сути постановления. Думаю, уместна аналогия с фальшивыми деньгами. Факт подделки выявлен, но приобретённое на фальшивые деньги имущество суд решил оставить «законному владельцу».

По здравой, а не коррупционной логике, по каждому незаконному постановлению прокуратурой должно вестись расследование. Важно выявить, кто из жуликоватых бизнесменов инициировал постановление, кто из чиновников и за какой интерес визировал и помогал его протолкнуть, куда смотрела юридическая служба мэрии, почему подготовка и подписание постановления держались в тайне от второй заинтересованной стороны?

В общем, прокурорских «почему» наберётся немало. А последний вопрос уже не «почему?», а «сколько?» Сколько эта чиновничья услуга стоила? Сколько лет срока за неё полагается?

Но это по здравому смыслу. А на практике, повсеместно тонущей в коррупционном море, всё наоборот. Постановление признано судом незаконным, а земля, розданная на основе отменённого постановления, остаётся по решению тех же всемогущих судов в неприкосновенности.

В нашем деле две первые инстанции вслед за отменой постановления мэра отменили и его последствия, связанные с объединением участков земли и общего проезда. Но третья — кассационная инстанция — не поддержала здравое решение и неожиданно для всех препроводила дело на новый круг по непонятным мотивам.

Если не вернуть участки земли и объекты в первоначальное состояние, то пристроенную часть здания, лишённую статуса памятника архитектуры, можно будет нашему предприимчивому соседу запросто снести, а на его месте и на месте общего проезда может быть построено здание с ценой одного квадратного метра 3–5 тысяч евро (150–250 тысяч рублей, в зависимости от этажа)

при себестоимости 40–60 тысяч рублей. Доход от тысячи метров — около 200 миллионов рублей. Правда, примерно в 35 миллионов обошёлся выкуп у города встроенно-пристроенного здания по рыночным ценам. Остаток немалый — более 160 миллионов рублей. Ради этого можно, по мнению далёких от культуры акул бизнеса и «добровольных» помощников, крушить памятники архитектуры, захватывать общие земли, уничтожать облик старых улиц и площадей. О том, что сложившаяся в прошлом панорама города тоже является объектом охраны, у нас забывают сплошь и рядом, разрешая «втыкать» всё новые и новые коммерческие площади в исторической части, перегружая центр города, делая его и не историческим, и не проездным.

Думаю, что подобное вмешательство в панораму города должно обязательно обсуждаться на депутатских слушаниях и в общественных палатах, чтобы не получилось, как в Москве на Арбате. Там вдруг десять лет назад вырос громадный офисный центр со штаб-квартирой нефтегазовой компании ТНК-ВР, уничтоживший неповторимый облик и панораму главной пешеходной улицы России.

Но вернёмся к нашим делам да судам.

Последний юридический финт нанятых соседом маститых юристов — через пять лет беспрерывных судов: если вдруг дело застопорится, то забрать его из арбитражного суда и начать мучить суды общей юрисдикции. Для этого он «понарошку» продал десять процентов своего здания близкому физическому лицу, а там, где появляется физическое лицо, можно ставить вопрос о переводе дела в суд общей юрисдикции. Но это на крайний случай.

Пока же ситуация явно перетекает в пользу противника.

Не так давно ушёл на пенсию многолетний председатель областного арбитражного суда. Для него, коренного иркутянина, важны и облик города, и мнение земляков. Учитывалось судейским сообществом и всегда беспристрастное мнение другого нашего земляка, работающего в Москве в Высшем арбитражном суде, но любящего свой родной город. Однако за долгое время судов состоялся также и его уход с высокой должности.

В результате расстановка сил, так и хочется эмоционально сказать «добра и зла», резко изменилась не в нашу пользу. Какой климат будет в суде при «новой метле» — большой вопрос. Во всяком случае, как только замаячило в коридорах высокого суда наше дело, при ещё только намечающейся новой расстановке сил, приятельские отношения с одним важным судейским работником были перечёркнуты напрочь. Убеждаюсь уже не в первый раз, что выражения: «Честь имею» или «Дружба дороже денег» — не для

нашей чиновной братии. Продаются, правда, за несоизмеримо меньшие деньги, и расплывчатые формулировки большинства экспертов. Как будто специально для их подкорма назначаются и экспертизы, призванные в очередной раз ответить на вопросы: «Является ли весь объект памятником? Делим он или нет? Каковы границы земельных участков?»

В этой ситуации, когда перечёркивается приятельство, меняются руководители и всё глубже во все сферы чиновного бизнеса врастает коррупция, лучший выход — найти всё-таки с профессиональным, но вполне вменяемым противником и собратом по роду деятельности компромисс, а также заключить, пока не поздно, мировое соглашение.

При этом нам крайне важно хотя бы получить от него встроенную часть здания (48 квадратных метров), снимающую угрозу потери права единоличного пользования двориком и развязывающую нам руки при возможном дворовом строительстве и реконструкции объекта.

Ради этого, пожалуй, предстоит пожертвовать и общим проездом (оставив право бессрочного сервитута) и не препятствовать строительству, заботясь о том, чтобы оно хотя бы выдерживалось в дореволюционном классическом стиле, сохраняющем благостное для наших душ дыхание ушедших поколений, честь и культуру имеющих.

Заключение
Победы и поражения

Итак, с победами и поражениями, с оглушительными налоговыми проверками и с литаврами высоких наград пролетело почти 25 лет с того памятного дня, когда с чековой книжкой в кармане я с новоиспечёнными бизнес-друзьями приземлился в поисках ходового товара на Камчатскую землю.

Сколько бурных и ярких событий произошло за время этой моей, как говорится, второй молодости. Через два года после рождения фирмы, когда я уже стал достаточно известным в родном городе бизнесменом и слегка залечил глубокие раны от потери своего единственного в ту пору одиннадцатилетнего сына, удалось создать новую семью, родились особенно дорогие моему израненному сердцу дети… И вот уже успели вырасти. Перешагнула двадцатилетний юбилей дочь, стали взрослыми сыновья. Из безавтомобильного владельца однокомнатной, выменянной после краха первой семьи, квартиры, до отказа забитой толстыми журналами и старой мебелью, я превратился в известного в родном городе бизнесмена с тысячами квадратных метров торгово-производственных, складских площадей и даже жилья, с полусотней автомобилей, с полуторатысячным коллективом замечательных людей.

Немаловажны и мои диковинные для предпринимателя достижения в духовной сфере. В дополнение к двум книгам по социологии, вышедшим огромным тиражом в Москве на закате социализма, у меня родилось четыре сборника дорогих моему сердцу стихов и два тома книг о несладкой, но страшно притягательной предпринимательской доле. Немало публикаций было в местных литературных журналах «Сибирь», «Иркутский писатель», а также в старейшем всероссийском журнале «Наш современник».

Никогда не забуду, как в первой молодости при социализме радовался я, а следом за мной и маленький сынишка, когда моя фамилия с экономическими статьями впервые появилась в солидных московских журналах «Социалистический труд», «Социологические исследования», в знаменитом новосибирском журнале «ЭКО» («Экономика и организация промышленного производства»).

Но не только автопарком, квадратными метрами и даже книгами отмечены пролетевшие годы. Были ещё музыкально-поэтические вечера в организациях и театрах города, а также

более двадцати популярных, но экзотических для нашего времени телевизионных передач о лучших российских поэтах «Классическая лира». Не обошлось и без тяжёлых потерь. В мир иной ушёл мой главный соратник по первым шагам в бизнесе и особенно по всем культурным начинаниям, замечательный поэт и просветитель, по моим ощущениям, последний в Иркутске аристократ духа — Геннадий Михайлович Гайда. Он был главным вдохновителем и нервом всех поэтических встреч, а также открытия десятков мемориальных досок знаменитым купцам и писателям. Он выбрал для нашего проекта и вдохновлял замечательного скульптора, академика Михаила Переяславца на создание памятника Александру Вампилову. С Геннадием рука об руку начинали мы коллекционирование картин и скульптур, вылившееся в грандиозную коллекцию и в одну из лучших в России Галерею современного искусства, открытую летом 2015 года.

Бизнес же, пусть и самый успешный, как правило, явление преходящее. А достижения в духовной сфере, думаю, на века. Их отпечаток мы обязательно унесём в душе в вечную жизнь.

Далеко не всегда дети и внуки оказываются способны развивать или хотя бы удерживать всё то, что создано отцами и дедами. Особенно маловероятно это в нашей малопредсказуемой стране, погрязшей в коррупции, с постоянно меняющимися правилами игры. Да и нужен ли будет им, прекрасно владеющим иностранными языками, несущим след и российского, и английского образования, мой бизнес областного масштаба? Да и удержится ли он в наложившихся до резонансного всплеска волнах нескольких кризисов? Главный из них — затяжной экономический кризис, который я окрестил как «украинский-мировой». Второй — это кризис моего возраста и жанра деятельности. То, что вдохновляло своей приключенческой сложностью и весомыми материальными дивидендами в сорок лет, то томит своей суетностью и коррупционной безнравственностью сегодня. Тем более что отнимает массу нервов и дорогого времени, которое с большей пользой если не для всего человечества, то хотя бы для души и для братьев по духу, можно потратить на литературное творчество и на галерейную деятельность. Но здесь возникает сложнейший вопрос: как, максимально сохраняя рабочие места и собственный оборотный капитал, свернуть бизнес? Особенно остро этот вопрос встал к лету 2015 года. Эффективность по сравнению с прошлым годом упала в два раза. Фирма оказалась на грани убытков.

В нашем случае охарактеризовать ситуацию можно ёмкой пословицей: «Не до жиру — быть бы живу». До прямых убытков

дело, к счастью, не дошло, но мощнейший кризисный тренд снижения эффективности налицо. Правда, и точка отсчёта убытков — понятие не столь однозначное, как может показаться на первый взгляд. Не случайно экономика относится не к точным, а к общественным наукам. По бухгалтерским документам, хоть и упавшая в два раза по сравнению с прошлым годом, прибыль от торговли всё же пока имеется. Но если при беглом анализе цифр учесть, сколько задействовано собственных торговых и складских площадей, техники и оборотных средств, то вряд ли оставшуюся прибыль можно считать полученной от торговли.

Она не перекрывает доход, который без большого напряжения, без многих сотен рабочих мест, бесконечных взяток и налоговых рисков обеспечит ленивая сдача в аренду торговых площадей.

А если к этому прибавить ещё высвободившиеся оборотные средства, на которые в надёжных банках можно получить 6–8 % годового дохода в рублях или 2,5–4 % в валюте, то наша торговая деятельность, балансирующая в этом году на грани убытков, представляется особенно бессмысленной.

Поэтому пришлось более настойчиво вести переговоры с потенциальным покупателем бизнеса, благо что в кризисной ситуации нашёлся хотя бы один желающий. Он, так же как и я, — хозяин похожего на мой бизнеса в нашем городе, ему сорок лет. Поскольку потенциальный покупатель всего один, а это всегда ненадёжно, приходится обдумывать и вариант простого сворачивания бизнеса. Но упаси Господи, если дело дойдёт до этого. Экономически большой вопрос — какой вариант окажется выгодней. При сильной рознице оптовое направление, пожалуй, можно закрыть без катастрофических убытков, а то ещё и с прибылью. При резком росте курса доллара наши огромные запасы импортного алкоголя становятся выгодны, так как значительная часть продукции закупалась ещё при старом курсе, по существенно более низким ценам, чем сегодня, и благодаря этому у розницы есть дополнительный шанс прибыльной работы в течение полутора-двух лет. Но, увы, есть немало и подводных камней. Запасы отдельных позиций при розничной реализации таковы, что будут продаваться годами, а за это время может пострадать внешний вид, а где-то и качество. Но главное, в сентябре будущего года по чьей-то блажи станут недействительными сегодняшние акцизные марки; непроданная продукция, строго говоря, будет подлежать уничтожению, а это убытки на многие миллионы рублей, существенно превышающие возможные потери от сохранения на какое-то время неэффективной оптовой торговли.

В общем, всё как в русской народной сказке: направо пойдёшь — в пропасть попадёшь, а налево — Змей Горыныч сожжёт своим огненным ветром. Но самое главное — сворачивать бизнес страшно потому, что очень многие люди, ставшие за десяток и более лет почти родными, останутся без привычной, а для многих ещё и любимой работы, а также и без родного коллектива. Для многих, особенно тех, кто в возрасте, это может стать настоящей трагедией. Я ещё хорошо помню искалеченные варварской перестройкой судьбы работников предприятий, когда государство нагло не оплачивало даже произведённую по оборонному госзаказу продукцию, и рабочие, если бы не картошка и дачное подспорье, буквально голодали бы, как в войну.

Такого беспредела у себя я, конечно, не допущу. За 25 лет не было ни одного случая заметной задержки с выплатой зарплаты. Но всё же крайне важно, чтобы сделка по продаже бизнеса на приемлемых условиях обязательно состоялась.

Впервые за всю мою производственную жизнь — при социализме на промышленных предприятиях и в собственной фирме — мои интересы фактически не совпадают с интересами всего коллектива и даже ближайшего окружения. Всем в надежде — авось рассосется — выгодно максимально оттягивать время крутых изменений. Даже при удачной продаже бизнеса некоторая часть коллектива всё же либо останется без работы, либо потеряет в статусе и зарплате. У покупателя есть свои руководители и менеджеры. Присоединение аналогичного бизнеса, как ни крути, а к некоторому сокращению штата обязательно приведёт. Кроме огромных моральных издержек за сокращение ещё и следует немало платить. Два месяца после предупреждения работник по закону не может быть уволен, а затем средняя зарплата выплачивается ещё два месяца, если он официально безработный. Но большинство организаций заинтересовано в неофициальной работе персонала, поэтому можно не сомневаться в большом объёме издержек по этой статье. Коллективу в принципе выгодно, чтобы собственник брал под залог имущества всё новые и новые кредиты. Никого не затрагивает и то обстоятельство, что при убыточной работе, как весенний снег, начнут таять оборотные средства предприятия, которые являются наработанной за десятки лет собственностью только хозяина фирмы. Но всё же как страшно и отвратительно резать по живому собственный бизнес! С другой стороны, наученный горьким опытом других, я понимаю, что делать это нужно, пока мощный маховик фирмы не пошёл крутиться вразнос, сметая оборотные средства и ведя к настоящему

банкротству и потере всего и вся. По своим поручительствам собственник и только собственник отвечает не только уставным капиталом и имуществом своих фирм, но и всем, подчёркиваю, всем личным имуществом и всеми вкладами в любых банках — и российских, и зарубежных. Действенный способ выколачивания таких долгов кредиторами — угроза тюрьмы, хотя напрямую такой суровой статьи и нет. Но у нас — был бы человек, статья найдётся.

И всё же делать шаг к закрытию бизнеса или даже какой-то его значительной части сверхсложно — везде слишком сильно затрагиваются интересы верящих тебе сотен людей, в том числе и ближайших помощников, с кем, как говорится, съеден не один пуд соли. Парадокс ситуации ещё и в том, что именно ближайшему окружению необходимо готовить огромный пакет договорных документов, актов сверок, ведомостей инвентаризации и т. д.

Родственников и членов семьи среди них в моём случае нет. Хорошо хоть, что речь идёт не обо всём бизнесе, и у многих из ближайшего окружения есть шанс остаться в усеченной фирме. Кроме того, высокая квалификация помощников позволяет надеяться на хорошее место и при новом собственнике.

В разгар переговорного процесса, когда для кредитования сделки подключился банк, вдруг мои экономисты докладывают, что результаты июня получились весьма обнадёживающие по объёмам реализации, а главное, по доходам.

Беспрецедентный рост продаж в декабре четырнадцатого года вполне объясним. Все панически ожидали стремительного роста цен и, следовательно, воровского, как уже было не раз, обесценивания сбережений. Но сейчас? Неужели новый рост валюты опять стимулирует траты нашего запасливого народа? Кто знает, сколько валюты припрятано в ставших вдруг острым дефицитом банковских ячейках или же в банках, закопанных где-либо на дачном участке или в гаражной яме для хранения картошки. Неужели снова накатывает волна потребительского бума? Тогда должны расти и продажи предметов длительного пользования, включая жильё. Но увы. Рост наблюдается только на продовольственном фронте и в сфере общественного питания. Остаётся предположить, что очередной виток кризиса, стартовавший летним ростом курса валюты и падением цен на нефть, всколыхнул хорошо описанную Ф. Достоевским русскую бесшабашность народа, вырождающегося, по моим ощущениям, до уровня электората. Может быть, народ загулял с горя на последние или на предпоследние сбережения? Но вряд ли ещё жива в русском человеке лихая бесшабашность, которая была

присуща ему многие века.

Ох, как бы хотелось, чтоб наступил действительно перелом. Но думаю, что нашей «ручной» коррупционной экономике может помочь лишь чудо. Хотя за десятки лет работы я точно знаю, что экономика и финансы — не область Господних забот и здесь чудес не бывает. В чём же тогда дело, что мне сказать ближайшему окружению, которое радо успеху, как дети, и с огромной нескрываемой надеждой смотрит в глаза? Ох, как не хочется их расстраивать, ведь в хорошем результате сказались и их усилия, среди которых добровольное уменьшение на 10 % их собственной зарплаты, а также на 5–10 % зарплаты их подчинённых. Среди антикризисных мер — и приглашение нового директора всего розничного направления из самой крепкой в Иркутске фирмы с хорошо обученным персоналом. Привыкший сомневаться и быть недоверчивым, я вдруг подумал: а, что, если ближайшее окружение подтасовало цифры в собственных интересах — без помощи аудиторов и проверить-то невозможно? Но, к счастью, я всё же уверен, что обман исключён. Слишком уж у нас уважительные и добрые отношения с главным экономистом-финансистом и её окружением. В фирму она пришла молодым специалистом более 15 лет назад, выросла в ней, данную должность заняла около года назад. За предыдущего начальника, уволенного в канун кризиса за покупку огромной партии некачественного алкоголя, да ещё и по существенно завышенным относительно рынка ценам, я бы ни за что не поручился. Вскоре уволился и один из его ближайших помощников. Это единственное ЧП в верхнем эшелоне за последние лет пятнадцать.

О кристальной честности новых руководителей свидетельствует следующий уникальный факт: «откат» в размере 3 %, предложенный поставщиками, они зачислили на кредитную карту одной из надёжных сотрудниц и весь до копейки передали в фонд фирмы. Уверен, что в ближайшее время посыплются «верхушки» и от других поставщиков, которые наверняка оседали в карманах уволенных вороватых предшественников. Особенно лихо, как выяснилось, поставщиками стимулируются досрочные оплаты поставленного нам товара.

Но вернёмся к «чуду» с резким ростом эффективности в июне этого года.

К разгадке «чуда» привела поездка на Байкал. Все гостиницы и турбазы в этом году забиты под завязку, кругом множество палаток. В прошлом такого бума не наблюдалось. Причина проста. Кризис спровоцировал рост «рублёвого отдыха» на Родине. По данным, которые несложно найти, поток туристов в

Иркутск и особенно на Байкал возрос более чем в два раза. Этим и только этим, увы, объясняется временный всплеск продаж. Кончится лето, и ситуация в фирме станет наверняка ещё более суровой, чем весной. Правда, показатели должен будет напоследок подтянуть бум новогодних продаж.

У читателей не может не возникнуть вопрос: почему даже в кризис кому-то интересно приобретение нашего бизнеса? Дело в нюансах. С покупателем мы схожи тем, что имеем в своей структуре небольшие супермаркеты, больше похожие на магазины у дома, а также винно-водочную оптовую торговлю.

Но есть и принципиальные отличия. Мы сами импортируем продукцию от производителей из множества зарубежных стран, у нас значительно больше прямых контрактов от федеральных поставщиков. И то и другое обеспечивает нам существенно больший уровень наценки. Но наш ассортимент раза в два-три шире, чем у всех иркутских конкурентов (3400 позиций), особенно велика у нас доля дорогой элитной продукции. Оба эти фактора приводят к тому, что оборачиваемость запасов составляет у нас в среднем пять месяцев, у покупателя же чуть больше двух. Кризис бьёт в первую очередь именно по снижению продаж дорогой импортной продукции, на которой много лет специализировалась наша фирма. Ещё недавно широкий ассортимент и элитарность продукции являлись преимуществом, позволяющим побеждать конкурентов и удерживать большую часть поставок в рестораны и кафе города. Теперь же это обстоятельство отпугивает потенциальных покупателей бизнеса от столь решительного шага. Тем более что при этом требуется не одна сотня миллионов рублей кредитных ресурсов. Остатки продукции на складской базе и более чем в сорока магазинах стоят немало. В то же время кредитный процент, возросший в 1,5–2 раза, весьма кусается. Страшновато также потенциальным покупателям одним махом человек на 600–700 увеличивать коллектив, а кроме того, начинать разом платить аренду за десятки магазинов и складов.

Но есть для покупателя и очевидные плюсы. С ростом объёмов резко снижаются и немалые условно постоянные расходы на содержание управленческого аппарата, охрану, основной персонал. Поднимется и авторитет фирмы в глазах поставщиков, а это усиление конкурентных преимуществ в борьбе за всё новые и новые федеральные контракты. Спрашивается, почему же эти плюсы не очень интересны нам и мы сами аналогично не боремся в кризис за приобретение чьего-либо бизнеса и, более того, думаем избавиться от своего?

Увы, исторически, с первых шагов рождения фирмы у нас

формировался организм, который со временем оказался менее устойчив к современным экономическим потрясениям.

Изначально наша фирма ориентировалась на связи с крупными московскими и СНГэвскими поставщиками и всегда вела солидную самостоятельную игру на собственные средства и арендовала транспорт на дальние перевозки. Фирма же покупателя рождалась на более простой основе — на транспортных услугах, и поначалу, не вкладывая средств, да их и не было, главным образом, развозила товар местных производителей, например, пивников, и если продавала его, то с очень небольшой наценкой, по ценам, диктуемым хозяевами продукции. Но со временем к пиву добавилась «Пепси-кола» и некоторые другие федеральные брэнды. При этом у них родилась достаточно разветвлённая сеть потребителей продукции по всей области и своё мощное транспортное предприятие. Мы же всегда сами закупали товар, на свои кровные оборотные средства, а значит, и сами устанавливали цены продаж. Долгое время наша деятельность была как бы более квалифицированной и самостоятельной, а их — по алгоритмам и ценам поставщиков. Но никто не запрещал фирме потенциального покупателя постепенно входить в винный бизнес, что они и сделали. Продукцию они приобретают большей частью не у официальных представителей, т. к. держателями многих контрактов выступаем мы, а на так называемых перетоках, соответственно, по более высоким ценам. Но зато наличие отработанной на пиве, «Пепси-коле», а позже и на байкальской воде транспортно-складской логистики со складами в различных городах позволяет им расширять и расширять ассортимент как собственной торговли, так и развозимых грузов вплоть, например, до бытовой химии. Наши же бизнес-интересы замыкаются, в основном, на монопродукте и на самом областном центре, а также близко прилегающих городах: Ангарске, Усолье-Сибирском, Шелехове, Черемхово и др. Проще им контролировать и оплату продукции потребителями, что особенно важно в кризис. Поскольку пиво и «Пепси» — товары быстроуходимые, то магазинам необходимо их постоянно пополнять, а значит, оплачивать и прочую продукцию поставщиков, в том числе алкоголь. С нами же можно играть, срывая сроки оплаты. Алкоголь оборачивается медленно, да и линейка его весьма широкая. Отсутствие каких-то позиций алкоголя для магазинов не беда. А вот без «Пепси» и пива не поработаешь. Водку же, особенно дешёвую, со сдвоенной маркой поставляем и вовсе не мы, а несколько «хитрых» фирм, имеющих надёжные «крыши». В то же время фальшивого пива и «Пепси-колы» пока нет, так как акцизные налоги не украдёшь — они

отсутствуют.

Не особенно страшит нашего возможного покупателя и развитие федеральных сетей типа вошедших в Иркутск «Метро» и федерального «О'кей». Хоть они и оттягивают торговлю, но, с другой стороны, для транспортных компаний они выступают крупнейшими заказчиками перевозок.

Основательно «посадить» весь винный бизнес может только нашествие такой мощной федеральной сети, как «Красное&Белое». Но, во-первых, их поход к нам в ближайшие годы не запланирован, а во-вторых, угрожать они могут в основном Иркутску, область же, где у нашего партнёра достаточно сильные позиции, велика. Всё это и стимулирует молодого партнёра на проведение сделки. Но если говорить честно, он может и проиграть — кредит дорогой, а кризис непредсказуем. Не исключено, что через год-два страна скатится снова к водке, пиву и самым дешёвым винам российского производства.

Очень сложно найти покупателя и заключить под гарантию банка сделку, но, как выяснилось, ещё сложней продавцу официально вывести из дела полученные средства с тем, чтобы они приносили проценты на вклады, либо играть ими на рынке ценных бумаг, а может быть, использовать на развитие бизнеса за рубежом в более предсказуемой обстановке.

В России, да, пожалуй, и в мире, если ты достаточно богат, то несложно приобрести любую крупную компанию, акции которой имеют признанную рынком биржевую стоимость. Покупаешь контрольный пакет акций, и компания твоя. При этом продавец платил с дохода 9 %, а с этого года 13 % подоходного налога, и никакой мороки. Иное дело — средний бизнес. Методик его оценки и технологий продаж нет и в помине. Если учесть, что запасы продукции измеряются весьма немалой для периферийного бизнеса суммой в несколько сот миллионов рублей, то значимость сделки для меня весьма внушительна.

Казалось бы, сложностей с официальной продажей остатков нет никаких. Фирма получила деньги, а затем перевела их на расчётный счёт владельца. Далее уплати или оторви от сердца 13 % подоходного налога, а это десятки миллионов рублей, и, как призывает плакат, можно «спать спокойно». Проще, казалось бы, не бывает. Но! Уставной капитал розничных фирм — всего несколько сот тысяч рублей, а оптовой фирмы — требуемые по закону десять миллионов. И только эти деньги могут напрямую попасть владельцу. Остальные же сотни миллионов средств за остатки продукции — собственность, оказывается, не владельца, то есть не моя, а моих предприятий. Как здесь не вспомнить

средневековую поговорку: «Вассал моего вассала — не мой вассал». Каким образом деньги за остатки продукции попадут к единоличному учредителю фирмы — оказывается, огромный вопрос. Основную сумму покупатель должен выплатить не учредителю, а его фирмам, на которых товар и основные средства.

Если товар продать практически без наценки, то ни налога на прибыль, ни НДС не возникает, а на расчётном счёте фирм разом появится огромная сумма. Но радоваться рано. Использовать её для закупа нового товара и для развития бизнеса — никаких сложностей. Что же делать при сворачивании бизнеса? И вот здесь-то и загорается сигнал «стоп». Изъять из оборота пришедшую сумму денег в качестве дивидендов, уплатив подоходный налог, по закону нельзя, так как средства за товар не являются прибылью. Очевидно, что законно получить деньги можно только в форме зарплаты, а это 43 % пенсионного и прочих социальных налогов, да плюс 13 % подоходного, итого более 56 % суммарного налога. Ситуация, в общем-то, абсурдная. Десятки лет работы на то, чтобы чуть ли не 60 % накопленных оборотных средств ушло на налоги. Ну а что, если полученные фирмой запасы продукции или деньги направить на увеличение уставного капитала? Фирма частная, хозяин один, уставной капитал, казалось бы, становится его собственностью, а раз так, значит, хозяин может его получить хотя бы в качестве дивиденда. Оказывается, не может. Те средства, которые в уставной капитал внесла фирма, остаются собственностью фирмы, а не её хозяина, и могут быть возвращены только на расчётный счёт опять же фирмы. Поэтому многие хозяева фирм, не найдя законных вариантов выплаты себе дивидендов при продаже бизнеса, идут на грубые нарушения и пользуются услугами так называемых фирм-однодневок. Средства перечисляются на такие фирмы якобы за оплату товара, но на самом деле тайно обналичиваются за 3–5 %, которые платятся отнюдь не государству. Тринадцать процентов с дивидендов — это не шестьдесят процентов. Многие, я думаю, согласились бы уплатить подоходный налог государству, не рискуя связываться при этом с преступными и не всегда надёжными однодневками. Ненадёжность этих фирм проистекает из их преступной сути и из того обстоятельства, что между перечислением денег за мнимый товар и их получением наличными проходит какое-то время, пусть даже несколько часов. Но и в это время фирму могут накрыть правоохранительные органы или бандиты. Обналичкой занимаются фирмы-пустышки, и отвечать им в случае неприятностей нечем. Кроме того, нередко это серьёзно крышуемые фирмы, а значит, им ничего не стоит

разыграть спектакль с наездом бандитов или силовиков. Выступая в данном случае в роли незабвенного Корейки из «Золотого телёнка», жаловаться не пойдёшь. Поиск вариантов показал, что только возвращение займа учредителю, как, впрочем, и любому другому лицу, может спасти от государственного рэкета большую часть средств. Фирма действительно имеет передо мной немалые долги. С возврата средств, естественно, не платятся и налоги. Могут ли бухгалтеры заблаговременно насочинять займов, бесконечно гоняя по счетам какую-либо «упорно вносимую» раз за разом учредителем сумму? Думаю, что опытному бухгалтеру это под силу. Но в моём случае займы за счёт официально проданной недвижимости с десятками миллионов рублей уплаченного налога действительно были. Кроме того, с пришедших на предприятие средств можно погасить и немалые кредиты, где я выступаю поручителем.

Всесторонние размышления на тему продажи моего среднего, но достаточно крупного бизнеса выявляют такое количество «рогаток» и «капканов» со стороны возможных покупателей и налоговиков, да ещё в сочетании с бедой для родного коллектива, что невольно настраиваешься на необходимость всеми силами бороться за выживание «Дела», серьёзно оптимизируя при этом структуру бизнеса.